

पानु

रत्नपानु

Оглавление

I Бегума в Москве	8
1 Серая киска	9
2 Рассказ Ясмینی	12
3 Садху Пунджи	19
4 За покупками	22
5 В Нескучном Саду	25
6 Вербовка	30
7 Дженнифер	34
8 Уроки верховой езды	39
II Как это было	44
9 Заговор	46
10 Контр-заговор	49
11 Тайная прогулка по Дели	53
12 Взятие Джайпура	59

III Английские визиты	66
13 Элен де Буань	68
14 Дым над портсмутскими доками	74
15 Храм Муз	81
16 Специалист по типографике	83
17 Завтрак у Алхимика	85
18 Корнуольский механик	89
19 Лунное общество	94
20 Наместник Ирландии	98
21 Глазго, XXI век	104
IV Возвращение Ясмینی	109
22 Прибытие в Лахор	110
23 Дженнифер	116
24 Несостоявшаяся битва	121
25 Празднование победы	124
26 Возвращение на трон	131
27 План Дженнифер	141
28 Демонстрация	147
V Аудская кампания	151
29 Военный совет	152
30 «Черепаша»	156

31 Реформы	158
32 Телеграф	161
33 Интерлюдия	163
34 Дом алхимика	166
35 Брат Ясины	170
36 Драконья долина	178
37 Дракони́й Совет	183
38 Аудское восстание	187
39 Яшвант Рао Холкар	193
40 Бенарес	198
41 Битва под Бенаресом	204
42 Патна	213
43 Интерлюдия	219
44 Металлический завод	222
45 Попаданцы	226
VI Империя показывает зубы	234
46 Гвалиор должен быть взят	235
47 Паровой автомобиль	239
48 Ткачи	243
49 Письмо в Лондон	245
50 Королевская лаборатория артиллерийских снарядов	251

51 Письмо с фронта	255
52 Испытание	258
53 Шевалье Дурденек	262
54 Ян Хессинг в Дели	265
55 Поход в XXI век	269
56 Майсурский флот	273
57 Кофе по-лахорски	281
58 Знак дракона	283
59 Судьба храма Кали	287
60 Посольство в Нагпур	292
61 Воздушный шар	299
62 Драконы-наблюдатели	302
VII Нагпурская кампания.	305
63 Начало кампании	306
64 Разгром храма Кали	308
65 Северная армия	314
66 Битва за Нагпур	319
67 Гуру	325
68 Лошадь для визиря	329
69 Кораблестроители	334
70 Урок латыни	338

71 Английское посольство	342
72 Письмо из Индии	359
73 Свет с востока	362
VIII Большая игра	364
74 Большая Игра в 6 рук	365
75 Кулибин	371
76 Свадьба в Бомбее	374
77 Пираты	378
78 Мост Танцовщицы	382
79 Пираты Кахтиявара	389
80 Моран и Тоска	392
81 Битва в устье Инда	394
82 Аэроплан	400
83 Датские деньги	406
84 Тайная аудиенция	409
85 Бросок в Катакку	413
86 Русское посольство	418
IX Гуджартаская кампания	421
87 Полет через субконтинент	422
88 Штурма не будет	424
89 Броненосец	427

X Империя выходит в океан	430
90 Типуабат	431
91 Два будущих фельдмаршала	439
92 Негодник	442
93 Уатт и Конгресс	445
94 Поездка в Индию	450
95 Ящик электрозапалов	456
96 Возвращение Кутузова	460
97 Оборона Капштатда	463
98 Фрегат «Хольгер Данске»	473
99 Каникулы Кришнараджи Водейяра	475
10 60000 тонн железа	483
10 Копенгаген, ракеты и броня	491
10 Дели-Лондон	495
10 Наш ответ Глуару	507
10 Битва при Дувре	509
10 Выборы Императора	512
10 Визит в Стамбул	515
XI Дойти до мыса Коморин	520
10 Над всей Империей безоблачное небо	521

Часть I

Бегума в Москве

Глава 1

Серая киска

24 июня 2003 г, Москва

Возвращаясь вечером с работы, я прохожу мимо ряда железных гаражей, оставшихся ещё с советских времён. Между ними местами выросли огромные деревья. Забора с вахтёром или стаи бродячих собак тут нет, но иногда мелькают такие забавные сценки из птичьей и кошачьей жизни, что стоит приглядываться и прислушиваться.

В этот раз я, идя мимо гаражей, услышал короткий жалобный взмак. Как будто кошка старается всеми силами не выдать своего присутствия, но не может удержаться и промолчать.

Я пригляделся. В узкой, только просунуть руку, щели между двумя железными стенками, блестели зелёные глаза. Я протянул туда руку, животное попыталось увернуться, но не смогло и было схвачено за шкирку.

Это была небольшая серая гладкошёрстная кошечка.

И тут я увидел, что передние лапы у кошки связаны алюминиевой проволокой. В тщетных попытках освободиться, зверюшка стерла себе шкуру до крови.

Я вытащил из сумки мультитул и перекусил проволоку. Впрочем, снимать путы с распухших и окровавленных лап надо не на весу и не в темноте.

— Придётся мне тебя, киса, домой нести.

Дома я положил на стол газету, вооружился бокорезами, ватой и перекисью водорода и освободил и промыл ла-

пы. Удивительное существо не сопротивлялось, не пыталась впиться в меня клыками или когтями свободных задних лап, только жалобно мяукало, когда я по неуклюжести причинял ей боль.

Промыв раны на лапах, я отвернулся, чтобы убрать лекарство в ящик буфета, и вдруг услышал какой-то странный звук. Это не был прыжок мягких лап со стола, это не было падение. Но что-то похожее.

Я повернулся обратно к столу, и был вынужден, чтобы не упасть, облокотиться о буфет.

Вместо кошки на столе сидела девушка. Смуглая, черноволосая, невысокая. Одежды на ней было ровно столько, сколько за секунду до того на кошке, то есть ничего.

— I thought thee is going to wash me with a soap, — произнесла она оправдывающимся голосом. — You in your twenty first century are particularly obsessed with hygiene. And I prefer to take bath in the human shape.

— Oops, — только и мог промолвить я. Потом немного собрался с силами. — Are you a werecat?

— No. I've more shapes than just these two. Really I'm a dragon.

Я был готов уже поверить во всё что угодно:

— Would you show me your true shape.

— Not here, — махнула рукой она. — There is not enough room to fit my dragon shape.

— Ok. Do you know how to use shower and water tap?

— Oh, thee follow this strange politeness of ferengi and pretend that there are many of me? I'm not quite sure that I know how to deal with your strange bathing equipment.

— There are at least two of you — girl and a little gray cat, — усмехнулся я, и повёл её в ванну показывать как пользоваться водопроводными кранами и душем. — You may use this towel. Do you need some clothes?

— Indeed. It's quite cool here.

Мне потребовалось некоторое мысленное усилие, чтобы вспомнить чтобы у слова cool есть основное значение — прохладный.

Пока она мылась, я судорожно соображал, что бы ей предложить в качестве одежды. Можно попытаться порыться у сестры в шкафу, хотя та на полголовы выше. Но

она вряд ли оценит подобную вольность. Моя одежда тем более не подойдет. Я выше гости сантиметров на 30.

В конце концов я остановился на тельняшке, которая села и перестала на меня налезать. На девушке ростом от силы в метр пятьдесят, тельняшка моего размера будет выглядеть как достаточно скромное платье. Пожалуй, даже ниже колен. Впрочем стеснительности у неё что-то не слишком заметно.

Глава 2

Рассказ Ясмینی

24 июня 2003, Москва

— Ну, рассказывай, — сказал я, налив ей чаю, — откуда ты такая тут взялась, и кто тебя так обижал.

— Я из параллельного мира, — начала она. Я задумался. Слово «parallel» звучало в её речи каким-то диссонансом. Тем временем, она продолжала. — Ваш мир драконы посещают довольно редко, и уж во всяком случае здесь не селятся. Я вообще-то сюда пришла поучиться. Наш мир очень похож на то, чем ваш был два века назад.

Меня зовут Ясмина.

Но стоило мне появиться в вашем мире, и принять кошачий облик, как на меня напал садху Пунджу. Он очень продвинутый йогин из нашего мира, который по каким-то причинам часто бывает здесь и имеет здесь какое-то положение в обществе. У него тут даже дом есть, вернее ячейка в несколько комнат в огромном доме, ну примерно как у тебя.

Но как можно было так угадать? Ведь я уходила из своего мира, спасаясь от погони, и прыгнула куда попало. Я вообще собиралась попасть в Англию вашего мира, а оказалась... Где, кстати я оказалась?

— В России, в Москве, — пояснил я. — Меня кстати, зовут Рихард Беринг.

— Понятно. Та же широта, но около 40¹ градусов дол-

¹на самом деле 42°

готы на восток. Значит, примерно на час с минутами раньше времени прыгнула. Но как они сумели подогнать настолько точно... — она поёжилась, видимо, вспоминая что-то неприятное. В общем, вот я здесь. У меня был мешочек драгоценностей, которые я планировала использовать, и рекомендательное письмо к одному человеку в Глазго. И то, и другое захватил этот жуткий старик.

— А зачем он связал тебя алюминиевой проволокой?

— Чтобы форму не поменяла. Этот белый металл, который ты называешь алюминием, блокирует изменение формы. Ты заметил, я смогла принять человеческий вид только после того, как ты промыл те места, которые были натёрты этой гадостью, и смыл её с моей шкуры. Он же садху, он не может собственноручно лишать жизни живое существо. Вот он подождал бы 12 часов, пока проход между мирами не открылся опять, и сдал бы меня тем, кто за мной гнался в том мире. Они кшатрии, им можно.

— Странно, что он при этом бросил тебя на улице. Посадил бы в клетку и унёс домой, и я бы не смог тебе помочь.

— Он так и сделал, — опять поморщилась она. — просто не рассчитывал, что я смогу со связанными лапами залезть на подоконник и выброситься в форточку. Ну вот зачем вы строите такие высокие дома? Больно с пятого этажа падать.

— А за что они тебя так не любят.

— Есть за что. Много-много лет назад мой отец связался с неким человеческим государством. Вообще-то драконы редко вмешиваются в человеческие дела. Но когда-то давно, лет 70 назад, папа в очередной раз поругался с мамой, и решил отправиться погулять среди людей.

Он устроился в армию к Мохаммед-Шаху и дослужился там до командования довольно крупным подразделением. И тут на королевство Мохаммед-Шаха напал правитель соседнего государства Надир-Шах. Там была довольно тёмная история с любимой наложницей Мохаммед-Шаха Удам Баи, которая хотела проиграть войну, чтобы в качестве выкупа отдать Надир-Шаху дочь Мохаммед-Шаха от старшей жены, Джахан Афруз. Но мой папа не хотел проигрывать войну и терять своих людей. В результате шах выдал Джахан Афруз за удачливого полководца. А Удам Баи через

несколько лет после победы куда-то исчезла. Её сын, единственный наследник, через несколько лет погиб на войне с раджпутами, и после смерти Мохаммед-Шаха на трон села Джахан Афруз вместе со своим мужем, то есть моим отцом.

Драконы вообще-то живут много дольше людей. Поэтому к тому моменту, когда умерла Джахан Афруз, отец и не состарился. Потом он как-то помирился с мамой, и та даже отложила от него кладку. Но лет пять назад он ухитрился заболеть чахоткой. Обычно человеческие болезни драконам не страшны, но есть несколько исключений. Чахотка — одно из них. Когда он понял, что вылечиться ему не удастся, он прилетел в Драконью Долину, и стал звать кого-то из своих детей сменить его на троне. Конечно, лучше бы был кто-нибудь из братьев. Но им было совершенно не интересно возиться с человеческими делами.

В общем, из всей кладки согласилась только я.

Он забрал меня в Дели и его придворные пять лет воспитывали меня как положено воспитывать могольскую принцессу.

Месяц назад он умер, поручив меня своему верному визиру Мирзе Наджафу. Но старая знать подготовила заговор, который мы с ним прошляпили.

Когда заговорщики ворвались во дворец, я хотела превратиться в дракона и унести Наджафа в безопасное место, но перед нашими окнами они разместили плутонг стрелков со штуцерами. Поэтому мне пришлось уходить в облике кошки, а он остался прикрывать мой отход и был зарублен.

Увидев, что Наджаф погиб, я испугалась. Поэтому, убежав от дворца на полмили, обернулась драконом и полетела к единственному оставшемуся человеку, которому могла доверять полностью — Ранджиту Сингху в Гуджранвалу. Это больше 300 миль от Дели. Я летела всю ночь и долетела только на рассвете.

Это, конечно, было ошибкой. Если бы я начала искать верных людей в Дели, я бы, может быть, подавила мятеж в ту же ночь. А так время было упущено. У Ранджита Сингха были верные войска, да вообще весь Пенджаб бы по его и моему слову поднялся на узурпатора. Но это время. Даже коннице идти от Гуджранвалы до Дели неделю. Еще есть созданная Мирзой Наджафом новая армия. Она тогда сто-

яла под Джайпуром. Это гораздо ближе. Всего три дневных перехода конницы.

Но в этой армии я более-менее знаю только Николая-сердара, командующего артиллерией, он меня учил французскому языку.

В общем, получилось так, что пришлось готовить поход на узурпатора. В начальной стадии я поучаствовала, потому что на драконьих крыльях я могу доставлять сообщения гораздо быстрее, чем всадник. А потом мне было лучше исчезнуть на пару месяцев. Можно было бы просто пожить в Драконьей Долине. Но я узнала, что существует мир, очень похожий на мой, но на 200 лет позже, и решила сходить поучиться.

— Вот ты говоришь, что ты из себя вся законная наследница, а они — узурпаторы. А что говорят они?

— Ну понятно что. Что 70 лет назад пришлый дракон хитростью завоевал доверие Мохаммед-шаха, получил в жены его дочь, подставил в бою с раджпутами законного наследника и влез на трон под именем Аздахак-Шах, что в переводе значит Король-Дракон.

Темными ночами он вылезал на крышу своего дворца и разминал свои жуткие крылья, летая кругами над столицей.

Он был жутким тираном, кое-кого из представителей древних аристократических родов казнил. Величайшего поэта Империи, Низама, изгнал из своих владений. Привечал безбожников-сикхов. Свою родную дочь и единственную наследницу отправил воспитываться куда-то в глушь, в дикие горы.

Визирем при нём был безродный выходец из Персии Мирза Наджаф-Хан. Он был жутким развратником. Ни одна девушка не могла надеяться на придворную карьеру, не побывав его любовницей. Незадолго до смерти Аздахак-Шаха этот визирь совратил даже наследницу.

Когда наследники старой династии совершили после смерти Дракона переворот, они визиря убили, а наследницу пожалели и изгнали.

— И что из этого правда?

— А почти всё. Откровенная ложь это только что они меня изгнали. Они были готовы убить меня в человеческом

облике, они подготовились к тому, что я попытаюсь улететь в облике дракона, но что я могу превратиться в маленькую серую кошку и уйти незаметно кустами, они не предусмотрели.

Ну и насчет моих отношений с Мирзой Наджафом они просто не могли знать правды. Это не он меня совратил, он был слишком верен нам с отцом, чтобы предпринять какие-то действия. Это я его соблазнила. Я наслушалась рассказов моих фрейлин какой-де он нежный любовник и лучший в Дели знаток камасутры, и решила что поучиться у него науке любви интересно, да и к тому же подумала, что привязать к себе визиря, имеющего реальную власть, в преддверии неизбежной смерти отца, ещё и таким способом, будет не лишне.

Кстати этот самый изгнанный поэт был одним из вдохновителей заговора. Так что если я сумею победить, я его казнь. А папа проявил недопустимую доброту, всего лишь изгнав его.

— А что ты будешь делать теперь?

— Надо бы заняться тем, для чего я сюда пришла — изучать достижения вашего мира. Но как это сделать теперь? У меня нет никаких ценностей, я попала в страну, где говорят на языке, которого я не знаю. Насколько я знаю, в вашем мире можно добраться на другой конец мира за несколько часов, но надо иметь специальную бумагу от правительства, иначе тебя никуда не пустят. А здесь у вас, наверное, не так просто найти литературу на понятном мне языке.

— А какие языки ты знаешь? — поинтересовался я.

— Ну, как ты мог заметить — английский. Французский — намного хуже. Урду, это основной язык в Дели, хинди, это примерно то же самое, только письменность санскритская, а не арабская. Санскрит я, впрочем не то чтобы хорошо знаю. Читать могу, а говорить на нем у нас почти никто не говорит. Фарси, естественно. Это придворный язык, язык поэзии. Ну пенджаби ещё, хотя признаваться в знании этого языка благородной девице как бы и неприлично. Латынь совсем чуть-чуть. Отец хотел мне дать в том числе и европейское образование, а оно было бы неполноценным без Горация и Вергилия. Вообще-то я еще и ма-

ратхи понимаю, потому что это такой испорченный санскрит.

Я задумался. Конечно, английской и французской литературы в Москве полно. Вон у меня на полках и то стоит куча англоязычной специальной литературы. А есть еще Иностранка. Но как записать туда девушку, не имеющую никаких документов?

Но тут мой взгляд упал на стоящий на столе монитор компьютера.

— Вообще-то у нас есть такая штука как интернет. Вот там можно добывать информацию без всяких границ. И информации на английском языке там гораздо больше, чем на русском, поскольку родилась эта штука в североамериканских Соединенных Штатах.

К моему удивлению, Ясмине потребовалось буквально полчаса, чтобы освоиться с веб-браузером и она начала что-то активно искать.

— Надо же, этот нахал станет премьер-министром! — внезапно воскликнула она.

— Это ты про кого? — поднял глаза от своего экрана. Я тем временем разложил на журнальном столике ноутбук, протянул к нему эзернетовский шнур и организовал себе импровизированное рабочее место.

— Про Артура Уэлсли. Вот тут написано: герцог Веллингтон, фельдмаршал, премьер-министр с 1828 по 1830.

— Ты с ним знакома? — удивился я.

— Прекрасно бы без этого обошлась, — надула губы Ясмينا. — Тоже мне, полковник. Сдаётся мне, полковничий патент он купил. Его братья, что старший, который генерал-губернатор Ост-Индской Компании, что младший, который у старшего секретарём, куда более симпатичные и воспитанные. А этот думает, что если у девушки смуглая кожа, то с ней можно обращаться как с метельщицей улиц. Как папа тогда войну англичанам не объявил.

Ясмина замолчала и вернулась к просмотру информации. Ещё через некоторое время она откинулась на спинку стула и вздохнула:

— Голова идет кругом. Столько всего и совершенно бессистемно. Половины слов не понимаю. Мне бы какого-нибудь преподавателя, чтобы более-менее сориентировал ме-

ня что именно читать чтобы узнать то, чему вы научились за последние 200 лет. Слушай, у вас тут этот ваш интернет позволяет писать письма другим людям?

— Как ты догадалась? — я аж развернулся в её сторону от удивления.

— Ну если можно писать книги, значит должно быть можно и письма. Это же очевидно, — удивилась она моей непонятливости. И продолжила. — У меня было рекомендательное письмо к одному профессору из Глазго. У университетского профессора же наверное, есть доступ к интернету.

— В Британии — да наверняка. Осталось выяснить его E-Mail.

— Ох, а я ведь забыла как его фамилия. И письмо осталось у садху Пунджу. Нет, точно надо заняться этим пандитом и отобрать у него всё, что он отобрал у меня.

— И как ты предлагаешь это сделать? Он же, я думаю, подозревает, что ты можешь найти способ превратиться в человека.

— Он вряд ли подозревает, что я могу здесь найти помощника из местных.

Она изложила свой план. Я подумал, добавил несколько своих штрихов и мы немедленно взялись за реализацию.

Глава 3

Садху Пунджи

24 июня 2003, Москва

Ясмина позвонила в дверь. Я прислонился к стене, чтобы меня не было видно, как только дверь откроется. Наверняка садху прекрасно представлял себе, как выглядит принцесса в человеческом облике, потому что дверь он открыл сразу.

Он что-то сказал на незнакомом мне языке. Она не удосужилась ответить. Вместо этого тело её вдруг утоньшилось, тельняшка свалилась на пол и вместо девушки примерно на ту же высоту над полом поднималась огромная королевская кобра, опираясь на свой хвост.

Бросок, и сухощавый бородатый старик сбит с ног и оплетен трёхметровым телом змеи, а ядовитые зубы касаются его сонной артерии.

Он ещё что-то сказал на незнакомом мне языке. Можно было догадаться, что он имеет в виду. Что долго удерживать его Ясмина не сможет, а сделать что-то более осмысленное без помощника у неё не получится.

Я отделился от стены, подобрал тельняшку и вошёл в квартиру, закрыв за собой дверь.

— Зря ты связался с этим монстром, — прохрипел хозяин квартиры по-русски. — Она и тебя сожрет, в благодарность за помощь.

— Говорил бы ты что-ли по-английски, чтобы все присутствующие тебя понимали. — ответил я, деловито связывая

ему руки. — А то не нравится мне эта манера — говорить ей так, чтобы не мог понять я, а мне так, чтобы не могла она.

— На каком языке он с тобой говорил, — спросил я Ясмину через его голову.

— На урду, — сквозь зубы прошипела она. — Дождёшься от этих «просветлённых» санскрита, или даже фарси. Ругался как махаут¹.

После того как я туго связал садху, Ясмина приняла человеческий облик, и сказала:

— А вот теперь поговорим.

— И чего это я с тобой буду говорить? Убить меня вы не рискнёте, поскольку вам негде спрятать труп, а при наличии трупа милиция вас расколлет в два счёта. Вот тебя. Она-то может удерет в свой мир. А если вы меня не убьёте, то и в том и в том мире у меня есть серьёзные люди, которые очень заинтересованы, чтобы торговля маковой смолкой между мирами не прекращалась.

Вот теперь мне точно захотелось его убить. Убивать человека за то, что он связывает кошкам лапы алюминиевой проволокой мне казалось несколько жестоко, даже при всём уважении к некоторым конкретным кошкам.

— Интересно, то место, откуда они маковую смолку возят, оно в твоём королевстве? — спросил я Ясмину.

— Вряд ли. Камень Перехода на землях набоба Рампура. Так что, наверное, из Ауда везут. Но я что-нибудь придумаю, — ответила она, не то чтобы отмахиваясь от меня, но давая понять, что не стоит слишком отвлекаться от темы.

Почему-то это «Что-нибудь придумаю» подкосило Садху Пуджи. По небрежному тону принцессы он понял, что имеет дело не с авантюристкой, а с правительницей или, по крайней мере, серьёзной претенденткой на трон, для которой устроить небольшую войну исключительно ради того, чтобы сделать приятное мне — вполне осмысленное действие. А может быть, его напугало как раз то, что я для Ясмины не случайный инструмент на попользоваться и выбросить, а человек, мнение которого даже по совершенно посторонним темам заслуживает того, чтобы подумать.

¹махаут - погонщик слонов.

После этой реплики он начал заливаться соловьём: рассказал, кто и как договаривался с ним насчет засады на дракона и как была организована синхронизация по времени, чтобы Ясмина выпрыгнула не просто в Москве, а там, где её уже ждали.

— А теперь пойдём. — скомандовала принцесса, когда добывание информации было закончено и мешочек с драгоценностями занял своё место у меня в кармане.

— Куда?

— Увидишь.

— Что вы хотите со мной сделать?

— Не бойся, твоя смерть будет быстрой, — прошипела Ясмина.

Весь наш план был основан на том, что у меня, как у администратора домашней компьютерной сети, были ключи от двери на чердак. Мы закрыли дверь ключом, поднялись на лифте на последний этаж.

Я вывел нашего пленника на крышу, а девушка задержалась в дверях, сбрасывая перед превращением одежду.

И тут я впервые увидел истинный облик Ясины. В образе девушки она была не более чем миловидна, в образе кошки изящна и грациозна, в виде королевской кобры — внушительна. Но в облике дракона она была прекрасна.

Садху, увидев её превращение, тоже на мгновение застыл с открытым ртом.

Больше он ничего уже не успел в этой жизни. Драконья пасть отхватила ему голову, а потом в два укуса заглотила и всё остальное вместе с одеждой. Даже лужа крови на рубероиде образоваться не успела.

Выплюнув цепочку с медальоном, драконница растянулась на крыше, полураскрыв крылья почти от стены до стены и вжавшись в рубероид.

— Надеюсь, так меня не очень заметно снизу, — пояснила она грохочущим драконьим шёпотом. — Мне нужно так пролежать по меньшей мере два часа. Только после этого пища переварится и я смогу принимать другие формы.

Глава 4

За покупками

25 июня 2003, Москва

— Надо тебя снабдить хоть каким гардеробом, — сказал я Ясмине. — Чтобы ты могла на улицу хоть выйти.

— Ну, деньги у меня теперь есть, — улыбнулась она. — Так что можно заняться обходом местных лавок.

Деньги у Ясины действительно были. У недоброй памяти садху Пунджу нашлась довольно большая пачка наличности, которую мы беззастенчиво присвоили. Ещё, конечно, был её собственный мешочек с камнями, но, увы, XXI век — не XVIII, и продать ювелирные камни тут не так-то просто. Но на минимальное обзаведение денег у нас должно хватить.

Естественно, я, как старый холостяк, не имел никакого представления о том, что в наше время стоит покупать, а что нет. Поэтому я позвонил одной своей знакомой, известной в тусовке ролевых игроков как Лукерья, хотя в паспорте у неё было написано Наталья.

— Лу, слушай, мне нужна твоя помощь. Тут у меня дома сейчас сидит одна девушка из Индии, у которой в дороге потерялся багаж. Ей буквально нечего надеть. Нет, не как в анекдоте про монстра, а совсем нечего. Сейчас она сидит в моей старой тельняшке вместо платья. На улицу в этом не выйдешь. Она примерно с тебя ростом, но несколько худее.

— Жди, — ответила она. — Через час буду.

Примерно через час пятнадцать она появилась у меня

на пороге. Я привык, что Лушка ходит в джинсах и футболке, а то и в камуфляже. Не могу сказать, что я никогда не видел её в платьях — на ролевых играх она вполне успешно играла и Галадриэль, и Элеонору Аквитанскую. Но вот чтобы она надела платье просто для прогулки по магазинам, такого раньше за ней не замечалось. А сейчас на ней было не просто темное платье примерно до середины щиколотки с глубоким декольте, но ещё и какое-то ожерелье.

Ясмину мы нарядили в мою клетчатую рубашку-ковбойку, подвернув рукава, и джинсы, которые мне давно были тесны.

Мы втроём отправились в торговый центр рядом с Черемушкинским рынком. Это вроде и не совсем оптовый рынок, каких в ту пору было ещё полно в Москве, но и не набор бутиков. В общем, куча приличных, средней руки магазинчиков под общей крышей.

Продавщица в первом же отделе женской одежды, в который мы заглянули, очень насторожено отнеслась к юной девушке восточного вида, одетой в поношенную рубашку с чужого плеча, и заглядывающуюся на платья и брючные костюмы из среднего ценового диапазона. И вообще магазин, в который нас потащила Лукерья, был не из самых дешёвых.

Но потом она увидела, что эту девушку явно консультирует другая, одетая существенно более прилично, а когда дело дошло до покупки, расплачивается вообще бородастый мужик с пластиковой карточки.

В следующем отделе, куда Ясмينا заявила уже в свежекупленном платье, отношение к нам сразу уже было несколько другим.

Вечером я спросил Ясмину:

— На каком это языке вы с Лу разговаривали. Она, насколько я помню, знает испанский. А ты вроде нет.

— Она еще немножко знает итальянский, она же пела в хоре, а у вас итальянский остаётся языком музыки. А я — латынь и португальский. Так что где-то как-то объясниться получилось. Да, слушай, что она там за всё время поминала то про средневековую Испанию, то про эпоху короля Артура, то вообще про мир, населённый какими-то существами, вроде фэйри из английских легенд?

Насколько я знаю, в вашем мире вообще не должны быть в курсе того, что есть много миров, и между ними возможны переходы. Ну разве что торговцы опимумом, но они это знание держат при себе.

— Нет, это не про путешествия по параллельным мирам. Это про ролевые игры.

— А что это?

Пришлось прочитать ей большую лекцию про этот способ развлечения. Ямину этот вопрос заинтересовал. Она ведь пришла в наш мир учиться разным социальным практикам и методам управления, поэтому сообщество людей, занимающихся моделированием разных странных социумов ей показалось интересным.

Я попытался её отговорить. По моему мнению, никаким особенным социальным нивелированием в этой среде и не пахло, а процветал обычный эскапизм, желание хоть на несколько дней сбежать из скучного серого мира будней в красивую сказку.

Глава 5

В Нескучном Саду

26 июня 2003, Москва

На следующий день был как раз четверг, поэтому я смог показать Ясмине тусовку ролевиков, собирающуюся по четвергам около библиотеки в Нескучном саду.

На это сборище Ясмينا решила одеть футболку и джинсы.

— Лу вчера сказала, что лучше так, чем в, как это она выражается, *civil dress*. Говорит, может тебе пофехтовать захочется.

— А тебе захочется? — несколько удивился я.

— Почему бы и нет, — пожалала плечами она. — Я немного умею. Учили.

Пока мы шли по набережной Москвы-реки, Ясмينا обратила внимание на проплывающий вверх по реке речной трамвайчик.

— Как он плывет? — спросила она. — Нет ни весел, ни парусов, а он так быстро движется вверх по течению.

— Ты знаешь, что такое винт Архимеда? — спросил я.

— Ну да, водоподъемная машина такая.

— Ну так вот, берем кусочек винта Архимеда, маленький, меньше одного витка, ставим на корме судна осью назад и крутим. Он вместо того чтобы воду поднимать, отбрасывает её назад и корабль движется.

— А крутим — машиной Уатта?

— Ну, у нас применяются более совершенные двигатели. Все-таки уже два века прошло со времен Уатта. А так да, какой-нибудь такой машиной.

— А почему меньше одного витка?

— А потому что больше — бессмысленно. Работает все равно только передняя кромка, загребаящая воду. Поэтому ставят обычно три-четыре лопасти, так чтобы все вместе они составляли меньше одного круга.

Вот, кстати, гляди, тут стоит вытащенный на берег катер, у него такой же винт.

Так за разговорами мы дошли до здания библиотеки, около которого собирался народ.

Ясмина с интересом разглядывала толпу, одетую в костюмы самых разных эпох и народов, и вооруженную разнообразными имитациями оружия.

— Прямо как на делийском базаре, — сказала она мне негромко. — правда почему-то никто не торгует.

Кто-то собравшись у ступенек библиотеки слушал выступление певицы под гитару, кто-то фехтовал, кто-то обменивался новостями. Тут на нас вдруг наскочила Лушка:

— Дик, привет! О, Яся, *Cuánto me alegro de verte!* Пошли, тут такое не каждый раз увидишь. Тут Сэмчик харьковский турецкую технику демонстрирует.

Действительно, в центре довольно плотного круга зрителей двое, ребят, одетых в шаровары и с тюрбанами на головах, фехтовали на ятаганах. Естественно, как и любое ролевое оружие, это были фанерные клинки с аккуратно скругленными безопасными кромками.

— *They think it is Turkish fencing?* — удивилась Ясмина. — *In Sultan's army only canonneers fence such way.*

— *Why canonneers?* — переспросил кто-то из зрителей.

— *Because they never find time to learn use of arme blanche.*

Ребята прекратили бой и повернулись в сторону принцессы:

— *Can you show us proper Turkish fencing?*

— *I've learned Persian way, not Turkish, but if it'll satisfy you...*

Сэмчик вытащил Ясмину на середину круга, вручил ей один из деревянных ятаганов и отсалютовал другим.

Девушка покачала оружие в руках:

— It's a horseman's blade. No balance, just forged for heavier blow.

После нескольких боев, каждый из которых продолжался не более минуты и завершался убедительной победой Ясмину, ее спросили:

— Do you know some other schools of fencing.

— Not much, — ответила она. — rapier and espada, late XVIII century. Just for self-defence.

Продемонстрированная техника работы с ятаганом вызвала у любителей фехтования подозрения, что она приbedняется. Ник, имевший разряд по спортивному фехтованию на шпагах, сбегал куда-то и приволок два деревянных полуторника, достаточно лёгких, чтобы можно было работать со шпажной техникой.

Со шпагой Ясмину чудес не показала. Нет, устоять против неё никто из присутствующих не мог. Но красивого фехтования не выходило. Действительно, только для самозащиты, на первом или втором выпаде противника на чем-то ловят, и протыкают.

Наконец, принцессе удалось вырваться от любителей фехтования и она уселась на скамейку перевести дух.

— Ох, вздохнула она. — Никогда в жизни на таком сборище не была. У нас в Драконьей Долине просто нет столько народу, сколько его здесь собралось. А в Дели мне не удастся смешаться с толпой. Положение наследной принцессы имеет свои недостатки.

В этот момент проходившая мимо девочка, насколько я помнил, из тусовки серьезно увлекающейся эзотерикой, вдруг спросила на крайне неплохом английском:

— Принцесса, а откуда у вас этот перстень с зеленым камнем.

— Это трофей, — беззаботным тоном ответила моя спутница.

— Трофей?! — Девочка резко остановилась и повернулась к нам. — Так может вы в курсе куда делся садху Пунджи?

— Как интересно? — широко улыбнулась Ясмину. — А вы с ним знакомы?

— Да, а как же. Это довольно известный в кругах московских эзотериков гуру. Так где же он?

Ясмина улыбнулась еще шире. Девочка поёжилась. Похоже, она что-то действительно могла в плане экстрасенсорики и за лучезарной улыбкой принцессы для неё просвечивали драконьи клыки.

— Доигрался. Вы понимаете, даже для йогина его уровня пытаться пленить дракона — несколько опрометчиво.

— Но как тогда к вам попал этот перстень?

— Тут, скорее надо ставить вопрос — как к нему попал этот перстень. Я-то сняла его с пальца совсем другого человека, совсем в другом месте, который тоже доигрался. Но как вам удалось почувствовать что этот перстень три дня назад целых несколько часов находился в квартире садху и может быть пару минут — у него в руках?

— Ну что вы говорите! Садху все время носил этот перстень, сколько я с ним знакома.

— Ах да припоминаю, у него действительно был похожий перстень. Не этот, а похожий. Может быть даже они вышли из рук одного мастера. Вот посмотрите, — она протянула ей перстень. — вот такое изображение дерева характерно для тамильской магии, а не для аудской. А садху Пунджи был родом откуда-то из-под Бенареса. У него там совсем другая гравировка была.

— Но он утверждал, что второго такого перстня во всем мире нет. У него совершенно необычная аура.

— Не было. Пока три дня назад я не притащила вот этот. Теперь их два.

— Ой! Этот оранжевый оттенок характерен не только для перстня, но для всей вашей ауры. Это как?

Ясмина сняла перстень и спокойно положила на скамейку на расстоянии вытянутой руки от себя.

— Вы у садху Пунджи не замечали этот оттенок?

— Замечала. Но думала что это перстень, который он носил не снимая. И у него оттенок был бледнее.

— Теперь смотрите внимательнее. Я сняла перстень.

— Такое впечатление что в салативом мире два оранжевых пятна.

— Так оно и есть. Вы видите как оранжевый оттенок отпечаток параллельного мира, откуда этот перстень проис-

ходит. Этот мир зеленый, а мой — оранжевый.

— Так саду тоже пришелец оттуда?

— Был. Я же сказала, он съеден драконом.

— А почему у вас этот оттенок гораздо ярче?

— Потому что он в основном жил здесь, а туда навывался изредка и ненадолго.

— Забавная девочка, — сказала Ясмينا, — когда любительница эзотерики, наконец, удалилась. У неё есть довольно серьезные магические способности, но совершенно неразвитые. Видеть ауры она умеет, но это, пожалуй всё. А самомнения больше, чем у дракона в истинной форме.

— А что, самомнение дракона зависит от формы? — удивился я.

Ясмينا фыркнула.

— Обидеться на тебя что-ли?

— Ну я же просто спросил, без подковырки.

— Позволь этому не поверить. На этой поляне, конечно, есть люди, которые смотрят на мир широко распахнутыми глазами и принимают всё за чистую монету, но ты не из таких. Ты тут считаешь себя взрослым среди наивных детишек и надо всеми в душе посмеиваешься. Отринуть это настроение сходу, обратившись ко мне у тебя не получится. Поэтому и надо мной ты сейчас посмеиваешься.

А вон, кстати идет парень с точно таким же настроением.

Я обернулся:

— Привет, Костя! Вот уж кого не ожидал встретить здесь, так это тебя.

— Взаимно. Представь себя своей спутнице. А то о ней сейчас вся тусовка говорит.

— Учти, она русским языком не владеет. А ты, насколько я знаю, хиндустану не знаешь. Придется вам на языке вероятного противника общаться.

Глава 6

Вербовка

26 июня 2003 года, Москва

— А почему ты не уехал в Германию? — спросила меня Ясмينا вечером. — Насколько я поняла, большая часть русских немцев после распада вашего Советского Союза перебралась туда.

— А смысл? — ответил на вопрос вопросом я. — Бабушка так и не собралась меня научить немецкому языку в детстве. А значит адаптироваться там мне будет тяжело. Но вообще я не вижу большой разницы между тем, жить в России или в Германии. По-моему, весь этот мир катится куда-то не туда. Везде контроль за каждым шагом людей, везде патерналистское государство. В постсоветской России сейчас, может быть, даже и чуточку свободнее, чем в более благополучных странах.

— Что-то похожее я уже слышала. И что развитие вашего мира пошло куда-то не туда. И что менять что-то возможно уже поздно и в нашем мире, но там еще стоит попробовать.

— У вас там какой год?

— 1798.

— Ну да. Промышленная революция еще толком не началась. Мануфактуры уже активно теснят ремесленников, но ни парашодов, ни железных дорог ещё нет. И Индия, еще не покоренная англичанами.

— Ну как сказать непокоренная.. Бенгалию и Бихар они

оттяпали еще у Мохаммед-шаха, и мой отец, придя к власти ничего с этим поделаться не мог. Типу-Султан в Майсуре еще держится, а вот низам Хайдарабада у них с руки ест. Маратхов они успешно ссорят между собой, и кое у кого из маратхских раджей уже сидят в столицах английские резиденты.

Фактически непокоренная только моя империя — Доаб, Пенджаб и Синд.

И то, когда меня свергали, эти сволочи пригласили в Делу английских стрелков со штуцерами.

Судя по вашей истории до решительного броска на северо-запад им осталось три-пять лет. И как они это ухитряются делать параллельно с большой войной в Европе?

— И что ты собираешься делать?

— Вернуть себе престол, остановить английскую экспансию, провести на те деньги, которые они на моих землях не смогут награть, промышленную революцию в Индии. Вернуть, кстати, французов в Пондишери.

Когда в Пондишери французы, в Гоа португальцы, в Кочине голландцы, в Транкебаре датчане, я не имею ничего против англичан в Бомбее и Мадрасе. Ну торговые фактории и торговые фактории. Больше торговых партнеров, хороших и разных. Только не надо допускать, чтобы они владели землей и собирали дань с райатов.

— В смысле, феодалы должны быть местные?

— Ох, тут все переделывать надо. К сожалению, армии, сравнимой с армией Наполеона или того же Бэйрда из джагирдаров не собрать. Они категорически не способны к нормальной дисциплине.

— А тебе ведь нужна не сравнимая, а превосходящая современные европейские армия, — заметил я.

— Беда в том, что делать мне её не из кого. Кто такие европейские наёмники при дворах индийских владык? — в основном неудачники, которым не удалось сделать военную карьеру у себя дома. Ну, допустим сейчас, благодаря революции во Франции есть честные роялисты, вроде де Пиля, которые предпочтут служить мне или Холкарам, чем служить санкюлотам, убившем их короля. Есть выходцы из всяких Савой, Пьемонтов или Голштейнов, родные страны которых просто слишком малы для размаха их полководче-

ского таланта. Но это капля в море. В основном офицеры первого сорта воюют в Европе, офицеры второго — служат Ост-Индским Компаниям своих стран, и только офицеры третьего сорта достаются мне.

— Тебе своих растить надо, а не полагаться на пришлых.

— Вот для этого и нужно все переделывать. Все триста лет, что стоит Империя Моголов она полагается именно на пришлых. В основном, конечно, не европейцев, а афганцев и персов. Приходит ко двору третий или пятый сын персидского вельможи, он никто и звать его никак. Он будет горы сворачивать, лишь бы стать кем-то. И на воспитание детей у него времени не останется. Допустим, он заработает себе положение, станет ханом. А сыновья его будут «сыновьями ханов», самым бесполезным и много о себе думающем словием в Империи.

— Тебе своих растить надо. У тебя же в Империи не одни семьи ханов живут.

— Но как? Где-то надо взять учителей. Из вашего мира что-ли сманить... О! А ты не согласишься мне помочь? Ты же инженер, и тебя вроде этот мир не слишком устраивает.

Я задумался:

— Не такой уж я и инженер. Конечно, моя текущая должность называется инженер-программист, но вообще-то инженерного образования у меня нет, я университет кончал по специальности «география».

— Но ты за эти дни столько всего смог мне рассказать про разные технические штучки, которыми набит ваш мир.

— Э-э, рассказать-то я могу. А вот сделать... Конечно, поискать инженеров в нашем мире можно. Но искать придется среди тех, кто постарше. Кто успел выучиться и поработать, когда чертить приходилось тушью на бумаге, считать на логарифмических линейках.

— Вот интересно, а если мне набрать инженеров в Англии своего мира, они же будут второго сорта, а не третьего. Ост-Индская компания вроде особо строителями машин не интересуется.

— Хорошая идея.

— А ты, зная последующие пути развития техники, сможешь их направить.

— Только сначала придется полгода ждать, пока до этих

инженеров дойдет твое предложение и кто-то из них согласится приехать к тебе в Индию.

— О, у меня есть идея. Я могу отсюда перейти в любую точку своего мира. Вот свалюсь в Англию, кое с кем там общаюсь, кроме инженеров там есть, например Уилкинс, который разработал типографские шрифты для индийских языков, может еще книгами запасусь, потом вернусь в этот мир, в Глазго, и попаду таки к тому профессору, которого мне Дженни рекомендовала, а оттуда уже домой. Миры друг относительно друга поворачиваются, и мне нужно только правильно выбрать момент перехода. Когда за тобой никто не гонится, это просто.

— И в чем ты собираешься разгуливать по Англии? В этом платье на ладнь выше колен, которое смотрится вполне приличным у нас в XXI веке? Или в джинсах с футболкой?

— Да, ты прав. Прежде чем возвращаться в мой мир, нужно запастись соответствующей одеждой. Слушай, а ведь среди этих твоих ролевиков точно были люди, способные пошить костюм для любой эпохи!

— Ну не для любой эпохи, а в стиле любой эпохи. Но есть шанс, что их изделия можно выдать за европейское платье, пошитое индийскими портными.

— Так ты пойдешь со мной?

Я еще раз задумался на секунду.

— В Англию — точно. Как же мне тебя одну туда отпустить. Не полагается принцессам без сопровождения там разгуливать. А что до дальнейшего... Твое предложение заманчиво. Меня здесь фактически ничего не держит. Текущий проект как-то выдохся, интересной работы нет. Семья не сложилась. Поэтому уехать в Индии поработать... А что это не совсем та Индия, можно и не говорить.

Глава 7

Дженнифер

Кстати, я первый человек из этого мира, который тебе помогает или нет? — спросил я у Ясины. — Ты вроде говорила, что у тебя есть рекомендательные письма?

— Нет, не первый. Есть Дженни, Дженнифер Форрест. Та самая, от которой я впервые услышала нелицеприятный отзыв о вашем мире. Её появление у нас заслуживает отдельного романа, не знаю только сентиментального или авантюрного. Она изучала туземные нравы где-то в Британской Гвиане и нашла там Скалу Перехода. Перенеслась в наш мир к той Скале, которая на границе Пенджаба и Кашмира. Там познакомилась с Ранджитом, который там охотился. Не знаю, что между ними было тогда, при первой встрече, они оба об этом не рассказывают, только загадочно улыбаются, но она погостила у него неделю, потом нашла какого-то кашмирского садху, который умел вычислять Окна Перехода, и вернулась к себе.

Ранджит продолжал себе командовать мисалем Шукерчакия, и уже стал воспринимать это знакомство как какой-то сон, как вдруг она, одетая в мусульманскую бурку, стучится в ворота его дворца в сопровождении какого-то парнишки — то ли солдата, то ли городского стражника.

По-моему, «полисмен» это у вас называется. Оказалось что она там у себя в Гвиане крепко влипла. Там растёт какое-то растение под названием вроде ко-ко, нечто среднее между опиумом и бетелем, и торговцы возят его в ее род-

ные Североамериканские Штаты, примерно как сейчас англичане опиум в Китай. Но ваши Штаты это не наш Китай, они легко могут надавить на власти этой самой Гвианы или Гайаны, и потребовать бороться с этим делом. С другой стороны Штаты там далеко, а кокаиновые бароны близко. Поэтому власти только делают вид, что борются.

В итоге Дженнифер не придумал ничего лучше, как сбежать в наш мир.

Даже если у них в Гвиане и найдется какой-нибудь индейский шаман, умеющий вычислять приход Окна, что вряд ли — испанцы там хорошо в своё время почистили древние знания, мисаль Шукерчакия это серьезная сила. Он выставляет пятнадцать тысяч всадников, и эти всадники — самая боеспособная сила отсюда до Тегерана. А вокруг там еще одиннадцать сикхских мисалей.

В общем, постучалась она в двери к Ранджиту Сингху, и так у него и осталась. А тут, я уж не помню по какому поводу, отец вызвал Ранджита в Дели. Видимо, просто посмотреть хотел. Я бы тоже немножко переживала если бы у меня бригадой, контролирующей заметный кусок афганской границы, командовал семнадцатилетний мальчишка.

Посмотрел. И Мирза Наджаф-хан, Великий Визирь, тоже посмотрел. И я посмотрела. Все решили что сикхские старейшины, которые говорили что не надо в Гуджранвалу назначать кого-то более опытного и обижать род Науд Сингха, правы. Ранджит прекрасно справится.

Ранджит привез с собой в Дели Дженнифер и того полицейского. Дженнифер просто потому что она посмотреть столицу Империи Моголов хотела, а полицейского надо было вернуть обратно, так чтобы он не попал к торговцам дурью, контролировавшим все окрестности Скалы Перехода. Кашмирский гуру сказал, что в районе Рампура есть еще одна Скала, связывающая эти два мира.

Но на самом деле все оказалось проще. Мы с Дженни как-то быстро нашли общий язык, и я рискнула предложить ей свою помощь. Дело в том, что дракон — сам себе Скала Перехода. Конечно, воспользоваться скалой это проще. Преодолеть раздел между мирами — очень физически утомительно. Но зато мы вернули этого типа прямо домой.

После этого Дженни стала давать нам с Мирзой Наджафом советы по поводу того, что делать со страной. Вообще-то, конечно на тогда еще падишахом был отец, но он уже тяжело болел, и поэтому управлением занимались мы вдвоём. Её идеи по поводу реформ были неожиданны, но интересны.

Правда, пока она сидит в Гуджранвале, почти на самой афганской границе, воспользоваться её помощью довольно тяжело. С другой стороны, когда я сяду на трон, мне все равно придется вытаскивать Ранджита Сингха в Дели.

Отец с Мирзой Наджафом посмотрели на этого человека, и сказали, что он в любом случае будет править Империей. Либо я каким угодно способом обеспечу его верность себе — сделаю его фаворитом, выйду за него замуж, и он будет править моей Империей, либо он будет править своей.

Впрочем я совершенно не против выйти за него замуж. Пообщавшись с этим человеком пять минут перестаешь замечать, что его лицо обезображено оспой, а левый глаз не видит. Зато правый так сияет.

Конечно, найдутся люди которые скажут что Императрице не дело выходить за человека у которого есть уже одна жена и сколько-то там наложниц, но было бы странно, что человек, который в восемнадцать лет имеет восемь лет боевого опыта, не имел бы успеха у женщин.

* * *

Ясмина в кошачьем облике свернулась рядом с моей подушкой. Я протянул руку и погладил шелковистую серую шкурку.

Через несколько минут такой ласки вдруг вместо кошачьего меха под моей рукой оказалась человеческая кожа.

— Так не кошку гладят, — безапелляционно заявила девушка.

— А что не так? — удивился я.

— Ты гладишь меня-кошку с вожделением, как будто не можешь забыть, что у меня есть человеческая форма и я-человек для тебя привлекательна.

— И что?

— И вот. Вот я-человек лежу рядом с тобой. — Она прижалась к моему боку всем телом.

— Хм, — задумчиво сказал я. — А тебе известно что такое контрацепция?

— Contraception? Various things to prevent conception? Знаю, Дженни рассказывала. Но нас с тобой это не касается. Дракониша не может понести ни от человека, ни от кота.

— Вот интересно, — продолжил я. — У тебя есть такой замечательный жених, а ты тут лезешь в постель к первому попавшемуся жителю этого мира.

— Во-первых, не к первому попавшемуся, а к тому, кто меня освободил от оков из белого металла, блокирующего смену облика, и помог расправиться с садху Пунджу. Во-вторых, можно подумать, Ранджит избегает женщин, ожидая меня. У него есть, во-первых, Дженни, во-вторых Мехтаб. Вообще-то конечно, наоборот, во-первых Мехтаб, во-вторых Дженни. Дженни появилась у него во дворце только год назад, а с Мехтаб он помолвлен уже чуть ли не с младенческого возраста.

Там была такая история, что Гурбахш Сингх, мислдар Канхайи что-то не поделил с отцом Ранджита. Они уже вывели войска в поле, как вдруг между враждующих армий появился мой отец, один, без свиты и пеший, и приказал своим вассалам оставить распря. Они же не знали, что он дракон. Ну то есть тогда уже половина Дели подозревала, что шах на самом деле дракон, но уверенности ни у кого не было. А он прилетел в драконьем облике, дело было довольно далеко от столицы, в ближайших кустах изменил облик и оделся, после чего вышел на поле наводить порядок. Вот он и приказал для утверждения мира выдать дочь Гурбахша за сына Махарна. Но поскольку они были тогда совсем детьми, решили отложить свадьбу, пока они не вырастут. Они поженились чуть больше года назад.

И вообще, если у моего консорта целый гарем, я себе тоже заведу гарем. Из великих воинов.

— Ты думаешь, я гожусь в великие воины?

— А как же! Ты не испугался огромного и ужасного дракона, который на твоих глазах сожрал человека.

На этом мы как-то синхронно прекратили дозволенные речи, и занялись тем, чем следует заниматься великому воину и прекрасной принцессе, если они оказались в одной

постели.

(Фрагмент недописан)

Глава 8

Уроки верховой езды

28 июня 2003г, Москва

— В нашем мире тебе нужно будет уметь ездить на лошади, — решительно заявила Ясмينا. — Так что же?

— А то! Ты хоть раз на лошади ездил?

— Ну вообще-то да, в детстве на ВДНХ.

Ясмина явно не поняла, что это значит.

— В общем, я понял, в вашем мире мне придется учиться ездить верхом.

— Ничего ты не понял. В нашем мире тебе придется немедленно сесть на коня и ехать вперед, причем, вероятно, галопом. И желательно не сломать себе при этом шею. Поэтому изволь выучить хотя бы основы верховой езды, пока мы находимся в этом мире. Я в интернете проверила — у вас есть разные учреждения, где этому можно научиться.

Я почесал в затылке. Проблема была в том, что о том, как происходит обучение верховой езде в нашем мире, у меня были самые туманные понятия. Но зато я сильно подозревал, что при поиске в интернете цены на эту экзотическую услугу меня не обрадуют.

И тут я вспомнил, что одна моя старая знакомая по ролевой тусовке упоминала про свою подругу, которая в перестроечные годы ходила в дырявом ватнике и жила на грани голода, но ухитрилась сохранить нескольких лошадей.

Для таких же безденежных студентов-ролевиков лошади были приметой сказочного мира, и они тянулись к ней на конюшню, а она с удовольствием давала всем желающим уроки верховой езды за чистку стойл или за пучок дачной морковки.

Почесав в затылке, я набрал татьянин номер.

— Таня, привет, это Рихард.

— Ого, сколько лет сколько зим! Что это ты вдруг вспомнил про мое существование?

— Да так, мысль пришла. Помнишь, ты мне рассказывала про свою подругу с лошадьми? Ну, у которой ты еще в перестройку занималась за морковку?

— Линвэ-то? Ну да, а что?

— Она еще учит народ?

— Народ, — усмехнулась Татьяна. — Ты бери выше. У нее теперь элитный прокат и частная конная школа, к ней московские толстосумы на сеансы заранее записываются.

— Черт. — Именно столкновения с чем-то таким я и опасался.

— А ты что, сына или дочку решил поучить верховой езде? Тогда лучше к Марине, она специалист по детской иппотерапии и способна научить верховой езде даже ДЦПшника. Конечно, у нее не так понтово, как у Линвэ, зато цена вменяемая.

— Да нету у меня детей. Сам хочу поучиться.

— Сам? — Татьяна явно удивилась. — Детство в ухе заиграло? Ну в общем как хочешь. У Линвэ сайт есть, могу скинуть адрес, а Марине надо звонить и договариваться.

Сайт Линвэ я посмотрел скорее ради интереса, невольно восхищаясь тем, как верность любимому делу превратила нищую любительницу животных во владелицу процветающего бизнеса. Цены у нее, как я и ожидал, оказались такие, что я не готов был платить подобные суммы даже ради Ясины. Хотя драконица и предложила мне разменять на это дело один из ее индийских самоцветов, я объяснил, что камешки ей и самой пригодятся, а пускать деньги на ветер — в нашем положении не дело. Вот вернет она себе трон, тогда мы сможем выписать себе преподавателей чего угодно за любую цену, а пока лучше обойтись вариантом поскромнее. Поэтому я позвонил Марине.

Оказалось, что Марина держит лошадь на конюшне в Измайловском парке. Она объяснила, что по профессии является врачом, а уроки верховой езды дает только по рекомендации. Впрочем, рекомендации Татьяны ей хватило, и в ближайшую субботу мы поехали в Измайлово. Причем прежде чем идти в парк, мы зашли на рынок, и я по настоянию Ясины приобрел десяток крупных крупных яблок. “С лошастью знакомиться надо!” — пояснила свою мысль драконица.

Когда Марина вывела из стойла лошадь Киру, Ясмина прищурилась:

— В ней, похоже, кровь орловских рысаков.

— Это чистопородная русская рысачка, — покачала головой хозяйка. — Порода, конечно, происходит от орловской, но уже давно считается самостоятельной.

— Я картинку видела, — задумчиво пояснила Ясмина. — Можно ее угостить? Получив разрешение, драконица протянула Кире яблоко. Пока рысачка пережевывала угощение, Ясмина сказала:

— Вроде не очень старая, лет восемь, а зубы скверные.

— Совершенно верно, восемь, — удивленно подтвердила Марина, не ожидавшая встретить в девушке современного городского вида такую специалистку по лошадям. — Понимаешь, я Киру выкупила у военных, а они ее до полумертвого состояния заморили и продали мне за копейки “на колбасу”. Я ее вылечила, но зубы уже не восстановишь. По крови-то она настоящая племенная матка, вон ее сын в леваде ходит, — Марина кивнула на крупного темно-гнедого жеребца, бродившего в огороженном загоне недалеко от стойл. — Трехлетка, продавать пора — куда мне две лошади? Но необъезженный. Так-то я его и к узде, и к корде, и к седлу приучила, но, как назло, сильно потянула недавно руку как раз перед тем, как на него садиться. А другого, кто мог бы его объездить, никак не могу найти.

— Я могу! — подпрыгнула Ясмина.

— Правда? — обрадовалась Марина. — Я вижу, вы специалист.

— Давайте так: вы проведете занятие с моим другом, а потом я проведу занятие с вашим конем?

— Договорились, — кивнула хозяйка лошадей.

Ездить на Кире, по крайней мере шагом, оказалось не очень сложно: как велосипед, только большой и сам стоит. Гнедая рысачка вела себя с философским спокойствием — ну еще кого-то посадили на спину, дело житейское. Я без особого труда освоил, как забираться на спину лошади с приступочки, как пускать ее шагом, как поворачивать и останавливаться. К концу урока я с детским восторгом выписывал сложные кривые между вбитыми в землю яркими палками на специальном плацу, где, видимо, Марина и занималась своей иппотерапией, а Ясмينا грызла одно из яблок, купленных для лошади, и с интересом наблюдала за мной.

— Неплохо, — оценила преподавательница.

— Неплохо, — вслед за ней произнесла и Ясмينا, и я не знал, чьей похвале радоваться больше.

Когда урок закончился, я лихо спрыгнул на землю... и взвыл. Пока я сидел на спине у Киры, мне казалось, что от меня не требуется никакого напряжения, но мои мышцы весьма выразительно сообщили мне, что я с непривычки натрудил их изрядно. Ясмينا невольно рассмеялась, а Марина пояснила с интонацией врача что-то насчет того, что верховая езда не нагружает ни легкие, ни сердце, а вот мышечной системе приходится немало поднапрячься.

После этого драконица начала работать с Джимом, сыном Киры. Я подсознательно ожидал чего-то лихого, вроде того, как во всяких исторических книгах описывают легендарное укрощение Буцефала. Но все оказалось куда спокойнее и будничнее. Я даже не очень понял, чем это отличалось от обычной поездки умелого наездника — может, потому, что больше внимания уделил разминанию собственных ноющих рук и ног.

— Отличная рысь! — весело сообщила Ясмينا, соскакивая с коня. — Русские рысаки, говорите?

Марина кивнула, а я внезапно понял, что драконица не зря уточнила название породы. Похоже, Ясмينا включила русских рысаков в какие-то свои планы.

В общем, все это кончилось тем, что я всё имевшееся в нашем распоряжении время регулярно ходил к Марине и в результате действительно научился довольно уверенно ездить рысью, пускать лошадь в галоп и даже не падать с

нее. Мой друг, художник и писатель Саша Мартов, когда я рассказал ему об этих занятиях, посмотрел на меня с подозрительным уважением и спросил:

— Ты хочешь сказать, что ЭТО действительно было у тебя между ногами?

Часть II

Как это было

15 августа 2003, Москва

К середине августа про существование таинственной индийской принцессы знали уже многие мои знакомые. И вот, наконец они все объединились в желании услышать подробности того заговора, который скинул Ямину с трона и привел в параллельный мир.

Не знаю, чем бы это дело кончилось, но Лушка умеет быть очень убедительной. Ясмينا согласилась рассказать о своих приключениях подробнее, чем мне в первый день, за что ей был обещан необыкновенный кулинарный шедевр от Саши Мартова.

Мы собрались дома у Саши — мы с Яминой, лошадица Марина, Таня, Лу, портниха Ольга и Костя. Костя, которому не впервой участвовать в переговорах людей, говорящих на разных языках, взялся переводить, так как не все присутствующие в достаточной степени владели английским.

И Ясмينا начала свой рассказ.

Глава 9

Заговор

18 июня 1798, Дели

В небольшой комнате в углу огромного, похожего на лабиринт, древнего дворца беседовали пожилой мужчина и юная девушка.

— Ну неужели, Мирза Наджаб, мне необходимо начинать своё царствование с казни дальних родственников предшествующей династии.

— Увы, Ясмина. Твоего отца они боялись, тем более что он взошёл на трон как муж родной дочери Мохаммед-Шаха. А тебя обязательно захотят попробовать на прочность. А ты знаешь что у политики твоего отца есть много могущественных врагов. Если не обезглавить заговор в ближайшие три дня, то они попытаются устроить переворот.

В этот момент дверь без стука приоткрылась, в неё просунулся чей-то любопытный нос. Увидев, что наследница с визирем просто беседуют, слуга приоткрыл дверь пошире и просочился внутрь.

— Великий визирь, — начал он с порога, — во дворце восстание! Сираджуддин Багатур возмутил дворцовую гвардию. Верных вам войск в городе нет.

— Вот никогда бы не подумал, что малыш Сираджуддин может вообразить себя претендентом, — проворчал визирь. — Наверняка же не сам до этого додумался. Вот подозреваю я, что это старик Гази Фероз.

Ясмина всем своим видом выказала непонимание того,

кто такой Гази Фероз.

— Кто-кто, — проворчал визирь, — Имад уль-Мулк, он же поэт Низам. Мы думали что он безвреден, ведёт спокойную жизнь в Удджайне и пишет стихи. Последние лет тридцать никто не готов был давать ему денег на беспорядки в Дели. Но сейчас, когда наша армия стоит у ворот Джайпура, маратхи наверняка из кожи готовы вывернуться.

Похоже, что тебе, Ясмину, надо на время скрыться. И объявиться либо в рядах армии, либо в Гужранвале.

Мирза Наджаб поднял тяжелую штору и выглянул в окно. На плацу, куда выходили окна комнаты стояло каре солдат в незнакомых зеленых мундирах с длинными ружьями:

— Та-а-к...

— Я тебя не брошу.

— Вдвоём нам уйти будет гораздо сложнее.

— Давай, я сейчас приму истинный облик, ты сядешь мне на шею, и мы улетим. До Джайпура я тебя, пожалуй, не дотащу, но за конный переход от Дели...

— Дочь своего отца, — вздохнул визирь. — Видишь вот тех солдат на площади. Это английские егеря с нарезными штуцерами. Имад уль-Мулк достаточно хитер чтобы сообразить, что дочь дракона должна уметь летать. Поэтому уходи в каком-нибудь менее заметном облике, и взлетай не ближе двух кварталов от дворца, и лучше после наступления темноты, а я постараюсь их задержать.

— Но... — девушка чуть не плакала.

— Ясмину! Сделай так, чтобы моя смерть не была напрасной.

Она бросилась к нему на шею и поцеловала его в губы. Поцелуй продолжался до тех пор пока дверь, которую слуга закрыл крепким засовом, не содрогнулась от мощного удара снаружи.

Девушка отскочила к окну, её сари с тихим шелестом опало на пол, и на подоконник вспрыгнула уже небольшая серая кошечка, увидеть которую в зарослях винограда, увивавших дворцовую стену было совершенно невозможно.

В этот момент засов не выдержал, дверь распахнулась под могучими ударами и в комнату ворвались заговорщики.

— Где она?! — воскликнул молодой офицер, возглавлявший нападающих.

— А тебе какое дело, покойник? — спокойно спросил старый визирь, и неторопливо разрядил пистолет прямо в лоб претенденту.

Выхватить саблю он уже не успел. Гвардейцы изрубили его в капусту.

Примерно через полчаса, когда совсем стемнело, из двора какого-то домика в бедняцком квартале поднялся огромный серебряный дракон и улетел на северо-восток.

Глава 10

Контр-заговор

19 июня 1798, Гуджранвала

Ранджит Сингх, молодой наместник Гуджранвалы, собрался с утра отправиться на охоту. Он со своей свитой успел отъехать от дворца не больше, чем на пару сотен ярдов, когда вдруг у них над головами, тяжело махая крыльями, проплыл серебряный дракон. Он летел примерно вдвое быстрее скачущей лошади, и направлялся прямо к дворцу.

Юноша бросил коня в галоп. Когда такой монстр летит к твоему дому, лучше не прохлаждаться в сторонке.

Вот дракон начал снижаться прямо над дворцом, и только тут Ранджит смог понять, насколько это существо огромно. Судя по тому, как оно смотрелось рядом с башенками дворца, в нём было не менее полусотни английских футов.

Подскакав к воротам, хозяин дворца бросил поводья куда-то по направлению к встречавшим его слугам, а сам рванулся бегом вверх по лестнице. День был жаркий, в такой день скорее всего Дженни прохлаждается под тентом на крыше, и Мехтаб тоже где-нибудь рядом с ней.

А туда только что на его глазах приземлился огромный хищник.

Когда запыхавшийся наместник с саблей в руках появился на крыше, дракона там не было.

Вместо этого он увидел Дженни старательно растирающую спину обнаженной девушке, лежащей на животе пря-

мо на нагретых солнцем камнях.

Девушка повернула к нему голову.

— Ясмина! — воскликнул Ранджит. — Откуда ты здесь?!

— Вот, прилетела... — устало вымолвила та. — в Дели переворот.

— А где дракон? — удивленно спросил юноша.

— Я — дракон. Ты собираешься жениться на дочери короля-Дракона, и до сих пор не в курсе, что мой отец действительно дракон?

— Ну мало ли что кого-то зовут Аздахак Шах. Мы вот прибавляем к своему имени Сингх, но это не значит что у нас есть гривы и когти.

— Кстати зря. Когти иногда бывают не лишними, если порох кончился. И из дворца сбежать по лозе с когтями удобнее. Вчера пробовала.

— Дженни, а ты не испугалась когда на тебя с неба упал огромный дракон?

— Ну это же Ясмина! Я её узнала задолго до того, как она пошла на снижение. Помнишь того парнишку, который сопровождал меня, когда я год назад постучалась в твои ворота. Мы же с Ясминой его потом возвращали обратно, в тот мир. Тогда я и узнала, кто такие драконы и как можно путешествовать между мирами.

— Ясмина, а где твоя одежда?

— Во дворце осталась. Когда удираешь по стене в облике маленькой серой кошки, очень трудно тащить с собой человеческую одежду. Но я думаю, у тебя во дворце что-нибудь найдется. Мы вроде примерно одного роста с Мехтаб.

Не прошло и часа, как во дворце Ранджита Сингха собрался совет. Кроме самого Ранджита он почему-то состоял из одних женщин. Кроме Дженни и Ясмину здесь присутствовала Сада Каур, мать первой жены Ранджита. Саму Мехтаб на совет не пригласили. Она не слишком интересовалась политикой.

Собравшиеся стали перечислять всех влиятельных людей, которые могли бы поддержать восстановление Ясмину на троне. Как это обычно бывает в случае переворота, подавляющее большинство сил устраивала как Ясмина, так и претендент, которого посадит на трон уль-Мулк. Си-

раджуддин Багатур, может быть, устроил бы многих больше. Но его Мирза Наджаф успел застрелить. Очевидно, что сикхам Ясмина, собирающаяся выйти замуж за одного из них, привлекательнее, чем представитель старой, мусульманской знати, считающий их чернью и выскочками. Индустские раджи, те, которые еще остались в Империи, тоже, пожалуй, заинтересованы в продолжении политики веротерпимости Аздахак-Шаха. Армия, осаждающая Джайпур — детище Аздахак-Шаха и Мирзы Наджафа, явно будет готова отомстить за гибель визиря. Тем более полевая артиллерия, которой командует Николая-сердар, образчик европейского рыцарства.

Вот что подумает её командующий Дост Хуссейн, кандагарец, вопрос более сложный. Но он большой друг Мирзы Наджафа.

Через примерно час обсуждений было принято решение. Ясмине надо лететь обратно в Дели и в Джайпур и вести там переговоры с потенциальными сторонниками. Почему ей? А кто ещё может добраться за полсуток от Гуджранвалы до Дели и от Дели до Джайпура?

Но нужен помощник. Кто-то должен таскать за меняющей облик принцессой человеческую одежду и прочие нужные в дороге предметы.

— Можно найти служанку полегче? — поинтересовалась драконочка. — На такие расстояния мне и без груза летать тяжело.

— О, — вспомнила Сада Каур, — у моей дочери есть горничная, Зейнаб. Она тебя, Ясмина, на треть фута ниже и худая как щепка.

— Она ещё вырастет, — заступилась за неизвестную Ясмине Зейнаб Дженнифер. — Ей же чуть ли не двенадцать лет.

— Когда вырастет, тогда вырастет, — отрезала старшая из женщин. — А лететь сегодня надо.

— А она не испугается? — поинтересовалась Ясмина. — Мне потребуется от неё серьезная помощь, а если она будет сжиматься в комок от страха, толку чуть.

— О, эта не испугается, — заверила Сада, и отправила свою служанку, прислуживавшую за столом, за девушкой.

Через несколько минут Зейнаб появилась в комнате.

— Что ты думаешь по поводу того, чтобы полетать верхом на драконе? — спросила её Ясмина.

— Это, наверное, шутка какая-то? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Совершенно не шутка. Пойдем-ка на крышу. Дженни, пошли с нами, поддержишь её, а то со мной она почти незнакома.

— Смотри, Зейнаб, — сказала Ясмина, когда они поднялись наверх. — я — Ясмина Аздахак, императрица Дели, дочь Аздахак-Шаха. И имя это я ношу потому что я на самом деле дракон. Вот, смотри, я сбрасываю сари и...

Зейнаб восхищенно захлопала в ладоши, когда на месте императрицы появился серебряный дракон.

— Садись верхом, — произнесла драконья пасть. — Полетаем.

После непродолжительного полёта глаза Зейнаб сияли чистейшим восторгом.

— Тебе понравилось? — спросила Ясмина, уже опять принявшая человеческий облик, и когда служанка не смогла вымолвить ни слова, продолжала. — Теперь смотри, что надо сделать: мне надо совершить большое путешествие, встретиться с разными людьми и поговорить. Ты будешь лететь со мной, когда я буду превращаться из дракона в человека, подавать мне одежду, может быть иногда, там где меня могут узнать не те люди, появляться вместо меня. Справишься?

Девушка кивнула.

Глава 11

Тайная прогулка по Дели

20 июня 1798, Дели

Ясмина приземлилась в Дели за час до рассвета. Зейнаб подала ей одежду, та быстро оделась и куда-то направилась. Зейнаб попыталась последовать за ней, но тихо ойкнула на первом же шаге.

— Госпожа, я не могу.

— Что такое?

— Я стерла себе внутреннюю сторону бедра. Больно, не могу идти.

— Ох, бедняжка! Я же не подумала что тебя не учили с детства верховой езде. Надо было ранджитова оруженосца брать. Ну-ка давай сюда сумку и спускай шаровары.

Через десять минут ноги Зейнаб были заклеены пластырем, и она хоть и прихрамывая, смогла поспевать за госпожой.

— Придется поменять планы. Пойдем сначала к пандиту Вирасами. Он тебя подлечит лучше моего.

От этого квартала было не так уж далеко до дворца, а дом придворного звездочёта и алхимика — как раз на полпути.

Это был обычный дом не слишком зажиточного горожанина, с маленьким садиком за высоким дувалом. И не скажешь что здесь живёт придворный алхимик и астролог,

обласканный самим падишахом. Пандит Вирасами Рахман был выходцем из Тамилнада, откуда-то с крайнего юга индийского полуострова, дважды рождённый, получивший прекрасное образование. Почему он не остался на юге, при дворе Типу-сахиба, а стал искать счастья в мусульманском Дели, он не особо распространялся. Жил он скромно, постоянных слуг в доме не держал. Поэтому Ясмина могла быть уверенной, что никто не узнает об её ночном визите.

— О, принцесса пожаловала, — не скрывал своей радости пандит. Он быстро запер дверь за Яминой и Зейнаб, провел их в дом, зажег маленькую жаровню, на которую поставил чайник. Натертые ноги Зейнаб были быстро обработаны какой-то ароматной мазью, после чего служанка усажена куда-то в угол, а принцесса и хозяин начали разговоры о политике.

После получаса беседы, обсудив со словоохотливым астрологом всех более-менее значимых персон в Дели и их отношение к Гази Ферозу и Музаффару Али Гаухару, который после гибели Сираджуддина Багатура оказался наиболее подходящим претендентом на трон, Ясмина сказала:

— Ну, я, пожалуй, пойду. Мне ещё кое-кого посетить надо.

Астролог резко вскочил с подушки на ковре, на которой он сидел, и надавил обоими руками на плечи не успевшей встать девушке.

— Никуда ты не пойдешь!

— Пандит Вирасами, ты соображаешь, с кем разговариваешь? — ледяным тоном спросила Ясмина.

— Соображаю. С государственной преступницей, свергнутой с трона претенденткой, — со злорадством в голосе ответил тот. — Вот всю ночь буду с тобой развлекаться, а утром сдам Гази Ферозу. И в дракона тебе сейчас не обернуться, дракон в этой комнате просто не поместится. Это ведь я подсказал ему, что ты попытаешься улететь и посоветовал поставить перед дворцом воинов с инглазскими штуцерами. Он так и не понял, что такое драконы. А я, поскольку я лечил и тебя, и отца, про это знал.

Конечно, Ясмина могла обернуться не только в дракона, о чем пандит Вирасами, похоже, не знал. Но в данном случае она не видела в этом необходимости. Когда-то пан-

дит может быть и владел какими-то боевыми искусствами. Но несколько десятилетий малоподвижной жизни привели к тому, что он, хоть и не растолстел, форму явно потерял. Резким движением она вывернулась из его захвата, и, упав ему под ноги, ударила левой рукой в пах, потом вскочила, и оказалась у него за спиной.

Еще через несколько секунд все было кончено. Труп астролога со сломанной шеей лежал на полу, а принцесса стояла над ним и тяжело дыша смотрела на дело своих рук.

Зейнаб осторожно выбралась из угла:

— Госпожа, это вы его как?

— Очень просто, Зейнаб. Он не рассчитывал на то что женщина может оказать сопротивление. Обычно женщина в такой ситуации теряется. А меня всё-таки учили военному делу лучшие учителя, каких только смог найти отец.

Теперь давай тихо выйдем отсюда и закроем дверь.

Через пару кварталов навстречу Ясмине и Зейнаб попала группа из нескольких дворцовых слуг, хорошо знавших дочь шаха в лицо. Принцесса еле успела укрыться в тени росшего на улице старого платана. После того как слуги прошли мимо, она сказала Зейнаб:

— Что-то боюсь, тут слишком много могущих меня узнать. Давай-ка я превращусь в кошку, а ты меня понесёшь на руках. Тебя здесь не знает никто, ты из Гуджранвалы никогда не выезжала. А я тебе буду дорогу показывать.

Зейнаб очень не хотелось идти по незнакомому ночному городу одной, но приказ есть приказ. Она собрала в сумку сброшенную при трансформации одежду, взяла серую кошечку на руки и пошла по улице.

До самого дворца она дошла без происшествий, но парой кварталов дальше ей встретилась пара подвыпивших гвардейцев.

— О, гляди какая куколка, — ухмыльнулся один из них.

— Просто прелесть, — поддакнул второй. — Наверняка она рада будет доставить удовольствие двум доблестным гвардейцам нового падишаха.

Зейнаб задрожала от ужаса, не зная что делать — то ли бежать, то ли кричать. Жизнь на женской половине дворца наместника, в качестве доверенной служанки его жены не давала опыта, что делать в таких ситуациях. Ясми-

на, сидевшая у неё на руках, прекрасно это почувствовала, и мозг ей затопила багровая драконья ярость: «Как! Это... покушается на *моего* человека?!». Она прыгнула с рук служанки в лицо гвардейцу на лету меняя форму с маленькой домашней кошки на некрупную пантеру. И размер когтистой лапы, залепившей тому по уху был весьма внушительен. Оглушенный гвардеец упал. Второй бросился бежать, но огромная кошка оттолкнувшись выпущенными когтями задних лап от лежащего тела в один прыжок его настигла и впилась клыками в шею.

Постояла пару секунд около безжизненного тела, безрелигиозно отряхнула лапы, превратилась опять в маленькую серую домашнюю киску и подбежала к Зейнаб с явным намерением запрыгнуть ей на руки. Для той, видимо, концентрация ужаса была запредельной. Она безропотно подставила руки прыгнувшему зверьку, и подчиняясь выразительным жестам кошачьей морды продолжила путь.

Около одного из домов, лепившихся к городской стене у подножия башни Мартелло, Ясмينا спрыгнула с рук служанки и в темном уголке приняла человеческую форму.

— Сейчас я полезу в этот двор в виде кошки. Ты спрячься здесь в углу и жди, пока я тебя не позову.

Потом опять перекинулась в кошку и одним прыжком запрыгнула на подоконник и проскользнула в решётку незастеклённого окна.

Раджив Дасс сидел в позе лотоса, не разжигая лампы, и размышлял. Размышления у него были невесёлые. Он был доверенным лицом Мирзы Наджаф-Хана, можно сказать начальником департамента тайных операций. Но когда умер Аздахак-Шах, и был убит при перевороте Мирза-Наджаф, это, весьма прочное положение вдруг оказалось пшиком. Кто теперь знает, что представляет собой скромный брахман, подрабатывающий писцом на городском базаре? Вся его замечательная агентурная сеть, на создание которой он потратил больше десяти лет, рассыпется в полгода, если иссякнет питающий её поток золота. Обратиться к заговорщикам-победителям? Но во-первых, эти «сыновья ханов», как называли в Дели наследственную аристократию, в отличие от пришельцев-мусульман из Персии и Афганистана, вызывали у него глубокое отвращение. Та-

кой снобизм на ровном месте. Никто из «новых мусульман», прекрасно понимающих, что здесь один правоверный на сотню индусов, и не подумал бы силой загонять народ в свою веру. Вон Акбар Великий в своё время даже джизию отменил, считая что налоги все подданные должны платить одинаково. А эти...

Можно, конечно, податься к сикхам. Аздахак-шах ухитрялся их удерживать в лоне Империи, но теперь-то они точно отложатся, если Алам II усидит на троне.

В окно мягко впрыгнула незнакомая серая кошка. Приземлилась на пол и вдруг на месте её стоит юная девушка, прикрытая только длинными, до лопаток, распущенными волосами. Галлюцинации от чрезмерного умственного напряжения? Нет, не похоже. В конце концов о том, что шах умеет принимать не только облик дракона, но и облик кота, Раджив знал. А значит, его дочь...

— Ваше Величество, чем обязан вашим визитом в это скромное жилище?

— Да послать больше некого было, пришлось самой, — махнула рукой Ясмина. — Я надеюсь, что ты, в отличие от Вирасами Рахмана мне верен? (А если нет, — подумала она, — Придется в пантеру оборачиваться. С этим я в человеческом облике не слажу.)

— А что с пандитом Вирасами? — поинтересовался разведчик.

— Как оказалось, он предал меня давно. Это он подсказал заговорщикам, как не дать мне улететь в драконьем облике. Хорошо, что он не знал, что у меня есть ещё и кошачья форма. А сегодня он пытался меня схватить и продать заговорщикам. Утром, я думаю, труп найдут.

Но давай, прежде чем вести беседы на политические темы, впустим в дом мою служанку с моей одеждой. А то ночь прохладная.

Ещё через два часа Раджив Дасс провожал Ясмину и Зейнаб, улетающих в сторону Джайпура. Настроение его кардинально изменилось. Он теперь знал к кому обратиться в Гуджранвале и Армитсаре в случае чего, но главное, он теперь знал, что наследница Аздахак-шаха помнит о его существовании и ценит его работу.

* * *

На следующее утро падишаху Аламу II доложили о смерти пандита Вирасами. Неизвестный проник в дом астролога и довольно грубым приёмом, требующим большой физической силы, сломал ему шею. При этом ничего из дома украдено не было. Пока Алам II и его визирь Умад уль-Мульк обсуждали эту проблему, явился сотник гвардии и доложил что гвардейцы видели ночью в городе ракшасов. Мол шла колдунья, и когда они сказали ей пару комплиментов, маленькая кошка на руках у неё превратилась в огромную пантеру, сбила одного из гвардейцев с ног и порвала когтями, а второго загрызла насмерть.

Глава 12

Взятие Джайпура

21 июня 1798, лагерь у стен Джайпура

Николя де Пиль, командующий артиллерией в армии эмира Доста Хуссейна, осаждавшей Джайпур, сидел в своей палатке над картой. Завтра осада должна была перейти в активную фазу. Контрвалационная линия завершена и пора проламывать бреши в стенах. А это его работа.

Вдруг тихий шелест привлек внимание генерала. Он обернулся. Под полог палатки пролезла серая кошечка и сидела напротив входа, умываясь.

— Эй, ты не шпионить сюда пришла? — пошутил де Пиль.

— Конечно нет, — ответил знакомый голос, и на месте кошки обнаружилась Ясмينا, почему-то совершенно без одежды.

— Ваше, э-э, величество, вы б надели что-нибудь.

— Ах, да, — девушка стянула с койки артиллериста простыню.

— Для сари маловато, — пробурчала она, — изобразим древнегреческий пеплос, — и ловко завязала углы простыни у себя на плече.

— Николя, вы, я вижу уже знаете о смерти моего отца. Так что теперь я ваш сюзерен. И почему бы мне и не находиться в рядах своей армии.

— Ну вы бы могли явиться как человек, со свитой, — француз понемногу начал оправляться от изумления.

— Ну а мне вот оказалось удобнее придти как кошка, — как о чём-то само собой разумеющемся заявила девушка. — На самом деле всё не так-то просто. В Дели мятеж, великий визирь убит, императрица неизвестно где. Ну то есть всем, кроме вас, неизвестно.

— И что, нам надо снимать осаду, и идти на Дели? — с видимым разочарованием спросил артиллерист.

— Нет, ни в коем случае. Начатое должно быть завершено. Джайпур надо взять. Но лучше до того, как вы получите из Дели известия о моём свержении.

— А когда был мятеж?

— Три дня назад. Я потеряла темп. Когда всё это началось и они зарубили Мирзу Наджафа, я испугалась и удрала в Гуджранвалу, к Ранджиту Сингху. Вы же знаете, ему я доверяю безоговорочно. Потом мы с ним разработали план, я уже побывала в Дели и кое с кем поговорила. Но время ушло. И гонец с сообщением о том, что на Павлиньем Троне теперь сидит Музаффар Али Гаухар под именем Алам II, скорее всего доскачет до вас завтра утром.

— Этот старик? Я бы скорее подумал от Сираджуддине Багатуре.

— Заговорщики тоже о нём подумали. Но он хотел лично пленить меня и великого визиря. А Мирза Наджаф из пистолета стрелять не разучился. Ну в общем, мой план таков: завтра на рассвете мы берем Джайпур. После этого вы делаете вид, что лояльны к новой власти, а Ранджит Сингх собирает сикхское ополчение. Он как мой жених претендует на власть и собирается мстить за меня. Гаухар берёт вашу армию и выдвигает к Лахору против сикхов. Где-то под Лахором вы встречаетесь. В этот момент появляюсь я, и армия переходит на мою сторону. Гаухару и уль-Мульку, которые наверняка не останутся в стороне быстренько оттяпываем головы, и можно переходить к коронационным торжествам.

— А как ты собираешься на рассвете брать Джайпур?

— Используя некоторые способности, присущие мне как дочери моего отца, я переброшу через стену нескольких воинов, которые в Час Быка снимут часовых и откроют Ворота Солнца. Твоя задача — сделать так, чтобы с башен и стен никто не стрелял в войска, которые будут врывать

в них.

Еще хорошо бы, конечно, пострелять по городскому дворцу. Дальнобойности гаубиц хватит?

— Дальнобойности то хватит, но как наводить? Его же отсюда не видно, а форт Нахаргар мы ещё не взяли.

— В воздухе над городом будет летать дракон и подавать знаки. Ты знаешь язык пчёл?

— Язык пчёл? Что за мистика?

— Никакой мистики. Когда пчела прилетает в борть с нектаром, она бегаёт по сотам вот так, — Ясмينا схватила перо и стала рисовать на лежащем на столе листе бумаги. — Вот этим движением она показывает направление, количеством петель — расстояние.

— А откуда возьмётся дракон?

Ясмينا на секунду задумалась, а потом решительно махнула рукой:

— Ты — увидишь. И твои артиллеристы увидят. От вас потребуется чудо. Поэтому перед началом штурма надо показать вам чудо, чтобы вы поверили, что чудеса бывают. А сейчас пошли к эмиру. Мне нужно выяснить, верен он мне или нет. Только вот, у тебя есть какой-нибудь ординарец или слуга? Вызови.

По свистку Николая через несколько секунд в палатке возник солдат-раджпут. Несколько секунд он стоял столбом, плясь на Ясмину, потом немного пришёл в себя.

— Ты возьмешь фонарь с красным стеклом и пойдешь за линию постов в юго-восточном направлении. Там на краю леса негромко позовёшь Зейнаб. Выйдет девушка-служанка, приведёшь её в лагерь, накормишь и уложишь спать. — Ясмينا повернулась к генералу. — Я бы тоже не отказалась поесть и поспать. Но сначала дело.

— Может ты переоденешься, прежде чем пойдём к эмиру?

— Ну плащ может и стоит накинуть. Понимаешь, если вдруг окажется что эмир мне не верен, то от одежды придется резко избавляться.

Николай не понял, но требовать уточнений не стал. Он достаточно хорошо знал Ясмину, в конце концов уже два года он обучал наследницу престола французскому. Да и сегодняшняя история про пчелиный язык ещё раз убедила

его в том, что какую бы невысказанную вещь Ясмину ни говорила, это имеет под собой вполне разумные основания.

Впрочем, Дост Хуссейн не подвёл ожиданий Ясмину. Он сам был пришлым авантюристом, откуда-то из Кандагара, и большим другом Мирзы Наджафа. Поэтому восстановление привилегий родовой могольской аристократии его не слишком привлекало.

План взятия Джайпура, предложенный Ясминой вызвал у него некоторые сомнения. Но он не одно десятилетие прослужил в армии Аздахак-Шаха, и знал что некоторые особые способности у того и правда есть.

Для диверсии на Воротах Солнца был выбран сикхский отряд под командой Джода Сингха, сына владельца Амритсара.

Глубокой ночью отряд подняли и под прикрытием полевых укреплений построили. Перед строем вышла Ясмину, освещенная двумя факелами, один из которых держал в руках сам эмир, а второй — Джод Сингх.

— Сикхи! — обратилась она к воинам. — Вы знаете, как ценю вашу воинскую доблесть мой отец. Так же ценю вас и я. Вы львы. Каждый из вас прибавляет к своему имени титул Сингх. Сейчас мне от вас требуется деяние, достойное львов. Вы знаете, как атакует лев — сначала он долго и осторожно подкрадывается, потом один бросок, и добыча уже в зубах. То же самое надо будет сделать и сейчас. Вы подкрадётесь к Воротам Солнца на сто ярдов так, что в предрассветных сумерках вас не заметят со стен, дождётесь того, как шесть ваших воинов, которых я переправлю за стену с помощью силы, данной моему роду, откроют ворота, и одним броском ворвётесь в них, чтобы удержать их до входа в город основных сил. Отберите из своего отряда шесть самых лёгких воинов, которые пойдут со мной открывать ворота.

— Почему лёгких, госпожа? — раздался вопрос из рядов.

— Потому что я не настолько могуча, как мой отец, и не смогу поднять больше. И лучше взять шесть лёгких воинов, чем пять более сильных.

Через два часа в соседнем бастионе были точно так же построены подчиненные Николя де Пиля.

— Артиллеристы! Многие из вас родились в других стра-

нах и пришли сюда, в Индию, страну чудес, чтобы служить моему отцу и мне. Сегодня от вас потребуется совершить чудо — поразить цели, которых вы не видите, по командам наблюдателя. Чтобы вы знали, что на этой земле чудеса возможны, смотрите! — Ясмينا скинула плащ на руки де Пилю, сделала несколько шагов вдоль строя, повернулась к артиллеристам и взялась за узел на плече.

Через секунду на месте девушки стоял огромный серебряный дракон, протягивая когтистой лапой де Пилю простыню, как будто салфетку. Шестеро сикхов, двое из которых были совсем мальчишками, а четверо — просто невысокими и худыми, подбежали к дракону и забрались на его спину. Де Пиль организованно увёл своих подчинённых подальше от места старта. После нескольких резких взмахов крыльями перегруженный дракон с трудом оторвался от земли и ушёл в предрассветное небо, набирая высоту по спирали.

Через некоторое время часовой на стене около Ворот Солнца скорее почувствовал, чем заметил огромную тень, скользящую к стене. Поднять тревогу он не успел. Огромная зубастая пасть открылась и закрылась и на стену упало безголовое тело.

Дракон резко затормозил, расставив крылья и грузно опустился на площадь. Соскочившие с него воины своё дело знали. Ясмينا подумала о том, чтобы превратиться в пантеру и прогуляться по постам, но быстро поняла, что без неё справятся.

К тому моменту, как в открытые ворота ворвался весь отряд Джода Сингха, дракон уже парил в воздухе над городом.

К полудню всё было кончено. Тридцатипятилетний магараджа Пратап Сингх (который не имел никакого отношения к сикхам, происходил из касты качваха, но, как и сикхи, не стеснялся именовать себя львом), отдал свою саблю Досту Хуссейну.

И как раз в этот момент к лагерю осаждающих подскочил запылённый гонец с вестями из Дели.

Ясмينا в это время спала в палатке де Пиля. Перед полётом в Гуджранвалу надо было отдохнуть. Успешно выспавшаяся ночью Зейнаб караулила её сон.

Вечером в палатку де Пиля заглянул Дост Хуссейн. Ясмина уже проснулась и готовилась к обратному пути.

— Когда пойдешь на Дели и Лахор, оставь в Джайпуре отряд сикхов — посоветовала она. — Имаду-уль-Мульку спокойнее будет, что не нужно выводить сикхов против сикхского ополчения. А джайпурскую гвардию, наоборот, бери с собой.

* * *

24 июня 1798, Гуджранвала

Через два дня на крыше дворца в Гуджранвале Дженнифер ворчала на переводящую дух Ясмину:

— Ну где тебя носило целую неделю? Мы уже волноваться начали.

— Джайпур брала. Нельзя же было оставлять неоконченной ту войну, прежде чем начинать новую.

— Взяла?

— Ну я дочь своего отца или нет? Взяла, конечно. Правда, Джод Сингх погиб. Дедушка Джасса Рангария расстроится. Причем убит осколком своей же бомбы. Всё-таки та тактика применения артиллерии, про которую ты мне рассказывала, с непосредственной поддержкой пехоты с закрытых позиций, не для этих пушек. И показывать куда нужно переносить огонь с помощью фигур пилотажа я замучалась.

— Ну ты даешь, авантюристка на троне. Если ты так хочешь применять всякие штучки из моего времени, сходи лучше в мой мир, поучись их правильно применять.

— И схожу. У нас есть примерно два месяца, пока Ранждит будет собирать ополчение, а заговорщики выдвигать армию к Лахору. Мы уже решили, что в это время меня должно быть не видно, не слышно. Так что, чем сидеть в Драконьей Долине, пойду схожу в ваш мир. Дашь рекомендательное письмо к кому-нибудь?

— Дам, конечно. Вот только кто из моих знакомых в эту мистику поверит?

— Ну не поверит, перекинусь прямо перед ним в кошку и обратно.

— Все равно могут не поверить. Ну как французы не верили, что камни с неба могут падать. Здесь это тоже уже

было. Мои же знакомые в основном ученые. Хотя вот, профессор Малкольм из университета Глазго...

Часть III

АНГЛИЙСКИЕ ВИЗИТЫ

22 августа 2003 года, Москва

Ко второй половине августа «стажировка» Ясины в нашем мире была закончена. Для нас с ней были подготовлены костюмы, в которых можно рискнуть появиться в Англии наполеоновских времен, и не быть там принятыми за демонов или чего похуже, я собрал целый рюкзак полезных технических приспособлений, потратив не только все деньги, изъятые у садху Пунджи, но и все свои сбережения.

И вот мы отправились. Для этого мы доехали на электричке до хорошо знакомой всем московским туристам станции Подосинки и отошли от станции на несколько километров в лес. В будний день большая часть популярных полян для стоянки была пуста, и можно было использовать любую из них как стартовую площадку.

Несмотря на то, что мы были в лесу одни, Ясмина решила попробовать метод, предложенный Сашей Мартовым для смены формы в людных местах: Она из человеческой формы превратилась в маленькую серую кошечку, выскользнула из опустившейся на землю одежды, подождала, пока я уберу одежду в рюкзак и только потом приняла истинную форму.

Я забрался ей на спину, не снимая рюкзака, и она легко, несмотря на то что несла на себе довольно увесистого меня и рюкзак чуть ли не в половину моего веса, несколькими взмахами крыльев поднялась в воздух.

Когда она поднялась чуть выше верхушек деревьев, что-то вдруг неуловимо изменилось в окружающем мире, и вместо бескрайних русских лесов под нами оказались ровные квадраты возделанных полей, а на юге сверкала на солнце широкая полоса Ла-Манша.

Глава 13

Элен де Буань

22 августа 1798, Дорсет

— Первый, кого нужно посетить в Англии, это генерал де Буань, — заявила Ясмина. У него, насколько я знаю, поместье где-то в Дорсетшире.

— Почему ты хочешь начать именно с него? — удивился я.

— Это человек, который знает всех, и все знают его. Когда он служил у моего отца, не было ни одного британского офицера в Индии, с которым он не пил бы виски, и ни одного маратхского раджи, который хотя бы раз с ним не обедал. Это живой светский альманах «Кто есть кто». Думаю, что за те два года, которые он провел в Англии, он не изменил своим привычкам, поэтому у него мы узнаем всё про то, где сейчас интересующие нас люди, и получим рекомендательные письма к тем из них, с которыми я не знакома.

А еще он женат на Нур. Нур — ну она такая, такая... — деловитая и серьёзные принцесса внезапно превратилась в восторженную восемнадцатилетнюю девчонку. — Когда я только появилась в Дели, и отец меня начал обучать как наследницу, первые уроки европейской культуры мне преподала Нур. Она дочь персидского эмигранта, который у нас в Дели вырос в крупного военачальника. Нур с детства любила всё европейское, и к тому моменту как познакомилась с де Буанем уже свободно владела английским язы-

ком.

Когда я только-только появилась в Дели, многие придворные смотрели на меня как на какую-то дикарку с северных гор. Что в общем-то было чистой правдой. Но не Нур. Владея и классической персидской, и европейской культурой, она понимала что люди могут быть очень разными. Она мне очень помогла освоить не только европейские, но и делийские обычаи.

Так получилось, что наше путешествие по Англии наполеоновских войн началось с Дорсетшира.

Естественно, первый же кабатчик в Дорсете рассказал нам в подробностях как добраться до дома «индийского генерала, лорда де Буаня». Графом его здесь пока не называли. Видимо итальянский король еще не присвоил это звание савойскому авантюристу.

Мы наняли в Дорсете экипаж и отправились в поместье, расположенное всего в десятке километров. Ясмину порывалась это расстояние пролететь, но надо было соблюдать некоторые приличия. Поэтому мы ехали как нормальные люди конца XVIII века в экипаже, с кучером и лакеем на запятках. Лакей был нужен в основном для того, чтобы отнести владельцу поместья притащенную из будущего, отпечатанную на лазерном принтере визитную карточку Ясмины, где было написано «Ясмина Аздахак, наследная принцесса Дели». Сама Ясмина прекрасно знала, что этот титул устарел на два месяца, но до Англии информация о смерти Аздахак-шаха не могла успеть дойти, и опять же, одно дело когда визиты в компании всего лишь одного спутника наносит принцесса, и совсем другое, когда в таком не соответствующем статусу виде по чужой стране шляется императрица.

Де Буань, сам поспешил навстречу гостье, только прочитав визитную карточку. Это был человек чуть старше средних лет, с коротко стриженными седыми волосами и чисто выбритым волевым подбородком.

Естественно, мы были приглашены к обеду. К обеду вышла и заняла место по правую руку от хозяина невысокая женщина, на взгляд примерно ровесница Ясмины.

— Это Адель, моя жена, — гордо представил ее де Буань. Ясмينا не смогла сдержать своего удивления:

— А где же Нур?

Савоец смутился:

— Ну, понимаешь, такое дело... В общем, она сейчас живёт отдельно. Я купил ей хороший коттедж в двух милях отсюда, и нанял учителя детям...

С некоторым трудом Ясмине удалось перевести разговор с этой неловкой для хозяев темы, и заняться обсуждением тех людей, с которыми она хотела увидеться в Англии.

— Чарльз Уилкинс? Конечно я знаю старика Чарльза. Он живёт в Лондоне, в квартире, совершенно не соответствующей, на мой взгляд, статусу человека, который столько сделал для Британии, и к тому же семейного. Но он всегда был скромнягой и школяром. Конечно, я напишу ему пару строк.

— Корнуоллис-старший? По-моему, он сейчас в Ирландии, но не могу сказать точно. Пожалуй, езжайте-ка вы в Портсмут, это миль семьдесят отсюда, ночь на дилижансе, там сейчас служит младшим флагманом его младший брат Уильям. Он наверняка в курсе, где и что поделывает старший.

— Натаниэль Халхед? Нет, лучше с ним сейчас не общаться. Когда я приехал в Англию, это имя в приличных кругах упоминать не полагалось. Он связался с какими-то сектантами и даже выступал в их защиту в парламенте, за что светское общество подвергло его остракизму. Жалко, толковый был мужик, я общался с ним в начале 80-х в Мадрасе. Возможно, Уилкинс что-то про него знает.

— Гемфри Деви? Это тот молодой поэт из Корнуолла, который бросил поэзию и занялся химией? Нет, с ним я лично не знаком. Мне про него Кольридж как-то упоминал. Вроде бы он сейчас работает в Бристоле.

В общем, покинули мы гостеприимное поместье часа через три, нагруженные рекомендательными письмами и ценными сведениями, и Ясмينا решительно скомандовала кучеру править к коттеджу госпожи де Буань.

На звук дверного колокольчика выглянула женщина лет тридцати, одетая скорее в персидском стиле, чем в английском.

— Нур, ты выглядишь совсем как в Дели, — приветство-

вала её Ясмина на фарси.

— Ясмина, — наконец узнала мою спутницу хозяйка дома. — Как ты повзрослела.

Они крепко обнялись, потом переместились в дом, непрерывно, перебивая друг друга, тараторя на фарси.

Дом, за исключением прихожей, был тоже отделан в восточном стиле. Кругом ковры, подушки, даже и не скажешь что находишься в Англии.

Через некоторое время, когда первая потребность в обмене новостями между женщинами была удовлетворена, хозяйка дома заметила, что их фарси я не понимаю. И перешла на английский. Английский у неё был безупречным, хотя почему-то чувствовалось, что это язык ей не родной.

— Понимаешь, Ясмина, — рассказывала она. — Я всю жизнь считала европейскую культуру чем-то таким, прекрасным, к чему хочется стремиться. Я выучила английский язык, потом познакомилась с Бенуа де Буанем и прожила с ним почти десять лет. Позволила ему увести себя с детьми в Англию, крестилась здесь и приняла имя Элен.

Но прожив здесь пару месяцев я начала понимать, что я — персиянка. Что наш родной образ жизни мне гораздо милее. Некоторое время мы постоянно ссорились с Бенуа из-за этого. Он-то настоящий европеец, он вернулся домой из нашей Индии, и хотел жить как здесь все живут. А мне вот чего-то в здешнем образе жизни не хватает. В Индии я чувствовала себя человеком Запада, в Англии — человеком Востока.

В конце концов он познакомился с этой Адель, и я даже с некоторым облегчением позволила ему со мной расстаться. Он, конечно меня и детей обеспечил, но у него теперь другая семья и другая жизнь. А я тут вот зависла между Западом и Востоком.

Она замолчала, опустив руки на колени.

Ясмина некоторое время не нарушала тишины, а потом предложила:

— А возвращайся-ка ты в Дели. При моём дворе найдется место для дамы, знающей европейские обычаи и владеющей европейскими языками. Ты знаешь, что такое европейские салоны и чем они отличаются от наших котха, ты способна организовать вокруг себя светское общество.

— Ты фактически предлагаешь мне роль высокопоставленной тавайф. А ты знаешь, что европейцы переводят тавайф словом куртизанка. Хотя это слово происходит от court, в смысле королевский двор, его основное значение — продажная женщина.

— Но ты же прекрасно знаешь, что хозяйки салонов здесь — женщины с прочным положением в обществе. Никакие не куртизанки, а обычно жёны сановников или богатых землевладельцев.

— То-то и оно, что жёны. Ни там у нас, ни здесь, женщина не значит ничего если она не при муже. Замужняя женщина может многое, если муж не возражает. На женщину, которая делает то же самое, не имея мужа, будут смотреть косо.

— На вдову — не будут.

— Ну так то на вдову. А меня Бенуа, можно сказать, выгнал. Что по мусульманским обычаям, что по христианским это репутации не прибавляет.

— Да кто у нас там в Индии будет разбираться, выгнал, не выгнал. Он уехал в другой мир, всё равно что умер.

— И есть ещё проблема с моей роднёй. Ты знаешь, мой отец всегда недолюбливал Бенуа, и считал что я могла бы найти себе лучшую партию. А если он узнает, что я крестилась... Ты ведь знаешь что по исламским законам веротступник заслуживает смерти.

— Ну исламские законы у *меня* в Империи будут действовать постольку, поскольку они не мешают её процветанию. Ты знаешь, что Акбар Великий отменил даже джи-зию. Сейчас для того, чтобы противостоять военной угрозе Ост-Индской Компании, нужно объединить усилия и мусульман и индуистов, и джайнов, и привлечь возможно больше военных специалистов-христиан. Поэтому при моём правлении веротерпимость будет больше, чем при Акбаре. А если кто с ним не согласен...

А твой отец, к моему огромному сожалению, погиб при осаде Джайпура. Так что реально претендовать на какую-то власть над тобой некому. В общем подумай. — Ясмина вытащила из кармана чековую книжку, выданную Бенгальским банком и выписала чек. — Этого явно хватит на дорогу и тебе, и детям.

После этого Ясмينا рассказала о своих планах.

— И как же ты тут собираешься наносить визиты в сопровождении только одного спутника мужского пола? Когда юная девушка в Старой Англии путешествует, у неё обязательно должна быть компаньонка, дама средних лет, иначе репутация девушки будет абсолютно разрушена.

— Де Буань по-моему, не высказал никаких сомнений в моей репутации.

— Бенуа знает тебя ещё по Индии. Там весь Дели знал, что падишах воспитывает наследницу для своего трона, и никого не удивляло, что ты ведёшь себя по-мужски. В конце концов Раззию в Дели помнят. Но здесь, в Англии, ты пока никто. Абстрактная индийская принцесса, мало ли их там, на Востоке.

— Н-да, — задумалась Ясмينا. — Пожалуй, ты права. Но где ж мне взять такую компаньонку. Разве что ты согласишься... Но у тебя же дети...

— Дети — как раз не проблема. У них есть гувернантка, есть учителя. Бенуа хорошо позаботился об их образовании, так что оставить их на неделю-другую, или сколько ты планируешь пробыть здесь, я вполне могу.

Принцесса порывисто вскочила с подушек и обняла хозяйку дома:

— Спасибо, я была уверена, что ты мне поможешь.

После этого мы рассчитались с кучером, заявив что останемся здесь ночевать, а потом нас отвезут куда надо на коляске из поместья. А через полтора часа уже входили в дверь небольшой, но приличной гостиницы на северной окраине Портсмута. Ясмينا решила не скрывать от Нур свою драконью сущность. Та, хотя для неё превращение девушки в огромного монстра и было несколько неожиданным, быстро привыкла, и прекрасно перенесла перелёт.

Глава 14

Дым над портсмутскими доками

23 августа 1798, Портсмут

Наутро мы отправили с мальчишкой-служгой из гостинцы письмо адмиралу Корнуоллису. Ответ последовал быстро. Адмирал приглашал нас отобедать в ресторан «Подзорная труба» в три часа пополудни.

Не то чтобы совсем великосветское поведение, но, похоже дома у него здесь нет, не в каюту линкора же приглашать гостей.

До этого времени делать было особенно нечего, и мы отправились осматривать город. И мне и Ясмине было интересно увидеть вблизи одну из главных баз Royal Navy.

Выйдя к бухте мы неожиданно увидели столб чёрного дыма. Присмотревшись, я понял, что дым поднимается над небольшим корабликом с высокой трубой, который, шлепая по спокойной воде бухты плитцами колёс, разворачивает огромный трехдечный корабль к выходу из бухты.

Что за ерунда? Не должно быть в Англии в 1798 году паровых буксиров.

Мое удивление заметил ошивавшийся неподалеку человек в поношенной матросской фуфайке с красным от

неумеренного употребления алкоголя носом.

— Благородных господ заинтересовал пироскаф? Если вы дадите старому Тому возможность промочить горло, старый Том расскажет вам всё про это чудо науки.

Я протянул нищему шестипенсовик.

— Вы знаете, господа, что для флота Портсмутской базе огромная проблема вовремя выйти в море. Если дует западный ветер, французы легко выходят из Булони, а кораблям Его Величества приходится идти в лавировку, чтобы их перехватить. А в бухте это неудобно.

А тут один гениальный американский механик, Фултон его фамилия, предложил французскому, этому, как его, Директору, или кто у них там нынче вместо короля, в общем генералу Бонапарту, корабль, способный идти против ветра силой огня. Бонапарт, к счастью, не заинтересовался, а вот адмирал Джарвис сумел переманить этого американца сюда. И вот, смотрите, первый в мире буксир-пироскаф вращает корабли в гавани. Когда у нас их будет десять, они смогут быстро вытащить флот из бухты на перехват французам.

— Фултон в Англии? — повернулся я к Ясмине. — Вот интересно, это независимые события или поражение, нанесённое Надир-Шаху под Шикарпуром шестьдесят лет назад привело к изменению маршрута движения американского изобретателя?

— Думаю что дело в Джарвисе. Уважаемый Том, — обратилась она к нищему. — Не могли бы вы уточнить, когда адмирал Джарвис занял пост командующего флотом Кана-ла?

— 16 ноября девяносто шестого, — отрапортовал тот. — После того как адмирала Худа убило шальным ядром в том бою, когда Виларет Жуайёз пытался прорвать блокаду Бре-ста.

— Вот. А у вас когда я читала биографию Джарвиса, я мне резануло глаз что он получил это назначение позже того момента, который я считала «сейчас». Я же точно помню что до Дели информация о его назначении дошла.

Я достал из кармана небольшую книжечку, на составление которой убил несколько вечеров перед отлётом. Это были распечатанные на лазерном принтере 8-м кеглем

краткие биографии всех заслуживающих внимание деятелей рубежа XVIII-XIX века. Ага, вот французский адмирал Луи-Тома Виларет де Жуайёз.

— Похоже, что как раз Виларет де Жуайёз постарался. Он же служил в Индии под началом Сюффрена. А значит изменения реальности, происходившие в Индии, могли как-то его коснуться, и в результате он не попал в ссылку в сентябре 96. Вот в ноябре и повоёвал.

Старина Том с интересом вслушивался в наши рассуждения. Я было хотел потихоньку увести разговор на более нейтральную тему, но махнул рукой. Даже если нищий и передаст наш разговор сотруднику какого-нибудь местного Сикрет Сервис, тот ничего не поймет.

* * *

Так мы прогуливались втроем по Портсмуту. Ничего особенно интересного я не увидел. Возможно, просто не знал, куда смотреть.

Наконец, настал назначенный час обеда и мы пошли в «Подзорную Трубу».

Это был весьма приличный ресторан, расположенный прямо на набережной. Адмирала мы опознали сразу, благо он сидел за столиком в мундире. Это был слегка располневший, загорелый пышущий здоровьем человек старше средних лет.

— Сэр Уильям, — обратился к нему я. — Я Рихард Беринг, советник принцессы Ясины. Позвольте представить вам принцессу и её компаньонку Элен де Боань.

Адмирал встал из-за стола и поклонился:

— Принцесса, очень рад познакомиться с вами. Брат о вас немало рассказывал. А я только однажды был представлен вашему отцу. Присаживайтесь.

Он тут же посоветовал что выбрать из меню, а потом разговор пошёл о каких-то не очень известных мне людях. Сначала они вспоминали каких-то общих знакомых по Индии, потом Ясина стала у него выяснять, что за человек Питер Реньер, командующий Ост-Индской станцией Британского флота.

Адмирал почти не пересекался с Реньером. Тот получил пост командира базы на Ямайке как раз тогда, когда Корнуоллиса перевели в Англию, командовать королевской ях-

той, и в Мадрас «Саффолк» Реньера прибыл буквально за несколько дней до отплытия Уильяма в Европу.

Потом речь всё же зашла о старшем брате адмирала.

— Вы знаете, принцесса, Чарльз вряд ли сможет сейчас уделить время общению с вами. Юмбер высадился в Ирландии с двумя тысячами французов, и Чарльз сейчас спешно собирает войска для подавления инспирированного французами восстания ирландцев. Думаю, что к тому моменту, как вы доберетесь до Дублина он как раз выдвинется куда-нибудь в Коннахт, а полевой лагерь это не место для юных принцесс.

— Ну почему же? — пожала плечами Ясмينا. — Будь я принцем, вы бы вряд ли стали меня отговаривать посмотреть вблизи на настоящую европейскую войну. А ведь я наследница, мне придется править страной и иметь дело и с высадкой вражеских войск, возможно даже тех же французов, и с восстаниями.

Вдруг в ресторан зашли двое мужчин, лет примерно тридцати, в штатских сюртуках с засученными до локтей рукавами.

— А вот и сэра Уильяма! — громко сказал один из них. — Вот мы сейчас и выясним у него кто из нас прав.

И оба решительно направились к нашему столу.

— Сэр адмирал, позвольте мне вас отвлечь, — сказал тот, который помоложе.

— Присаживайтесь, господа, — ответил тот. — И давайте я сначала представлю вас своим гостям. Это, — он указал на того который постарше, — Роберт Фултон. А это — Изамбар Брюнель. Они инженеры нашей верфи, оба талантливые изобретатели. А это Ясмина Аздахак, наследная принцесса Империи Великих Моголов, её придворная дама Элен де Буань, и советник Рихар Беринг.

Ясмина обратила на Фултона наигранно-наивный взгляд через длинные ресницы:

— Это вы, господин Фултон, построили тот удивительный корабль, который мы видели на рейде? А можно как-нибудь посмотреть на него поподробнее?

— Никаких проблем, принцесса, — растаял тот. — Часов в шесть пополудни работы на рейде закончатся, пироскаф подойдет к причалу на ночь, и я устрою вам там экскурсию.

Буду рад видеть вас на четвертом причале в шесть часов. А сейчас позвольте мне отвлечь внимание адмирала. Наше с Изамбаром дело не терпит отлагательства.

Меня мучал когнитивный диссонанс. Я был уверен что Изамбар Брюнель — это великий инженер 40-х — 50-х годов XIX века. Западная железная дорога, пароходы «Грейт Вестерн» и «Грейт Истерн». Но вот на дворе 1798 год и передо мной стоит Изамбар Брюнель, которому лет тридцать. Сколько же ему лет было тогда, когда он строил величайший колёсный пароход мира?

Я незаметно извлек из кармана свой биографический справочник и стал его листать. Ага, вот. Это не тот Брюнель, это отец того. А тот ещё не родился.

— Принцесса, вас, конечно восхитил пароход Фултона, — сказал сэр Уильям. — но лично меня машина по изготовлению блоков Изамбара восхитила гораздо больше. До этого сезона мы флот постоянно испытывал недостаток всяких деревянных мелочей — блоков, юфферсов и так далее. А сейчас буквально десяток человек обслуживают машину, которая производит всё это в неограниченных количествах.

— Это исключительно интересно, Ясмина, — согласился я. — Пусть и не паровое, но массовое, стандартизированное производство. Я бы с большим интересом его осмотрел, если господин Брюнель нам разрешит.

Брюнель, конечно, разрешил. Потом инженерам, наконец, удалось донести до адмирала тот вопрос, с которым они пришли. Они никак не могли поделить партию брёвен из канадского дуба, которые были нужны Фултону для второго буксира, а Брюнелю для выполнения планов по производству блоков. Увы, как обычно, текучка победила полёт инженерного гения, и брёвна достались массовому производству, а не перспективной машине будущего.

После обеда мы сначала отправились осматривать завод блоков и прочих дельных вещей. Это было крайне интересно. Безо всяких механических двигателей, обслуживаемая от силы тремя людьми, машина Брюнеля гнала потоком стандартные детали. Ну то есть я бы, может, и изобразил что-то подобное при нужде, но я вообще-то себе представляю что такое конвейер, револьверный станок и прочие

изобретения второй половины XIX — XX века. А Брюнель придумал всё это из головы, с нуля.

Больше всего меня интересовало как удаётся заставить выдерживать стандартные размеры местных мастеровых. Оказалось, примерно таким же способом, каким это делалось в XX веке Фордом и Тейлором. Все измерительные приборы на серийном производстве должны показывать не «столько-то миллиметров или линий», а «правильно-неправильно». Тогда даже английского плотника можно выдрессировать. Я надеюсь, у Ясины в Индии ремесленники малость потолковее будут.

В общем, на пароход к Фултону мы еле успели к назначенному времени. Машина у него стояла, конечно примитивная. Однократного расширения, с открытым циклом. Котел тоже был даже не огнетрубный, а просто чугунный котел с крышкой. Сколько это требовало угля, сложно себе представить.

Фултон стал рассказывать, как он собирается усовершенствовать пароход. До поворотных плитц, он, что удивительно, уже додумался. Мне пришлось мысленно ухватить себя за шкуру, чтобы не подарить ему идею конденсатора и многократного расширения. Самим пригодится.

Но когда он стал рассказывать о том, что Джарвис против установки паровых машин на боевые корабли, потому что колёса займут ценное место по бортам, где могли бы быть пушки, колёса слишком уязвимы для вражеского огня и покажут себя малоэффективными в штормовом море, я не утерпел и напомнил ему что хорошо известный ему Джон Фитч пару лет назад использовал архимедов винт для движения парового судна.

Как выяснилось, Фултон не знал об этой, одной из последних, попыток Фитча построить паровое судно. Пришлось нарисовать ему эскиз гребного винта.

Когда мы покинули пароход и отправились в гостиницу, Ясина спросила:

— Зачем ты делишься с ними ценными изобретениями? Ты не боишься, что они будут это использовать против нас?

— Думаю что не успеют. Скорее всего до окончания войны с Наполеоном продавить что-то интересное даже через Джарвиса будет тяжело. Ты же видела что все ресурсы мо-

ментально уходят на обычные, традиционные корабли. А Фултон пусть работает. Может мы потом к нему внедрим парочку шпионов и кое-какие его разработки позаимствуем. А то и самого переманим, если ему надоест биться как рыба об лёд.

Наши дальнейшие планы предполагали посещение нескольких человек в Лондоне, а потом добраться до Корнуоллиса-старшего в Дублине. В Дублин придется лететь. А вот до Лондона мы уговорили Ямину отправиться почтовым дилижансом. Расстояние от Портсмута до Лондона Ямина бы пролетела за пару часов, но искать в Лондоне удобное место для приземления я бы не рискнул. Поэтому мы целых 12 часов тряслись в дилижансе. Я дал себе слово, если мы будем внедрять в Индии почтовую службу, изобрести для дилижансов рессоры посовременнее, чем применяются в Англии.

Глава 15

Храм Муз

24 августа 1798, Лондон

Солнце уже было довольно высоко, когда дилижанс остановился около почтового отделения в Вестминстере. Нур моментально сориентировалась, нашла нам извозчика, который доставил нас в гостиницу, где мы сняли два номера — один дамам, второй мне.

И теперь можно было отправляться по делам. Наносить визиты было ещё рановато, поэтому Ясмина задала Нур вопрос:

— Где тут, в Лондоне, самый лучший книжный магазин?

Дама задумалась:

— Ну, когда Бенуа закупал книги для обучения детей, он это делал в «Храме Муз» Лэкингтона. Это где-то на севере Лондона.

— Далеко?

— На самой окраине, примерно в полумиле к северу от Сити.

«Не видела Нур больших городов, — подумал я. — Мне, выросшему в Москве XXI века, да и Ясмине, проводшей в этой Москве два месяца, полмили от Сити покажутся самым центром».

Разослав письма всем, кого бы мы хотели посетить, мы отправились в книжный магазин.

Магазин меня впечатлил. Похоже, что легенды о том, что на церемонии открытия по торговым залам разъезжал

дилижанс, запряженный четверкой лошадей, вполне правдоподобны. Я, конечно, в своей Москве назову парочку липутов и покрупнее, но вообще «Храм Муз» вполне мог потягаться с «Книжным Миром» моего времени.

Я сразу же закопался в отдел, связанный с инженерным делом. Мне там сразу бросилась в глаза книга Пьера Буге «Трактат о корабле». На эту книгу ссылались многие работы и моего времени. А по нынешним временам это вообще последнее слово кораблестроения, еще не до конца воспринятое даже Royal Navy. Пригодится. Поскольку все мои знания из будущего опираются на технологическую базу как минимум XX века. Найти что-то по паровым машинам мне сходу не удалось.

Тут я обратил внимание что Ясмينا в отделе политики ведет с кем-то оживленную беседу. Взяв книгу Буге, я подошел туда. Рядом с Ясминой стоял юноша, почти мальчик, лет, наверное пятнадцати, и она упорно пыталась доказать ему, что время коней и паруса в военном деле прошло.

Они обсуждали какую-то вышедшую по свежим следам книгу об осаде Тулона.

— Рихард, знакомься, — сказала Ясмينا мне по-английски. — Это сын русского посла в Лондоне, Майкл Воронцовф.

— Миша, сын Семена Романовича? — переспросил я по-русски.

Юноша кивнул.

— Очень приятно познакомиться.

— Принцесса, — Миша продолжал разговор по-английски, — надеюсь, вы посетите дом моего отца?

— Увы, Майкл, у меня очень мало времени на посещения Лондона, — ответила Ясмينا. — Так что у меня вряд ли найдется время на светские визиты. А дел к русскому послу у меня сейчас нет.

И мы удалились, оставив парня в некотором ошолбении.

Глава 16

Специалист по типографике

24 августа 1798, Лондон

*(Фрагмент недописан) Беседа с Чарльзом Уилкинсом
У Уилкинса герои встречаются с Натаниэлем Халхедом,
который рассказывает про своего знакомого алхимика
Питера Вульфа*

— Не люблю алхимиков. — скривила рот Ясмينا. — Вот был у отца в Дели один алхимик, так потом пришлось ему вот этими руками шею свернуть.

— За что? — хором удивились оба ориенталиста.

— Ну, понимаете, господа, он почему-то думал что мужчина, даже если он последние двадцать лет работал исключительно за письменным столом, всегда справится с юной девушкой, даже если ту учили боевым искусствам лучшие преподаватели, которых можно найти в Империи. Поэтому пытался меня скрутить и сдать заговорщикам. Козёл похотливый.

— Алхимики, конечно, люди с о странностями и Питер тоже... — задумчиво пробормотал Халхед. — Но вот что касается отношения к женщинам он безупречный джентльмен.

Я тем временем листал свой карманный справочник. Наконец я нашел там этого персонажа.

— Ясмина, это же человек который еще четверть века

назад получил пикриновую кислоту! По-моему, к нему обязательно стоит нанести визит.

— Почему вас так заинтересовало это его незначительное открытие? — удивился Уилкинс.

Раскрывать что такое хорошая бризантная взрывчатка я не собирался. В конце концов я имею дело ни много ни мало, как с будущим библиотекарем Ост-Индской Компании, то есть фактически главой британского мозгового центра индологии. Вульф открыл пикринку как желтую краску для ткани, так мы её и опишем.

— Понимаете ли господа, благополучие Индии, как вам прекрасно известно, держится на ткацком производстве. Поэтому научные исследования в области окраски тканей могут существенно повлиять на наполнение императорской казны.

Глава 17

Завтрак у Алхимика

25 августа 1798, Лондон

Как выяснилось, попасть на знаменитый в узких кругах завтрак у Питера Вульфа не так-то просто. Завтрак состоится четыре утра, ещё до рассвета, и чтобы попасть в этот неурочный час в дом учёного, нужно подать секретный сигнал. Халхед сигналом с нами поделился, но встречаться с нами и провожать нас к алхимику категорически отказался. Каждый из жаждущих тайного знания должен добираться до его обители самостоятельно. Уже то, что Ясмينا придет с сопровождающим, нарушение, но простительное.

Нур категорически отказалась участвовать в этой авантюре, заявив что она порядочная женщина и по ночам через чужие заборы лазить не собирается. Если некоторые наследницы воспитаны как мальчишка-сорванец, то это их личное дело, а она лучше выспится после бессонной ночи в дилижансе.

Так что на завтрак к алхимику мы отправились вдвоём.

— Меня подмывает перекинуться в кошку и приехать туда у тебя за пазухой. А там — торжественно превратиться в пантеру, а потом уже и в девушку. Единственное что останавливает, это то, что превращаться в обнаженную девушку придётся у всех на глазах, — сказала Ясмينا, пока мы пробирались по улицам ночного Лондона.

Но вот наконец мы оказались на заднем дворе шестиэтажного доходного дома. Я постучал по водосточной тру-

бе три раза, потом посвистел в свисток, который нам одолжил Халхед, потом три раза повернулся на носке левой ноги. Когда я закончил третий поворот, люк угольного подвала отворился, и почти неразличимая в темноте фигура, закутанная в чёрную ткань с головой, поманила нас к себе. Мы по очереди спрыгнули в люк. Существенной частью ритуала было то, что сопровождая на это загадочное сборище девушку, нельзя подавать ей руку, помогая спуститься в подвал.

Правда, Ясмينا, будучи кошкой и драконом одновременно, прыгает куда лучше меня.

Из подвала мы поднялись по чёрной лестнице на третий этаж и проникли в квартиру. Комната, в которой мы оказались произвела у меня впечатление даже не химической лаборатории, а чулана для неиспользуемого оборудования при такой лаборатории. Под потолком висело чучело крокодила, а в одном из углов присутствовала и армиллярная сфера диаметром сантиметров в шестьдесят, вернее, следовало бы сказать в пару футов.

Посреди разнообразных змеевиков, колб и жаровен располагался покрытый белоснежной скатертью чайный стол, освещённый масляной лампой, за которым сидел сам хозяин в завитом парике. Рядом с ним располагались те гости, которые успели придти раньше нас, в том числе и Халхед.

— О, принцесса, вы всё-таки решили почтить своим присутствием наше скромное собрание, — приветствовал он Ямину.

— Принцесса?! — удивился Вульф.

— Да, — пояснил Халхед. — Питер, позвольте вам представить Ямину Аздахак, наследницу трона Великих Моголов и её верного рыцаря Рихарда Беринга.

— Как интересно, — потёр руки Вульф. — У меня никогда ещё не бывало гостей восточнее, чем из Петербурга.

— О вы многое потеряли, — улыбнулся в ответ я. — Зная ваш интерес к Великому Деланью, могу утверждать что вы совершенно напрасно замыкаетесь в рамках средиземноморской традиции, игнорируя Восток. Всё таки Египет и Иудея это, считай Европа. А принципиально другие традиции начинаются с Персии и восточнее.

Хозяин представил нам прочих гостей. Один из них при-

влек моё внимание:

— А это Билл Конгрев, начинающий журналист, магистр искусств.

Молодой человек, лет двадцати пяти на вид, в цивильном сюртуке, встал из-за стола и поклонился.

— Вы сын полковника Конгрева, суперинтенданта Вулвичского арсенала?

— Да, но мне хочется остаться в истории как самостоятельная личность, а не как сын своего отца.

— Тогда вам стоит бросить журналистику и заняться изобретательством. У вас есть к этому задатки. Если вы не будете тратить свои силы на слишком фантастические проекты, вроде вечного двигателя, а займетесь практически вещами, вроде воспроизведения на английских фабриках майсурских боевых ракет, или усовершенствованием паровых машин, то есть шансы, что это вашего отца будут вспоминать как «отца того самого Конгрева».

Молодой человек выпучил глаза, и казалось, что воротник врезался ему в горло:

— Скажите, сэр, вы владеете искусством чтения мыслей? — спросил он, когда дар речи вернулся к нему через несколько секунд.

— Что вы, какие мысли. Так, немного предсказания будущего. Увы, техника чтения мыслей слишком завязана на язык, на котором человек думает, и индийские пандиты ещё не разработали технологию чтения мыслей на английском языке.

Глаза Вульфа, уставившегося на меня в упор, горели ярче чем угли в камине.

Я мысленно потёр руки. Попал. Видимо, молодой Конгрев уже думал обо всех тех вещах, которыми он в нашей реальности займется лет через пять, но ни с кем ещё не делился. Поэтому он принял меня за ясновидца и телепата. Так что теперь, похоже, Вульф, мой.

* * *

— Было бы интересно, — сказал я, — получить вашу жёлтую краску не из индиго, которое сама по себе краска, а из продуктов перегонки каменного угля.

— Вы считаете, что может получиться? — задумался Вульф.

— Да, некоторые соображения симметрии заставляют предполагать что среди продуктов перегонки угля должно быть вещество, нитрование которого даст пикриновую кислоту.

— Хм, у вас там действительно несколько иная традиция. Некоторые соображения симметрии, вы говорите... К сожалению, я сам не большой специалист по перегонке угля — больно уж грязное занятие. Но у меня есть знакомый в Париже, Филипп Лебон. Он как раз сейчас возится именно с этим. Хотя вот продать парижскому магистрату свой способ получения светильного газа он так и не сумел и находится в сложном финансовом положении. А двигатель в котором вместо нагревания воды огонь используется непосредственно для движения поршня, он так построить и не сумел.

— Интересно, если ему предложить контракт в Дели, его это заинтересует? В отличие от консервативных французов, мы бы как раз не против осветить наши города газовыми фонарями.

— Пожалуй, да, только ему потребуются подъемные. Деньги на дорогу у него вряд ли найдутся.

— Могу ли я просить вас передать ему наше предложение. Вы говорите, что вы с ним хорошо знакомы?

* * *

— И всё-таки надо бы добраться до Корнуоллиса в Дублине... — задумчиво сказала Ясмينا, когда мы покинули гостеприимный дом алхимика.

— Зачем? Он там с французами и повстанцами воюет, ему не до того, чтобы передавать тебе опыт управления Индией.

— Хочу задать ему один вопрос. Только один. Я много читала в будущем про его реформы в Индии, а кое-какие результаты видела своими глазами. Вот и хочу его спросить — он намеренно устроил голод в Бенгалии или нет.

— А он тебе ответит?

— Надеюсь. В своё время, как раз когда отец забрал меня из Драконьей Долины в Дели, они были в достаточно приятельских отношениях. Ну насколько могут быть правители соседних, часто враждующих стран. Ко мне он относился как к племяннице или внучке.

Глава 18

Корнуолльский механик

26 августа 1798, Бирмингем

Из Лондона мы вылетели перед рассветом. В конце концов, на дворе XVIII век, ПВО отсутствует, и можно спокойно летать днём.

Расстояние от Лондона до Дублина по прямой вполне в пределах возможностей Ясины, но с двумя пассажирами 500 км всё-таки многовато. Поэтому мы решили не торопиться, и преодолеть этот маршрут за два перелёта.

Устроить привал мы, после некоторых споров решили в Бирмингеме. Помимо того что этот город удачно располагался почти на кратчайшем пути между Лондоном и Дублином, хотя и чуть ближе к Лондону, в нём располагались механические мастерские «Боултон и Уатт», где было развернуто самое массовое на данный момент в мире производство паровых машин, производились самые современные станки. У Боултона собирался крайне интересный кружок, под названием «Лунное Общество». К сожалению наиболее интересного из членов этого кружка, Джозефа Пристли, первооткрывателя кислорода и углекислого газа, мы там не застанем, он уже несколько лет как перебрался за Атлантику, выжитый из Англии за свои симпатии к Французской революции.

У нас были два рекомендательных письма к Боултону.

Одно — от Уилкинса, второе — от Вульфа.

Прощаясь с нами в конце своего знаменитого завтрака Вульф высказал сожаление, что на очередное заседание Лунного Общества мы не успеем, так как оно должно было состояться на следующий день. Он не знал что мы можем перемещаться по воздуху.

Преодолеть 170 километров для Ясины это примерно три часа. Поэтому уже ко времени позднего завтрака мы совершили посадку в месте, называвшемся «Счастливым Холм», в десяти минутах ходьбы от мануфактуры Боултона и Уатта. К сожалению, поймать извозчика здесь, фактически за городской чертой, было негде, кроме как у самой фабрики, и мы были вынуждены отправиться к ней пешком.

К счастью, не доходя до ручья, на берегу которого располагалась фабрика, мы наткнулись на паб с черным орлом на вывеске, где и решили позавтракать¹.

Здесь, на фабричной окраине Бирмингема 9 утра было разгаром рабочего дня, поэтому паб был почти пуст. Только в одном углу сидел мрачный человек средних лет в довольно недешевом тёмном сюртуке и мрачно глядел в кружку эля.

Судя по всему это был представитель достаточно зажиточных кругов. На мастерового не похож, хотя проглядывавшая через сюртук мускулатура свидетельствовала о том, что он не чужд физического труда. Но на богатого фермера этот посетитель был тоже не похож.

Когда официант притащил нам яичницу с беконом, я тихо поинтересовался, что это за странный посетитель.

— О, это известный корнуольский механик, господин Тревитик, — ответил тот. — Он приехал к Боултону по каким-то делам, но видать что-то у них не сладилось, поскольку он с утра не пробыл на фабрике и часа, и сидит теперь здесь, мрачный.

— Поднесите ему от моего имени кружку эля, — сказал я, и, когда кружка появилась, подошёл к его столику и

¹Паб The Black Eagle 16, Factory Rd, Birmingham существует на самом деле, хотя судя по всему основан несколько позже. На сайте написано «pub was rebuild toward the end of Victorian Era», но ничего не написано о том, что было на этом месте до 1895.

спросил:

— Простите, сэръ, не вы ли тот Тревитик, который в прошлом году демонстрировал в Корнуолле паровой котел с давлением в пять атмосфер.

— Да, это я, — тяжело вздохнул он. — Но, увы, толку из этого никакого. Боултон и Уатт запатентовали в этой области каждый чих. Вот сегодня я пытался у них купить лицензию на производство паровых экипажей, но Уатт мне отказал.

— Это почему ещё? — произнёс я удивленным тоном.

— Он полагает, что применение котлов высокого давления в повозках слишком опасно. А с низким давлением тут ничего не выйдет, слишком большой размер должна иметь машина.

— Я полагаю, что для хорошего парового экипажа недостаточно и того, что вы называете высоким давлением. — Я вытащил из планшетки карандаш и блокнот и начал набрасывать формулы.

— По-моему, 12-15 атмосфер, это минимум. 4-5 атмосфер в лучшем случае сгодятся для локомотива, который тащит вагонетки по рельсам. И то и там бы лучше было десять-двенадцать. Это позволит увеличить длину состава.

А на шоссе, а тем более на бездорожье, меньше чем с 12 атмосферами и думать нечего соваться.

— Но зачем бы могло понадобиться ехать на паровом экипаже по бездорожью?

— Артиллерийский тягач. Вроде того, которым Кюньо в Париже проломил стену Арсенала. Какие бы ни были дороги в районе осажденной крепости, деятельность крепостных артиллеристов быстро превратит их в бездорожье. А таскать осадные оружия конными или воловьими упряжками под огнём... Ну вы понимаете...

— Вы артиллерист? — заинтересовался механик.

— Хуже. Я советник по вопросам техники у индийской принцессы Ясины, наследницы трона Великих Моголов. Приходится разбираться и в артиллерии, и в морском деле, и еще много в чём. Вот видите двух дам за тем столиком. Та, которая помоложе, это принцесса, а постарше — её фрейлина Элен де Буань.

— Восточной дамой скорее выглядит леди Элен. А прин-

цессу, если бы вы не сказали я бы ни за что не принял бы за индуску. Европейское платье она носит как родное.

— И правильно бы не приняли. Принцесса не индуска, а мусульманка. В Империи Моголов почти вся знать исповедует ислам. А госпожа де Буань происходит из знатного персидского рода. Она приняла христианство чтобы стать женой генерала де Буаня. Но вернемся к нашей теме. Я совершенно согласен с Уаттом, что здесь в Англии сейчас не создать достаточно легкий и производительный котёл высокого давления, чтобы получить хороший паровой экипаж. Но это здесь.

В Индии — другое дело. У нас там имеются древние традиции обработки стали, и можно сделать котёл не из чугуна или пудлингового железа, а из стали, да ещё и специально подобрать состав сплава, чтобы держал высокую температуру.

Да, кстати, там у нас Уатт ничего не патентовал.

Как вы смотрите на то, чтобы отправиться поработать в Дели?

Подозреваю что в Англии ближайшие 20-30 лет не будет особо большого интереса к паровым экипажам. Остров у вас маленький, сеть каналов развита. Поэтому жизненной необходимости заменять существующие пути сообщения на что-то новое пока нет. Другое дело у нас. Города Империи разделяют сотни, а то и тысячи миль. Судходные реки, конечно, есть, но не везде. Так что большая часть перевозок — шоссейная.

Человек с вашими талантами мог бы развернуться.

Тревитик подпер подбородок кулаком и глубоко задумался.

— Здесь вы не получите поддержки правительства. Пока идёт война с Францией, никаких технических авантюр финансироваться не будет. Я удивляюсь, как Джарвис смог найти деньги на паровой буксир Фултона, это даже при том, что буксир в Портсмуте необходим, и все это понимают. Достичь понимания, что Англии нужны локомотивы гораздо сложнее. А в Дели понимание, что нам необходима революция в наземном транспорте, уже есть.

— Но у меня жена и маленький ребёнок.

— Думаю, что им трёхмесячная морская прогулка не по-

вредит.

Тревитик всё ещё колебался, но я уже видел, что он согласится. И мы получим единственного в мире специалиста по паровым машинам высокого давления, изобретателя первого паровоза и неплохого горного инженера заодно. Это явно заслуживает того, чтобы профинансировать поездку в Индию всей семьи.

Глава 19

Лунное общество

26 августа 1798, Бирмингем

Пока я вербовал Тревитика, Ясмину отравила с трактирным мальчишкой рекомендательные письма на фабрику.

К тому моменту, как мы закончили поздний завтрак, пришел ответ.

Поскольку наш интерес не был связан с деятельностью фабрики, Боултон приглашал нас посетить его дом в половине седьмого вечера. Сегодня как раз должно было состояться заседание Лунного Общества.

Когда я узнал, что представляет собой это общество, я поразился, насколько тесен мир в Англии XVIII века. В каком-то провинциальном Бирмингеме, который даже статуса города не имел, заседало научное общество, которое на мой взгляд не то что могло соперничать с Королевским, а затмевало его, как Луна звезды.

Помимо изобретателя паровой машины здесь появлялся Бэнкс, который был ботаником в экспедиции Кука, Эразм Дарвин, дедушка Дарвина, который и сам был неплохим биологом, переведшим на английский труды Линнея, Уилкинсон, «помешанный на железе», строитель первого в мире железного корабля и чугунных мостов. Раньше здесь бывал и Джозеф Пристли, но познакомиться с великим химиком нам не светило. Он уже несколько лет как перебрался в Пенсильванию. В патриотичной британской глубинке

его симпатии к республиканской Франции пришлось не ко двору. Приглашениями на заседания общества, существующего не первое десятилетие, в своё время гордились Бенджамин Франклин и Бомарше.

Вот в такую интересную компанию попали мы с Ясминой. К моему огромному сожалению, все участники общества, кроме уже уехавшего Пристли, имели весьма прочное положение здесь, в Англии, и шансов сманить кого-то из них в Индию у меня не было. Если уж Эразм Дарвин отказался стать лейб-медиком своего, английского короля, то шансов сманить его в лейб-медики могольской императрицы никаких.

Когда мы вошли в комнату, почти все уже были в сбора. Я, естественно, первым направился к Уатту. Мне хотелось узнать о причинах его негативного отношения к работам Тревитика.

Пообщавшись с Уаттом минут пять на тему паровых котлов, я понял что мои предположения были правильными. В Англии просто не умели пока делать хороших паровых котлов. Первый примитивный огнетрубный котел построил как раз Тревитик, но в общем понятно, почему Уатт с недоверием отнесся к этому изобретению. А нормальные котлы с дымогарными трубами, которые держат атмосфер пятнадцать, должны появиться только через полвека.

Тем временем Ясмينا что-то выясняла у Эразма Дарвина по поводу женского образования. Я успел бегло просмотреть подаренную нам Уилкинсом брошюру Дарвина на эту тему и сейчас мне захотелось вмешаться.

— Доктор Дарвин, — сказал я. — Вы исходите из того, что несмотря на развитие просвещение и прогресс промышленности, традиционное распределение общественных ролей между мужчиной и женщиной сохранится. Но технический прогресс выдавит женщин из домов в цеха мануфактур, за штурвалы механических повозок, даже на корабли. Поэтому учить мальчиков и девочек нужно по одинаковой программе.

— Да? Глыбоподобный медик повернулся ко мне. Вы так считаете? Может быть и в армии женщины будут служить?

— Ну это не так скоро. Где-нибудь к середине XX века, не раньше. До этого только разве что телеграфистками и

раненных обихаживать. Как раз наоборот, ровно из-за того, что все мужчины уйдут в армию, женщины будут вынуждены взять на себя работу в полях и на заводах. Вот посмотрите на Францию. Их революционная армия гребет всех молодых мужчин подчистую. Не в этой войне, так в следующей их другая сторона вынуждена будет делать то же самое исключительно для того, чтобы как-то противостоять натиску миллионных армий.

А современная война поглощает огромное количество провизии, снарядов и пуль, пороха, обмундирования, оружия. И всё это должен кто-то производить и доставлять в действующую армию. Если все мужчины будут под ружьем, это придется делать женщинам и детям.

Но даже и без войны. Технический прогресс будет приводить к тому, что труд станет более легким. Управление машинами требует не столько физической силы, сколько внимания и аккуратности. Вот у Боултона спросите, кого он наймет на такую работу, мужчину, женщину или ребенка.

Боултон замялся потупив глаза. Он, конечно, понимал этическую неоднозначность этого вопроса.

— Естественно, когда-нибудь это приведет к тому, что за равный труд мужчина и женщина будут получать равную оплату. Но присущая женщинам аккуратность будет делать их предпочтительными работниками даже если работодателя обяжут оплачивать отпуск по уходу за младенцем.

— Страшноватенькое будущее вы нам рисуете, — вздохнул Дарвин. — А что вы скажете насчет многоэтажных домов?

— Вы представляете какво жить этаже этак на восьмом? Таскать воду из водоразборной колонки, таскать продукты, дрова, выносить мусор, самому каждый день подниматься и спускаться?

Ясмина толкнула меня в бок:

— Ну я же знаю, что ты жил как раз на восьмом этаже, — шепнула она мне на ухо. — Почему ты человека мучаешь таким вопросом.

— Пусть до лифта додумается, — шепнул я в ответ.

— Вообще-то, если у вас есть водоразборная колонка, то

не так уж и сложно провести водопровод сразу на верхние этажи. Насос помощнее надо, и только. А чтобы не таскать дрова, надо по трубам газ подать. А вообще вы тут Тревитика поминали. У него в Корнуолле на шахте применяются подъемные машины. Может быть и в домах можно что-то подобное устроить. Если вы говорите, что прогресс стремится облегчить труд...

— Поздравляю вас, доктор, — я протянул Эразму руку для рукопожатия. — Вы весьма правдоподобно описали город будущего.

Глава 20

Наместник Ирландии

28 августа 1798, Дублин

Приземлились в Дублине мы в предрассветной дымке в Филлипс-парке. Это было ближайшее к центру место, где можно было незаметно приземлиться дракону. Несмотря на усталость после трёхсоткилометрового ночного перелёта, Ясмينا торопила нас с Нур, хотя мы не понимали, что изменят эти несколько минут.

Когда мы подошли к Дублинскому замку, колонна войск уже вытягивалась из ворот на Касл-стрит. То ли Ясмينا что-то заметила на подлёте, то ли у драконов какое-то особое чутьё, но она была права. Мы чуть-чуть не упустили Корнуоллиса в Дублине.

Но вот и он. Грузный седой генерал на гнедой кобыле ехал вдоль колонны, пристальным взглядом осматривая новобранцев. Ясмينا бросилась ему наперерез, отделившись от толпы зевак, жавшихся к стенам домов, несмотря на ранний час.

— Сэр Чарльз, сэр Чарльз!

Генерал придержал лошадь и наклонился к ней:

— Ясмينا, откуда ты здесь?

— Сэр Чарльз, ответьте мне на один вопрос: когда вы

вводили Перманент Сеттльмент¹ в Бенгалии, вы понимали, что это вызовет голод и смерти сотен тысяч райатов?

Корнуоллис отчётливо смутился:

— Нет, Ясмина. Я был уверен, что эта система ограничит произвол заминдаров², и наоборот, защитит райатов, а попутно создаст в Бенгалии земельную аристократию, подобную нашей, британской.

Я же не Адам Смит, способный теоретически вывести законы о богатстве народов. Я обычный офицер, мои знания в экономике исчерпываются тем, сколько продовольствия и снабжения нужно собрать для армии такой-то численности на марше.

Но, увы, отменить эту систему было гораздо сложнее, чем её ввести.

— Я понимаю. Но хотя бы здесь, среди людей, которых вам понять гораздо легче, чем нас, индийцев, не повторите подобной ошибки, прошу вас.

Генерал уже совсем не знал, куда деть глаза. Ясмина хлопнула его лошадь по шее и та медленно пошла вперёд, вдоль колонны марширующих солдат.

Ясмина вернулась к нам с Нур.

— Ну что, получила свой ответ? — спросил я её.

— Получила. И вот теперь не знаю, что с ним делать. Идея людоедов-европейцев, которым наплевать на бенгальцев всё замечательно объясняла. Кроме того образа доброго и мудрого лорда Корнуоллиса, который я помнила из своего детства.

А теперь я вижу что мудрый лорд тоже мог ошибаться. Причем как — с истинно королевским размахом, — она тяжело вздохнула.

— Знаешь во Франции сейчас сидит министром иностранных дел Шарль де Талейран. Очень умная и совершенно беспринципная сволочь, этакий современный Макиавелли. Так вот у него одна из любимых поговорок: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Вот похоже, что Перманент Сеттльмент был именно такой ошибкой Корнуоллиса. И именно это, а вовсе не Йорктаун, он, похоже,

¹Permanent Settlement (постоянное урегулирование) - налоговая система, введенная в Бенгалии в 1793.

²заминдар (перс) землевладелец

считает величайшим провалом в своей жизни. Судя по тому, как онотреагировал на твой вопрос, ты ударила его со всего маху по самому больному месту.

— И что теперь? Бежать за ним прощения просить? — с вызовом в голосе спросила принцесса.

— Ничего. Он старый солдат, переживёт как-нибудь и этот удар. Тем более, что ему сейчас некогда терзаться угрызениями совести, надо сражение с Юмбером выигрывать. А вот потом, когда он будет пропихивать Акт об Унии через ирландский парламент, может быть он твои слова и вспомнит.

— Ладно, — встряхнула волосами Ясмينا. — Пойдем, найдем какой-нибудь паб посидим, отдохнем перед межмировым переходом. Тем более ещё рассчитать надо когда у нас там подходящий момент.

В пабе к нам подошла женщина примерно лет 25 и обратилась к Ясмине:

— Кто вы юная леди, что вы можете позволить себе при всем народе обвинять главнокомандующего английскими войсками?

— Его старая знакомая, ещё по Индии, Ясмينا Аздахак. Тут дело в том, что если сказать джентльмену в лицо то, что он и сам про себя знает, он не сможет не согласиться. А вы кто?

— Я Мэри-Энн МакКракен из Белфаста. Сестра казненного два месяца назад Генри Джоя МакКракена.

Мэри-Энн как-то ненавязчиво присоединилась к нам. Вместе с ней образовались двое мужчин, один постарше, по имени Томас, второй — примерно ровесник Ясмины, по имени Роберт.

Через некоторое время я сообразил, что это два будущих героя восстания 1803 года, причем Роберт Эммет ещё интересен тем, что раньше Конгрева начал применять в Европе клоны майсурских ракет. Хм-м, а мне ведь ракетчик с европейским бэкграундом не лишним будет. С ним, пожалуй, проще будет договориться, чем с майсурскими мастерами. Да и Мэри-Энн засветилась в истории Ирландии как просветитель и организатор. Как бы отговорить этих двух упёртых патриотов от влезания на английскую виселицу? Корнуоллис опять же спасибо скажет, если я этих

двух смутьянов из Ирландии уберу.

— Как вы оцениваете перспективы восстания? — спросил у меня Томас Рассел, пока Ясмينا с Мэри-Энн что-то там обсуждали по поводу женского образования.

— Крайне негативно. Месяц, максимум два, и Корнуоллис утопит его в крови.

— Почему вы так думаете? Ведь не далее как позавчера Лейк с позором бежал из Кастлбара? — возмутился ирландец.

— У Лейка практически не было приличных войск, только милиция. От силы эскадрон конницы и батальон пехоты. А против него было две тысячи регулярных французских войск.

А сейчас англичане высадили здесь уже несколько дивизий прилично обученных войск. И высадят ещё. Французы Юмбера через пару подобных побед просто кончатся, и ирландцы останутся один на один с регулярными войсками. А ваши повстанцы — это та же милиция. Сражаться с регулярными войсками милиция может при трёх-пятикратном превосходстве, не меньше.

И ирландцам неоткуда взять подкрепления, а в Дублин и Белфаст будут прибывать и прибывать транспорты с войсками. Англичане нагонят сюда пятьдесят, а то и сто тысяч солдат, сотни пушек, и просто задавят массой.

Причем скорее всего при первом же серьёзном поражении Юмбер просто сдастся. Ему-то что, он комбатант. Посидит несколько месяцев в комфортабельном плену, а после подписания какого-нибудь очередного перемирия поедет себе во Францию. А членов Общества Соединенных Ирландцев, взятых с оружием в руках — повесят.

Для того чтобы серьёзно бороться за независимость, нужны во-первых деньги, во-вторых нормальные офицеры с боевым опытом. Корнуоллис вот сражался с Вашингтоном в Америке, сражался с Типу-Султаном в Майсуре и ещё много где. Где у повстанцев генералы со сравнимым опытом? Только французский десантный корпус. Много ли ирландцам толку променять британскую оккупацию на французскую? Ну и деньги, где деньги? Вам Мэри Энн на своей фабрике заработает на пушки и порох? А на флот? Если вы не перекроете подвоз подкреплений, в ирландские порты,

то шансов никаких.

Независимость САСШ выиграл не столько Вашингтон, сколько Пол Джонс.

В общем, будь я на месте ирландских борцов за независимость, я бы сейчас поехал куда-нибудь подальше от Островов — в Россию там или в Индию, нанялся там на службу какому-нибудь местному королю, и делал бы военную карьеру. Глядишь, заодно и разбогател. Опять же все британские генералы учатся воевать именно в Индии. Так что там вполне реально встретить на поле боя того, кто повесил твоего старинного друга, и иметь под командой достаточно сил, чтобы раскатать его в блин.

А лет через десять, когда у вас будет боевой опыт, будут взяты на шпагу богатства, знакомства среди поставщиков оружия, можно и подумать как всё это применить на пользу родине. А здесь и сейчас, увы, борцов за независимость вешают быстрее, чем они успевают вырасти в приличных полководцев.

Я сделал паузу. Ирландцы молчали, задумавшись, и мы все трое услышали как Мэри-Энн спрашивает Ясмину:

— Ясмина, а что это за ткань, из которой сшито ваше платье?

Ну вот приехали. До сих пор мы общались в основном с мужчинами, которым неприлично слишком внимательно разглядывать платье юной девушки. А тут Ясмина столкнулась с собеседником своего пола, тем более с владелицей ткацкой фабрики. И платье, пошитое в XXI веке было моментально опознано как что-то странное.

— Мэри-Энн, я, пожалуй не смогу удовлетворить ваше любопытство, — как ни в чём ни бывало ответила принцесса. — Вы понимаете, я — наследница престола. Меня воспитывали почти как мальчика. Учили фехтовать, разбираться в статях кавалеристских лошадей, вести войско в атаку, сводить бюджет государства. А рукоделие... Индия — страна ткачей, поэтому в тканях я, конечно, немного разбираюсь. На уровне «муслин приносит Империи столько-то лакхов рупий в год, а парусина — столько-то». Но когда мне нужно платье, я просто приглашаю старшину столичных портных и говорю: «Эфенди, мне нужно европейское платье для поездки в Европу». Он приносит образцы тка-

ней, я выбираю, трачу время на примерки и это всё. Сколько там стоило это платье, десять рупий или тысячу, наши это ткани или привозные из Китая, меня как-то не волнует.

— Наследная принцесса... — задумчиво пробормотал Эммет. — И вы, её спутник, нам тут битый час соловьём разливааетесь про прелести службы у неевропейских государей? Да вы вербовщик!

— Ну да, — кивнул я. — Я вам обоим место найду. И Мэри-Энн тоже, если вдруг, вы, Томас, уговорите её ехать с вами. Там, где на троне сидит женщина, женщина на посту управляющего фабрики или там главы Академии, как княгиня Дашкова у русской императрицы Екатерины, никого не удивит.

— Мэри, если я поеду в Индию, ты поедешь со мной? — спросил Рассел.

— Конечно! — с готовностью откликнулась та. — Если ты останешься здесь, ты разделишь судьбу брата³. А так может быть господин Беринг и прав, мы когда-нибудь вернемся с умениями и силами, и не будем как они, бросаться с голыми руками на колесницу Джаггернаута.

³Брат Мэри-Энн, Генри Джой Мак-Кракен, был казнен за полтора месяца до этого разговора.

Глава 21

Глазго, XXI век

29 августа 2003, Глазго

Переход из Дублина XVIII века в Глазго XXI был практически неощутим. Та же погода, то же положение Солнца на небе. Только вот море на востоке исчезло, сменившись узким заливом на западе.

Ясмина стремительно спикировала вниз, прошла над неширокой речкой и, резко затормозив развернутыми крыльями опустилась небольшом сквере. Едва я успел спрыгнуть с ее спины, она превратилась в кошку и решительно направилась в кусты.

Я просунул вслед за ней пакет с одеждой, и через минуту на парковую дорожку выбралась девушка, одетая вполне по современной моде.

— Пошли, — решительно потянула она меня куда-то вверх по склону. — Университет тут рядом.

Выбравшись из долины мы и правда оказались перед зданием университета. Правда, оказалось, что это немножко не то. Чтобы попасть в корпус Грегори, где размещалась кафедра социальной географии, пришлось немножко прогуляться.

В процессе мы прошли мимо огромной колоннады, напоминавшей древнегреческий храм. Табличка на заборе гласила, что это пресвитерианская церковь имени Веллингтона.

— И здесь этот оборот, — сквозь зубы выругалась

Ясмина.

Наконец мы дошли до нужного корпуса. В отличие от главного корпуса университета и церкви, построенных во вполне привычных Ясмине архитектурных стилях, это здание было современным.

Только мы вошли в здание, как меня кто-то окликнул:

— Хай, Дик!

Я обернулся и увидел Ирэн Линдберг, с которой познакомился несколько лет назад в Лаксенбурге. Тогда я еще занимался наукой и поехал от института на стажировку в Летнюю Школу Молодых ученых. Там был народ со всего мира, в частности и австралийка Ирэн. Не то чтобы мы там с ней дружили, но все же знакомый человек.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

— PhD диссертацию пишу. А ты?

— А я так, на день-другой проконсультироваться у профессора Малкольма приехал.

— У Малкольма? Он же мой научный руководитель. Но у нас с тобой, помнится, разная тематика. Ты же экологией и геохимией занимался, а не социальной географией.

— Времена меняются, — пожал плечами я.

Потом представил Ирэн и Ясмину друг другу.

Ирэн провела нас в рабочий кабинет Малкольма. Тот оказался жилистым мужиком чуть-чуть за сорок. Здесь уже Ясмина представляла меня. В конце концов она переписывалась с Малкольмом почти два месяца по E-Mail.

— Беринг, Беринг, — задумался профессор. — Где-то я по-моему вашу фамилию слышал. И нет, речь не о мореплавателе XVIII века. Картографирование нечетких множеств, которое норвежское отделение ЮНЕП лет пять назад публиковала, это не ваша работа?

— Моя.

— Очень интересно, и применимо и в социальной географии тоже. А вы не развивали дальше эту тему?

— Увы, почти сразу после этой публикации я ушел из науки в коммерческое программирование. В России сейчас трудно найти деньги на фундаментальные исследования.

— Послушайте, может пойдете ко мне? Я, пожалуй, postgraduate стипендию для вас найду.

— Увы, профессор, я уже обещал Ясмине свою помощь.

— А у вас неплохая команда собирается, мисс Аздахак, — улыбнулся профессор. — Дженнифер Форрест, вот Беринг. Его вы, насколько я понимаю, берете в качестве консультанта по землепользованию и сельскому хозяйству. А Дженнифер у вас по социальным реформам.

— У нас еще Мэри-Энн МакКракен есть, — добавил я.

— МакКракен? Ах да, у вас же там начало XIX века. Значит та самая.

Но по-моему это у вас перекося в сторону социальной географии и этнографии получается. Вам бы инженеров надо.

— Рихард тут в Англии завербовал Ричарда Тревитика и Роберта Эммета.

— Тревитик, Тревитик, а это который паровоз на тридцать лет раньше Стефенсона построил? А Эммет — герой ирландского восстания?

— Ну да. Уатта, допустим, или Уилкинсона из Англии не сманишь, их и в ней неплохо кормят. Кстати там Фултона таки сманили из Франции в Англию.

— Про что это они, — шопотом спросила Ирен.

— Хочешь, расскажу тебе сказку про магараджей, йогов, драконов и параллельные миры? — столь же шопотом ответил я. Она кивнула. Я отвел ее в угол кабинета, где стоял кофейный столик, и стал тихо рассказывать девушке историю своего знакомства с Ясминой.

— Ой, — воскликнула она, дослушав. — Я тоже с вами хочу! Если бы не всякие обязательства...

— Ты уверена, — спросила Ясмينا, отвлекшись от обсуждения с Малкольмом каких-то сельскохозяйственных вопросов. — 1798 год по христианскому исчислению. Ни о феминизме, ни даже о суфражистках еще никто не слышал.

— Ага! — блеснула эрудицией Ирэн. — А в России только что закончился золотой век Екатерины Второй. А где-то там у вас в Махараштре — правление Ахильи Баи Холкар. И еще там у вас бегума Самру есть, отрядом наёмников командует. Ну и Дженни ни за что бы не осталась в мире, где ей не дадут развернуться.

— Ох, была бы бегума Самру у нас... — тяжело вздохнула принцесса. — Но отец ухитрился поссориться с Вальтером Сомрбе, и в результате это замечательное войско служит

радже Нагпура. Подробностей я не знаю, это ещё до моего рождения было. А Дженни влюбила в себя Ранджита Сингха. И действует в основном его руками.

— Фьюить! — присвистнула Ирэн. — С таким-то парнем в общем наплевать на патриархальность окружающего общества. Лишь бы он слушал.

— Вот то-то и оно. Ранждит Сингх у меня один. И хотя другие достойные внимания аристократы есть, не уверена что еще одной девушке из XXI века так повезет, как Дженни.

— Да-а, — грустно вздохнула Ирэн. — Вот соберешься в восточную сказку, а тебя так обломают...

Тем временем Ясмينا вытащила из рюкзака пачку закупленных в Лондоне книг и раскладывала их по столу перед Малкольмом.

Профессор с восхищением разглядывал обложки.

— К сожалению, — вздохнула Ясмينا. — У вас наверняка это сочтут искусной подделкой. Ведь любой специалист легко определит, что эта книга не стояла на полке где-нибудь 200 лет.

— Это ничего. — улыбнулся Малкольм. — Найдется немало коллекционеров, которые будут рады обладать и аутентичной копией. Теперь вопрос в том, чем я вам могу отплатить за такой замечательный подарок. Ну мы с вами обсуждали «Зеленую Революцию». После той вашей переписки я списался с самим Берлаугом, мы с ним немного знакомы, пару раз пересекались на каких-то конференциях. И он прислал сорок килограмм семенного зерна и семян хлопка. То есть если у вас там найдутся толковые люди, способные усвоить инструкции на английском, лет через пять вы будете вполне способны произвести у себя там зеленую революцию на полтора-два года раньше. Но мы с Норманом хотели бы знать о результатах.

Вы сможете периодически присылать нам отчеты?

— Не очень регулярно. Для того чтобы послать вам письмо, мне нужно будет наведаться в этот мир. А это, ну как бы вам объяснить, ну примерно как для человека залезть на гору высотой в десять тысяч футов. То есть можно, и даже не очень рискованно. Но физически тяжело и нужно затратить довольно большое время, особенно учитывая

то, что нужно учитывать расписание движения миров друг относительно друга. Императрица не каждый месяц себе может позволить подобное развлечение. Так что, пожалуй, не чаще раза в 2-3 года.

— И так неплохо. Раньше у вас все равно значимых результатов не получится. Сельское хозяйство это вам не политика, в которой можно за пару лет покорить всю Европу.

В общем, прообщались мы с Малкольмом часов до трех часов дня. А потом Ясмينا вдруг заявила, что близится удачный момент для перехода, и если мы не хотим куковать здесь до трех часов ночи, нам пора.

Мы вышли на двор и она превратилась сначала в кошку, выскользнув из осыпавшейся на пол одежды, а потом и в дракона. Я собрал одежду, упаковал ее в рюкзак, и навесил на спину Ясмины два здоровенных рюкзака — свой и с семенами, на манер вьючных сум, потом взгромоздился сверху.

Тем временем во дворе собралась огромная толпа народу, окружившая нас кольцом, да и в окнах окружающих корпусов были сплошные лица.

Не каждый день из неприметного переулка в университетском квартале Глазго стартует настоящий дракон. Впрочем, полагаю, что никто никому ничего не докажет, и все фотодокументы будут объявлены компьютерной анимацией.

Часть IV

**Возвращение
Ясмینی**

Глава 22

Прибытие в Лахор

3 сентября 1798, Лахор

Ясмина вывалилась из холодного английского полдня в удушливо-жаркий индийский закат. Под нами расстилался огромный город обнесенный стеной. К западу блестела река, к востоку белели палатки довольно крупного военного лагеря. На башнях города развевались флаги.

— Ага, — прошептала своим громовым шёпотом драконица. — Ранджит с сикхским ополчением занимает город, а делийская армия разбила лагерь в поле. Мы успели. Но еле-еле.

Она вошла в крутое пике и приземлилась прямо на одну из крепостных башен. Стоящего на ней часового сбило с ног потоком воздуха, и если бы она не придержала бы его передней лапой, он имел шансы выпасть в амбразуру.

Через несколько секунд, дав только мне время спрыгнуть с чешуйчатой спины, она приняла человеческую форму.

Я протянул ей одежду, в которую она моментально вскользнула.

Когда сбитый с ног часовой немного пришёл в себя и стал воспринимать окружающую реальность, вместо огромного дракона на башне стояла девушка в сикхском дорожном костюме в сопровождении парня-европейца, по-европейски же и одетого. Ещё несколько секунд замешательства и часовой узнал Ясмину.

Он вскочил на ноги, исполнил какой-то сложный военный салют и приветствовал её на незнакомом мне языке. Наверное, на пенджаби. Урду, которым здесь обычно пользуются в войсках, Ясмину уже успела меня научить. Конечно, не до такой степени, чтобы расшифровать аудиозапись того, что говорил ей недоброй памяти Садху Пунджу, но всё же.

Часовой вытащил пробку из самой натуральной переговорной трубы и закричал туда на почти удобопонятном урду:

— Бегума Ясмину прибыла на башню.

Его там, внизу, явно не поняли. Вряд ли у переговорной трубы оказался непосредственно владетель Гурджанвалы. А больше никто в войске не был в курсе, что императрица способна перемещаться по воздуху. Если бы часовой доложил о том, что кортеж бегумы замечен на такой-то дороге, это было бы понятно.

— На башню опустился огромный дракон, и с него сошла бегума с одним спутником-ференгом. Сейчас к вам спустится.

Начальник караула с ещё тремя солдатами встретил нас на предпоследнем этаже. Я подозреваю, что он решил, что у часового на крыше голову напекло или что-то в этом роде, и бегом бросился разбираться. Мы только на один этаж спуститься успели.

Когда он убедился, что Ясмину действительно в башне, он по-моему, вздохнул с облегчением.

— Госпожа, господин говорил, что вы должны появиться, и приказывал вести вас к нему в любое время.

— Веди, — милостиво разрешила Ясмину.

Начальник караула провел нас из башни через двор во дворец. Помочь мне тащить весьма увесистый рюкзак с подарками из будущего никто и не подумал. Видимо, приняли за слугу или ординарца. Ладно, с этим мы ещё разберемся.

Наконец мы вошли в какой-то зал. Там сидел по-турецки совсем молодой парень с пером на тюрбане и с лицом, обезображенным оспой. На коленях у него была разложена карта, рядом стоял серебряный кальян и серебряный же кубок, на которые он совершенно не обращал внимания.

— Господин, к вам Ясмину-бегум со спутником, — доло-

жил наш сопровождающий. Ранджит Сингх поднял глаза от карты и встретился взглядом с Ясминой. В ту же секунду карта была отброшена в сторону, полководец вскочил и в два шага преодолев разделявшее их расстояние заключил девушку в объятия. Впрочем, буйная вспышка чувств продолжалась считанные секунды. Потом молодой сикх моментально перешёл на деловой тон.

Он коротко и ясно доложил обстановку, попросил Ясмину представить меня.

— Дорогая, — сказал он в конце концов. — Я понимаю, что ты устала после перелёта между мирами, но есть дело, которое кроме тебя поручить некому. Надо доставить сообщения нашим людям в той армии.

Ясмина выглянула в окно, где закатные лучи заливали башни и стены крепости:

— Пожалуй, с началом этой операции надо подождать часок. Так что мы успеем немножко перекусить.

— Ты уверена? — усомнился Ранджит. Времени до рассвета не так много.

— Я не думаю, что стоит размахивать драконьими крыльями на виду у всей армии. Поэтому сейчас мне пришлось бы преодолевать расстояние до лагеря противной стороны ногами, а то и кошачьими лапками, Фрр-р. Это в любом случае займет больше времени, чем полёт вместе с ожиданием темноты.

— Ты будешь там бегать в основном в кошачьем облике? — спросил я.

— Конечно. На кошку, снующую по лагерю, никто не обратит внимания.

Я полез в рюкзак, и достал что-то вроде разгрузочного жилета для кошки, который мы изготовили в XXI веке. Ясмина повертела его в руках и сказала:

— А во время полёта я его куда дену?

Пришлось доставать ещё и нашейную сумку для дракона.

Тем временем Ранджит Сингх взял из рук девушки кошачью экипировку и внимательно её разглядывал. Жилетка была сшита из меха, похожего на кошачий, и будучи надетой на Ясмину, смотрелась как часть шкуры, но, когда её держишь в руках, видны капроновые ремешки, пластико-

вая пряжка, которую достаточно удобно расстёгивать-застёгивать лапой. Особенности для конца XVIII века не совсем обычные

Но больше всего сикха поразило не это.

— Удивительно, — сказал он. — Такая простая вещь, а никто в нашем мире не додумался.

— Это ещё что, — проворчал я. — вот я еще вас флажному семафору и полевым кухням научу.

Впрочем, как я и полагал, накануне решающей операции по подавлению мятежа, владетель Гуджранвалы не был готов уделять сколько-нибудь заметное время диковинкам из будущего.

Поэтому в последующий час участия в разговоре я почти не принимал.

— Знаешь, любимая — сказал Ранджит Сингх Ясмины. — Далеко не все сикхские мислдары будут рады твоему возвращению.

— Да? — удивилась она. — Ну я понимаю, мусульманская знать, особенно старая, наследственная, я еще могу понять индуистских раджей, но сикхи-то почему?

— Тут некоторые поверили, что я хочу отложиться от Империи и стать самостоятельным магараджой. И уже подумывают как бы со мной породниться.

Ясмину прыснула. Про то что в нашей истории у Ранджита Сингха, основателя Сикхской Империи было двадцать жен, она была в курсе.

— Ты смеешься, — возмутился он. — А они на полном серьезе мне тут дочек подкладывают. Вот прямо сейчас. Как ты думаешь, что тут делает Датар Каур из Накаи?

— Погоди, погоди, я что-то не помню у покойного Рана Сингха второй дочери. У него были три сына и одна дочка, которую зовут Радж. Она еще прошлой зимой приезжала с братом в Дели, тогда же, когда и ты туда приезжал.

— Так это она и есть. Просто она учла что у меня в доме уже есть Радж Каур — моя мать. И взяла себе другое имя. Гиан Сингх попытался мне тут доказать, что его старший брат, Бхагван еще пятнадцать лет назад договорился с моим отцом о нашем браке.

— Тогда она имеет приоритет перед Мехтаб. — опять улыбнулась Ясмину. — Помнится, мой отец помолвил вас

с Мехтаб когда тебе было целых шесть лет. И как она тебе вообще?

— Толковая девочка. И характер есть. Не будь у меня тебя и Дженни, женился бы не раздумывая. Мехтаб всё-таки с одной Гуджранвалаой еще как-то справляется с маминной помощью, а чего-то покрупнее не потянет. Так что если бы мне нужна была соратница в государственном управлении, то Датар была бы довольно неплохой кандидатурой.

— А как женщина она тебе как?

— Ты издеваешься, да? — возмущился юноша. — Я тут сижу и смотрю на тебя влюбленным глазом и думаю, что вот сейчас стемнеет и вместо того, чтобы держать тебя в объятиях я буду должен отпустить тебя в опасное путешествие во вражеский лагерь, а ты спрашиваешь, как мне какая-то другая женщина?

Когда стемнело, мы проводили Ясмину прямо с площади перед дворцом. Лахорская крепость была занята сикхскими войсками и посторонних здесь не было. А свои все равно узнают что на стороне дочери Короля-Дракона сражаются драконы.

Потом мы вернулись в зал, Ранджит приказал подать чаю и спросил меня:

— А откуда тебя Ясмину притащила? И зачем?

— Откуда — из того мира, куда она ходила набирать знания. У нас там 2003 год по христианскому календарю. Зачем — ну видимо, решила что одной пришелицы из того мира вам тут мало. Насколько я понял из её рассказа, Дженнфер — специалист по гуманитарным наукам. Что-то рассказать по тому, как организовывать взаимодействие между людьми, как не спровоцировать недовольство она может. Но в ближайшее время рост военной мощи европейских стран будет в первую очередь определяться не организационными технологиями, все что могли на эту тему французы уже показали, теперь вопрос только в том насколько скоро это усвоят все остальные. Решающим фронтом будет развитие техники.

И вот ровно это Ясмину во мне и зацепило — интерес к древней по нашим меркам истории техники и умение объяснить на пальцах, почему она должна работать так, а не иначе.

— Ты думаешь, это так принципиально, техника? Мне казалось что в области техники мы сейчас Европе не уступаем. Вон ракеты в Майсуре есть, а у англичан — нету. А чем они берут, так это организацией.

— Пока— да. Но в ближайшие годы они все свои организаторские умения пустят в развитие промышленности. В принципе, море вы им уже проиграли, и его придется отвоевывать обратно. — Я залез в рюкзак и вытащил купленную в Лондоне книгу Пьера Буге. — Вот тут, в больше полувека назад опубликованной книге, описано как строить корабли длиной триста футов.

— Но у Типу Султана есть флот, построенный с учетом опыта французов. Его сам Сюффрен в своё время учил.

— Посмотрим, на что этот флот окажется способен. Я как-то не уверен, что он сможет даже блокировать Мадрас против меньше чем десятка кораблей Реньера. Но тут опять же вопрос скорее военной организации, чем военной техники. С той техникой, которая у вас есть, воевать в принципе можно.

Мы еще часа два сидели, обсуждая особенности последних европейских войн с точки зрения тактики и стратегии.

После этого Ранджит Сингх вызвал того же начкара, и приказал найти для меня комнату и устроить на ночлег. Молодой офицер не выдержал и спросил меня, офицер я или слуга, и если офицер, то почему таскаю тяжелый тюк сам. Я объяснил ему, что грузоподъемность дракона ограничена, и возить на нем целую свиту получается плохо. Поэтому приходится обходиться без слуг.

Глава 23

Дженнифер

3 сентября 1798, Лахор

Я поставил на стол светодиодный фонарик, разложил заранее распечатанную карту-двухсотку окрестностей Лахора, и начал разбираться в диспозиции завтрашней битвы.

Спать совершенно не хотелось. Понятно, что ничего особо полезного, пока Ясмينا там крадется в кошачьем облике по вражескому лагерю, сделать нельзя.

Вдруг дверь приоткрылась, и в неё проскользнула женская фигура, закутанная с ног головы в покрывало.

— Мой господин послал меня, чтобы я исполнила все твои желания, о гость, — промурлыкала она по-английски и сбросила покрывало.

Верхняя часть тела у неё была прикрыта только несколькими нитками бус, ниже то-ли шаровары, то-ли юбка из полупрозрачной ткани до середины голени, а на щиколотках браслеты. Кожа достаточно смуглая, расовый тип тоже в общем-то не сильно отличается от того, что можно увидеть на улицах Лахора.

Только вот рыжие волосы слегка выбиваются из картины типичной североиндийской одалиски.

Тут она, наконец, заметила, чем освещена комната.

— Электрический свет... — пробормотала она.

— Так значит, ты и есть та самая Дженнифер, о которой мне Ясмينا столько рассказывала, — улыбнулся я. —

Придется рюкзак распаковывать. Поскольку самое большое твоё желание — узнать, что же мы притащили из того мира.

Я расстегнул ремни и начал вытаскивать из рюкзака всё, притащенное из XXI века. Два ноутбука, несколько карманных раций, чемоданчик с инструментом.

— Но всё это требует питания, — разочарованно вздохнула девушка.

— Это я тоже предусмотрел. — я вытащил из рюкзака компактную конструкцию из труб с велосипедными педалями. — Вот этот генератор может до двухсот ватт давать. Нужно только приделать опоры, чтобы он устойчиво стоял, и стойку с седлом. Но это мы на месте сделаем, из каких-нибудь палок.

Дженнифер с интересом рассматривала конструкцию, которую мне за час сварили мужики в гаражах, а я потом полдня шлифовал болгаркой и красил из аэрозольного баллончика.

— Это ведь самоделка?

— Да, конечно. Фабричные почему-то либо слишком тяжёлые, или слишком слабые.

Она задумалась:

— Слушай, а тебя Ясмينا откуда притащила?

— Из Москвы.

— Это которая в Айдахо?

— Нет, это которая в России.

Она ещё раз внимательно смерила меня взглядом, оценивая возраст.

— Так ты самый настоящий советский инженер? — с восхищением выдохнула она.

— Ну не совсем. Университет я закончил и правда до распада СССР, но не по инженерной специальности. А откуда у тебя такое отношение к советским инженерам?

— Я когда-то работала в Никарагуа. Вот там у нас был местный шофер, Пабло. Он мог починить всё, что угодно, и из любого мусора собрать что-нибудь работающее. Когда я его спросила, где он такому научился, так он рассказал, что ещё при сандинистах работал так же шофёром у советских инженеров, которые там чего-то проектировали, и у них научился.

Я смотрела на него снизу вверх, а эти инженеры были для него примерно такими же богами, способными из глины сотворить человека, как он для меня.

* * *

Мы сидели рядом на краю огромного ложа, положив ноутбук на колени и рассматривали запасы информации, которыми мы теперь располагаем.

— Ты ко мне так прижимаешься плечом, — стараясь выдерживать ровный тон, заметил я, — что это отвлекает.

— Ну вообще мы никуда не торопимся, — как ни в чём ни бывало отреагировала Дженнифер. — Поэтому можем и отвлечься. Я не против.

— А что про это скажет Ранджит Сингх?

— Ранджит послал меня, свою наложницу, развлекать гостя. Ты правда, полагаешь, что он считает что развлечения ограничатся беседами о политике?

— А Ясмина тебя не съест без соли, как садху Пунджу?

— Ни за что. Мы с ней подруги. И вообще, если у неё после разведки в лагере противника останутся силы, она только порадуется, что постель Ранджита свободна.

* * *

— Слушай, а ты можешь изобрести телеграф? — вдруг спросила Дженни.

— Телеграф? А нам это что-то даст? Технология, опережающая время лет на тридцать. Если учесть что промышленность здесь не самая передовая, то на полвека. Пока будем разворачиваться, англичане сопрут.

— Так это-то нам и надо. Чтобы они украли, чтобы протянули линию от Лондона до Бомбея и далее до Калькутты. У них случится информационная сверхпроводимость. А во всем этом мире только мы с тобой знаем, что это такое, и с чем его едят. Опять же, здесь, в империи Моголов от Европы отстаёт не только промышленность, но и бюрократия. Дать в руки министерству по делам войны и колоний такой инструмент, так они начнут каждой ротой прямо из Лондона командовать.

Я смачно выругался по-русски.

— Вижу, понимаешь, чем это грозит. А тут — феодализм. Вассал моего вассала не мой вассал. Поэтому, пожалуй, удастся ненавязчиво ограничить желание покомандовать

через голову. А представляешь, как у них начнет лихорадить финансовые рынки...

— Вот жаль, что я раньше этой идеи не знал. Слил бы информацию в Англии Брюнелю или Фултону.

— Э, нет, это не интересно. Как это у вас в России говорят: «Нет пророка в своём отечестве». Телеграф изобретённый английским инженером с подачи непонятно кого их бы не вдохновил. А вот если основной противник в Индии это внедряет, то надо выкрасть и внедрить у себя.

Опять же, конечно после подавления переворота английскую агентурную сеть слегка пощипают, но вот на краже телеграфа они могут прилично подставиться. Знаешь, у Ясины в Дели есть такой симпатичный парень, Раджив Дасс. Я ему уже периодически подбрасывала кое-какие идейки из области работы спецслужб двумя столетиями позже. Но моё положение наложницы провинциального правителя затрудняет контакты со столичными деятелями. Приходилось действовать через Ясину или через Мирзу Наджафа.

— Сейчас тебе, пожалуй, будет проще. Всё-таки фаворитка консорта это несколько иное, чем наложница провинциального правителя.

— Только не с Дассом. Он до безобразия порядочен, и контактировать с фаворитками избегает даже в ущерб делу. Лучше ты им займись. Ты тоже человек из будущего, детективы всякие читал.

— Да, кстати о будущем. Завтра, насколько я понимаю, две противоборствующие армии выстроятся друг напротив друга на поле боя. В этот момент Ясина хочет выехать на середину поля и объявить что вот она — законная государыня. Тебе не кажется, что кто-нибудь может в этот момент попробовать её просто подстрелить?

— Вообще-то здесь такие вещи не приняты. Но после того как Мирза Наджаф застрелил Сираджуддина Багатура, эта идея может придти кому-нибудь в голову. А что ты предлагаешь делать?

— Классическую снайперскую пару. Мы с тобой занимаем позицию где-то в районе первого ряда войска. Один из нас с биноклем высматривает подозрительных личностей, второй с винтовкой в случае чего их снимает.

— И где ты возьмёшь снайперскую винтовку?

— В этом рюкзаке. Ну не то чтобы снайперская, это пневматика, но помнится, примерно в это время Наполеон всячески настаивал чтобы куда менее совершенную винтовку Жирардони запретили как ужасно нечестное оружие. Метров на 200 она бьет, скорострельность как у приличной самозарядки, дыма нет, звук тоже не как у порохового ружья. Поскольку это моя винтовка, и я с ней тренировался, с биноклем, наверное ты.

Глава 24

Несостоявшаяся битва

4 сентября 1798, поле к востоку от Лахора

На следующее утро мне пришлось убеждать Ранджита Сингха отпустить Дженнифер в боевые порядки армии.

— Ну ты понимаешь что если Ясмину подстрелят, Али Гаухар моментально становится законным монархом, а ты мятежным лидером желающей отложиться провинции? Ну допустим, тебе даже удастся отложиться. Тогда англичане лет через пять заберут Дели, а через тридцать — придут за тобой. Фактически у вас у всех единственный шанс — это не дать Империи развалиться сейчас. А для этого нужна Ясмина. Поэтому нам всем имеет смысл рисковать. И Дженнифер тоже.

В конце концов, я его уговорил и обеспечил нам с Дженнифер места в первом ряду. Моё место было лежачим. Потому что стрелять из ружья без упора можно только примерно в сторону вражеского строя. А моя задача была прицельно выбивать тех, кто поднимет ствол на Ясмину. Но если наши ринутся в атаку, могут и затоптать. Правда, за мной стояла не конница, а сикхская пехота, так что пожалуй, обойдут даже если я не успею вскочить и присоединиться.

Дженнифер стояла с биноклем в руках, стараясь не выделяться из первого ряда. Вообще-то она была не един-

ственной женщиной в рядах сикхского войска. На правом фланге гурджанвальского конного отряда гарцевала на нетерпеливом кауром коньке Сада Каур, тёща Ранджита. Где-то среди конников из Накаи была Датар Каур, сестра тамошнего мислдара Гиана Сингха.

Она прискакала в Лахор буквально на днях, в надежде влезть в постель к Ранджиту Сингху, но узнав что имеет место не попытка отложиться от Империи и сделать Ранджита независимым правителем, а наоборот поддержка законной императрицы, сильно расстроилась. Одно дело быть пусть и второй женой, но падишаха, а другое — непонятно какой по счёту женой консорта. Мы с Дженнифер даже поспорили, продолжит она попытки охмурить Ранджита или поищет другого кандидата. Я полагал, что если девушку интересуется власть, а судя по тому, что о ней успел рассказать Ранджит, её интересуется именно это, то можно поискать патрона поинтереснее. Вон Дост Хуссейн есть, или Николая де Пиль.

Дженнифер утверждала, что власть властью, но Ранджит Сингх настолько обаятелен и неотразим, что ни одна женщина его ни на кого другого не променяет.

Но в общем не в юной Датар дело.

В паре сотен метров напротив меня стояла шеренга людей в такой же форме, как и те, кто за моей спиной. С каждой секундой напряжение ощущимо нарастало.

Наконец, раздался топот копыт и из рядов нашей армии вырвался одинокий всадник. Я внимательно рассматривал военачальников той стороны в оптический прицел. Ничего заслуживающего внимания там не происходило. На лицах некоторых была радость, что ожидание наконец-то совершилось, и всё идет по плану, на лицах других — недоумение.

Ясмина остановилась перед фронтом делийской армии и начала произносить речь. Говорила она на урду, но понимал я её с пятого на десятое — какие-то достаточно сложные обороты, то ли устаревшие, то ли заимствованные из фарси, которому она меня научить не успела.

Наконец речь её закончилась коротким приказом: «Взять их!» и тут же среди военачальников началось какое-то шевеление. Через пару минут из рядов войска выве-

ли нескольких связанных людей с непокрытыми головами и бросили их на колени перед Ясминой. Дженнифер сказала негромко по-английски:

— Тут вся верхушка мятежа. Правый — как бы король, второй — беглый поэт, дальше вроде начальник дворцовой стражи и наместник южной столицы. А тот, кто держит поэта сзади под локти — французский канонир.

— Можешь не шифроваться, умалчивая имена, — внешне добавил на том же языке, улыбнувшись, командир сикхского отряда, в рядах которого стояла Дженнифер. — Я неплохо владею языком бриттов.

— Наверное, вставай, — сказала мне Дженнифер. — Вроде война уже закончилась, армия перешла на нашу сторону.

— Нет уж, — бросил я, не отрываясь от прицела. — И ты не расслабляйся. Самые обидные неприятности случаются как раз тогда, когда кажется, что всё уже кончено. Подежурим до того момента, как она с поля уедет.

Тем временем Ясмина закончила говорить и взмахнула рукой, подавая сигнал. Махнули четыре сабли, и головы четырех главарей мятежа покатались по земле. Вот так это просто и буднично здесь делается.

Несколько солдат взяли за лопаты и стали рыть могилы прямо на поле несостоявшейся битвы. Заговорщики не заговорщики, а казнённые были мусульманами и должны быть погребены не позднее заката солнца. Хотя на дворе было еще утро.

Через некоторое время прозвучали слова команды, наш отряд начал перестраиваться в походную колонну. Тут пришлось и мне покинуть свою позицию.

Глава 25

Празднование победы

4 сентября 1798, Лахор

Когда мы с Дженнифер вернулись в Лахорскую крепость, Ясмина и Ранджит Сингх были уже там. Не слезая с лошадей они принимали поздравления, отдавали распоряжения.

Около ясмининого стремени стоял пожилой, грузный, длиннородый человек в чалме, комендант крепости.

— Госпожа падишах, эту победу надо отметить! — тараторил он. — Я взял на себя смелость пригласить на сегодняшней вечерке восходящую звезду лахорских таваиф Моран. Ей всего пятнадцать лет, но как она танцует, как читает стихи!

Ясмина милостиво кивнула.

— А что это такое, мехфил? — спросил я у Дженнифер.

— Ну это такая вечеринка с музыкой и стихами. Обычно, чисто мужское развлечение. Из женщин там присутствуют только таваиф, а они не развлекаются, а работают. Танцовщицы, музыкантши, чтицы стихов. Может быть тебе приходилось сталкиваться с мнением, что таваиф это разновидность проституции, но это не совсем так.

Вспомни в эту эпоху в Европе актрисы театров и балета тоже зачастую жили на содержании у богатых театралов. Но от этого театр публичным домом не становится. Инте-

ресно, как Ясмина будет выкручиваться с тем, что это мужское развлечение, а тут оно явно организовано для нее. Похоже тут как-то ещё не очень осознали, что падишах теперь женского пола.

— И не осознают и через несколько десятилетий. — усмехнулся я. — Вспомни Раззию, которую Ясмина очень любит вспоминать как свою предшественницу на делийском троне. Гораздо чаще, чем Ахилью Баи Холкар, хотя та умерла по-моему уже после того, как Ясмина перебралась в Дели. Так вот Раззия подписывалась как султан, в мужском роде.

— Магарани Ахилья, конечно, великая правительница, — усмехнулась американка. — но не Ясмине в пример. Она взошла на трон как вдова сына раджи и регент при малолетнем сыне. А Раззия — как дочь и наследница. Это больше похоже на ясминин случай. Ладно, подождем вечера. Как мне кажется, какой-нибудь сюрприз коменданту гарантирован. А ты чем собирался заняться днем?

— Ну надо пройтись по городу, посмотреть что здесь к чему, прицениться к товарам на базаре. Ты не составишь мне компанию?

— Пожалуй не стоит. Я всё-таки здесь не падишах, и явно ломать традиции мне не по чину. Давай попробуем тебе другого спутника найти. Вон де Пиль во двор въехал. Николая! — Дженнифер махнула французу рукой.

— О, Жиннет! Рад вас приветствовать не пушечным ядром, — легко соскочил с лошади офицер и поцеловал моей спутнице руку. — Располагайте мной, прекрасная дама, а с размещением артиллеристов по казармам мои помощники справятся и без меня.

Что меня удивило, Ранджит Сингх в это время спокойно беседовал с каким-то офицером явно мусульманского вида, и даже не косил единственным глазом в сторону возлюбленной, откровенно флиртующей с французом.

— Знакомьтесь, Николая, это Рихард Беринг, новейшее приобретение Ясмины. Инженер, геодезист и много чего ещё. Рихард, это Николая де Пиль, одноклассник небезызвестного Наполеона Бонапарта, но в отличие от него предпочел перейти на службу другой династии, чем служить революционером.

— И это я слышу от пламенной республиканки из Североамериканских Штатов, — изобразил удивление артиллерист.

— Я просто свидетельствую о фактах, — широко улыбнулась Дженнифер. — Я вообще еще вас хвалить даже не начинала. Обрати внимание, Рихард, перед тобой человек, который сумел буквально за три года перевести полевую артиллерию Имперской армии на систему Грибовалая. То есть есть три калибра пушек, и любое ядро подходит к любой пушке соответствующего калибра. И все детали лафетов взаимозаменяемые. Ещё он при штурме Джайпура с подачи одной увлекающейся драконочки сопровождал пехоту огнем с закрытых позиций по командам воздушного корректировщика.

— Это заслуживает уважения, — вздохнул я. — В этом столетии и в Европе-то со стандартизацией плохо, а уж здесь, в Азии... Мсье де Пиль, я обязательно возьму у вас несколько уроков по взаимодействию со здешними ремесленниками. Поскольку у Ясины большие планы на внедрение всякой техники моими руками. А стандартизация в этом деле — залог успеха.

— Просто Николая. Тут вокруг покойного Мирзы Наджафа образовался некий кружок любителей прогресса, и мы там все были без чинов. Ранджит и Жиннет, правда, там появлялись редко, всё-таки от Гуджранвалы до Дели не ближний свет, но тем не менее. Судя по тому, как с вами общается Жиннет, вы туда вольётесь.

— Тогда и вы меня зовите просто Рихард. Знаете, Николая, я в Индии появился только вчера, поэтому ищу того, кто показал бы мне город. Надо почувствовать запах страны, прогуляться по местным базарам и прочим достопримечательностям.

— С удовольствием составлю вам компанию. Чертову уйму времени не был в нормальном увольнении в городе. Сначала Джайпур. Потом марш из Джайпура сюда из-за этого идиотского мятежа. И, боюсь, уже завтра придется выдвигаться обратно в Дели. Так что сегодняшний день стоит потратить на то, чтобы развеяться.

Когда мы покинули форт и шли быстрым шагом по улицам Лахора, я не выдержал и спросил:

— Николая, я обратил внимание, что Ранджит Сингх совершенно не ревнует Дженни к вам. Мне это показалось несколько странным, учитывая сколько сил пришлось утром потратить, чтобы уговорить его отпустить девушку воевать.

— Рихард, тут есть две стороны медали. Во-первых, сам Ранджит. Ранджит любит умных и волевых женщин. У него в Гуджранвале есть жена, которая не соответствует этим критериям, но он с ней никогда не появляется в свете. Обычный аристократический брак по расчету, они были сговорены кажется в шестилетнем возрасте. А женщины, которых он выбирает себе сам — я точно знаю, что в этот список кроме Жиннет попадает еще и принцесса, тьфу, Императрица... Это не те, кого можно ревновать, на кого можно давить. Но это те, в кого можно верить как в богинь. Даже если Ясмина и правда создаст себе гарем из великих воинов, как она как-то в шутку пообещала, то она не предаст Ранджита. Как говорят тут, изменить гарему можно только с другим гаремом. Кстати, я, между прочим в постель Ясмине так и не попал, хотя после Джайпура могу рассчитывать на звание великого воина.

— Ну, всех великих воинов Индии она точно не соберет в свой гарем, — усмехнулся я. — Хотя бы потому, что в число великих воинов Индии несомненно входит Артур Уэлсли, а с ним она не разделит постель даже ради своей Империи.

— Да ну их этих Уэлсли, всех троих, которые в Индии и всех, не знаю сколько, что остались в Англии. Вы задали такой интересный вопрос. Так вот, вторая сторона медали, это я. Я совершенно нечаянно создал себе репутацию ветропраха и дамского угодника. Я единственный француз при этом дворе, и voilà, я воплощение французской галантности. Даже папаши-мусульмане не пытаются меня прирезать, когда я говорю комплименты их дочерям. Беда в том, что меня не принимают всерьез. У меня такое впечатление что я тут всеобщий старший братец. Мне уже тридцать лет, и пока никаких перспектив не просматривается.

— Какие ваши годы! Здесь вообще принято мужчинам, особенно офицерам, жениться поздно. А мне уже тридцать пять, а результат тот же самый. Впрочем я не теряю надежды, — успокоил его я.

Так обсуждая, преимущественно, прекрасных дам, мы дошли до базара. Ну не военное производство же обсуждать с человеком, у которого впервые за несколько месяцев случился выходной.

Восточный базар есть восточный базар, и когда мы через три часа вернулись в форт, голова у меня шла кругом от впечатлений, а никаких полезных практических выводов я не сделал.

А после обеда Ясмينا меня вручила Ранджиту Сингху, который поволок меня вместе с берлауговским мешком семенного зерна к какому-то знакомому землевладельцу в окрестностях Лахора. По моему это был не фермер, по местному райат, а землевладелец посерьезнее, заминдар, это что-то типа помещика. Мне пришлось всю вторую половину дня объяснять ему принципы организации семеноводческих хозяйств, которые я сам не очень-то помню.

В Лахор мы вернулись уже к тому моменту, когда *мехфил*, организованный неугомонным комендантом уже начался.

На мехфил, организованный в честь женщины-падишаха, Ясмينا притащила всех своих соратниц, которых только могла собрать. Кроме Дженнифер здесь присутствовали Сада Каур и даже Датар Каур, которая еще соратницей числиться не могла, но очень туда стремилась.

Ранджит Сингх слегка поморщился, увидев среди гостей на мехфиле свою тещу, но промолчал.

Развлекала нас совсем юная Моран и несколько музыкантш на заднем плане. Их обязанностью был только аккомпанемент, а сама таваиф объединяла в себе конференсье, танцовщицу, певицу и чтеца-декламатора.

Моран действительно выглядела ослепительно, хотя и слегка переигрывала. Было видно, что девочка жутко волнуется выступая непосредственно перед императрицей и высшими военачальниками. Пожалуй, до сих пор даже комендант был не её уровень.

Она вела вечер совершенно безукоризненно, и несколько раз мне даже хотелось поаплодировать, но я сдержался, поскольку выражать таким образом своё восхищение было не принято.

Вот она в очередной раз начала читать стихотворение

на фарси. Понять о чем речь я не мог, просто наслаждался музыкой стиха. Но вдруг я заметил, как лица всех присутствующих вытягиваются.

— Девочка, а ты вообще знаешь, кто написал это стихотворение? — почти по-змеиному прошипела Ясмина.

Юная декламаторша совсем смутилась:

— Это известный поэт Низам, госпожа падишах... — пролепетала она. — Он вроде был изгнан вашим отцом и жил где-то в Малве. Но это же не повод...

Ясмина заметно успокоилась:

— Да, похоже ты не поняла, какую политическую демонстрацию ты устроила. Низам это поэтический псевдоним Гази Фероза, который был одним из главарей мятежа и который был сегодня днем казнён на поле у стен города.

— Я... Я не знала ... — расплакалась девочка.

С точки зрения организации вечера это, конечно, была катастрофа. Флейтистки в ужасе закрыли лицо руками. К сожалению, замаскированной наставницы, которая могла бы перехватить уплывающее управление вечером, среди них не оказалось.

Комендант то краснел, то бледнел. Ему, видимо казалось, что за столь неудачный вечер он обречен на опалу.

Внезапно со своего места вскочила Дженнифер. Она подбежала к Ясмине, и наклонившись к ней прошептала:

— Ну что ты натворила! Эта девочка и так еле держалась перед лицом императрицы, а ты ее сейчас до обморока напугаешь. Сделай спокойное лицо, ты-то это умеешь, тебе уже не пятнадцать.

Говорила она тихо, и кроме меня, сидевшего рядом, ее никто не услышал. Потом она повернулась к Ранджиту Сингху, сидевшего с другой стороны от Ясмины, и уже не понижая голос, резко скомандовала:

— Возьми и успокой её. Что хочешь делай, но чтобы через пятнадцать минут эти слезы высохли.

После чего выпрямилась и объявила на весь зал:

— Раз у нас случилась небольшая накладка с нашей программой, переходим на европейский формат вечеринки. Девочки, сыграть мазурку сможете? — обратилась она к музыкантам.

Вечер был спасён. А через пару танцев я обратил внимание, что рядом со мной кружится в паре с Ранджитом Моран. Макияж ее был испорчен слезами безвозвратно, но глаза сияли, а на лице была робкая улыбка.

Когда вечер завершился, провожая Моран к выходу, Ранджит сказал:

— Ну вот видишь, все обошлось.

Девушка шмыгнула носом:

— А я думала, она сейчас обратится в дракона и съест меня живьём.

— Ну что ты! Чтение стихов нехорошего человека это ещё не повод. Не позволяй этой маленькой неприятности тебя сломать. Держись, и вся Индия будет у твоих ног.

Когда за Моран закрылась дверь, я внимательно поглядел в единственный глаз Ранджита Сингха и сказал:

— Ну Индия не Индия, а ты-то уже у её ног.

Сикх неожиданно смутился:

— Неужели это так заметно?

— Смотря кому. Сада Каур вряд ли заметит. Не думаю, что заметит Дост Хуссейн. А вот те кто побывал в нашем мире — я, Дженнифер, Ясмина — заметят точно.

— Проклятье! Что я им скажу? Как я им объясню, что имея их разделенную любовь, вдруг утонул в глазах юной таваиф?

— Никак не надо объяснять. У тебя просто не было шансов. В нашем мире про любовь Ранджита Сингха и Моран двести лет пишут поэмы. Поэтому Дженнифер и отправила к ней тебя, а не, скажем де Пиля. Они тебе это простили еще до того, как ты в первый раз встретился с ней глазами.

Глава 26

Возвращение на трон

6 сентября 1798, Дели

По моим прикидкам, путь из Лахора в Дели верхами должен был занять примерно неделю. А пехоте — ещё дольше. Начинать свою карьеру в новом мире с такого путешествия мне очень не хотелось, тем более что последствия для моего авторитета в глазах местных военных были бы удручающими. Я, конечно, готовился, но всего времени, которое удалось урвать на обучение меня верховой езде от всех прочих дел, было, пожалуй, меньше, чем продлится этот переход.

Неожиданно для меня на помощь пришла Ясмина. Она вдруг заявила, что собирается отправиться в Дели в драконьем облике и предложила мне стать её спутником.

Ранджит Сингх и де Пиль дружно усомнились в том, что императрице стоит появляться в бывшей мятежной столице без верных войск. Но она была уверена в том, что оставшийся в качестве основы делийского гарнизона джатский полк примет её с распростертыми объятьями.

Более того, она отказалась взять с собой кого-нибудь из своих военачальников, заявив что у каждого из них есть свои войска и они все должны заниматься ими и обеспечить их появление в столице в кратчайший срок.

Поэтому вместо недели тряской рыси по Великому Ко-

лѣсному Пути, представлявшему собой что-то вроде разбитого грейдера, меня ожидало всего лишь часов шесть плавного драконьего полѣта. Тут я мог быть более-менее уверен что не собью ни ноги себе, ни холку Ясмине. Впрочем, дракон не лошадь, и стереть ему спину гораздо сложнее.

Стартовали мы вечером, на следующий день после достопамятной победной вечеринки. Весь день девушка-дракон отсыпалась после утомительного межмирового перехода, ночной разведывательно-диверсионной деятельности и утреннего выступления на поле битвы.

Рюкзак мой остался на попечении Ранджита Сингха и Дженнифер. Оба прекрасно представляют себе ценность притащенных из другого мира вещей. Со мной была только пневматика, даже без насоса, и малый джентльменский набор в полевой сумке.

Карта окрестностей Дели там, естественно, была. Даже почти актуальная, за 1857 год, причем де Пиль по памяти её откорректировал по состоянию на 60 лет раньше.

Впрочем, понаблюдать Дели с воздуха мне не удалось. Ясмине выбрала время старта так, чтобы оказаться в Дели часа за два до рассвета и бесшумно опустилась прямо во двор казарм джатов.

Через несколько минут после того как Ясмине, уже одетая, постучалась в двери, полк был уже поднят по тревоге и наряды отправились в разные концы Дели брать под контроль всяких нелояльных личностей.

Меня Ясмине послала разоружать ту английскую полуроту со штуцерами, которая не дала ей унести из дворца Мирзу Наджафа.

У англичан службу несли несколько хуже, чем у джатов. Поэтому пробуждение их было несколько неприятным.

— Ну что, джентльмены, с вами Гази Фероз расплатился? — спросил я у них, после того как они были построены без оружия.

— Нет, сэр! — отрапортовал английский лейтенант, спросонок пытаясь понять что здесь делает этот явный европеец, и что вообще происходит в городе.

— Тогда вам не повезло. Вашему нанимателю позавчера отрубили в Лахоре голову как мятежнику, злоумышлявшему против законного падишаха.

Вздых разочарования прокатился по строю.

— Но поскольку мы заинтересованы в том, чтобы сохранить с Британской Ост-Индской компанией мирные взаимовыгодные отношения, — продолжал я. — мы, пожалуй, выплатим вам эти деньги. Вы не обязаны были разбираться во внутренней политике Империи.

Егеря не то чтобы закричали: «Ура!», но радостно зашевелились.

— Итак, мы выплачиваем вам жалование по сегодняшней день, и оплачиваем какую-нибудь речную барку до Аллахабада. Ещё на прокорм в пути выдадим подъемные. Можете забрать с собой личное оружие и знамя, если оно у вас есть. Но вот уж, извините, штуцера я личным оружием счесть никак не могу. Шпаги, палаши, пистолеты — пожалуйста. У кого есть гладкоствольное охотничье ружье — нет вопросов. А нарезные стволы останутся нам в качестве трофеев.

Я проводил с конвоем англичан до Джамны, джатский десятник помог мне сторговать для них речную барку. После того как мы помахали ручкой с берега отплывающей барке, десятник отпустил конвой и мы с ним отправились на делийский базар, который всюду уже шумел, хотя солнце только-только взошло.

Первым делом мы посетили одного писца-брахмана, которого звали Раджив Дасс. Ясмина перед тем как отправиться с ротой джатов во дворец написала адресованную ему записку. На каком языке она, на санскрите или хинди я с ходу не понял, поскольку читать девангари ещё не научился.

— И кто ты теперь будешь? — поинтересовался молодой брахман, смерив меня необычно острым для базарного писца взглядом.

— Ну... Можешь считать меня пока новым падишахским алхимиком, вместо того тамила, которого Ясмина голыми руками придушила. Хотя вообще-то я рассчитываю на пост мир самана¹. В общем, я европейский инженер и механик.

Распросив Раджива, который знал на базаре всё и про всех, я отправился прицениваться. Мне нужно было найти

¹мир саман — что-то вроде министра промышленности и ремёсел.

ремесленников, способных переделать захваченные у англичан дульнозарядные штуцера в скорострельные пневматические винтовки вроде изобретённой несколько лет назад в Австрии Жирардони, посмотреть что тут с железом, селитрой и прочими полезными в военном деле вещами.

Выяснилось, что здесь торгуют даже нефтью. Дорого, и в небольших количествах, но несколько десятков бочек было в наличии и заказать можно было намного большие партии. Не то чтобы строить паровозы или пароходы с нефтяным отоплением, но вот о напалме уже можно подумать.

Когда я уже почти закончил торговаться с оружейником, который с большим интересом рассматривал мою recharged пневматику, произведенную в XXI веке, меня вдруг дернул за локоть Дасс, всем своим видом показывая, что есть разговор не для посторонних ушей.

— Рихард, у тебя есть возможность провести меня во дворец? — спросил он, как только мы отошли в сторону.

— Думаю, да. Ясмина наверняка сменила караулы на джатов, а джаты меня все запомнили. Плюс у меня её перстень есть. А что?

— Есть срочные новости, о которых не стоит вслух говорить на базаре. Обычно я не свечусь во дворце, с Мирзой Наджафом я встречался по вечерам в одной кофейне. Но сейчас дело не ждёт до вечера.

— Ну пошли.

— Только на минутку заглянем на моё место.

Идея заглянуть на рабочее место меня совершенно не удивила. Ну мало ли, забрать оттуда надо деньги или письменные принадлежности. Но через минуту вместо молодого, довольно крепкого парня-индуса из палатки писца вышла закутанная с головой в какой-то традиционный головной убор женщина-мусульманка.

— Вот, — сказала она голосом Раджива. — Так меня никто не узнает. Лучше мне всё же около дворца не светиться.

Мы направились во дворец. Как я и ожидал, стража меня узнала и пропустила с соответствующим воинским приветствием, отпустив между собой пару шуточек, что-де не успел у Ясиminy появиться новый фаворит, как уже каких-

то девиц во дворец водит.

Старший караула отловил какого-то дворцового лакея и велел отвести нас «к падишаху».

Нас провели в тронный зал. Там на небольшой тахте под отделанным павлиньими перьями балдахинном, знаменитом Павлиньем Троне, сидела по-турецки Ясмينا. Перед тронном, буквально в метре, стояла знатная девушка-мусульманка, примерно её ровесница, и разговор вёлся слегка на повышенных тонах:

— Ясмина, что ты сделала с моим отцом?

— Ну, Фирюза, что я могла с ним сделать? Он же заляпан в мятеже по самые уши. Приказала голову отрубить.

— Джагир, конечно, конфискуешь. А мне что? В таваиф подаваться? Оставишь хоть денег, чтобы я себе могла приличную котху купить?

— Фирюза, ты же никогда своего отца не любила и мечтала освободиться от его опеки.

— Мечтать я, может, и мечтала. Но какое я могу занять место в обществе, не выйдя замуж? Только танцовщица. Если б у меня хоть были идеи за кого выйти, я б тебя попросила меня сосватать...

Ясмина поглядела поверх её плеча на стоящих в дверях нас с Радживом.

— Ну теперь твои возможности стали шире. Твой отец бы никогда не согласился выдать тебя за ференга-христианина, или скажем, за поклонника Вишну.

Мы синхронно поёжились. Девушка может и симпатичная, но как-то подобное развитие событий было для нас обоим неожиданным.

— Так, — продолжала тем же тоном императрица. — Что-то стряслось. Крайне необычное. Фирюза, иди посиди вон на том ковре, она показала в дальний угол зала. А вы оба, идите сюда.

Раджив Дасс церемонно поклонился. Я, как мог, симитировал его действия. Мы подошли к трону и он, склонившись почти к самому уху Ясмины начал докладывать:

— Госпожа падишах, в Ауде вот-вот начнется восстание. Получены сведения от людей, приближенных к Вазирю Али, что ему надоело сидеть в Бенаресе.

— И когда он собирается выступить?

— Еще не решено, но где-нибудь после равноденствия.

— Надо бы оттянуть. Хотя бы до зимнего солнцестояния. У тебя есть возможность передать ему сообщение?

— Есть, но велик риск что оно попадет не на те глаза.

— Тогда, пожалуй, придется лететь самой.

— В Бенарес?! — не сдержал эмоций брахман. — Там же толпы англичан!

— Это и хорошо. Англичане не верят в драконов. Поэтому им и в голову не придет, что правительница Дели может внезапно возникнуть в глубине контролируемого ими Ауда. А нам нужен Вазир Али как легитимный правитель, незаконно свергнутый англичанами. Если мы слегка поможем восстанию, он принесёт вассальную присягу и сразу англичане окажутся не ближе Бихара. Но мои военачальники непременно начнут ныть, что ничего не готово к войне и нужно хотя бы пару месяцев на подготовку. К зимнему солнцестоянию мы, пожалуй, успеем. Фирюза, — позвала она девушку, дисциплинированно сидевшую в стороне. — Хочешь за Вазира Али, наваба Ауда? Молодой, красивый, примерно тебе ровесник.

— А он согласится взять дочь казнённого мятежника? — засомневалась Фирюза.

— Куда денется. Он сам сейчас свергнутый мятежник под арестом у англичан. Если я верну его на трон Ауда, пусть даже в качестве своего вассала, он у меня с руки есть будет.

Ясмина потребовала себе карту, долго вымеряла по ней расстояния, ворча: «Никогда в Бенарес не летала...», потом выругалась:

— Проклятые англичане! Угораздило же их посадить Вазира Али под арест так далеко от Дели. До Лакнау я б часов за пять долетела, а тут не меньше восьми. Я тут вообще падишах или курьерский дракон?! О, Фирюза, давай-ка я в спутники тебя возьму. Ты явно на полсотни фунтов легче Рихарда. Заодно и с женихом познакомлю.

Ясмина улетела ещё до заката, успев только отдать дворцовой прислуге приказания о моём статусе. Дели был надёжно взят под контроль джатским полком, так что весь следующий день я спокойно занимался работой с ремесленниками, пытаюсь понять что у нас есть, чего нет и какие

из задуманных нововведений можно пытаться внедрить в первую очередь, понимая, что, возможно через месяц, придется вести совершенно не предусмотренную планами войну за Ауд.

* * *

8 сентября 1798, Дели

На следующее утро незадолго перед рассветом в мою комнату во дворце неслышно прокралась серая киска. Растянулась на кровати рядом со мной и превратилась в девушку.

Пока я ей разминал утомлённые долгим перелетом мышцы спины, она говорила:

— Ох, умоталась. Третью ночь подряд дальние перелеты. Сегодня отсыпаюсь. Никого не принимаю. Но в общем, вроде договорилась. Потерпят они там, в Ауде еще месяца три английское хамство. А нам это меняет все планы. Не хотела я сталкиваться с англичанами раньше, чем обкатаю армию на раджах Гвалиора или Удайпура. Но тут англичане сами так подставились со смещением Вазира Али...

— Ты главное, в Майсур не суйся раньше времени. Там они тоже так подставятся в следующем году.

— Издеваешься, да? Мы вроде договорились, что Майсур мы даём забрать англичанам, и принимаем к себе всех, кто оттуда после этого побежит. Мне бы Раджпутану к рукам прибрать, чтобы торговать через Сурат или хотя бы Бхаруч. Твои планы торговли по Инду через Татту мне пока кажутся фантастикой. Ты лучше скажи, что из твоих военно-технических планов можно реализовать за пару месяцев.

— Да почти ничего. Насколько я помню, даже производство пневматических винтовок Жирардони в Австрии налаживал года два. Переделать захваченные у англичан штуцера мы, наверное, успеем. А вот наладить производство своих нарезных стволов — вряд ли. Но вообще нам надо начинать не с оружия, а с тактики и логистики. Вот подготовить сикхскую, а может и джатскую пехоту, чтобы она могла сражаться с бенгальскими сипаями на равных, это мы можем успеть. Но, пожалуй надо отложить этот разговор до тех пор, пока не подойдут войска из Лахора. Так что ты отдыхай пока, а я пойду дальше кузнецов и плотников

мучать. Кстати, а Фирюза где? Улетали девушка и драконица, вернулась маленькая серая кошка.

— В Бенаресе осталась. Они с Вазиром Али друг другу приглянулись, так что пусть сразу там за него и выходит. Тем более, что за этим мальчиком пригляд нужен. Он конечно, весь из себя приемный сын наваба, но рохля. Недаром англичане так легко его с трона скovyрнули. Но у Фирюзы не забалуешь.

— А кто она вообще такая, эта Фирюза? Я так посмотрел, она на свою повелительницу повышать голос не стесняется.

— Дочка Хайдара Амад-Хана, самого молодого из четырех казнённых перед строем в Лахоре. Она была моей лучшей подругой всё время, что я провела тут, в Дели, и надеюсь, ею и останется, несмотря на то, что отец её впутался в заговор. У неё, правда, было подозрение что Амад-Хан влез в это дело потому что возненавидел Мирзу Наджафа за то, что тот затащил Фирюзу в постель. Но это вряд ли. У него было десять тысяч причин поддержать заговор и без того. А что царивший при дворе разврат не мешает ни придворной карьере, ни удачному замужеству, можно было бы и привыкнуть за несколько веков.

* * *

9 сентября 1798, Дели

На следующее утро я проснулся от странно знакомых звуков. Открыв глаза я обнаружил, что посреди комнаты стоит мой рюкзак в раскрытом виде, а Ясмينا сидит за столом, положив ноутбук поверх оставленных мной вчера чертежей и увлеченно играет в тетрис.

— Что, сикхская конница до Дели уже дошла? — удивился я.

— Нет, они в Рохтаке заночевали, — отвлеклась от игры девушка. — Ранджит твердо намерен к вечеру дойти до Дели. Я просто крылья разминала и слетала посмотреть, где они идут.

— Ну и разминочка у тебя... Сколько дотуда?

— Чуть больше 40 миль. Меньше часа в один конец. Просто после тех полетов, которые я тут совершала вчера-позавчера все мышцы спины болят. И единственный способ это преодолеть, это дать более-менее приличную нагрузку.

Не нарезать же мне круги над Дели — скучно. А до Рохтака и обратно, туда ночью, обратно на рассвете — очень приятная прогулка получилась.

Узнав, что сикхская конница ожидается в Дели сегодня я с утра посетил джатские казармы и отдал несколько приказов. Благо, фейерверками здесь занималась старинная и почтенная каста, и мой заказ по производству разноцветных сигнальных ракет выполнить местным мастерам было несложно.

Поэтому я совершенно не удивился, когда меня разыскал посыльный солдат и доложил:

— Рихард-сахиб, получен сигнал, что до прибытия сикхов осталось два часа.

Свернув свой разговор с литейщиками, которые были готовы попытаться отлить цилиндры паровой машины по технологии, применяемой для пушек, я направился во дворец отрывать Ясмину от государственных дел.

— Ваше величество, госпожа падишах, бросай ты эти бумаги и пошли к Лахорским воротам Ранджита Сингха встречать. Как раз успеешь переодеться, они должны часа через полтора появиться.

— Ты что, дозорному воки-токи выдал? — поинтересовалась она. — Ведь Ранджит ведет конницу таким темпом, что даже на галопе обогнать его на два часа твой дозорный бы не смог.

— Хочешь, проверь — все воки-токи как лежали в рюкзаке, так и лежат. — усмехнулся я. — Использовать технику притащенную из другого мира — низкий класс, плохая работа. Всё сделано местными ремесленниками и солдатами.

— Заинтриговал. Показывай.

— Да показывать тут нечего. Обычные сигнальные ракеты. Мастера расстарались и сделали их целых пяти цветов. Так что можно довольно сложные сигналы передавать.

Со всеми неизбежными затратами времени на сборы, неизбежными визитерами, норовящими отвлечь императрицу в самый неподходящий момент делами огромной важности и срочности, мы оказались на башне Лахорских ворот тогда, когда до приближающейся армии оставалось километра четыре.

Разглядывая колонну в бинокль я с удивлением обнару-

жил, что в боевых порядках конницы, не отставая, движутся несколько упряжек шестёркой с полевыми орудиями. Я, конечно, еще не настолько освоился с системой Грибоваля, чтобы вот так на расстоянии определять тип пушки, хотя их всего-то три, но по-моему, это были ни разу не четырехфунтовки.

Я спросил у Ясины, не разбирается ли она в том, что это за пушки, и получил в ответ замечательно простую формулировку:

— В системе Грибоваля на два фунта веса ядра приходится одна лошадь.

Значит, то что запряжено шестёркой, это 12-фунтовка, самая мощная из имеющихся полевых пушек.

Прошло минут двадцать пять и колонна, перейдя с рыси на шаг, начала втягиваться в ворота, за которыми были выстроены в почетном карауле две джатских роты.

Когда усталая конница выстроилась напротив джатов и Ясина торжественно приняла парад, я подошёл к пушкарям и спросил у них, чьи они. Оказалось, что это всё же не была штатная полковая артиллерия сикхской конницы, до этого здесь ещё не додумались. Это де Пиль придал коннице две сводных батареи 12-фунтовок, собрав по всей полевой артиллерии лучших ездовых. А остальная артиллерия идёт с пехотой.

Глава 27

План Дженнифер

9 сентября 1792, Дели

Вечером после прихода конницы в Дели в моей комнате появилась Дженнифер. Она уже успела после тяжелого перехода побывать в хамаме и посетить местную цирюльню или что тут вместо визажистов. Хотя усталость от перехода из Лахора явно чувствовалась.

— Ну что, как тебе Дели? — спросила она таким тоном, как будто сама этот город построила.

— Ничего так себе городишко, — небрежно ответил я. — Базар здесь богатый.

— Базар это главное? — удивилась она.

— Вопрос в том, **насколько** он тут богатый. Как я полагаю, на делийском базаре можно недорого купить больше железа, канатов и всего прочего, чем производит вся военная промышленность Англии.

— Да, с этой точки зрения, конечно. Но вообще эффективность работы одного индийского ремесленника в несколько раз ниже, чем у английского мануфактурного рабочего. С этим надо что-то делать.

— Ты хочешь устроить здесь индустриализацию, огораживание и всё подобное чем это сопровождается в Европе?

— Ясмина мне бы голову откусила, если бы я ей предложила обращаться с её народом так, как это принято в считающих себя цивилизованными европейскими странами. Так что придется идти по другому пути.

— Ты уже придумала по какому? — удивился я.

— Ну, есть некоторые соображения. Ты знаешь, что в Японии во время Второй Мировой большая часть военной промышленности состояла из мелких предприятий с числом рабочих до тридцати человек.

— Никогда об этом не слышал. Но ведь линкор «Ямато» не построишь на семейном предприятии.

— Ну так не вся же. Здесь, кстати тоже есть традиция крупных предприятий. В Дели всегда были императорские мастерские, которые совершенно огромны, хотя в отличие от европейских мануфактур представляют собой просто кучу ремесленников под одной крышей.

У некоторых других правителей тоже есть казенные предприятия. Вон у Холкаров в Индоре. Про Типу-султана я уж и не говорю. У него есть и ракетные мастерские и верфи, на которых строится вполне современный линейный флот. Кстати, надо сказать Дассу, чтобы активизировал там работу. В июне следующего года англичане захватят Майсур и было бы неплохо, чтобы кое-какие специалисты при этом успели сделать ноги к нам.

— И куда я дену майсурский флот? Там же выпелов сорок. Насколько я помню, сейчас в Империи приличных портов нет, одна полузаброшенная Татта, которую ещё приводить в чувство, чтобы сделать воротами для экспорта из Пенджаба по Инду.

— А Карачи?

— А там разве уже есть город?

— Города нет, но бухта-то никуда не делась.

— Это получается строительство военно-морской базы с нуля организовывать. Мы не разорвёмся? Здесь реформы, там реформы, здесь реконструкция порта, там строительство на голом месте, а тут еще Ауд присоединять.

— Какой Ауд? — насторожилась она.

— Да тут пока мы переворот подавляли там уже каша заварилась. Народ хочет восстать против посаженного полгода назад англичанами набоба. Предыдущий набоб, который сейчас сидит в Бенаресе как бы в плену — не прочь его поддержать. А Ясмина надеется на этом что-то наварить.

— Ох, надо ей хвост её драконий накрутить. Чуть выпустишь её из поля зрения, так обязательно в какую-нибудь

авантюру ввяжется. То Джайпур самолично берёт, то вот теперь прёт нахрапом на Ост-Индскую Компанию когда у той войска отмобилизованы в преддверии войны с Майсуром.

— Это она как раз учла, и хочет оттянуть восстание до момента, когда войска из Бенгалии уже уйдут как минимум в Хайдарабад. Впрочем, идея как растрепать на территории Ауда всю Бенгальскую армию у меня есть. Стратегическая наработка из примерно этого времени. Так через дюжину лет в России будут разбираться с Великой Армией Наполеона. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Ну так всё же, что мы делаем с индустриализацией?

— Начинаем, естественно, с лёгкой промышленности, а не как у вас в СССР. Благо сейчас индийское ткачество всё ещё считается лучшим в мире. Ясмина притащила из будущего семена продвинутых сортов хлопка и лет за пять мы вполне сможем увеличить его производство в несколько раз.

— А рабочих рук хватит?

— А хлопкоочистительные машины Уитни? Они в этом мире уже изобретены. Пусть доходы от них получают индийские райяты, а не рабовладельцы Диксиленда.

— Ты хочешь лишить законного дохода родную страну? — удивился я.

— Я хочу лишить её нескольких десятилетий рабства и кровопролитной гражданской войны. Если Юг не превратится в монокультуру хлопка, то не будет такой резкой разницы между Югом и Севером, и по моим прикидкам рабство должно кончиться годам этак к 20-м, ещё до того как будет толком освоена Луизиана.

Заодно может быть кое-какие полезные традиции Юга усвоятся Севером.

Но вообще-то мы здесь не экономииу САСШ собрались реформировать, а экономику Империи Моголов.

Так вот, кроме машин Уитни, нужны механические прялки.

— Это которые твоего имени, — перебил я американку.

— Ну не моего, а моей тёзки. — усмехнулась она. — Здесь они уже тоже изобретены, как и ткацкие станки с механическим приводом, и вот-вот начнут давить дешёвизной сво-

ей продукцией более качественные ткани индийских ремесленников.

— Одна беда, непонятно чем крутить. — попробовал остановить полёт её фантазии я. — Декан, где с гидроэнергией вполне нормально, пока ещё не наш. В предгорья Гималаев ткачей переселять? А то в Пенджабе и Доабе все слишком плоско.

— А пар?

— Что пар? Если бы мы вели речь о строительстве огромных мануфактур, с загонянием сотен прядильщиков и ткачей в огромные цеха, машины Уатта могли бы пригодиться. Но ты же хочешь оставить всё как есть. С семейными предприятиями. Для этого нужны совсем другие машины. Надёжные, как бытовая техника нашего с тобой времени, компактные, экономичные и дешёвые. В нашем мире кустарь-одиночка смог обзавестись мотором только после того, как по улицам поехали автомобили и мотоциклы.

Она задумалась, потом спросила:

— Слушай, Рихард, а на базе того, что известно тебе, можно спроектировать паровую машину, которая бы годилась если не для семейных мастерских, то для кооперации нескольких семей, местной общины?

Настал черёд задуматься мне. Вообще-то что-то подобное я уже даже начал строить. Змеевиковый водотрубный котёл, двойное или тройное расширение. Я предназначал эту машину для лёгких речных барж или канонерок, но надеялся, что вот приедет Тревитик и сделает на её базе тягач для осадной артиллерии, а может и экскаватор.

— Ну допустим. — меня больше волновали социальные последствия. — Ну вот механизуем мы ткачей. Но даже если нам удастся продать всю их продукцию, и этой продукции будет в пять раз больше за счет прироста урожайности хлопка, прирост производительности ткачей будет минимум на порядок, а значит половина ткачей останется без работы. Куда ты их будешь трудоустраивать? Тут же кастовая система, и чем попало член ткаческой касты заниматься не пойдет, скорее будет с голоду помирать.

— На строительные работы можно загнать представителей любых каст варн шудр и вайшья. — успокоила меня Дженни. — То есть по крайней мере дорожные проекты в

стиле Рузвельта сгодятся. А нам всё равно нужны и шоссе, и железные дороги. Кроме того, телеграф. Изготовление телеграфных кабелей, особенно подводных, достаточно близкое к ткачеству занятие. Это вообще можно подать как повышение для большинства ткачей, поскольку работают не только с волокном, но и с проволокой сейчас только те, кто ткут золотую парчу.

— Да, кстати о строительных работах, — вспомнил я. — Ты не можешь придумать обоснования, что махать лопатой — вполне достойное занятие для кштариев и мусульманских воинов. А то мне их тут надо новой тактике учить, которая заключается в том, чтобы зарыться поглубже в землю.

— Пулемёт бы надо. Под пулемётным огнём народ быстро соображает, что хороший окоп — это крайне полезная вещь.

— Шрапнель я сделаю, многозарядную пневматику — сделаю. В Европе то и другое уже изобрели. А вот пулемёт, — тяжело вздохнул я, — ну не знаю я как за эту задачу взяться. Для того, чтобы можно было сделать пулемёт, нужно на конвейер унитарные патроны поставить. Причём с бездымным порохом. Это в лучшем случае лет через пять, когда твоя идея с мелкими паровыми машинами для ткачей и кузнецов начнет давать плоды.

— А еще надо развиваться за пределы Индии. — сменила тему америанка. — Ну то есть в нашей истории европейцы окончательно подмяли под себя Восточное побережье Африки только ближе к концу XIX века. Вон в Танганьике даже немцы успели. А сейчас смотри: Гавайи — от европейцев независимы, их Камехамаха вот-вот объединит в королевство, аракуаны от испанцев независимы. Их только свободная республика Чили подчинить сумеет, до Новой Зеландии европейцы не добрались, Восточную Африку в основном арабы контролируют, в Южной — считай только маленькая фактория Капштадт и бурские фермы в его ближайшей окрестности. Ни Дурбана, ни Трансвааля еще нет. Китацы еще не познакомились ни с опиумными войнами, в Японии открыт для европейцев только Нагасаки. Там сейчас торгуют мои соотечественники, так как голландцам немного не до того.

— Ну и что ты предлагаешь? — сделал непонятливый вид я.

— Предлагаю сделать так, чтобы когда европейцам надоест убивать друг друга где-то там, в Европе и они сплавят Наполеона в Южную Атлантику, здесь, в Индийском океане, в Южной Атлантике и Тихом Океане был десяток государств, имеющих океанские торговые флоты. Можно еще португальцев привлечь, все равно они через десять лет королевский двор в Рио перенесут. Придут европейцы в южные моря, а там они среди равных и далеко не первые.

— И это ты предлагаешь сейчас, — удивился я. — когда сотни кораблей Ост-Индской компании везут из Калькутты в Европу селитру, в Африку — ткани, в Китай — опиум?

— В Китай опиум везут в основном независимые торговцы. Компания слишком явно нарушать законы не хочет. Так что как только у нас появится что-то, способное крейсировать в Моллукских проливах, это дело можно и пресечь. Впрочем, можно и самим не пресекать, а французов напярчь. Есть у них тут такой Робер Сюркуф.

— А ты с ним уже знакома?

— Нет, что ты! — успехнулась она. — Я тут меньше года, и не успела побывать нигде, кроме Гуджранвалы, Лахора и Дели. И то с Дели это еще подвезло.

Глава 28

Демонстрация

16 сентября 1798, артиллерийское стрельбище к северу от Дели

Я встретил группу офицеров у входа на полигон.

— Ну, показывайте Рихард, — сказал мне де Пиль. Он видел меня второй раз в жизни и еще не перешёл на ты.

— Надо сказать, что за то время, пока вы шли от Лахора я мало чего мог успеть. Всего-то десять дней. Начнем с самого мирного из изделий. Это передвижная кухня. Она едет, а в ней варится обед на роту. Позволяет увеличить скорость маршей пехоты примерно на четверть, поскольку солдатам нет необходимости тратить время на привалах на разжигание костров и приготовление пищи. Кроме того, несколько снижает небоевые потери. Имея такую кухню, можно поить солдат только кипяченной водой. А это несколько снижает риск заболеваний холерой и дизентерией.

Хотя, конечно, для того чтобы полностью избавиться от этих болезней потребуется принять ещё ряд мер.

Де Пиль обошёл вокруг полевой кухни, заглянул нагнувшись, заглянул в топку.

— Забавно. Топка на колёсах. Если такую штуку приделать к телеге Кюньо, она бы смогла ехать, не останавливаясь каждые пятнадцать минут.

— Вы в курсе работ Кюньо? — удивился я.

— Да, я мальчишкой видел, как он испытывал свою ма-

шину в парижском арсенале. Такие машины должны бы были произвести революцию в осадной артиллерии, но почему-то не прижились.

— Вы знаете, Кюньо допустил все ошибки, которые только можно было допустить при создании самоходного экипажа с паровым двигателем. Вообще-то во второй модификации у него была топка, но это не помогло. Котёл слишком далеко вынесен вперёд, поэтому топить его на ходу невозможно. Вся нагрузка от веса машины и котла приходится единственное колесо. Оно же и рулевое, поэтому требуется очень большое усилие для поворота руля. И стоит этой штуке съехать с мощёной дороги на просёлочную, она моментально увязнет.

В общем, паровой тягач надо делать совсем по-другому. Я, кстати, нашёл в Англии одного инженера, который гораздо лучше разбирается в этом вопросе, и пригласил поработать в Дели. Ричард Тревитик его зовут. В Англии там какие-то проблемы с патентами. Джеймс Уатт запатентовал всё что можно, и ближайшие несколько лет строить там что-то паровое без его разрешения не получится. А он скептически относится к идее парового экипажа. Поэтому, может быть, месяца через три, когда на вербованные мной в Европе люди доберутся до Индии, у нас будет лучший в мире специалист по паровым экипажам. Но это дело будущее. А сейчас посмотрим кое-что по поводу артиллерии.

Я подошёл к стоящей рядом обыкновенной полевой восьмифунтовке и поднял с земли лежащий рядом шарообразный снаряд:

— На вид это похоже на обыкновенное ядро. Но этот снаряд содержит внутри заряд пороха и некоторое количество картечных пуль. Главная же изюминка вот, — я показал на торчащий кончик тростникового стебля. — Это дистанционная трубка, род очень быстро горящего фитиля. Тут нанесены метки в сотнях шагов. Мы отрезаем тростинку по нужную метку, потом заряжаем снаряд в пушку. При выстреле запал воспламеняется, и, пролетев выбранное число шагов, снаряд взрывается в воздухе. Дальше летит уже нечто вроде картечного залпа. Эта конструкция изобретена английским артиллеристом Шрапнелем двадцать лет назад, но до сих пор не принята англичанами на вооруже-

ние, хотя очень эффективна против пехоты. Позволяет поражать пехоту артиллерийским огнем на таких расстояниях когда даже из нарезного штуцера попасть в артиллеристов практически невозможно. Вот смотрите, — я широким взмахом руки показал вперед. — На расстоянии четырехсот шагов вы видите ряд мишеней, изображающих солдат противника. Выставляем трубку на 350 шагов, и стреляем, — я установил трубку и передал снаряд джатским артиллеристам, стоявшим наготове около орудия.

Они привычно забили его в ствол, в конце концов именно этот расчёт работал у меня на испытаниях, и выстрелили. Снаряд разорвался в воздухе в двух десятках шагов от шеренги мишеней. Всё-таки точность дистанционной трубки у меня пока оставляла желать лучшего. Надо накрутить хвост той команде, которая готовит для трубок специально калиброванный порох.

Де Пиль вытащил из кармана мощную подозрную трубу и попытался разглядеть отверстия в мишенях. Но на таком расстоянии это было невозможно. Пришлось сесть на лошадей и подъехать поближе.

Количество дырок было впечатляющим.

— Почти как картечный залп в упор, — сказал Ранджит Сингх, до того хранивший молчание. И это с 400 шагов. Жуткое оружие.

Мы вернулись к пушке и я продемонстрировал второй снаряд, с виду не отличавшийся от первого.

— А это бомба с ударным взрывателем. Первый удар, при выстреле, приводит взрыватель в боевое положение, а второй — при ударе о цель — вызывает взрыв. Вот смотрите, — я опять передал снаряд артиллеристам, которые за время нашего путешествия к мишеням успели засыпать в пушку новый заряд пороха и перенацелить её на остатки старой каменной кладки, оставшиеся от некогда стоявшего на месте полигона форта.

Снаряд был начинён не чёрным порохом, а пикриновой кислотой. Поэтому разрушительная сила взрыва была совершенно неожиданной для зрителей.

— Самым интересным в этом снаряде является то, что он начинён не порохом, а веществом, которое открыл двадцать лет назад один английский алхимик, предполагая

его использовать как жёлтую краску для ткани. Алхимика, кстати, я тоже завербовал. В деньгах он не нуждался, но ради знакомства с индийской школой алхимии и тайнами брахманов согласился на поездку через полмира.

Часть V

Аудская кампания

Глава 29

Военный совет

17 сентября 1798, Дели

(Фрагмент недописан)

— Эх, — тяжело вздохнула Ясмينا. — Не хотела я сразу воевать с англичанами. Думала сначала года три-четыре пореформировать налоговую систему, подкопить денег, понаделать оружия, попытаться сделать союзниками коекого из маратхских раджей. Вон тут Яшвант Рао вот-вот спихнет Каши с трона Индура. Можно было бы ему помочь немного. Яшвант по-моему, предпочтет быть одним из равных в Империи, чем первым в захолустном княжестве.

— Да, пожалуй, — пробурчал в усы Дост Хуссейн. — охмурять Яшванта после того, как он уже добудет себе корону, будет посложнее, чем сейчас, когда он довольно успешный, но претендент.

— Охмурять Яшванта, — задумчиво повторила Ясмينا, разглядывая бахрому балдахина Павлиньего Трона. — А что, мальчик симпатичный, образованный, с приличными манерами. Ранджит, ты всё же при всех своих военных талантах — провинциал.

— Скажи еще, сикх неотёсанный, — нахмурился тот. — Вот что у тебя за манеры, как увидишь молодого и симпатичного полководца, так сразу в постель тащить... Вот не возьму тебя в жёны...

— Не больно-то и хотелось, — отрезала императрица. — Быть одной из двадцати, причем не первой.

— Двадцати?! — удивился молодой сикх.

Ясмина вытащила откуда-то небольшой листочек бумаги:

— Могу всех перечислить. Правда, из всей этой толпы я, кроме Мехтаб, знаю только Датар из Накаи и лахорскую таваиф Моран. Но в общем более-менее понятно из каких они родов.

— Вот отпусти девушку в будущее. Нахватается там не пойми чего, — проворчал Ранджит Сингх.

Я наклонился к уху сидевшего рядом де Пиля и нарочито громким шопотом сказал:

— Милые бранятся, только тешатся.

Ясмина прожгла меня взглядом, но сделала вид что ничего не слышала.

— Давайте вернемся все же к обсуждению проблемы Ауда. Обсуждать моих любовников на столь представительном совете это лишнее. Тем более, что не все присутствующие имеют отношения к этой теме.

«Не все присутствующие относятся к любовникам Ясмины», — усмехнулся я про себя.

(Фрагмент недописан)

* * *

18 сентября 1798, Дели

На следующий день после совета я заглянул ближе к вечеру на базаре в палатку Раджива Дасса. Он уже заканчивал свою официальную работу — к базарным писцам обычно обращаются поутру, и предложил посидеть в близлежащей чайхане. Маленькая палатка писца была не слишком хороша для конфиденциальной беседы.

После того как мы выпили по первой пиале чая, он спросил меня:

— А кто такая эта Дженнифер? Раньше я думал, что это просто амбициозная девушка, которая решила пролезть во власть через постель Ранджита Сингха и дружбу с Ясминой. Но вчера она изложила такой план, до которого ни один мудрец не додумается. Кто ты — я более менее понимаю. Механик, алхимик, военный инженер, притащенный Ясминой из какого-то мира, где техника продвинулась несколько дальше, чем здесь.

«Хорошо, — подумал я, — что один мудрец додумался

до того, что человек, изложивший такой план, чего-то стоит. Может быть Дженни и удастся через некоторое время начать напрямую работать с Дассом».

— Ну как тебе объяснить... — сказал я брахману. — Ты Генри Колбрука знаешь?

— Это тот английский резидент в Пурнии, который недавно издал книгу про сельское хозяйство и коммерцию? Ученик пандита Уильяма Джонса, который помер пять лет назад в Калькутте?

— Ну да. Что ты можешь сказать про его способности?

— Очень опасный инглез. Я бы с большой осторожностью отнесся к необходимости напрямую столкнуться с ним в каких-нибудь тайных делах. Понимаешь, он понимает индусов и мусульман почти так же хорошо как я. Но я сам индус. А он европеец. А значит ещё и европейцев понимает, а я их знаю слабо.

— Ну вот представь себе, что в Англии есть несколько десятков таких Джонсов и Колбруков. Некоторые работают в Индии, некоторые в Персии, некоторые в Китае. Потом они возвращаются в Англию, обмениваются мнениями о том, как правильно понимать душу других народов, готовят учеников, посылают их опять в другие страны. Такие же люди есть во Франции, в России, в недавно отделившихся от Англии Североамериканских штатах. Они читают книги, которые пишут коллеги в других странах, когда их страны в союзе — ездят друг другу в гости и обсуждают свои работы, потом союзы меняются, бывшие враги становятся друзьями и наоборот.

Так продолжается двести лет. Двести лет сотни людей изучают все возможные народы, включая свои собственные, отрабатывают методы этого изучения. А потом в университет в Североамериканских Штатах приходит учиться девушка. Она учится там пять лет, изучая труды учеников учеников Колбрука и Уилкинса, работает в Гвиане, ездит обсуждать свои работы в Глазго и Рим. А потом вдруг из своего мира, в котором с Рождества Христова прошло более двух тысяч лет, попадает в этот, становится подругой наследницы трона и искренне хочет ей помочь.

— Так получается, что когда ее Мирза Наджаф познакомил со мной и она пыталась мне давать советы, она знала,

что говорит?

— Да. Тебя, она правда, похоже не раскусила. Она не поняла что послушав ее в течение нескольких часов на совете, ты поймёшь что тут не всё так просто. Поэтому просила меня взять общение с тобой на себя.

Глава 30

«Черепаша»

20 сентября 1798, Дели

Очевидно, что английский корпус, который явится наводить порядок в Ауде, можно и нужно подловить по близости от какой-нибудь реки. Вот Сон, например, замечательная река для этой цели.

Поэтому плавучая артиллерийская батарея была бы совершенно не лишней. Уже десять сантиметров дерева прекрасно защитят от пуль здешних ружей, а переклейка потолще, так и от полевой артиллерии. Стрелять калёными ядрами здесь умеют только моряки.

Так что сделать легкую и манёвренную канонерку и она может оказаться в долине Ганга вундерваффе.

Но успею ли я построить хотя бы одну приличную паровую машину? У меня ж ещё полно задач на те два-три месяца, которые остались до того как в Ауде полыхнёт.

Впрочем, если мне нужно вундерваффе, то есть оружие, действующее на противника самим фактом своего существования, то мне не нужна паровая машина. Мне важно, чтобы англичане поверили, что она у меня есть.

Те кто прибыл в Калькутту и Мадрас недавно и ещё прибдет в ближайшие месяцы, уже видели в Портсмуте изделие Фултона. Поэтому увидев трубу и гребные колеса, они сразу завопят «пироскаф». Вернее, достаточно того, что они увидят трубу и не увидят вёсел.

Хотя, пожалуй, для местных мелких рек колёса лучше,

чем винт.

Или одно колесо? Вроде был же такой речной броненосец времён американской Гражданской войны. Колесо, значит, по центру на корме. А на носу под килем смонтируем каток. И будем с мелей попросту съезжать.

Крутить колесо будем примерно так, как это делали на спасательных шлюпках в середине XX века — лютецией. Движения почти те же, что при гребле получатся, но не надо делать отверстия в борту, куда пуля залететь может, и не надо высовывать наружу хрупких вёсел. А потом, когда-нибудь, к следующей войне поставим паровую машину.

А вот броню придется ставить железную. Пули и ядра должны от вундерваффе рикошетировать со звоном.

Пушки в барбетной установке. Станок по типу карронадного, только амортизаторы получше поставить. Потому что мне явно нужна не карронада, а хотя бы полевая пушка Грибоволя со стволом в 18 калибров.

В бутафорскую трубу дымовую шашку засунем.

В общем, проект получился вполне ничего. А поскольку всё Дели знает, что в мастерской литейщика Саваша для Рихарда-сахиба строят паровую машину, то, пожалуй, англичане поверят что у меня тут паровой броненосец.

Вот только с пушками что делать? При тех размерах и осадке, которые нужны чтобы свободно маневрировать на Джамне и Ганге, не говоря уж про Сон, я поставлю туда максимум две двенадцатифунтовки. А, значит, скорострельность в полтора выстрела в минуту, которую обеспечивает дульнозарядная артиллерия, меня совершенно не устраивает. Придется затвор изобретать.

Ещё бы хорошо к этому речному танку какое-нибудь оружие ближнего боя. Пулемёт мне за два месяца точно не сделать, или если сделаю, не наделать достаточного количества патронов. Огнемёт — подумать надо. Перегонный куб я найду, нефть на базаре продаётся, значит бензин у нас будет. Квасцы тут тоже давно известны, а значит изготовить пальмитат алюминия тоже можно. Компрессоры я уже заказал. Для накачки пневматических винтовок, в которые переделываются захваченные штуцеры. Думаю, что один мне на канонерку урвать получится.

Глава 31

Реформы

22 сентября 1798, Дели

Ясмина встала с трона и прошла перед собравшимися. В тронном зале присутствовало всего лишь несколько человек, но эти люди были наиболее уважаемыми духовными учителям. Их слово так или иначе влияло на мнение миллионов подданных империи.

Здесь было трое мусульманских муфтиев, пятеро высокопоставленных брахманов, буддистский гуру, джайн, парс и даже настоятель католического храма.

— Уважаемые учителя, — начала императрица. — Я тут собрала вас потому, что у меня складывается впечатление, что что-то у нас в Империи не так с просвещением народа. Во всех ваших учениях есть представление о чистоте и нечистоте. Пророки, давшие ваши священные книги, получили от высших сил эти представления для того, чтобы защитить людей от зла, в том числе и от болезней.

Но, видимо, потому, что люди несовершенны и совершают ошибки, за века, прошедшие с момента появления ваших священных книг, какая-то часть данного богами знания была потеряна, и ритуалы очищения перестали защищать. Меня очень беспокоит то, сколько моих подданных болеет и умирает от болезней, которые распространяются из-за неправильного соблюдения чистоты.

Вот тут мои советники собрали наиболее важные практики поддержания чистоты и защиты от болезней по опыту

разных стран, от Европы до Китая. — Ясмина помахала в воздухе пачкой небольших брошюр. — Я рекомендую вам изучить эти советы и выдать своим единоверцам рекомендации по поводу того как улучшить традиционно соблюдаемые ритуалы, чтобы они действительно защищали в том числе и от инфекций.

Поскольку я, как императрица, заинтересована в том, чтобы мой народ был многочисленным и здоровым, я объявляю, что в следующий день осеннего равноденствия каждый мулла или настоятель индуистского храма или жрец иной конфессии, у которого за год ни один из прихожан не умер от холеры, чумы, дизентерии или другой заразной болезни, получит из имперской казны сто рупий пожертвования. А если у него умерло от этих причин не более пяти человек, то двадцать рупий.

А что касается здесь присутствующих, то если благодаря разработанному вами рекомендациям ваши единоверцы перестанут умирать от болезней, то каждый из вас получит по рупии за каждый храм, прихожане которого не умирали в течение года. У каждого из вас есть лакхи, а то и кроры единоверцев. Десятки тысяч храмов. Понятно, что изменения в обычаях прививаются с трудом. Но подумайте, если даже каждый десятый храм принесет вам по рупии...

* * *

7 октября 1798, Дели

Когда я появился в мастерской Саваша, старый литейщик протянул мне отпечатанную типографским способом листовку:

— Вот объясни мне, Рихард-сахиб, как так может быть? Тут написано, что новая мера длины выбирается такой, чтобы составлять ровно одну десятиmillionную расстояния от полюса до экватора на меридиане Мекки.

Но ведь если Земля шар, то все меридианы должны иметь одинаковую длину, и нам всё равно, брать ли меридиан Мекки, меридиан Дели или меридиан Лондона.

Листовка представляла собой текст указа Ясины о введении новой системы мер и весов по образу и подобию той, которая введена лет десять назад в революционной Франции. Но мы с Дженнифер немного поработали над ней, что-

бы сделать реверансы в сторону всех основных религиозных традиций Империи. Поэтому метр определялся через меридиан Мекки, а килограмм — через литр воды из священного Ганга.

Саваш протягивал мне листовку, отпечатанную на хинди, который я был почти не в состоянии прочитать, но текст указа на урду я знал практически наизусть. Поэтому прекрасно мог ориентироваться в тексте по рисунку абзацев.

— Ну тут есть две тонкости. Первая — земля не совсем ровный шар. На ней есть по крайней мере горы и моря. Поскольку они распределены неравномерно, длины разных меридианов чуть-чуть, но отличаются. Вторая — если уменьшить эти различия с крор раз, ты даже в самое сильное увеличительное стекло разницы не заметишь. Поэтому если мы возьмем французскую линейку, сделанную якобы на основе парижского меридиана, и нашу, и увидим какую-то разницу, то это значит кто-то из изготовителей линейки немножко ошибся.

Глава 32

Телеграф

10 ноября 1798

Наконец, все процессы подготовки к войне в Ауде пошли своим чередом, и я смог выкроить время для обещанного Дженни изобретения телеграфа.

Медную проволоку нескольких сечений на заводе Саваша уже гнали километрами, так что материал был. Нет, я бы, конечно не отказался от радиоламп и еще кое-каких полезных вещичек, но приходится обходиться тем, что есть.

Я вспомнил как был устроен игрушечный телеграф, который был у меня в детстве. Там не было ни одной радио-детали, только два зуммера и два ключа. Но работало как настоящее. Я б конечно предпочел чтобы оно работало на наушники, но зуммер тоже ничего. Во всяком случае когда я пошел в радиокружок во Дворце Пионеров, приобретенные на этом простеньком телеграфе навыки вполне пригодились.

Здесь я тоже хотел добиться именно этого — мне нужен не столько телеграф, сколько телеграфисты. На проводные линии скоро, лет, допустим, через десять, встанут буквопечатающие аппараты, а вот в эфире морзянкой работать придется еще долго. Как бы не до того момента, когда тут появятся спутники связи, до чего я вряд ли доживу.

За вечер экспериментов мне удалось создать пару работающих аппаратов, запитанных от медно-цинковой батареи. Теперь это надо растиражировать и учить людей.

* * *

20 ноября 1798, Дели

Не прошло и недели после того как я изготовил первый телеграфный аппарат, как выяснилось, что вести курсы телеграфистов у меня нет времени. Пришлось для тренировки приема на слух изобразить что-то вроде то ли шарманки, то ли проигрывателя, где на спиральной канавке припоем рисовался набор точек и тире, а потом по этой канавке пускалась спаренная игла.

Но в общем можно было не сомневаться, что люди выучатся. Тем временем Саваш нашел где-то людей из ткаческой гильдии, которые изготовили нам несколько сот метров изолированного провода, и у нас получился полевой телеграфный аппарат, который мы испытали на полигоне, когда вывезли туда сделанные для «Черепахи» казнозарядные пушки.

Еще я протянул провода между Красным Фортом, где располагался двор Ясины, бывшим домиком алхимика, который я нахально присвоил, благо тамил Вирасами наследников в Дели не имел, и особняком, который прикупил себе Ранджит Сингх, в котором обитала Дженнифер.

Глава 33

Интерлюдия

15 декабря 1798, Калькутта

Генри Кольбрук недоумевал, зачем вдруг его вызвали из Пурнии, где он успешно развивал свои исследования по традиционному индийскому праву, в Калькутту.

Причём не просто так вызвали, а личным письмом генерал-губернатора, с которым Кольбрук можно сказать и не был знаком. Ричард Уэлсли был назначен губернатором только в мае, сменив на этом посту генерал-лейтенанта Кларка, завоевателя Кейптауна, толкового офицера, но совершенно негодного гражданского чиновника, который замещал этот пост всего два месяца после отъезда Шора в Англию.

Кларка Кольбрук знал, приходилось встречаться в Калькутте, когда он приезжал туда по поводу публикации своих «Заметок о крестьянстве и коммерции Бенгалии». А вот с братьями Уэлсли судьба пока не сводила. Только слухи о том что старший из братьев развел семейственность — младший у него секретарём служит, а средний уже полковника получил.

А тут пишет, мол: «ваш огромный опыт и знания совершенно необходимы в Калькутте».

Впрочем, при личном знакомстве неприязнь как-то сосалась. Светловолосый, изящно носивший свой генеральский мундир губернатор производил весьма приятное впечатление.

А когда оказалось что ему действительно нужны советы человека, имеющего много больший опыт деятельности в Индии, судья совсем растаял.

— Что вы скажете о новом Великом Моголе? — спросил генерал-губернатор.

— Решительная девушка. И очень бережёт своих людей. Насколько я понял, операция по подавлению мятежа была заранее спланирована и разыграна как по нотам. Похоже, что все в армии, кроме самой верхушки заговорщиков, были в курсе, что наследница жива и вот-вот появится. И готовы перейти на её сторону. А вся эта история с сикхским мятежом была спектаклем, затеянным для того, чтобы собрать мятежников в чистом поле в окружении верных ей войск.

Единственное, что мне не понятно — приехав в Калькутту, я получил письма из Англии, отправленные в сентябре. Мои старые друзья и коллеги, Уилкинс и Халхед, пишут о том что общались с ней в Англии буквально за два дня до той истории под Лахором, которая стоила головы Гази Ферозу. Персидская поэзия в его лице понесла огромную потерю.

— Вы там в Пурнии, к сожалению, далеки от светской жизни. А мне, хотя я в Индии и без году неделя, уже приходилось сталкиваться с тем, что она и её покойный отец ухитрялись оказываться там, где никак не могли бы оказаться, перемещаясь они как все люди на лошадях или кораблях. Но вряд ли мы с вами сейчас решим эту загадку. А что вы думаете про её политику в ближайшее время?

— Мне кажется, она будет стремиться к миру. Она затеяла у себя очень глубокие реформы, я читал прокламации, которые она выпускает в Дели. Это должно принести ей просто горы денег и огромную военную мощь, но не сейчас, а году этак к 1803-1805. А ближайшие годы она будет считать каждую анна как последний метельщик улиц.

— А может навязать ей под это дело субсидиарный договор?

— Она плюнет вам в лицо. Зачем ей, которой отец оставил армию, способную взять Джайпур за несколько часов, английские войска? Кстати, говорят, что штурмом Джайпура она командовала лично. А ещё у неё есть этот

сикхский юноша, Ранджит Сингх, которому всего девятнадцать лет, но которого уже уважают по всей афганской границе.

— Как вы думаете, может получиться сравнить её с марафтами?

— С кем? Баджи Рао — полное ничтожество как полководец. Даулата Схиндию она сомнёт не напрягаясь, примерно так же, как смяла Пратапа Сингха. Вот только если Пратапа Сингха она обласкала и приняла на службу, Схиндию она обезглавит. Уж слишком его уши торчат за спиной Гази Фероза.

Вот если она столкнется лоб в лоб с Яшвантом Рао Холкаром, это может быть серьёзно. Яшвант Рао сейчас отобрал Индур у своего брата.

— А как вы оцениваете ситуацию в Ауде?

— Там вроде всё спокойно.

— Я бы так не сказал. Во-первых, наша администрация там слишком рьяно взялась проводить реформы, которые и в Бенгалии-то показали неоднозначный результат. Во-вторых у Вазира Али появилась молодая и амбициозная жена. В общем беспокойно мне как-то за Ауд. Давайте-ка я переведу вас поближе к нему, например в Патну, чтобы вы держали руку на пульсе. Другого аналитика с таким опытом у меня сейчас нет.

— А почему не сразу в Лакхнау или в Бенарес?

— Потому что у меня нет другого аналитика с таким опытом. И я не хочу вас терять, если в Ауде вспыхнет.

— Даже так?

— Даже так. Если бы я мог отозвать Черри и поставить вас на его место, то пожалуй я бы рискнул. Но у меня сейчас нет синекуры, куда бы я мог отправить этого напыщенного нахала, так чтобы он принял это за повышение. А понизить — у него слишком высокие покровители в Англии.

Глава 34

Дом алхимика

Дели, 5 декабря 1798

Ещё в сентябре я выпросил у Ясины для своего обитания бывший дом пандита Вирасами. И с тех пор потихоньку обживался в нём.

В начале декабря Дженнифер после очередного совещания у Ясины в Красном Форте спросила меня:

— Рихард, а можно мы с Ранджитом заглянем к тебе в гости? Про твой дом уже в Дели легенды ходят.

— Конечно, заходите. Хоть сегодня. Двух лошадей моя коновязь во дворе вполне вместит.

И в тот же вечер на закате Ранджит Сингх и Дженнифер приехали ко мне в гости.

Двор был освещен керосиновым фонарем «Летучая мышь». Такие фонари уже продавались вовсю на делийском базаре. Саваш очень удачно подсуетился передавая чертежи нескольким молодым ремесленникам — жестянщикам и стеклодувам.

— А чем ты лампы заправляешь? — спросила Дженни.

— Понимаешь, если в нашем мире в свое время бензин считался опасным отходом при производстве керосина, то здесь и сейчас керосин это отход при производстве напалма. К Новому году пустим еще одну ректификационную колонну, и будет у нас десяток тонн керосина в месяц. На весь Дели, конечно, не хватит, но среди богачей мы явно сделаем это модным.

По глазам Ранджита было видно, что он сделал себе пометку в памяти. И скоро мои подопечные ремесленники смогут рекламировать себя как поставщики двора Велико-го Визиря, если не как поставщики Двора Ее Величества.

Первое за что зацепился глаз Дженнифер, когда они вошли в комнату, был стоящий на столе рядом с десятилинейной керосиновой лампой включенный ноутбук.

— Это как? — спросила она. — Где ты его заряжаешь?

— У меня на крыше, — гордо улыбнулся я. — квадратный метр солнечных батарей. И два аккумулятора от UPS, которые они заряжают за день. У меня-то в отличие от Ясины слуг нет педали крутить. А так хватает не только на ноутбук, но и на светодиодное освещение кое-где.

Тут Дженнифер заметила рядом с неприметной дверцей конструкцию из слоновой кости, которая с точки зрения человека XXI века могла быть только выключателем.

— А там у тебя что?

— Загляни.

Девушка решительно щелкнула выключателем и открыла дверь:

— Ой, душевая! А можно воспользоваться, — нерешительно спросила она.

— Да пожалуйста. Только вот увы, гибкого шланга пока нет, поэтому душ привинчен к трубе. Вот наладим торговлю с Бразилией... Возьми вот эту ширму, чтобы мы тебя не смущали нескромными взглядами.

Я поманил было молодого сикха к столу, но обнаружил что он прилип к столику, служащему у меня кухней, и с интересом разглядывает примус.

— Это у меня чтобы готовить. Сейчас давай чайник поставим. — Я подкачал насосом воздух в бак, спустил немного керосина в поддон под горелкой и через минуту примус уже вышел на режим и негромко гудя полыхал синим огнем.

— Это тоже на керосине, — объяснил я. — Тут вся хитрость в том, что сначала топливо испаряется и горят его пары в смеси с воздухом. Поэтому оно горит ровно и не дает копоти.

— И когда ты только успеваешь все эти мелочи изобретать? — удивился Ранджит. — Я же вижу ты с полигона не

вылезаеть.

— Ты понимаешь, — объяснил я. — Дело в том, что любая технология — двойного назначения. Вот делаем мы с Савашем паровую машину для канонерской лодки, нужны трубы и краны чтобы их перекрывать. Я беру некондицию, которая нужное давление не держит, и собирают из нее себе водопровод. Здесь-то давление намного меньше. Понадобилась мне горелка для пайки металла, сделал паяльную лампу. В процессе рассказал мастерам, как на этом можно готовить. Они покумекали и сообразили этот примус.

Вокруг Саваша уже собралось несколько десятков ремесленников, которые выделывают все эти бытовые товары. Заодно им можно спускать заказы на всякие мелочи для военных целей. Но на самом деле это не главное. Главное то, что постепенно распространяется совершенно необычный для этого времени уровень бытовых удобств. Вода, которая приходит в дом сама, по легкому движению пальцев, плиты, которые не коптят кастрюли, лампы которые освещают комнату так, что можно шить и читать.

Сейчас это все делается десятками, и доступно только самым богатым людям в Дели. Но постепенно мы развернемся. Нам потребуются миллионы тонн железа, чтобы строить железные мосты и бронированные флоты. А значит цена на железо упадет. Цена всегда снижается при массовом производстве. Нам потребуется внедрить новые методы выделки изделий из металла, чтобы снабдить каждого солдата сложным, но скорострельным и дальнобойным ружьем, чтобы новым пушкам хватало шрапнельных и разрывных снарядов. А с помощью этих методов вот такие лампы можно будет выпускать миллионами по цене несколько анна.

Подумай, что сейчас видит европеец, приезжающий в Индию. Он видит дома, сложенные из самана или хижины из циновок. И проникается чувством гордости за оставленный в Англии дом из камня. Ему невдомек что в здешнем климате эти дома обеспечивают куда более удобные условия для жизни. А через несколько лет он будет видеть яркие лампы, воду текущую из кранов, дилижансы, которые не качает после каждого ухаба. Это очень важно, чтобы попадая к нам европеец чувствовал себя дикарем, прие-

хавшим в страну древней культуры, а не цивилизованным человеком, приехавшим в страну дикарей. Поэтому все что удастся поставить на конвейер из привычных нам с Дженни мелких бытовых удобств мы будем стараться внедрить.

Тем временем плеск воды прекратился и пару минут спустя перед нами появилась Дженнифер, расчесывающая мокрые волосы.

— Как здорово! Больше года под нормальным душем не мылась! Рихард, а откуда у тебя горячая вода?

— Ну так крыша у меня большая. И там, куда солнечных батарей не хватило, я устроил себе змеевик для подогрева воды на солнце. Кстати, туда пошло первое плоское стекло, которое мы сделали методом выливания расплавленного стекла в оловянную ванну. Так что на чердаке у меня стоят два бака — один для холодной воды, куда ее качают насосом из колодца, а второй — для нагретой солнцем.

— А кто накачивает воду в бак? Слуг-то у тебя нет, — поинтересовалась Дженни.

— Когда как. Иногда я сам вместо утренней зарядки, но чаще проще дать пару медных дамов кому-нибудь из соседских мальчишек. Кстати, насосы в колодец уже половина зажиточных кварталов Дели заказала. Вот пускать от насоса трубу прямо в дом и ставить бак на чердаке — это еще считается баловством.

Но самое главное, конечно, организовать нормальную канализацию. Если мы это сделаем, мы избавим город от холеры и дизентерии. В общем, как только разберемся с Аудом, надо будет этим заняться.

Глава 35

Брат Ясмины

14 декабря 1798, Дели

Время утекало стремительно. Я пропадаю в основном на верфях, где вносились последние штрихи в конструкцию «Черепахи».

С пушками, к счастью всё уже получилось. Две из четырёх новеньких казнозарядных пушек уже плыли в трюме купеческой барки в сторону Бенареса, а ещё две ждали установки на канонерку.

Отряды сикхской кавалерии один за другим тайно уходили на территорию Ауда, создавали там тайные базы в чаше-другом хода от крупных городов и ждали сигнала.

Сеть сигнальщиков с разноцветными ракетами была уже развернута и каждый день тренировалась передавая сигналы от Бенареса до Лакхнау.

Вот-вот надо было и мне выходить. Конечно, «Черепаша» побыстроходнее купеческих барок будет, но до Бенареса по Джамне и Гангу больше 700 километров. А мне надо будет встречать наступающих англичан на пару десятков километров ниже. Но сегодня работы должны быть полностью закончены. Вот только новые противооткатные устройства смонтировать и установить на них свежие, не расстрелянные стволы...

В тот момент, когда ствол первой из двух пушек уже закачался на таях, у меня на поясе запищал воки-токи. Сейчас мы в Дели пользовались рациями вместо мобиль-

ной связи. Раций у нас было восемь, и кроме меня, Ясины и Дженнифер их носили де Пиль, Раджив Дасс и Ранджит Сингх. Впрочем, последний сегодня с утра рацию сдал и ушёл со своими людьми в сторону Бенареса. На расстояниях в сотни километров воки-токи бесполезны.

Вызывала меня Ясмина:

— Рихард, срочно давай во дворец. Тут совершенно неожиданные обстоятельства.

Во дворце рядом с Ясиной я увидел незнакомого молодого парня одетого в совершенно простую одежду, которую носят слуги. При этом всё его поведение говорило о том, что это не слуга. Даже у меня и Дженнифер, выходцев из эгалитарного XXI века при обращении с императрицей проскальзывало некое снизу вверх. А этот парень явно держался с ней на равных.

— Знакомьтесь, — сказала хозяйка дворца. — Это Рихард он из *того* мира, это Гамаль, мой брат.

— И что привело дракона в Дели? — удивился я. Я знал что в своё время отцу Ясины не удалось уговорить никого из своих детей кроме неё взяться за людские проблемы.

— Там, в северном Ауде опять торговцы опиумом из твоего мира лезут. Вот драконы и решили послать Гамалья ко мне посоветоваться. А я позвала тебя, ты лучше, чем Дженнифер, в военном деле разбираешься, — со вздохом пояснила Ясмина.

— Карту давай.

Потребовалось некоторое время, чтобы научить Гамалья разбираться в топокартах XX века. Хотя Скалу Перехода Ясмина мне на карте показала сама.

В общем, ситуация была ясна. Надо бросать всё в Дели на помощников из местных, надеясь что я всё-таки их чему-то успел выучить, лететь с Гамалем на север Ауда, брать под командование инфильтровавшихся туда наших людей и штурмовать лагерь наркоторговцев. Мины и растяжки обезвреживать их я, к сожалению, не учил. Да и сам этого толком не умею. Впрочем, здесь же наверняка охотники самострелы настораживают. Хотя бы специалисты по обнаружению должны быть.

* * *

16 декабря 1798, рампурское княжество

Скала перехода оказалась неожиданно близко от Дели. Всего километров 250.

Рядом, километрах в двух располагался укрепленный лагерь. Бараки из гофрированного алюминия, вышка с пулемётом и прожектором, забор из колючки. От лагеря к Скале вела накатанная колея.

Гамаль сделал над лагерем круг на безопасной высоте, и потом пошёл на посадку туда, где согласно планам должна была располагаться база нашего инфильтровавшегося отряда.

Когда мы выбрались из кустов, где дракон приземлился, нас встречал поднятый по тревоге строй, готовый атаковать страшного монстра. Но монстра не было. Гамаль уже успел принять человеческую форму и надеть соответствующую случаю одежду.

Как оказалось, они разведали все возможные очаги сопротивления и знали про этот лагерь всё.

Командир отряда предложил атаковать ночью, но я отверг эту идею, полагая что у защитников могут быть ноктовизоры. Вот на рассвете — дело другое.

* * *

17 декабря 1798, рампурское княжество

Оказалось, что я сильно переоценивал противника. Часового на вышке сняли из пневматики с безопасного расстояния, никто даже и не заметил. Ворота вышибли ядром из восьмифунтовки (двенадцатифунтовок в этом отряде не было), и к тому моменту когда наркоторговцы ошалело вскочив шарили в поисках своих автоматов, в окна их бараков смотрели дула крупнокалиберных гладкоствольных ружей. На таких расстояниях дульнозарядная гладкостволка с картечью может оказаться куда опаснее автомата, тем более если ружей достаточно много, чтобы вопрос времени перезарядки был не актуален.

Пришельцев из другого мира в этом лагере оказалось не так уж много. Четверо более-менее серьёзных людей, занимавшихся торговлей, четверо боевиков, механик, подерживавший в рабочем состоянии всё техническое хозяйство и два человека — персонал героиновой лаборатории.

Когда я во главе отделения сикхов ворвался лабораторию, я увидел там мужчину лет сорока, в белом хала-

те, склонившегося над лабораторным столом, и девушку с длинной темной косой, тоже в белом халате, наблюдавшую за работой автоклава

Мужик отложил пипетку, которую держал в руках, повернулся к нам и сказал по-русски, видимо, полагая что его никто не поймет:

— Только не трогайте моих чертежей.

Каково же было его удивление, когда я ему ответил на том же языке:

— Не беспокойтесь, господин Архимед, мы тут не какие-нибудь римляне или бритты, мы люди цивилизованные.

— Вы из спецназа ФСБ? — поинтересовался он. — Наркополицейские мной раньше в такой начитанности не были замечены.

— Я из спецназа Империи Великих Моголов. Вы ещё, кажется, не поняли куда попали.

Он несколько раз хлопнул в ладоши, демонстрируя, что шутку оценил. Ну ничего, еще поймет что доля шутки в этой шутке не слишком велика.

Девушка вела себя более нервно. Она выдала какую-то фразу на сильно испорченном фарси, которую я не понял, но о смысле можно было догадываться. Один из сикхов за моей спиной замахнулся было прикладом, но я остановил его, протянув руку между ним и девушкой:

— Армия падишаха моголов с женщинами не воюет.

— Но, сахиб, такое оскорбление...

— Ты уверен, что правильно понял её? Ты вообще понял на каком языке она говорит? По-моему, это явно не фарси и не урду, так что оскорбительные слова могут оказаться случайным совпадением.

— Господа, успокойтесь, — обратился я к обоим сотрудникам лаборатории. — Правительственные войска проводят операцию по ликвидации банды наркоторговцев, проникших на территорию нашего государства.

— Какого-какого государства, — спросил «господин Архимед» оглядывая моих воинов в тюрбанах с гладоствольными ружьями, — Афганистана что-ли?

— Несколько хуже. Ваши наниматели, или кто они вам там есть, ухитрились влезть в параллельный мир. И вам придется иметь дело с Империей Моголов.

— Реконструкторы какие-то, — прошипела сквозь зубы девушка.

— Я — Рихард Беринг, командующий операцией, — продолжал я, делая вид, что не заметил этого выпада. — Представьтесь, пожалуйста.

— Я Александр Филлипович Бойко, фармацевт. — с полупоклоном представился мужик. — А это — Ситора Далерова Шарипова, вообще-то по образованию врач, но здесь работает лаборантом.

— Выключайте все оборудование, и пройдемте с нами.

— Но если мы прервем процесс, — попытался возмутиться Бойко, — обрабатываемая партия будет безнадежно испорчена.

— Плевать. Нам совершенно не жалко нескольких килограммов маковой смолки, которую придется выбросить. Гораздо жальче своего времени.

Механик встретил нас размахивая включенной болгаркой. К счастью я вовремя заметил рядом с входом щиток и обесточил мастерскую. Тут он понял что имеет дело с цивилизованными людьми и сдался. Похоже, что в отличие от фармацевтов он несколько лучше представлял себе что находится вокруг, и сначала принял нашу атаку за налет банды дикарей.

Механика звали Сергей Васильевич, но и фармацевт и Ситора его именовали просто Васильич.

Кроме этого здесь размещалось человек двадцать явно местных, хотя и вооруженных самозарядными карабинами из того мира. Этот отряд, видимо, был основной ударной силой здесь. Но столкнувшись с сикхами, да при поддержке артиллерии, моментально прекратил сопротивление.

Гамаль построил их во дворе и принял истинный облик. После чего начал их допрашивать тем громовым свистящим шёпотом, которым разговаривают драконы. Эффект был достигнут моментально. Тут и сикхи-то явно испытывали острое желание попрытаться за мою спину. А рампурцы просто раскололись до донышка. Выяснилось что это был тот самый отряд, который вынудил Ясмину совершить прыжок раньше времени, и которому Садху Пунджи собирался отдать её в кошачьем облике.

Впрочем я не считал что роль этих ребят чем-то прин-

ципиально отличается от роли тех английских стрелков со штуцерами, которых я спровадил из Дели.

Поэтому рампурцам была объявлена благодарность за то, что не оказали сопротивления законным властям, и они отпущены восвояси, естественно, без иномирного оружия.

С пришельцами из иного мира было сложнее. В чём я и Гамаль были единодушны, так это в том, что вернуться туда никто из них не должен ни при каких обстоятельствах. И если боевиков мне было абсолютно не жалко — бандиты и бандиты, что тут с бандитами делают, головы рубят или вешают, отдам приказ сикхам, они знают, то фармацевты и механик — это дело другое.

Я с самого начала полагал, что они виноваты не более, чем уже отпущенные местные охранники. При допросе выяснилось, что это люди, которых на службу к наркомафии заставили пойти тяжёлые жизненные обстоятельства. Ситора вообще была беженкой из Таджикистана, поэтому так резко реагировала на азиатский вид моих солдат.

— Могу предложить вам два варианта, — сказал я этим троим. — Либо я возвращаю вас в Москву с теми вещами, которые у вас тут есть. Деньги какие-то в этом лагере нашлись, нам они не нужны, так что поделю их между вами. Документов ваших найти не удалось. Так что вы там окажетесь в положении людей с непонятным статусом. Тем более коллеги ваших бывших работодателей наверняка заинтересуются тем, куда они пропали, и могут проявить излишний интерес к вам.

Второй вариант — вы остаётесь здесь, и поступаете на службу императрице Моголов. Здесь, конечно, не XXI век, и комфорт немножко не тот. Но здесь у вас будет прочное положение в обществе. Специалисты с вашими знаниями нам пригодятся.

— Какое может быть прочное положение у женщины в восточном средневековье? — с вызовом в голосе спросила Ситора.

— Здесь — вполне может. Здесь у нас на троне сейчас женщина сидит. Вот назначим тебя лейб-медиком, всё равно больше ни одного врача с образованием из XXI века здесь нет.

После того, как они воочию узрели дракона, у них не

было сомнений, что они попали в другой мир. Поэтому они согласились.

Четверо боссов пытались хорохориться, утверждая что им придут на помощь. Но под пристальным взглядом Гамалля, быстро признались как и когда будет произведен переход, и сколько людей в курсе о существовании Скалы Перехода на той стороне.

Поэтому когда отряд на трех джипах въехал на эту сторону, чтобы выяснить почему пропустил своё время перехода очередной транспорт с товаром, он попал в классическую артиллерийскую засаду.

Несколько 8-фунтовых бомб с пикриновой кислотой я захватил с собой, когда отправлялся в полет с Гамалем. Так что было чем встретить.

Жалко, конечно, уродовать хорошие джипы, но подставлять своих людей под огонь автоматического оружия я не имел ни малейшего желания.

Интересно реагирует организованная преступность на артиллерийский огонь. На мой взгляд, дульнозарядная восьмифунтовка пусть и с бомбами Пексана, вещь куда менее убийственная, чем хороший пулемёт. Но встретить я эту компанию пулемётным огнём с правильно оборудованных позиций, они бы вряд ли выбросили белый флаг сразу. Автоматическое стрелковое оружие может быть у кого угодно. А вот наличие у противника артиллерии свидетельствует не просто о том, что за вас взялось государство, но о том, что оно взялось всерьёз.

В результате из трех джипов два мне достались практически неповрежденными.

Потом отряд сикхов, уже вполне освоивший СКС-ы проник на ту сторону и совершил сначала налёт на коттедж, служивший базой операции в нашем мире, потом на захваченных джипах мы съездили еще по паре адресов, и в результате набор пленных пополнился ещё троими людьми.

Схема была такая же, как при расправе с Садху Пунджи. Трупов мы не оставляли, живых свидетелей тоже. В том мире. В этом мире где именно мы представляем верховную власть, мы как-нибудь разберемся.

Когда начали разбираться, я понял что у нас с Гамалем разные представления о том, кто представляет собой вер-

ховную власть в этом мире.

Отчёт об операции, да и вообще обо всём что мы с Ясиной тут натворили, предстояло давать перед старейшинами Драконьей долины.

Пока мы разбирались с мафиози, Васильич и Александр Филлипович готовились к переезду в Дели. Они ободрали с лагеря всё что только можно, включая дизель-генератор (где только для него солярку брать), погрузили в грузовик повышенной проходимости, имевшийся тут же, и приготовились к 250-километровому маршу в Дели.

А я написал письмо Ясине с изложением подробностей операции и отправил с почтовым голубем. Клетку с тремя голубями я привёз с собой на Гамале.

Глава 36

Драконья долина

7 января 1799, уединенная долина в Гималаях

От Скалы Перехода до Драконьей Долины было не так уж далеко. Дальше, чем до Дели, но ближе, чем от Дели до Лахора. Тем не менее, на полёт мы потратили почти сутки. Одно дело лететь с одним пассажиром, другое дело с четырьмя.

После допросов пленных Гамаль отобрал троих наркоторговцев, которые должны были предстать перед драконьими старейшинами. С остальными быстренько разделались сикхи.

Теперь с грузом из четырех человек, из которых трое связаны, а четвертый — я, Гамаль совершал посадку для передышки каждые минут сорок.

Наконец, уже ближе к вечеру, мы увидели уединенную горную долину, в которой виднелись признаки какой-то странной, но вполне цивилизованной жизни. Речка, бежавшая по дну, была пересечена плотинами, образуя каскад прудов, на берегах которых желтели песчаные пляжи, похоже неестественного происхождения. Естественные здесь должны бы быть галечными.

В скальных обрывах, то и дело пересекающих склоны долины, было множество пещер, перед пещерами расчищены полукруглые площадки.

Гамаль пошёл на посадку перед одной из таких пещер. Спустив на площадку всех пассажиров, он поднялся на зад-

ние лапы и отодвинул какой-то камень, размером примерно с два человеческих роста. За камнем оказалась небольшая пещерка.

— Развяжи этим руки, — скомандовал он мне.

— А не сбегут?

— Куда денутся? Этот камень человеку не своротить. Возьми лучше в большой пещере кувшин, и набери вон из того ручейка воды, чтобы мне камень два раза не ворочать.

Пленников загнали в пещерку, снабдили кувшином воды и дракон задвинул камнем вход.

— А теперь пошли, буду тебя знакомить с моей и Ясминой мамой. Тем более что меня дома не было неделю, и еды у меня всё равно никакой нет. А на охоту после такого перелёта с грузом лететь лень.

Короткий перелет и мы приземлились перед другой пещерой, на площадке перед которой грелась темно-золотая драконица, немного превосходившая размером Гамалья.

— Знакомься, мама, — сказал Гамаль на урду. — Это верный соратник Ясины, Рихард Беринг, который руководил подавлением проникновения бандитов из другого мира. Рихард, это Лашмина, моя мама.

— Раз уж ты не поленился ради него на человечесьем языке разговаривать, мог бы и человеческий облик принять, — проворчала драконица. — Подождите меня минутку, — и скрылась в пещере.

Меньше чем через минуту из пещеры появилась женщина, лет тридцати на вид, в легком сари, и протянула Гамалю, еще не сменившему облик какую-то тряпку. Тот дисциплинированно сменил облик и намотал эту тряпку в качестве набедренной повязки.

Потом она провела нас в пещеру. В основном зале, куда вел широкий проход, доступный для дракона в истинном облике, была соответствующих размеров лежанка из свежего сена, пара грубых деревянных полок на стене.

Узкий проход, куда человек проходил с трудом, вел в соседнюю, гораздо меньшую залу, откуда падал тусклый красноватый свет. Лашмина схватила с полки коробку примерно сантиметров двадцать пять длиной и вошла в этот проход.

Раздался знакомый звук, который я совершенно не ожи-

дал услышать здесь — чирканье спички, и в руке у нее вспыхнул огонёк. Коробка оказалась спичками, но спичками совершенно грандиозного размера. У нас такие продаются под названием «каминные».

Предмет, который она зажгла этой спичкой тоже имел явно иномировое происхождение. Это была керосиновая лампа, распространенная в нашем мире на рубеже XIX-XX веков.

При свете этой лампы, стоящей на дощатом столе, я смог осмотреть пещерку. Чем-то она напомнила мне среднерусский деревенский дом в какой-нибудь глухой деревне, где обстановка не менялась с послевоенных, а то и довоенных времен. Явно самодельная мебель, стол, лавки, полки на стене, камин, в котором тлели угли, свет которых я заметил ещё из большой пещеры. Только вместо неструганных бревен стены были сложены из естественного камня, носившего кое-где следы резца.

— Мойте руки, дети, и за стол, — хозяйка махнула рукой в сторону раковины в виде кувшинчика на хитром подвесе, после чего принялась собирать на стол.

Слегка перекусив, Гамаль доложил о сделанной работе.

— Ладно, иди, — сказала она. — Тебе еще надо подкрепить истинное тело. Ну ты знаешь, где в этом доме мясо лежит. А я пока поговорю с нашим гостем.

Когда мы остались вдвоём, она стала меня спрашивать про Ясмину.

— В вашем мире, говорят, умеют лечить чахотку? А то мне страшно. Я уже потеряла из-за этого Дели возлюбленного, потерять ещё и дочь не хочется.

— Да умеют. Мы, кстати уже начали разворачивать в Дели программу обеспечения гигиены по стандартам нашего мира. Так что мы сделаем всё возможное чтобы чахотка никому не угрожала. Кстати, прививки от оспы в этом мире уже изобрели. По этому направлению у нас Ранджит Сингх работает. Для него оспа — личный враг. А вы, похоже, регулярно покупаете всякие товары в мире, похожем на наш. Вот, спички, например. У нас делают точно такие же. И такие же лампы.

— Это не ваш мир. Это мир, Скала Перехода в который

находится в Дхангадхи. В тамошнем аналоге этой долины обитает примерно вдвое больше драконов, чем здесь. А в вашем мире драконы не селятся уже лет полтора.

— А почему?

— А потому что когда англичане там достаточно укрепились в Северной Индии, они начали охотиться на всё, что считают крупным зверем. И драконы тоже оказались дичью. Воевать — нас слишком мало, а миров — много. Проще один из них оставить.

— Но тогда все здешние драконы должны поддерживать деятельность Ясины, которая хочет отвадить отсюда англичан.

— Тут есть одна тонкость. Если девушка из моего клана оказывается владычицей всех людей вокруг, то мой клан становится с какой-то точки зрения могущественней. У нас здесь есть три клана, Аюм, Беяр и Чакда. Я — глава клана Чакда. Клан Беяр чуть-чуть посильнее, но мы примерно равны, и фактически многие решения Совета зависят от маленького клана Аюм. Сейчас, правда, у нас есть очень необычный козырь. Эти бандиты из вашего мира ранили Шархада, одного из сыновей главы клана Беяр. Поэтому если нам удастся представить вашу деятельность в Дели, как борьбу за то, чтобы такое не повторилось, то, возможно, мы получим поддержку клана Беяр. Хотя я не представляю как я смогу выставить тебя на драконьем совете в качестве представителя Ясины.

В этот момент перед пещерой послышалось хлопанье драконьих крыльев, потом во входе в маленькую пещерку сверкнул отсветом керосиновой лампы любопытный драконий глаз, а ещё несколько секунд спустя к нам вошла Ясмина в человеческом облике. Сразу после трансформации, то есть без одежды.

— Ты б оделась, при посторонних людях что-ли, — Лашмина встала из-за стола, протянула руку к полке и извлекла сложенное сари.

— А то Рихард меня во всех видах не видел, — отмахнулась императрица, но сари взяла и быстренько в него завернулась.

— Какими судьбами? — спросила её мать. Последний раз ты меня навещала не меньше года назад.

— Когда мне доложили, что после победы над межмировыми торговцами Гамаль потащил Рихарда в Долину, я поняла что будет обсуждение меня и моих друзей на Совете. А мне долететь досюда от Дели налегке не дольше, чем ему от Скалы с грузом.

— Вы что, оттуда всяких устройств для связи натащили?

— В данном случае обошлось без них. Достаточно идеи, что оперативная связь важна и нужна. Тогда можно многого добиться и здешними средствами. Есть гонцы, почтовые голуби, сигнальные ракеты.

Глава 37

Драконий Совет

На следующее утро в большом скальном амфитеатре, в принципе естественного происхождения, но явно носившем следы рук или может драконьих лап, собралось почти всё население долины.

Внизу, на берегу ручья сидели старейшины трех кланов, Ясмина и Гамаль, как виновники торжества, и Шархад, как пострадавший. Левое крыло молодого дракона из клана Бе-яр было полуразвернуто и забинтовано.

Ясмина меня уже таскала осматривать рану. Как будто я ветеринар, и что понимаю в огнестрельных ранах. По-моему, рана уже поджила и повязку он носил больше для перестраховки.

Драконий совет поразил меня своим спокойствием и вежливостью. Вроде бы обсуждался достаточно животрепещущий вопрос. Но все внимательно слушали друг друга, не перебивали, давали высказаться до конца.

— Как видите, братья и сестры, есть необходимость в том, чтобы устраивающий нас правопорядок поддерживался человеческими воинскими силами. — выступила Ясмина. — Конечно, мы можем попробовать организовать собственные воинские силы. Если среди драконов найдутся те, кто горит желанием осваивать противозенитный маневр в истинной форме или наступление перебежками под пулеметным огнем в человеческой. По-моему, метод выбранный моим отцом более правильный. Берём под кон-

троль человеческое королевство, обеспечиваем его устойчивость, и оно обеспечивает нам нужный нам порядок. В принципе, нам не так уж много надо — чтобы не рубили лес на нашей охотничьей территории, и чтобы не шлялись здесь всякие с дальнобойными нарезными ружьями.

Ясмина сделала паузу, и тут поднялся, желая вставить слово Дхармадар, глава клана Беяр. Это был пожилой дракон цвета темной бронзы, размерами заметно крупнее не то что Ясины, Гамаля:

— Ясмина, все это красивые слова. Но если все люди вокруг будут подчиняться клану Чагда, равновесие в Долине будет серьезно нарушено. Что на на это ответишь?

— Дядя Дхар, это не слова. Это куски металла, которые быстро летают и больно кусают. Вон сидит твой сын с забинтованным крылом, которого ранили пришельцы из соседнего мира. Мы знаем что тот мир драконам пришлось оставить совсем. Сейчас события в этом мире очень похожи на те, которые были там. Я специально ходила туда и изучала там историю. Даже пригласила оттуда человека-консультанта, вот он стоит.

Драконы обернулись ко мне. Задавать мне вопросы в общем-то никто из них и не хотел. Меня тут, похоже, воспринимали как Ясмининого котёнка. Забавную домашнюю зверюшку, которая неплохо ловит крыс, вооруженных СКС-ами, но никак не полноправного участника совета.

Дождавшись когда драконы снова обернулись к докладчице, она продолжила:

— Сохранить равновесие в неизменном виде нам в любом случае не удастся. Сейчас в Европе происходит промышленная революция. Казалось бы, где мы, а где Европа. Но уже в Калькутте, Бомбее и Мадрасе стоят европейские войска, в Гвалиоре и Лакхнау сидят европейские резиденты, которые фактически командуют местными правителями, Бенгалия полностью подчинена англичанам. Полгода назад субсидиарный договор подписал низам Хайдарабада.

Фактически, кроме меня во всей Индии только Типу-Султан пытается проводить сколько-нибудь самостоятельную политику. Но его сомнут через полгода и я ничем не смогу ему помочь. Впрочем, Майсур это далеко, и особого интереса у драконов там никогда не было. Но Ауд — вот, —

она указала рукой вниз про долине. И в текущем состоянии он не останется. Либо я, либо англичане. Надо строить новое равновесие. У англичан пушки, флот и обученные сипаи. Мне придется создавать то же самое. А главное, мне надо обеспечить, чтобы в казне водились деньги и провинции не пытались отколоться. У них маленький остров, весь пересеченный судоходными каналами, у меня огромные равнины, далеко не везде имеющие водные пути. Значит мне придется развивать транспорт, почту, торговлю, чтобы каждый человек на полуострове знал, что если хочет жить в достатке и мире, он должен быть подданным Королевы-Дракона.

— А как же всё-таки с равновесием кланов? — спросила Малаисса, глава клана Аюм, серебряная драконица размером примерно с Ясмину, но гораздо старше.

— Как-как, тётя Исса, — вздохнула императрица Дели. — Ну ты же видишь, мне аж из других миров приходится помощников таскать. Верных и толковых соратников страшный дефицит. Дайте мне в помощники по два молодых дракона от кланов Аюм и Беяр и еще одного от Чагда, и будет равновесие.

Шархад, — обратилась она к молодому дракону из клана Беяр. — Пойдешь ко мне в придворные?

Тот почесал в затылке здоровым крылом:

— Ты, правда, приглашаешь?

— Приглашаю, приглашаю! А ты, Гамаль?

— А у тебя там еще много таких ребят, как те, с которыми мы базу торговцев опиумом брали?

— Ну, эти лучшие были. У Ранджита четыре полка, джаты, артиллеристы де Пиля... тысяч пять пожалуй, наберётся.

— Неплохая компания. И тебе при этом людей не хватает?

— Ну мне Рихард объяснил на примере русского царя Петра I, что из гвардии сержантов далеко не всегда получаются хорошие начальники департаментов и губернаторы.

— Ну не знаю... Куролесить с этими твоими воинами где-нибудь, это я всегда пожалуйста. А управлять провинциями... Мне всегда казалось папино увлечение игрой в чело-

веческую экономику безумно скучным.

Глава 38

Аудское восстание

27 декабря 1798, Бенарес

Британский резидент Черри явился в особняк, который занимал Вазир Али в Бенаресе в тот момент, когда тот завтракал со своей молодой женой.

С порога, не здороваясь он заявил, что британское правительство в Калькутте полагает, что проживание бывшего набоба в Бенаресе провоцирует народные волнения и недовольство, поэтому требует от него перебраться в Бихар под угрозой лишения пенсии.

Фирюза, за словом в карман не лезшая даже в присутствии Ясины, тут же высказалась по поводу манер резидента. Европейскому этикету Фирюзу, как и прочих придворных дам при дворе Аздахак-шаха, учила Нур, когда ещё не была Элен, поэтому поведение резидента было раскритиковано в мельчайших подробностях и исключительно по делу. Если бы Черри сам не сознавал в глубине души правоту своей прекрасной собеседницы, может быть бы ему удалось пережить этот день. А так он взорвался:

— Вот ещё, всякая делийская шлюха будет меня тут маерам учить!

Есть вещи, которые никогда нельзя говорить в присутствии мусульманского аристократа. И это одна из них. Вазир Али был очень миролюбивым юношей. Он стерпел своё отстранение от престола, он терпел домашний арест в Бенаресе, он терпел, видя как англичане потихоньку отбира-

ют власть и доходы у его дяди, которого сами же посадили на принадлежащий ему по праву трон. Но когда этот британский выскочка, а Вазир Али прекрасно знал, что Черри даже не дворянин, позволяет себе такое, да ещё в присутствии слуг... Проглотить это оскорбление значило окончательно потерять лицо. Он вскочил из-за стола и сделал два решительных шага к англичанину. Остановился он рядом с охранником, всё это время как статуя стоявшим сбоку от двери.

— Держите, набоб, — прошептал охранник, протягивая Вазиру эфес своей сабли.

— Ты не в том сейчас положении, чтобы предъявлять мне какие-то претензии. — тем временем ледяным тоном говорил Черри. — Сядь на место и успокойся, пока я ещё про твою матушку чего-нибудь не сказал.

Сабля птицей вылетела из ножен, которые охранник протягивал своему господину, и голова резидента покати-лась по полу.

Фирюза вскочила, подбежала к окну, распахнула его и выпустила в утреннее небо две, непонятно откуда взявши-еся красные ракеты.

В Бенаресе не было сипаев Ясины. Но личная охрана Вазира Али была хорошо подготовлена и проинструктиро-вана. Поэтому через два часа, когда подошли укрывавшие-ся по окрестным деревням части с артиллерией, делать им в городе уже было нечего. лейтенант Дункан, пытавший отбиваться саблей на лестнице своего дома был убит, двое спутников Черри так и не покинули дом опального набоба, и кто-то ещё, неплохой наездник сумел ускакать вниз по течению Ганга. Теперь оставалось дожидаться вечера, ко-гда все наблюдатели из созданной по всему Ауду сети бу-дут внимательно смотреть в нужные участки неба, и дать ракетами условный сигнал.

* * *

20 декабря 1798, Лакхнау

Роберт Джэкоб Бэнкс, медик прикомандированный к британскому отряду в Лакхнау, относился к индийцам без предубеждения. Он не стеснялся в одиночестве прогули-ваться по городу, вступать в разговоры с горожанами, ко-нечно теми, которые поприличнее, и, если требовались

его профессиональные услуги, не особенно интересовался платежеспособностью пациента.

Поэтому, если офицеры сипайской роты, размещенной в городе, уже давно ловили косые взгляды местных жителей, и опасались выходить в город поодиночке, доктор Бэнкс спокойно гулял по городу.

Однажды он обратил внимание что на закате некий почтенный купец стоит на площади перед мечетью, внимательно наблюдая за небом на юго-востоке, и заметив там что-то вроде далекого фейерверка, сам запустил пару ракет. Бэнкс был немного знаком с этим купцом, как-то он помог ему с пустячным нарывом на щеке. Купец был не из тех, кому лишний шрам бы существенно помешал, но то что искусство английского доктора позволило обойтись без шрама, заставило купца уважать «хаким-сахиба».

— Почтенный Ахмет, что вы тут делаете, — поинтересовался англичанин.

— Да вот, запускаю ракету во славу калифа Хасана, мир ему.

— А те ракеты, которые только что были на горизонте?

— А это в храме Лакшми индусы запускают в честь какого-то своего языческого праздника.

На следующий день на закате Бэнкс опять проходил мимо мечети. И опять Ахмет наблюдал за запущенными в храме Лакшми ракетами, и запускал свои. Только цвета ракет поменялись. Ахмет опять назвал имя какого-то мусульманского святого, память которого он чтит таким образом.

На следующий день доктор специально проложил маршрут своей прогулки так, чтобы в это время пройти мимо мечети. И опять там был небольшой фейерверк. Бэнкс наблюдал за ракетами неделю, но так и не смог найти какую-то закономерность в их цветах.

* * *

28 декабря 1798, Лакхнау

Наконец, на восьмой день ракеты вдруг оказались такого же цвета, что и вчера. И Ахмет запустил две своих ракеты тех же цветов, что и вчера.

— А это что значит? — спросил врач.

— А это значит что у правоверных жителей Лакхнау есть два часа, чтобы резать инглезов, — с недоброй усмешкой

сказал Ахмет.

Бэнкс поёжился, и на всякий случай опустил руку в карман сюртука, где он носил небольшой пистолет, заряженный картечью:

— А что будет через два часа?

— А через два часа придут сипаи падишах-ханум Ясмину, и прекратят беспорядки. А тех англичан, которых мы не вырежем, они будут, как это по-английски, «интернировать».

— Что, вот прямо сейчас ты возьмёшь и будешь меня резать? — спросил Бэнкс удивляясь грубости нравов туземцев.

— Не, не буду. Лучше ты меня будешь резать, если у меня опять чирей вскочит. Иди, не мешкая, в ваши казармы, тут недалеко, не успеет толпа собраться. Заприте ворота и ждите когда придут солдаты падишах-ханум.

Он окликнул какого-то мальчишку:

— Али, беги в дом Аман-сахиба, найди там Урмана-сердара и скажи ему «зеленый-синий-красный». Не перепутаешь?

— А это что значит? — продолжил расспросы Бэнкс, немного успокоенный тем, что его резать пока не собираются.

— А это про то, что произошло в Бенаресе. Ведь когда Урман-сердар придёт со своими солдатами вас интернировать, ему надо будет сказать, почему это вдруг набоб Ауда перестал быть вассалом вашей Компании и стал опять вассалом падишах-ханум. Ну не опять её вассалом, Ясмину на троне всего-то три месяца, а опять вассалом падишахов Дели. Вообще, негодное это дело быть вассалом Компании. Вот если бы он был вассалом короля Георга, или даже вассалом лорда генерал-губернатора, а лучше — его брата Артур-сахиба, тогда может быть и не стоило бы под Дели уходить. Настоящий сюзерен не стал бы смещать Вазира Али. Он был хороший набоб, ничего плохого не делал. А у вас в Компании какие-то интриги вечно. Взяли, посадили на трон старика Саадата Али вместо молодого Вазира Али.

— Интересно, почти год вы Саадата Али терпели, а теперь вот перестали.

— Ну, так получилось. Тогда, второго бхамана¹, вы хорошо подготовились к тому, чтобы набоба менять. Теперь мы хорошо подготовились.

Тем временем на площадь стали потихоньку стекаться люди. Сплошные мужчины, молодежи не так много, в основном почтенные отцы семейств. Оружия почти ни у кого не было, но всё равно эта толпа как-то не вызывала у Бэнкса ощущения спокойствия. Он счёл за благо ретироваться и быстрым шагом направился в казармы.

В Лакхнау была размещена только рота Бенгальской Армии. Почти всё, что могли выставить Бенгалия и Мадрас сейчас маршировало в сторону Майсура. Похоже что в Дели действительно хорошо выбрали момент.

Не успели ворота захлопнуться за доктором, как на улице перед казармами появилась вереница носильщиков, согнувшихся под тяжестью каких-то мешков. Они сбрасывали мешки на землю и на другие мешки, подчиняясь командам какого-то муллы, и в считанные минуты напротив казарм выросло сложенное из мешков с песком укрепление.

По идущей к воротам улице застучали копыта и загремели колёса и на площадь выкатились две полевые 8-фунтовки, запряжённые четвёркой лошадей каждая. Расчёты быстро сняли орудия с передков, на руках закатали их в построенный из мешков редут, отвели лошадей куда-то за угол.

Все офицеры и больше половины нижних чинов собрались у ворот, глаза на происходящее. Вот на площадь, чеканя шаг, с двух сторон вышли колонны пехоты.

— Как идут, как идут, выдохнул сержант Гастингс. Вы, обормоты, — он оскалится на сипаев своего взвода, — когда-нибудь научитесь так ходить?

— Теперь — научатся. — как бы себе под нос пробормотал Бэнкс. — Если сегодня мы уйдем отсюда живыми. Они будут носом землю рыть, но не допустят, чтобы славные солдаты Бенгальской Армии держали строй хуже, чем солдаты какой-то туземной царицы.

¹Второго бхамана - Вазир Али был отстранен от престола 21 января 1798 года. Месяц Бхаман по персидскому календарю начинается 20 января.

На площадь тем временем выехал на белом коне офицер. Он подъехал к воротам, и не слезая с седла объявил:

— Господа, сегодня утром британский резидент Черри в Бенаресе нанес жестокое оскорбление жене Вазира Али. Такое, которое в приличных семьях смываются только кровью. В ходе состоявшейся после этого драки Черри и ещё несколько европейцев убито. Наваб Вазир Али обратился к падишах-ханум Ясмине с просьбой восстановить справедливость и отменить насильственное свержение его с трона, выполненное губернатором Джором Шором в январе. Он изъявил готовность признать статус вассала от Империи Моголов, как при Аурангзебе.

Поэтому Империя вводит войска в Ауд с целью обеспечения законности и порядка. Всем прочим вооруженным формированиям потребуется либо принять присягу на верность падишах-ханум Ясмине, либо разоружиться, либо покинуть пределы Ауда.

Насколько я понимаю, для англичан и бенгальских сипаев присяга на верность Ясмине будет нарушением уже данных ими присяг, а разоружение несовместимо с честью, поэтому полагаем, что вы согласитесь покинуть пределы Ауда со своим оружием и знаменами.

— Выставили против роты батальон с пушками, и теперь предлагают «Уходите с оружием и знаменами» прошипел сквозь зубы лейтенант Трейси.

Но сопротивление действительно бесполезно. Одна пушка первым же ядром вышибет ворота, вторая — сметёт картечью тех, кто за ними. На таком расстоянии промахнуться невозможно.

Похожие события произошли в тот же вечер в Аллахабаде, Фатехгархе, Горакхпуре и везде, где англичане разместили свои гарнизоны.

Кровь пролилась только в Бенаресе. А в остальных городах повторялось всё то же самое. Чётко действующие артиллеристы, пехота с безупречной выправкой, вежливый офицер, зачитывающий уважительный по тону, но издевательский по содержанию ультиматум...

Глава 39

Яшвант Рао Холкар

5 января 1799, окрестности Индура

Яшвант Рао Холкар, молодой принц Индура, скакал во главе пышной процессии охотников по правому берегу бурной Нармады. В голове его крутились мысли о ближайшем будущем.

Махешвар взят, и теперь ничто не мешает ему короноваться раджей Индура. Для этого надо бы добиться отречения брата Каши. А тот засел в Удджайне у Даулата Схинди. Но никуда не денется.

За этими мыслями Яшвант Рао не заметил, как оторвался от своих спутников ярдов на сто. Вдруг на кавалькаду с неба спикировал огромный серебряный дракон. Послышалось испуганное ржание лошадей, брань охотников, пытавшихся их успокоить. Тем временем дракон низко-низко, буквально в паре десятков футов над землей полетел в сторону принца. Яшвант считал себя неплохим наездником, но тут он ничего не мог сделать с обезумевшей лошастью, почувшавшей непосредственно за спиной страшного хищника. Лошадь унесла его от спутников, которых дракон, наоборот атаковал спереди, заставив смешать ряды и отступить назад, на добрую милю, и наконец забилась в лесную глушь, где ветви деревьев надёжно защищали её от летающего монстра.

Там её наконец удалось успокоить.

Принц, взмыленный не меньше, чем лошадь, спешился,

чтобы немного передохнуть и подумать, как выбираться из чащи и где искать своих спутников.

В этот момент из-за деревьев вышла юная девушка в легком сари невиданного насыщенно-фиолетового цвета, поблескивающим золотыми нитями.

— Ты кто? — спросил он.

— Если я скажу тебе, что я Императрица Дели Ясмина Аздахак, ты мне поверишь?

Яшвант Рао задумался. Вообще-то он портреты Ясины видел неоднократно. Похожа. Появление императрицы без свиты, без охраны в этом лесу, конечно удивительно. Но расцветка этого сари не менее удивительна.

— И поэтому ты носишь пурпурное сари?

— Да. Я бы могла и другой какой-нибудь необычный цвет подобрать, например жёлтый, но мне показалось что для знакомства с маратхским принцем пурпур подойдет больше всего.

— А где же твоя свита? Императрицам, тем более таким прекрасным, надо путешествовать с подобающей охраной. А то ведь найдется кто-то, кто похитит лучшую жемчужину Дели.

— Зачем мне охрана, если я нахожусь в обществе величайшего воителя Махараштры?

Яшвант подумал, что он бы и сам не отказался похитить лучшую жемчужину Дели. А вот остальные, кто бы мог здесь оказаться, пожалуй не рискнули бы. Разве что тот монстр в серебристой чешуе...

— Я может быть и удачливый полководец, но я вряд ли смогу в одиночку справиться с пятидесятифутовым серебряным драконом.

— Не пятидесяти, а пятидесятичетырёхфутовым, — поправила девушка. И продолжила. — Ну так тем более, зачем мне какая-то охрана, если даже ты не рискуешь...

— Так это твой дракон? — Яшвант подумал, что в таком случае некоторые загадочные для него перемещения Ясины и её отца получили бы объяснение.

— Ну я же тебе сказала, — тоном матери, объясняющей что-то непонятливому ребёнку, произнесла императрица, — я, Ясмина-Дракон. Это не мой дракон, это просто я в истинном облике.

— И зачем же ты распугала мою свиту и загнала меня в этот лес, где я запросто мог напороться на какой-нибудь сук.

— Прости, немного неудачно получилось. Но мне надо поговорить с тобой наедине.

— И что ты хочешь мне предложить?

— Стать моим вассалом и полководцем.

— С чего бы вдруг? Сейчас я сам себе хозяин, вот через недельку коронуюсь, буду раджа. Зачем мне лишаться независимости и идти под Империю?

— Ну, во-первых, совсем независимым раджей ты не будешь. Сейчас Индур — часть конфедерации маратхов, и пешва Пуны имеют над тобой власть. Вот скажи, зачем тебе подчиняться этому Баджи Рао, когда есть я, которую ты уже пять минут непрерывно пожираешь глазами.

Во-вторых, у тебя есть враги. Например Даулат Схиндия. Вряд ли тебе будет много помощи от пешвы против него. Скорее они сговорятся между собой против тебя. А мне Схиндия тоже враг, он интриговал против моего отца, он стоял за спиной мятежников, которые в хордаде¹ пытались свергнуть меня с трона.

В-третьих, ты хочешь независимости от англичан. У одного тебя на это сил не хватит. Ты очень хороший полководец, но, чтобы вести серьёзную войну, нужна экономика. Если за твоей спиной будут стоять тучные поля Пенджаба, рубиновые копи Кашмира и императорские мастерские Дели, у тебя есть шансы.

— А почему бы мне просто не взять тебя в жёны, и не стать самому императором? Помнится, твой отец начинал простым воином в армии тогдашнего падишаха, а потом сел на трон как муж его дочери.

— Потому что не удержишь. Джухан Афруз была человеком, а отец драконом. А у нас с тобой получится наоборот. Поэтому не надо пытаться командовать мной. Тогда у нас с тобой получится долгое и интересное сотрудничество. Потом, учти что ты не единственный великий полководец в Индии. Есть ещё, например, Ранджит Сингх, которому я в шахриваре² пожаловала титул Великого Визиря. За мою

¹хордад — месяц персидского календаря с 20 мая по 20 июня.

²шахривар — месяц персидского календаря с 22 августа по 22 сентября.

благоклонность тебе придётся бороться. Но шансы у тебя есть. Ведь я прилетела к тебе сама, а не прислала каких-нибудь послов.

«Будь послром хоть сам Ганеша, он бы меня не убедил расстаться с независимостью, — подумал Яшвант Рао. — Но ради этих глаз поменять собственный дворец в Индуре на место при дворе в Дели... Не уверен, что эта перспектива мне не нравится.»

— У меня есть цель — продолжала Ясмина. — объединить всю Индию от Гималаев до мыса Коморин и от Карачи до Читагонга. Ты готов поклясться, что пойдешь со мной до мыса Коморин?

— Готов, — ответил принц.

— Ты точно уверен, что готов? — сомнением в голосе произнесла она. — Ты понимаешь, что для того чтобы стать частью Империи, нужно отказаться от амбиций маленького раджи? Что у меня в Империи землёй владеют я и райат, а все остальные, от заминдара до субадара — только служат там, где этого требуют интересы Империи? Что твой дворец будет для тебя не домом, а временным пристанищем, которое ты должен будешь в любой момент оставить, если служба тебя куда-то позовёт. То есть не то что по моему приказу, а, например, по призыву о помощи.

Яшвант задумался, а потом ответил:

— Ну это как буддисты говорят, что чтобы достичь просветления, нужно отказаться от всего. Чтобы достичь большего, надо отказаться от меньшего. То, чего ты от меня сейчас требуешь, ведь не для себя, а для Империи, всё равно придётся делать любому властителю, если он хочет сохранить свой трон и свой народ.

— Тогда придется начать с долгого и нудного наведения порядка в Малавской субе Империи. Во-первых, не должно быть никакого независимого Удджайна. А то он будет мешать торговому обороту. У меня в Империи нет никаких внутренних пошлин и таможен. Во-вторых, надо немножко заняться такой прозой, как сельское хозяйство, ткачество и кузнечное дело. У меня сейчас бурно внедряются всякие сорта зерна и хлопка и новомодные машины. Поэтому уже через год зерно, ткани и железо упадут в цене. Чтобы твои люди не начали голодать, как бенгальцы под ан-

гличанами, надо принять меры. Твоя тётка Ахильябаи сделала очень много. Но надо продолжить её линию, вернув кое-какие из её законов, отмененных твоим отцом и братьями. В общем, вот тебе. — она достала из сумки небольшую книжку и свернутый в трубку лист пергамента с печатью. — Это — описание моей внутренней политики, которую должен проводить мой субадар на своих землях. А это — фирман, назначающий тебя субадаром Малавской субы. Теперь закрой своей лошади глаза, я сейчас буду истинный облик принимать. Пора уже лететь обратно.

Свои глаза Яшвант, впрочем не закрыл. А Ясмина, совершенно не стесняясь сняла сари, аккуратно свернула его и сложила в сумку, и только потом на месте девушки образовался огромный дракон, на шее которого объемистая сумка смотрелась маленьким кошелёчком.

Дракон поднялся в воздух через небольшую прогалину между деревьями и взял курс на север. Яшвант сел на лошадь, которая более-менее успокоилась, и в задумчивости выехал из леса. По опушке уже скакали его приотставшие спутники.

К Яшванту подскочил его младший брат Витоджи:

— Ты цел? А мы уж думали, что тебя этот монстр сожрал. Так грамотно отсек всех нас...

— Слава Кришне, эта драконица не имела гастрономических намерений. Но вообще, ты знаешь, что драконы, это сказка. Надо бы и остальным это объяснить, чтобы не трепали языком, где не надо, что над Малавской субой Империи летают драконы.

— Как-как ты сказал? Субой Империи? Тебя лошадь сбросила и ты головой ударился?

— Ударился, и тут-то на меня снизошло просветление, и я понял, что быть субадаром императрицы Ясмины куда лучше, чем подчиняться этому лентяю и трусу Баджи Рао. Надо только в Удджайне порядок навести, чтобы было прямое сообщение со столицей Империи. И то, его наводить с двух сторон будет куда как проще, чем с одной. Вот, смотри, — принц продемонстрировал брату фирман с печатью Ясмины.

Глава 40

Бенарес

19 января 1799, Бенарес

Гамаль приземлился на небольшом островке посреди Ганга среди каких-то кустов. В Индии не так-то легко найти недалеко от большого города место, где дракон может приземлиться вдали от посторонних глаз. Ясмина обычно действует решительнее, и садится прямо на крышу дворца правителя, или на плац казармы. Но Гамаль ещё не настолько привык к человеческому обществу.

Впрочем, меня это место вполне устраивало. Ещё с воздуха я заметил «Черепашу», патрулирующую реку ниже города. Через часок она пойдет обратно вверх по течению, и не может не заметить моего сигнала.

Гамаль улетел обратно в Драконью Долину, а я просигналил канонерке ракетой, и через некоторое время оказался на борту.

Раджвир, молодой речной шкипер из Дели, которого я пригласил на «Черепашу» старшим помощником, а из-за моего внезапного отлёта с Гамалем, временно взявший на себя командование, начал рассказывать про то, что на канонерке творилось без меня.

В общем поход из Дели в Бенарес прошёл без приключений. Не обошлось без пары посадок на мель. Один раз снялись просто отработав колесом назад. Второй — пришлось гребцам вылезти из-под брони и спрыгнуть в воду, но облегченная на тридцать человек канонерка легко сошла

на глубокую воду, когда её дружно подтолкнули. Сейчас уже третий день экипаж осваивал прилегающий к Бенаресу участок Ганга.

Если бы англичане были готовы вести серьёзные речные действия, нам бы тут пришлось весело. Куча островков, проток, мелей. Мы бы замучались одним кораблём действовать против толпы десантных средств. Но, насколько нашей разведке было известно, идея что река может превратиться в театр военных действий, им пока тут в голову не приходила.

Подполковник Эрскайн уже, судя по донесениям разведки собрал все войска, выпихнутые нами из Ауда, в Патне и со дня на день собирался двинуться на Бенарес. Идти ему тут неделю. Можно, конечно, было бы спуститься на «Черепaxe» до Патны и обстрелять военный лагерь шрапнелью и зажигательными снарядами, но в наши геополитические планы не входил перенос военных действий на территорию Бихара. Нам бы Ауд удержать.

Раджвир успел рассказать мне эту обстановку как раз к тому моменту, когда канонерка дошла до причалов Бенареса.

На причале в сопровождении пятерых верховых конвоя нетерпеливо гарцевал на гнедом жеребце Ранджит Сингх.

— Хорошо, что ты успел. — сказал он вместо приветствия. — Я всё понимаю, но с этой вашей иномирной тактикой я чувствую себя неуверенно. Тем более что у Эрскайна численное превосходство вдвое, а по артиллерии так впятеро. А подтянуть сюда силы от Аллахабада мы явно не успеем.

— А чего тут успевать? Удивился я. Семьдесят пять миль, два дневных перехода. А так, как вы из Лахора в Дели шли — вообще один. Эрскайну идти втрое дальше, и у него пехота. А тут, кстати за сутки по реке сплавиться можно. Будут войска свеженькие, как огурчики.

— Во-первых, надо туда приказ успеть доставить. Ты всё забываешь, что это не ваш мир, где мгновенная связь работает на любые расстояния. Во-вторых, они там будут готовиться к маршу не меньше суток. Там же не мои сикхи, там мусульманская имперская кавалерия. И вообще это не важно. Если командовать «Черепaxой» будешь ты, а перед

боем ещё накрутишь хвосты командирам своих новых пушек, я, пожалуй, не побоюсь встретить двойные силы англичан. Кстати, если тебе твои матросы сказали, что Эрскайн ещё не вышел из Патны, то их сведения устарели. Последнее донесение от разведки, они уже подошли к переправе через Сон около Дехри.

— Ну, значит, будем воевать, — вздохнул я. — Ну сутки-то ещё у нас есть. Эрскайн вроде не Суворов, стокилометровые переходы с пехотой делать не умеет. Так что я могу позволить себе передохнуть с дороги.

Один из спутников Ранджита Сингха подвел мне коня, и мы отправились в город. Ставка Ранджита располагалась в бывшем дворце Вазира Али, который тем временем перебрался в Лакнау, наводить порядок в своей субе. (Ох, они с Фирюзой сейчас наведут там. В отличие от Ранджита и многих других молодых администраторов и офицеров Империи, они не сидели осень в Дели и не посещали лекций Ясины по новой политике).

Проезжая мимо караван-сарая на центральной улице, я увидел дилижанс с эмблемой имперской почтовой службы.

— Что, — спросил я Ранджита, — сюда уже пустили почтовую линию?

— А что тянуть? — ответил тот. — Нормальная связь со столицей нам не помешает. Разворачивание сети почтовых станций потребовало, конечно, почти двух недель, хотя туда ушла часть конских резервов кавалерии, внедренной сюда ещё до восстания, но сейчас уже рейс Бенарес-Дели занимает три дня.

За ужином Ранджит вдруг спросил меня:

— А что ты думаешь про Яшванта Рао Холкара?

Я удивился. Вроде же десять раз обсуждали:

— Толковый полководец, цены бы ему не было будь он у тебя в подчинении. Но в качестве самостоятельного маратхского раджи... Он запутался в своих отношениях с братьями, со Схиндией и с пешвами.

— Так ты не знаешь! Ясмина четыре дня назад приняла у него вассальную присягу и пожаловала ему звание субудара Малавской субы.

— Очень неплохо. Мне она про это, правда ничего не сказала, а мы с ней виделись позавчера.

— Мне она прислала письмо. Сегодня доставлено из Дели вечерним дилижансом.

— Но это же замечательно, — сказал я. — Такого человека хорошо иметь на своей стороне. Причем именно в качестве офицера или чиновника. Чтобы его личные отношения играли минимальную роль. А тебе в этой истории что-то не нравится.

— Именно личные отношения и не нравятся. Яшвант Рао — красивый мужчина, получил прекрасное воспитание именно как принц, хотя и не первый в очереди на наследство. А я — сын провинциального офицера, вырос можно сказать в седле. Еще и оспа, — он поморщился.

— Так ты ревнуешь его к Ясмине? — облегченно вздохнул я. — Успокойся.

— Успокоишься тут. Она на трёх страницах описывает как она ему глазки строила, — сикх налил себе кубок вина и залпом выпил.

— Вот поэтому и успокойся, что описывает. Если бы она действительно хотела тебя на него променять, она бы не стала об этом распространяться. А если она рассказывает старому верному соратнику про военную хитрость, которую применила для того, чтобы заполучить нового союзника, тогда это вполне уместно. И вообще, пойми — и ты, и я, и Яшвант Рао — люди. А Ясмина — дракон. Мы можем ей быть друзьями, соратниками, кем угодно, но никогда у неё не будет ни от кого от нас детей. А вчера вот я познакомился с парнем, от которого у неё дети быть могут. Вот к кому надо ревновать-то. Правда, насколько я понял из объяснения её матери, она раньше, чем лет через 60-80 не соберется заводить детей. А тогда нас это вряд ли будет волновать.

Ранджит Сингх покачал головой, но всё же немного успокоился.

На следующий день я весь день провозился с артиллеристами «экспериментальной батареи», пристреливая ориентиры, размечая сектора обстрела. Полевые укрепления осмотрел мельком. Тут и без меня поработали неплохо. А вот за пушки я переживал. Это должен был стать дебют казнозарядных пушек в этом мире. Конечно, у меня на «Черепахе» две такие же стоят, но важно и чтобы они хорошо

отработали в поле.

Вечером, усталый, я возвращался в караван-сарай, и тут меня остановил ординарец Ранджита.

— Рихард-сахиб, тут сегодня в город какие-то странные люди приехали. В основном инглезы, но с ними явно высокородная персиянка. Говорят, что едут в Дели по специальному приглашению императрицы Ясины.

— Ну пойдем, посмотрим, — сказал я.

Как и ожидалось, это была вся команда, на вербованная нами в Англии. Кроме тех, кого я лично вербовал в Англии, в ней оказалось два совершенно незнакомых мне человека лет тридцати-тридцати пяти.

— Знакомьтесь, это Рихард Беринг, советник императрицы по вопросам науки, — представил меня им Вульф. — Это Филипп Лебон, изобретатель газового освещения, а это Клод Шапп, изобретатель телеграфа.

— Как, сам Клод Шапп? — удивился я. — Вы же пользовались во Франции заслуженным признанием и линии вашего телеграфа строятся через всю страну.

— Увы, — вздохнул мужчина в черном не по сезону костюме с тонкими чертами лица. — У успеха слишком много отцов. Бергет претендует на то, что это он разработал наш механизм, хотя главное в этом изобретении — сама идея и код. Депиллон продвигает свою систему, Эделькранц в Швеции, Мюррей в Англии, Сиера в Португалии. В общем, я оставил это дело брату Игнасио, у него нервы покрепче чем у меня, и решил попытать счастья в другой стране.

— Замечательно. Я думаю, мы с вами хорошо поработаем. У нас тут большие планы на организацию быстрой связи, но специалистов мы ещё не нашли. И тут такая удача — человек, успешно внедривший телеграф в одной из самых передовых стран Европы.

Тут я заметил недовольную гримасу на лице Лебона.

— Извините, Филипп. Вас я тоже рад приветствовать на земле Империи. Но вас я ожидал, поскольку Питер в Лондоне рассказывал о ваших работах, а Клод оказался приятной неожиданностью.

Тревитик где-то успел выяснить что у меня здесь есть паровая канонерка, и очень хотел на неё посмотреть. Раскрывать непосредственно перед сражением, что паровой

машины на ней-то и нет, я не хотел. Если совершенно штатский инженер тут всё что угодно может выведать, то стены в Бенаресе имеют не просто уши, а представляют собой открытое решето.

Поэтому я отговорился тем, что непосредственно перед боем хвастаться кораблём — дурная примета, и отправил всю компанию на ближайший дилижанс. Нур, по праву старой знакомой, пыталась протестовать, говоря, что нуждается в отдыхе, но я популярно объяснил, что город, который завтра по утрам будет атаковать трёхтысячный отряд с артиллерией, не самое удачное место для отдыха.

Глава 41

Битва под Бенаресом

21 января 1799, Бенарес

На следующий день Эрскэйн подошёл к берегу Ганга и встал там лагерем. Вообще-то имел полное право — правый берег Ганга это ещё Бихар, и пока англичане стоят на нём, они ещё не вторглись в пределы Ауда. Соответственно, тихо подойти ночью на «Черепаше» и накрыть их лагерь шрапнелью, нельзя.

Но мы приняли все возможные меры, чтобы затруднить переправу.

Обычно на Ганге в этом месте, где реку пересекает Великий Колёсный Путь, толчётся огромное количество лодок, барок и прочих плавсредств. Сейчас все они были перегнаны на левый берег, и размещены непосредственно в городе, под прикрытием надёжных караулов.

Я полагал, что англичане будут форсировать реку парой километров выше города, там где в мирное время основная переправа.

Но хитрый Эрскэйн решил форсировать реку ниже города, около самого устья Варуны Видимо, там на правом берегу было лучше с лесом для вязки плотов. Конечно, у нас по всему берегу были конные патрули с сигнальными ракетами.

Поэтому узнали мы что англичане начали переправу

сразу же, как только первые плоты отделились от берега. Конечно же, нашим основным козырем было использование легкой кавалерии как ездящей пехоты, так что переброска войск к месту переправы много времени не заняла. И укрепленные позиции там были подготовлены.

Утром меня разбудили на рассвете, что было не совсем то, на что я надеялся. Пришлось срочно одеваться и скакать на причал, выводить «Черепуху».

И вот я стою на сигнальном мостике, вернее на крыше боевой рубки канонерки. Пока ещё мы не в зоне вражеского огня и прятаться под бронёй необязательно. Из недр корпуса раздаётся ритмичное позвякивание бубна, под который гребцы налегают на свои рычаги, приводя во вращение колесо. Вдоль бортов с журчанием проносится вода. Набрав невиданную по меркам этой реки скорость, мой корабль несётся вниз по течению.

По берегу, скрытая за полосой каких-то кустов скачет колонна конницы. Мне видна только пыль, которую они поднимают. Почти наверняка там и мои артиллеристы. Только мне сейчас хватает своих проблем. Судя по карте, до места переправы остается не более пары километров. В бинокль можно уже различить плоты, на которых солдаты в красных мундирах отчаянно гребут, пересекая широкую реку.

Вот наконец, «Черепуха» приблизилась к плотам настолько, что можно уже разглядеть подробности. Мы слегка опоздали. Часть пехоты уже успела переправиться, и строит каре на берегу. Я видел, что Ранджит Сингх попытался было атаковать высадившихся англичан с налёта, в конном строю, но быстро отступил и начал занимать спешенными кавалеристами заранее открытые флешы, прикрывая артиллерию. Я бы, пожалуй на его месте тоже не устоял, и пощупал на прочность не успевшего организовать противника, прежде чем переходить к надёжному, но скучному плану битвы.

Насколько я понял, большая часть пехоты уже пересекла фарватер и ушла на мелководье, где им с плотами раздолье, а нам лучше не соваться.

А вот артиллерию мы сейчас от берегаотрежем. Я нырнул в рубку и приказал готовить огнемёты. Снаряды лучше

побережь для высадившихся на берег.

Вот Раджвир, стоявший за штурвалом, провёл корабль правым бортом вплотную к плоту, перевозившему две восьмифунтовки вместе с запряжками и из амбразуры в борту полыхнула дуга пламени.

Как же страшно кричат залитые горящим напалмом лошади! Бедные животные оборвали привязи и попрыгали в воду, потянув за собой передки и сами орудия. Солдаты, сидевшие у бортов с вёслами, тоже получили свою долю. Но у них есть ещё хоть какие-то шансы. А лошадей пушки уволочут на дно.

Мы выполнили крутую циркуляцию подошли к следующей группе плотов левым бортом. Ещё одна огненная дуга. Часть напалма попала в воду и по воде поплыло горящее пятно. Эх, хорошо, что мы сейчас идем вверх по течению. А то тут надо еще в собственный напалм не вляпаться.

С ещё не подвергшихся атаке плотов загревели выстрелы и по стенкам рубки застучали пули. Ну, стреляйте, стреляйте, только дымовую завесу создадите, за которой нам же будет проще к вам подобраться. А попробуете снять с передка пушку, так сами же отдачей плот перевернёте.

Еще несколько манёвров вокруг плотов, ещё несколько выстрелов из огнёмёта, и вражеская артиллерия, похоже, кончилась. Несколько плотов с кавалерией вернулись к правому берегу, и не доходя до суши кавалеристы попрыгали с них и бросились отступать. Эти — пусть уходят.

Вдруг страшный удар сотряс канонерку. Она загудела, как пустой котёл.

Я бросил взгляд в смотровую щель, обращённую к левому берегу. Там на на самом берегу были развернуты две восьмифунтовки. Ядро одной из них дало фонтан воды в сотне метров от нас к берегу, а ядро второй угодило в барбет, которым были закрыты орудия.

Скорость с которой англичане привели в боевое положение два вытащенных на берег орудия меня впечатлила. Уж сколько я гонял расчеты экспериментальных казнозарядных двенадцатифунтовок, но они работали медленнее. Пока мы жгли остальную артиллерию, артиллеристы Эрскайна успели навести орудия на канонерку и дать залп.

Ну вот теперь потягаемся. Я выдернул пробку из пере-

говорной трубы и приказал артиллерийстам открыть огонь по вражеским пушкам. Правое орудие — перелёт, левое — недалёт, второе ядро правого подняло столб пыли как раз рядом. Бомбами — заряжай.

Двенадцатифунтовая бомба с пикриновой кислотой это вам не какое-нибудь ядро. Колёса полетели в разные стороны, ствол — ещё куда-то.

По контрбатарейной борьбе я своих артиллеристов гонял как бы не больше, чем по работе шрапнелью по плотным построениям противника.

Что там, кстати, происходит на берегу?

Вот над прибрежными кустами поднимаются клубы дыма и в просветах между зеленью мелькают красные мундиры. Это медленным шагом, выдерживая строй, на позиции Ранджита Сингха надвигается каре англичан.

Судя по доносящимся звукам, экспериментальная, то есть казнозарядная, батарея с предельной скорострельностью работает по ним шрапнелью.

На берегу валяется куча плотов, и никакого охранения.

— Давай-ка попробуем подойти к плотам на выстрел из огнемёта, — сказал я Раджвиру, приказав попутно артиллеристам открыть огонь шрапнелью по видимому через кусты каре. Может ветки и приведут к тому, что ущерб от нашей стрельбы будет меньше, чем от стрельбы с фронта, но англичане явно порадуются.

«Черепаша» подошла почти к самому берегу, уткнувшись носом в дно на расстоянии метров пяти. Боевого охранения англичане тут не оставили, и правильно. Оно бы у меня тут сейчас всё легло под картечью. А так мои гребцы мирно повыскакивали из под брони, завели на плоты буксиры и, вернувшись, изо всех сил налегли на рычаги. Потом оставалось только обрубить верёвки, и плоты, которые уже скоро должны были стать последней надеждой англичан, поплыли вниз по течению Ганга.

Мы поднялись вверх по течению, пока не сравнялись с наступающим каре. Тут в прибрежных кустах был просвет, и поле боя открылось нам во всей красе. По крайней мере обстреливаемый шрапнелью английский строй. Мы присоединили к огню орудий экспериментальной батареи огонь наших двух пушек.

Вот когда английский строй был взят в огневые клещи, у них там появились первые признаки понимания, что что-то тут не так. Эти признаки быстро пресекли снайперы с пневматикой, для которых английский строй бы уже в пределах досягаемости, и которые начали прицельно выбивать офицеров.

Еще через четверть часа то, что осталось от английского строя, бросилось беспорядочно отступать к переправе, где уже не было ни одного целого плота, но была хищно смотрящая двумя черными зрачками двенадцатифунтовых стволов канонерка, по полю, усеянному ранеными, которым пытались оказать помощь немногочисленные медики.

Коноводы быстро подвели сикхам лошадей и за спиной отсупающих англичан вместо медлительного пехотного каре обнаружилась лава легкой конницы. Какой-то, вероятно, офицер, разглядеть его с реки я не мог, попытался остановить часть бегущих и противопоставить наступающей коннице строй.

Это ему даже удалось, но вместо конницы он обнаружил в двух сотнях ярдов от себя такой же строй, и выкатываемые по сторонам от этого строя пушки. Он поднял белый флаг.

Группа англичан, организованно сдавшаяся, составляла примерно двести пятьдесят человек. Еще сотни четыре в беспорядке отступили к переправой и будучи зажаты между «Черепухой» и конницей, сдались поодиночке.

Около полутора тысяч было собрано по полю раненых, и примерно восемьсот трупов. Вот вам и весь трехтысячный корпус Эрскайна, если не считать не успевшего переправиться конного арьергарда и тех, кого унёс Ганг.

Я приказал ткнуться носом в берег, и выбрался на сушу. Тут я потребовал найти тех артиллеристов, которые ухитрились выстрелить в «Черепуху».

Как ни странно, они почти все были живы, и даже большинство отделалось контузиями. Я наградил каждый расчет 50 рупиями серебра. Больше просто не было в судовой казне канонерки, проследил за тем, как организуется сбор и размещение раненных, после чего поймал Ранджита Сингха.

К моему удивлению молодой сикх восседал не на том

гнедом жеребце, на котором он ездил вчера, а на не менее породистом вороном коне.

— А где Сын Грома? — удивленно спросил я.

— Его убило подо мной во время первой атаки у переправы. А Муссона мне одолжил командир первого полка. Он сам ранен, и сейчас ему верховая лошадь не нужна.

— Вот ведь, говорил я вам, не надо скакать на англичан в конном строю. Занимайте спокойно окопы и выбивайте их ружейным огнём из укрытия. А лучше — доверьте это артиллерии, а сами только её прикрывайте. Нет, рванулись удаль показать. Много потеряли-то?

— Да нет, потери небольшие. Из офицеров погиб только один ротный и четверо ранено. Рядовых — где-то сотня, в основном легко раненые. Лошадей потеряли даже меньше, чем людей. Основные потери были уже в пешем строю.

— Ну вроде неплохо справились. Ладно, я вот чего тебе сказать хотел: я сейчас пойду на «Черепaxe» в Патну. Это ближайший крупный английский город. Там, насколько нам известно, сейчас сидит Кольбрук. Это толковый гражданский чиновник и разведчик. Думаю, что через него мне удастся донести до англичан, что продолжать войну бессмысленно.

— Ты уверен, что там нужна «Черепaxe»? Может лучше по суше?

— Даже небольшой воинский отряд, преследующий по пятам разгромленный корпус, это вторжение. А одиночный корабль, пусть он по огневой мощи и пресосходит этот отряд, это парламентар.

* * *

22 января 1799, поле под Бенаресом

Роберт Бэнкс склонился над очередным раненым. Где-то впереди, медленно и неумолимо двигалось красномундирное каре, теряя людей так, как будто попало под шквальный огонь картечью, хотя до позиций имперских войск оставалось не меньше четверти мили. Вот и тут осталось лежать человек десять тяжелораненных, а еще десяток способных как-то передвигаться, побрёл в сторону переправы.

— Док Бэнкс, спасайтесь, — крикнул пробегающий мимо к переправе солдат.

Врач, занятый пациентом не обратил на него внимания.

Ещё один раненый перевязан. Но где эти оборомоты с носилками? Ага, вот они. Но почему-то на солдатах, держащих носилки, тюрбаны и белые куртки императорской армии.

— Хаким-сахиб, — обратился к Бенксу один из носильщиков. — Вы лучше пройдите вон туда, к палаткам. Там от ваших умений больше пользы будет.

Врач выпрямился и осмотрелся. Никакой стрельбы уже не было, по полю сновали пары бойцов с носилками, явно не в английской форме, примерно в четверти мили от него оперативно ставились белые шатры. Причем облепивший их народ был вперемежку и в белом и в красном.

— А что, — битва уже закончилась? — удивленно спросил он.

— Да, хаким-сахиб. Последний организованный отряд под командой лейтенанта Трейси сложил оружие пять минут назад.

— И что, мне теперь считать себя пленным?

— Хаким-сахиб, там сотни солдат вашей Компании, нуждающихся в вашей помощи. Давайте займёмся ранеными а с этим потом разберёмся.

Около палаточного лагеря Бэнкса взял в оборот молодой индус с меткой дважды рожденного на лбу, похоже его коллега. Заставил вымыть руки, сбросить заляпанный кровью и грязью камзол и одеть чистый легкий полотняный халат. Показал железную печку на колёсах, где в большом баке кипятились хирургические инструменты. Бэнкс не понимал, почему здесь так серьезно относиться к чистоте, старательно промывают загрязненные раны кипячённой водой, постоянно моют руки и кипятят инструменты. Но после нескольких довольно резких окриков от имперских санитаров, решил, что это, наверное, какое-то сикхское табу, и стал соблюдать эти довольно несложные правила.

Ещё одним табу тут похоже были мухи. Здесь делали всё возможное, чтобы не допустить этих раздражающих тварей к раненым. Все проходы были завешены пологам из тонкой марли. Тут и там висели полосы из бумаги, намазанной клеем. Это несколько мешало, но вообще-то Бэнкс готов был поверить что мухи по крайней мере безумно раз-

дражают беспомощных раненых.

В остальном, импровизированный госпиталь почти ничем не отличался от госпиталя или холерного лагеря Бенгальской Армии. Во всяком случае Бэнксу быстро стало не до того, чтобы замечать какие-то ещё отличия. Количество раненых было просто ужасающим.

Хотя индийских врачей было почти втрое больше, чем английских, а здесь уже собрались почти все медики отряда, с первичной обработкой раненых они справились только к рассвету.

Уже свалившись на заботливо указанную санитаром-индусом койку, Бэнкс осознал, что всё это время у него было в достатке перевязочного материала, кипяченой воды, чистых простынь.

Как дельицы сумели всё это обеспечить? Сначала обеспечить достаточно пуль и осколков чтобы в течение часа разгромить и вынудить к сдаче трехтысячный отряд компанейских сипаев, потом достаточно медицинских припасов, чтобы всех, кто не был убит наповал — перевязать. Наверняка нашлось и достаточно лопат чтобы похоронить всех убитых мусульман и христиан, и может быть, даже достаточно дров чтобы кремировать всех убитых индусов, благо священная река рядом.

И это в месте, которое месяц назад находилось в сотнях миль от границ Империи. Одно чудо организации в исполнении людей Ясины Бэнкс уже видел в Лакхнау. Сегодня — второе.

На следующий день ближе к вечеру, всех здоровых и легкораненых англичан собрали и построили перед рядом палаток.

Перед строем выехал молодой сикх с лицом, попорченным оспой, на шикарном вороном жеребце, явно привезенном из Персии, а то и из Аравии.

— Я не собираюсь долго держать вас в плену. По мере того, как ваши раненные будут способны выдержать транспортировку, мы будем отправлять партии раненых в сопровождении здоровых солдат, способных их обслуживать.

Как оказалось, офицеры понесли непропорционально большие потери. Эрскайн был убит наповал. Из восьми офицеров старше лейтенанта только один сейчас лежал в

палатке с тяжелым ранением в голову. Из пятнадцати лейтенантов и энсинов среди тяжело раненых было трое, а царапинами отделался один Трейси.

Это при том, что рядовых уцелело примерно треть.

Вечером Бэнкс стоял в курилке, оборудованной чуть в стороне от палаток и слышал как старый капрал артиллерист, кажется из того расчета, который попал ядром по страшной железной лодке, рассказывал:

— Да видел я такие снаряды. Еще лет пятнадцать назад, в Гибралтаре. Как бишь звали того лейтенанта-артиллериста — не то Нейл-Шарп, не то Шарп-Нейл, какая-то такая двойная фамилия. Он изобрел такой снаряд, вроде бомбы, набитой картечинами, который взрывается в воздухе и поражает на расстоянии полмили, как залп картечи в упор. Тогда куча народу посмотреть на испытания пришла. Генералов и адмиралов. В итоге наши умники в Хорс Гардс так и не приняли эту штуку на вооружение. А эти, вишь, подсутились.

Глава 42

Патна

24 января 1799, Патна

Около полудня в Патну прискакал запыханный корнет на измученной лошади и доложил что отряд подполковника Эрскайна разбит в пух и прах под Бенаресом. Ему даже не дали толком переправиться через Ганг. Конный арьергард был отрезан на правом берегу, и только поэтому удалось отправить гонцов в Патну и Калькутту.

Ближе к вечеру Кольбрук, который фактически исполнял обязанности коменданта города после ухода Эрскайна, вышел на берег Ганга. Он увидел там того самого корнета, который в окружении кучки офицеров и унтер-офицеров рассказывал ещё раз про несчастную судьбу отряда Эрскайна. Вдруг он бросил взгляд на реку и закричал:

— Это он! Это пироскаф! Поднимайте солдат и отводите от берега дальше пушечного выстрела.

Кольбрук, небрежно помахивая тростью подошёл к группе англичан.

— Корнет, что такое? Я понимаю, что вы тяжело переживаете поражение, но зачем разводить панику.

— Послушайте, сэр, это он! Ничто другое не может здесь дать такой столб дыма! Это тот самый пироскаф который уничтожил на переправе две трети нашей артиллерии и расстрелял остальную, уже успевшую высадиться на берег. Больше нечему тут дать такой столб чёрного дыма.

Через некоторое время стало видно, что дым дей-

ствительно поднимается над каким-то корабликом. Лейтенант-артиллерист, единственный артиллерийский офицер, оставшийся в Патне, успел сгонять своего туземного денщика за подозрной трубой, и сейчас офицеры по очереди разглядывали невиданное чудо-юдо. Приложился к трубе и Кольбрук. В первый момент он подумал что эта барка плывет кверху дном. Но вот высокая труба, будка посреди корпуса, и странное круглое сооружение ближе к носу, над которым торчат стволы двух пушек.

Когда солнце уже совсем опустилось к горизонту, пироскаф оказался на реке напротив города. Он развернулся носом к берегу, на мачте под бело-зелёным штандартом Великих Моголов поднялся белый флаг.

Странное судно подошло к берегу, на верхней палубе (или крыше) появился человек вполне европейского вида.

Кольбрук подошёл поближе.

— С кем имею честь? — спросил европеец.

— Судья Генри Кольбрук.

— Рихард Беринг, в данный момент командующий речными силами Империи. Вы, насколько я понимаю, сейчас высший гражданский чиновник в Патне?

— Да. А что привело вас сюда, в глубину английской территории?

— Необходимость разрешить это досадное недоразумение с Аудом.

— Недоразумение? Это вы наглую аннексию называете недоразумением?!

— Давайте разберемся по порядку. К сожалению, не могу пригласить вас на борт, условия обитания на этой канонерке более чем спартанские. Но могу сейчас приказать доставить сюда складной стол и горячий чай.

— Вам не кажется странным, что вы прибываете ко мне в город, и это вы пытаетесь проявить гостеприимство, а не я?

— Вы тут находитесь в нескольких сотнях ярдов от дома, а мой корабль — вот. Одно из преимуществ парового корабля в том, что кипятик для чая есть всегда. Так вот, о мелких недоразумениях.

Вообще-то Ауд принадлежал Империи со времен Акбара Великого. Если последние падишахи предоставляли на-

вабам Ауда практически полную независимость, то это не значит что они про него забыли. И наглой агрессией были действия Шора, посадившего на трон Саадата Али вместо законного наследника Вазира Али. Поэтому Вазир имел полное право обратиться к императрице с просьбой о восстановлении справедливости.

А ведь он в течение полугода не предпринимал никаких действий и был готов уступить власть дяде. Но ваш резидент Черри...

Я почти не знаком лично с Вазиром Али, общался с ним часа два, но он не оставил у меня впечатления вспыльчивого человека. А вот Фирюзу я вроде неплохо знаю. Она девушка крайне умная и склонная к компромиссам. О чём свидетельствует хотя бы то, что после казни её отца за участие в заговоре, она сохранила расположение императрицы (до такой степени что могла позволить себе кричать на неё, — добавил я про себя). Но Черри ухитрился их обоих довести до белого каления. До того, что Вазир Али схватился за саблю прямо за завтраком.

Ну и после этого реакция Эрскайна тоже была не самой разумной. Вместо того, чтобы попытаться разобраться что послужило поводом к мятежу, он собрал все войска, которые были, и бросился подавлять. Причём эта реакция была настолько предсказуемой, что даже женщина могла догадаться. Поэтому Фирюза и запросила помощи у своей повелительницы.

Далее, в момент подхода к Бенаресу Эрскайн тоже повёл себя крайне опрометчиво. Ему еще за десять миль до переправы было доставлено письмо от Ранджита Сингха с предложением остановиться и провести мирные переговоры. Он отказался, несмотря на то, что в письме было открытым текстом сказано что появление английских войск на территории Ауда будет воспринято как начало военных действий. Надо было понимать что Великий Визирь Империи без соответствующего количества войск в пограничных районах не появляется.

— Кстати, сколько у вас было войск? — поинтересовался Кольбрук.

— Два полка сикхской кавалерии, две регулярных 8-фунтовых и отдельная экспериментальная 12-фунтовая ба-

таря. К сожалению, перебросить под Бенарес пехоту мы не успевали, поэтому сражаться в пешем строю пришлось кавалеристам.

Ну «Черепаха», — я указал в сторону приткнувшейся берегу канонерки, которая уже почти не дымила, а высыпавшие на броню матросы зачищали кусочками акульей кожи карапины от пуль и ядер, готовясь к покраске.

— Кстати, что это ваши люди делают? — спросил Кольбрук, проследив за моим жестом.

— Восстанавливают краску, — пояснил я. — Понимаете ли, железо в этом климате ржавеет. Поэтому броня должна быть покрыта краской. А вчера солдаты Эрскайна выпустили по «Черепахе» немало пуль. И даже один раз попали ядром. Надо сказать, я совершенно восхищён действиями артиллеристов Эрскайна. Атака канонерки была спланирована так, чтобы не допустить развёртывания артиллерии. Но они сумели вытащить на берег две пушки, быстро развернуть их, и открыть огонь. И даже попасть с первого залпа. Броня, конечно, выдержала попадание ядра полевой восьмифунтовки, но скорость и точность...

Стойкостью компанейской пехоты я тоже восхищён. Из трёх тысяч человек нам сдалось в плен меньше семисот. Остальные — раненные и убитые.

— Так значит у вас против Эрскайна было два кавалерийских полка? Около тысячи человек?

— Так получилось. Трудно быть сильным везде. Эрскайн, насколько я понял, сумел собрать практически все войска, которые мы выставили из Ауда, а наши силы, наоборот, были рассредоточены по всей субе. То есть всё, что мы могли противопоставить трехкратному превосходству в силах, это огневое превосходство, которое ещё надо было обеспечить, утопив в Ганге всю вашу артиллерию. Признаюсь честно, я горжусь тем, как это у меня получилось.

— Но давайте вернёмся к политике. Получается, что теперь ваша Империя находится в состоянии войны с Ост-Индской Компанией?

— Хотелось бы, чтобы это было не так. Война не выгодна ни вам, ни нам. У вас сейчас большие проблемы на юге, в Майсуре, и, насколько я знаю, почти вся Бенгальская Армия сейчас марширует куда-то в сторону Хайдарабада. Ес-

ли вы её развернёте на Бенарес, Мадрасская Армия окажется один на один с Типу Султаном. Вы же понимаете что войска низама заметно уступают в боевой стойкости не только сипаям Компании, но и войскам Майсура, а Нагпур скорее всего сохранит в этом случае нейтралитет. От Нагпура слишком близко до Индура и Удджайна. Поэтому если он вступит в войну с Империей на вашей стороне, вам придется защищать его от Яшванта Рао, а не пользоваться его войсками здесь или в Майсуре.

— А причем здесь Яшвант Рао? — удивился Кольбрук.

— До чего же медленно распространяются здесь новости, — вздохнул я. — Будете обсуждать с сэром Морнингтоном наши сегодняшние договорённости, посоветуйте ему положительно отнестись к строительству телеграфных линий, когда делийские негоцианты выйдут на него с таким предложением. А то уже неделя как Холкар принес присягу Ясмине и именуется теперь не регентом Индура, а субударом Малавской субы, а вы и не в курсе.

Кстати, если бы существовало телеграфное сообщение между Дели и Калькуттой, наверное и нынешний кризис можно было бы решить без стрельбы, путём переговоров непосредственно между генерал-губернатором и высшими сановниками Империи.

— По-моему, вы всё время отвлекаетесь от темы на какие-то технические новинки. — сердито пробормотал Кольбрук.

— Извините, судья. Я же вообще-то не военный, и не дипломат, а как раз инженер, специалист по техническими новинкам. Ну иногда приходится их самому в бою обкатывать. Ладно, к политике так к политике. У вас Майсур, и у вас большая война в Европе. Пока ещё с генерал-губернатора не требуют отправки войск в Египет, но скоро потребуют. А главное, вся ваша коалиция критично зависит от поставки селитры из Бенгалии. Если вдруг эти поставки прекратятся, а как вы понимаете, в случае войны с Империей их дезорганизовать не так уж и сложно, через полгода французы форсируют Канал. Вот подумайте, что лучше для Англии — Ранджит Сингх в Бенаресе или Виларет де Жуйаёз в Портсмуте.

И самое главное, о чём я вам предлагаю подумать. У вас

тут вообще-то не королевские войска. У вас Ост-Индская торговая компания. А войска вам нужны только для того, чтобы обеспечивать защиту собственности британских купцов. Война для вас непрофильные расходы. Вам надо торговать в Ауде? Пожалуйста, торгуйте. В Ауде, в Доабе, в Пенджабе, в Синде. По всей Империи. Мы вам гарантируем что собственность английских подданных будет защищена не хуже, чем собственность подданных Империи, что все внутриимперские дороги будут свободны от пошлин и сборов. Можно даже обсудить вопрос создания специального суда для урегулирования конфликтов между подданными короля Георга и подданными императрицы Ясмины.

Глава 43

Интерлюдия

2 февраля 1799, Калькутта

Кольбрук опять сидел за столом в кабинете генерал-губернатора и разглядывал руки сидящего напротив него Ричарда Уэлсли. Поднимать взгляд и глядеть лорду Морнингтону в глаза ему не хотелось. Удивительно, но во время предыдущей беседы Кольбрук несколько раз допустил грубый просчёт, а Уэлсли, без году неделя в Индии, оказался во всём прав.

— Ну что вы теперь скажете, судья? — прервал затянувшееся молчание генерал-губернатор. — Вам ведь удалось пообщаться лично с представителем, как говорят наши агенты в Дели, «малой свиты» Ямины.

— Да, этой странной железной лодкой командовал Рихард Беринг, европеец, появившийся рядом с ней за неделю до подавления мятежа, в Лондоне. Станный он какой-то. Не то, чтобы я хорошо себе представлял немцев-подданных русского императора, но по-моему он на них не похож.

Он старался создать у меня впечатление, что он предприниматель и инженер, а вся эта политика и война для него нудная и неприятная обязанность.

При этом он довольно неплохо ориентируется в экономике Бенгалии и имеет представление о текущей ситуации в Европе. Кстати, вы обратили внимание, он предсказал что от нас потребуют отправить войска в Египет.

— Удивительно. В военном министерстве и сами не зна-

ют, что этого хотят, а подданный делийской махарани в курсе, — проворчал лорд Морнингтон себе под нос, и, обратившись к Кольбруку, спросил. — А что вы думаете по поводу железной лодки?

— Я не специалист в военном деле, тем более, военноморском. Но по-моему, на Ганге нам просто нечего ей противопоставить. Если мистер Беринг захочет прекратить торговое судоходство по Гангу, то я не знаю, как можно ему помешать. Люди из арьергарда отряда Эрскайна до сих пор не могут сохранить спокойствие, когда рассказывают про то как эта штука плевалась чем-то вроде греческого огня на полторы сотни футов.

А как матросы заравнивали акульей кожей царापину от восьмифунтового ядра перед покраской я видел собственными глазами.

В общем, моё мнение таково: нам надо проглотить оплеуху с Аудом. Тем более, что на финансовых показателях это, скорее всего, не скажется. В порядке извинения нам предоставили кое-какие торговые льготы и если наши ребята подсуеются, у нас появится доступ к хлопку Дооба.

— А как вы смотрите на то, чтобы лично возглавить этот самый специальный суд по разрешению конфликтов между подданными Империи и подданными английского короля? Посидите несколько месяцев в Дели, осмотритесь, пообщаетесь с тамошними европейцами — этим Берингом, де Пилем и той компанией механиков, которые туда проскочили перед носом у Эрскайна.

— Ну если вы приказываете, сэр...

— Не приказываю, а прошу. Там сейчас нужны именно вы.

— Хорошо, завтра же выеду в Дели.

— Не торопитесь, у вас есть несколько дней на сборы. Кстати, вы знаете, что из Бенареса в Дели уже ходят вполне приличные почтовые дилижансы?

— Мне будет позволено взять с собой кого-нибудь?

— Да, подберите себе свиту. Я отпущу с вами почти кого угодно.

— Ну например, людей из бывшего отряда Эрскайна?

— Я уж боялся что вы у меня кого-нибудь более ценного хотите выпросить. А тех кого Ясмина выжала из Ауда а по-

том под Бенаресом не пустили обратно, никаких проблем. Их все равно распахивать по другим соединениям чуть ли не по одному. Но зачем вам нижние чины? Ведь офицеров там убили практически всех.

— Я обратил внимание на одного толкового медика, Бэнкс его фамилия. Очень наблюдательный юноша. Он чуть было не вскрыл в Лакхнау всю систему тайной сигнализации агентов Ямины. Вскрыл бы, если бы ему было с кем обсудить замеченную им странность.

В Бенаресе он, как и все медики из отряда, работал в госпитале, организованном имперцами для наших раненых, и описал на целых две страницы отличия их полевой медицины от нашей. Это важно, потому что потери и инвалидности у них получились втрое меньше, чем обычно бывает у нас. А ещё он запомнил, что один артиллерийский капрал рассказывал, что в 80-х годах лейтенант королевской артиллерии Шрапнель демонстрировал в Гибралтаре что-то подобное тем снарядам, которыми в клочья порвали каре Эрскаяна.

Не знаю, сумею ли я вырастить из этого молодого человека преемника себе или Халхеду, но попытаться стоит. Тем более его специальные медицинские знания могут пригодиться в Дели.

Глава 44

Металлический завод

4 февраля 1799, Дели

Когда «Черепеха» пришла в Дели и была пришвартована к своему родному причалу, я, прежде чем появиться на глазах Ясины и Дженнифер, решил посетить литейщика Саваша, который не успел изготовить паровую машину к отправке канонерки в Ауд.

Подходя к его мастерской я услышал пыхтение машины ещё издали. Когда я вошёл в огромный сарай, появившийся рядом с мастерской за время моего отсутствия в Дели, я понял что это не просто так ресурсное испытание.

Машина, компактный блок машины и котельной установки, который мы с проектировали для «Черепехи», работала в углу мастерской и крутила через сложную систему ремней воздухоудвки нескольких тигельных печей и ряд станков.

Я поздоровался на урду.

Услышав мой голос, человек, работавший за одним из станков, токарным, обернулся, сделал два шага ко мне и протянул руку для рукопожатия.

Это был Тревитик.

— Вы, я вижу, тут уже освоились, — сказал я после приветствия. — А как устроились, как ваша супруга?

— Все отлично. Тут нам выделили каких-то специальных

людей, которые организовали нам такую хижину из жердей и циновок, называется бунгало. По здешнему климату в самый раз. Джейн только боится, что в колыбельку к маленькому Дику залезет какой-нибудь скорпион или многоножка. Но к нам приставили такой штат прислуги, что он круглые сутки под надзором. Так что она там прекрасно справляется без меня. Предлагаю вам сегодня у нас отужинать.

— Извините, Ричард, но не уверен, что смогу принять это приглашение. Как вы понимаете, первым делом надо будет отчитаться о выполненной работе перед императрицей. Я и так уже завернул сюда по дороге с пристани чуть ли не контрабандой.

— А разве тот молодой сикхский офицер, Ранджит Сингх, кажется, с которым вы нас познакомили в Бенаресе, не доложил все? Он же тут уже два дня.

— У меня были свои задачи, в которых его войска не участвовали. А как вам тут, в этой мастерской.

— Очень интересно. Скажите, чертежи этой машины, — он указал на чудо-юдо, пыхтящее в углу. — ваши? Когда я сюда приехал, у господина Саваша были трудности с одной небольшой деталькой в регуляторе. Чувствуется что паровая техника ему внове. Но конструкция явно носит следы десятилетий инженерного опыта.

«А столетий не хочешь», — подумал я. А вслух сказал. — Да, мы тут готовились к войне, и пришлось пойти на то, чтобы вместо постепенного обучения людей изготовлению паровых машин, дать чертежи довольно продвинутой конструкции, но всё равно не успели. «Черпаха» ушла в бой без этой машины.

— И что же её двигало?

— Вы не поверите, человеческие руки. Я сделал систему деревянных рычагов, которые ворочали гребцы, примерно теми же движениями, которыми гребут вёслами, которые приводят в движение гребное колесо. А в трубе была жаровня, в которой горела мокрая солома с шерстью.

— Но теперь мы вам можем в пару дней поставить машину на место.

— Я лучше подожду, пока вы сделаете второй экземпляр. Эта машина, как я погляжу, принесет гораздо боль-

ше пользы здесь. А военных действий вроде в ближайшую пару месяцев не предвидится.

Я бы хотел поставить производство таких машин на поток. Вы уже определили ее выходную мощность?

— Да, получилось 48 лошадиных сил по методу Уатта.

— Неплохо, я ожидал худшего при местной точности обработки материалов. На самом деле таких машин нам нужно довольно мало. Нам нужны машины примерно вчетверо легче, такие которые могут быть погружены на повозку усилиями восьми грузчиков. Они будут крутить ткацкие станки, механические прялки, хлопкоочистительные машины Уитни. В общем, это будет рыночный товар, который будет раскупаться ремесленниками, в основном ткачами. Хотя к ним надо иметь и набор оборудования для кузниц — механические молоты, воздуходувки, станки.

Кроме того, нам нужны машины сил примерно на двести. Если они будут весить не пять тонн, а двадцать — не страшно. Это для речных буксиров. Но это производство надо будет разворачивать не здесь, а в Лахоре. И есть одна задумка, для которой нам потребуется пятисотсильная машина. Что нужно для заводских нужд, смотрите сами.

— Пожалуй, для цеха такого размера я бы лучше поставил несколько таких же машин, чем одну большую. Так получается гибче. А что вы скажете насчет парового экипажа?

— Я вас пригласил в Дели в первую очередь потому, что вы — фанатик паровых экипажей. Вы проехали по стране достаточное расстояние, чтобы убедиться насколько огромна Индия по сравнению с Англией. И хотя вы ехали вдоль реки, далеко не все торговые пути здесь благословлены наличием водных артерий. Поэтому нам очень нужны мощные и грузоподъемные средства для перевозки по суше. Но проблема в дорогах. По хорошему счету надо бы строить рельсовые пути во всяком случае на основных направлениях. А это — безумные деньги.

— Тут у вас вроде и шоссе неплохие. Пыльные, правда.

— Это вам повезло. Вы начали свой путь из Калькутты в середине сухого сезона. Подождите несколько месяцев, придет муссон, и вы увидите что такое здешние дороги.

— Но всё равно, по-моему, по крайней мере пока не по-

строены эти ваши рельсовые пути, паровой дилижанс и паровой тягач на местных дорогах были бы не лишними.

— Не спорю. Вот сейчас я немножко разберусь с неотложными делами, выберем вечерок, посидим над чертежами. Я думаю, что по части механических экипажей я могу подкинуть вам не меньше интересных идей, чем вы увидели в этой машине.

Я распрощался с Тревитиком, который тут же вернулся к своей работе, и подошел к Савашу, наблюдавшему за плавкой в печи через закопчённое стекло.

— И как вам этот инглез, — спросил я его.

— Очень толковый мастер, — отозвался хозяин мастерской. Если вы, сахиб, не в обиду вам будет сказано, только рисовать картинку можете, то Ричард-сахиб и с резцом и с кузнечным молотом может много чего интересного показать. Он за неделю перевернул мне всё хозяйство — вот эти станки, вот эти воздуходувки...

Глава 45

Попаданцы

4 февраля 1799, Дели

После мастерской Саваша я, наконец, добрался до дворца. На Дели уже опустились густые тропические сумерки. В покоях Ясины, куда меня направила стража, горел яркий электрический свет.

— Откуда это, — спросил я у Дженнифер, которая ждала меня в кабинете Ясины. Самой императрицы что-то не было видно.

— А это твой трофей. В смысле, тот инженер, который работал на наркоторговцев. У него был целый грузовик всякого барахла, там нашлись и светильники, и генератор.

— А чем он, его интересно, заправляет?

— О, это забавная история. Через два дня после того, как приехали эти трое, тут появилась толпа нанятых тобой в Англии специалистов. И один из них, француз Лебон, прямо с порога презентовал Ясине угольный газогенератор для освещения дворца. Прямо готовый с собой привез.

Васильич походил вокруг него, походил, и сказал, что мол, нечего тянуть по всему дворцу трубы, и вообще светильный газ штука довольно ядовитая. Пусть, мол, крутит мотор на заднем дворе, а по дворцу провода протянем, это безопаснее.

Лебон был в шоке. Он тут пытался построить газовый двигатель, но у него не получилось. А тут ему под большим секретом показали, что бывает.

— Одна только маленькая тонкость. — подумал вслух я. — Газовые фонари мы запросто поставим на поток. А вот двигатель внутреннего сгорания вряд ли так уж легко произведем. Про светодиоды я уж и не говорю.

— Ну и ладно. Должен же императорский дворец быть уникальным. Тем более что уж Ясмينا-то всегда может сходить купить себе пару лампочек взамен перегоревших.

— Ну дворец дворцом, а с Савашем ты Васильича познакомила?

— Нет, что ты. Эти пленники пока сидят в задних комнатах дворца. Лебон познакомился с Васильичем только потому что очень активно лез внутрь дворца со своими газовыми фонарями. Ясмينا с него несколько страшных клятв молчания взяла.

— А что там остальные европейцы поделывают?

— Тебя ждут в основном. Тревитик вот сразу полез с Савашем паровую машину доделывать. Вульф у пока сунула в зубы учебник Полинга, а лабораторию обещала потом, когда ты вернешься. Приставила к нему ещё одного толкового брахмана, который у местной знати считается специалистом по медленно действующим ядам. А то у него организм настолько пропитан всякой гадостью по причине несоблюдения техники безопасности, что непонятно как он вообще до своих лет дожил.

Но строить его по части соблюдения ТБ должен ты. Я не справлюсь. И даже Ясмينا не справится.

Эммет работает с местными ракетчиками. Я ему никаких материалов из будущего не давала. Пусть сначала местную школу воспримет.

— А что Ситора?

— Ты знаешь, я никак не могу понять, что с ней делать. С ней и договориться толком не получается. На фарси она разговаривает с каким-то ужасным акцентом, по-английски вообще связать два-три слова может. Ясмينا пытался разговаривать с ней по-латыни, но я латыни не знаю. В общем она как-то замкнулась в себе и ничего я с ней поделать не могу. Ты-то на каком языке с ней общался?

— На русском. Она же из Таджикистана. Это бывший СССР, все образованные люди русский язык обычно знают лучше, чем английский. Ну и фарси у неё такой, потому

что это на самом деле не фарси, а таджикский. То есть произношение-то ей поставить, чтобы её все здесь понимали, можно быстро. Но ты говоришь, она замкнулась. Это очень плохо. Не знаю как её вытаскивать. Я надеялся, что она найдет общий язык с тобой. Потому что я с её точки зрения точно такой же бандит, как те наркоторговцы. Просто одни бандиты победили других и забрали рабов в качестве трофеев.

На этой фразе в приоткрытое окно проскользнула серая кошечка, и вот уже около подоконника стоит императрица, обнаженная, но готовая метать громы и молнии:

— Какие рабы? Откуда на моих землях рабство?

— Еще скажи, «вот сейчас разберусь как следует, и накажу кого попало», — грустно усмехнулся я. — Рабство не на землях, а в голове у Ситоры. И как её убедить в том, что она здесь не рабыня, а уважаемый специалист, которого ценят за уникальную квалификацию, я не очень себе представляю.

— Тебе эта девушка чем-то дорога, — с подозрением спросила Ясмينا.

— Уж не ревнуешь ли ты? — ответил вопросом на вопрос я. — Она дорога мне в первую очередь своей квалификацией. Другого врача с законченным медицинским образованием XXI века у нас нет. Ну и вообще мне её жалко. Судьба обошлась с ней довольно жестоко. И распутать тот узел, который завязался в её мозгу не менее необходимо, чем некогда алюминиевую проволоку на кошачьих лапах. Вспомни, когда я брался спасти некую серую кошку, я и не подозревал, что у этой кошки есть какие-то другие формы.

Ясмينا немножко успокоилась, не спеша замоталась в сари, лежавшее на кресле рядом со столом, и уселась в это кресло.

Дженнифер подтолкнула меня к еще одному креслу:

— А ты садись вот туда.

Я сел, и обнаружил что к подлокотнику прислонен СКС, один из тех что был захвачен у наркоторговцев.

— А это ещё зачем? — поинтересовался я, похлопав ладонью по цевью.

— А тут на меня очередное покушение было. — поясни-

ла Ясмينا. — К счастью это было как раз в тот день, когда привезли эти трофеи и один карабин торжественно поднесли мне. А потом я уснула прямо на Павлинъем Троне — очень суматошный день был. Поэтому когда в тронный зал ворвались эти обормоты, я успела залечь за тронм со скорострельным карабином и продержаться пока не прибежали разбуженные выстрелами сикхи из твоей рампурской команды с такими же ружьями. Я их тогда оставила во дворце, чтобы лишнего не наболтали.

Они этими плоскими штыками прекрасно работают как алебардами.

— По-моему в тронном зале ты могла спокойно принять истинный облик и просто надавать мятежникам хвостом по голове.

— С ними был охотник на драконов. Покушающиеся на меня обычно в курсе, что такое дракон.

— А что, здесь и такое бывает?

— Конечно бывает. Ты думаешь, тут драконы тысячи лет живут, так люди не выдумали способов борьбы с ними? Почему драконы терпеть не могут лезть в людскую политику? Потому что знают, что если люди всерьёз решать извести драконов, из этого мира придётся уходить.

При некоторых индуистских храмах есть специальные школы, где готовят и таких специалистов тоже. Этот был из Нагпура. Вообще храм Кали в Нагпуре жуткое место. Он нам ещё не раз поперёк дороги встанет.

— А если огнём?

— Подкатить туда осадные гаубицы покрупнее и перемешать там всё с землёй, это я бы с удовольствием. Была б атомная бомба, скинула б туда не задумываясь. И сказала бы что я тут ни при чём, это они сами с высшими силами заигрались. Но бомбы нет, а у раджи Нагпура субсидиарный договор с англичанами. Так просто туда не влезть.

— А кто на этот раз был в заговоре?

— Ну в общем примерно всё то же самое. Опять сыновья ханов. Причём даже отпрыска потомков Тимура при них не было. Просто новые порядки не по нутру были. К сожалению, Дасс все последние месяцы полностью был погружен в аудские проблемы, и прошляпил.

— А может тебе на слежку за внутренними врагами дру-

гого человека поставить?

— Ну не знаю. Вот Ауд месяц назад был внешней проблемой, а сейчас — уже внутренняя. При этом это тот же самый Ауд, с тем же самым Вазиром Али в качестве наваба. Саадата Али только нет. Но и у нас в Дели мы за последние месяцы многих стариков поубирали. Кого в отдалённое поместье, а кого и за решётку. Ну ладно, со своей безопасностью я как-нибудь сама разберусь. Ты лучше займись теми ференгами, кого по твоей милости приволокли сюда. И теми, которые из Европы, и теми, которые из другого мира. У тебя же были на них какие-то вполне определённые планы, которыми ты с нами поделиться забыл.

Ясмина звонком вызвала служанку. Появилась та самая Зейнаб, про которую я уже знал, что она была спутницей Ясины во время полёта из Гудранвалы в Джайпур и вообще девочка толковая. Императрица приказала её проводить меня к «секретным гостям».

— А поручи-ка ей присматривать за Ситорой, — предложил я. — Должен же кто-то научить её понятному здесь языку.

«Секретные гости» сидели в небольшой комнате и пили чай.

— Ну что же господа, — сказал я, входя, — Небольшие неприятности из-за которых я не мог заняться с вами сразу после вашего приезда в Дели, кончились, и теперь я могу попытаться найти каждому из вас место.

Господин Архимед и Васильич наклонились вперед, внимательно слушая меня. Видимо, вынужденное безделье им уже надоело. А Ситора стиснула губы в прямую линию, как будто пытаюсь не сказать какую-то резкость.

— Начнем с вас, Ситора Далеровна. Насколько я понял, у вас возникли некоторые языковые проблемы. Ваш таджикский слишком сильно отличается от местного фарси, английского вы не знаете, а латынью тут кроме самой императрицы почти никто и не владеет.

— Так эта девушка и есть императрица? — удивился Александр Филлипович. — А вот вторая, которая говорит по-английски с неподражаемым янки-акцентом, она кто? Неужели Великий Визирь?

— Нет, Дженнифер формальной должности при дворе

не имеет. Но как вы могли догадаться, она, как и я, пришелец из XXI века. Я думаю, начав вращаться в высших круга Империи вы скоро разберётесь кто тут есть кто.

Так вот, Ситора, Императрица решила выделить вам персональную служанку, Зейнаб, — я приобнял девочку за плечи и вытолкнул перед собой. Надеюсь, с её помощью вам удастся быстрее освоиться с каким-нибудь из популярных здесь разговорных языков. А если возникнет ситуация, когда умения врача из XXI века потребуются срочно, ну придётсЯ мне или кому-нибудь знающему латынь, поработать переводчиком.

Теперь с вами, господа. Основное зачем бы мне нужен был фармацевт, это обеспечить Ситору более-менее эффективными лекарствами из будущего, которые удастся получить. Но пока Ситора не готова приступить к практике, я пожалуй, попрошу вас помочь одному очень интересному человеку из Англии, освоиться с лабораторной техникой и техникой безопасности. Вы, кажется, английским владеете совсем неплохо. Ну так вот вам Питер Вульф. Знаете такого?

— Первооткрыватель пикриновой кислоты? У вас какой здесь год?

— *Здесь* 1176 по персидской солнечной хиждре. А в христианских странах сегодня 4 февраля 1799.

— Но вроде бы он никогда не совершал поездок дальше Парижа и Эдинбурга.

— Ну это в той реальности, откуда вы родом. А здесь я его лично соблазнил, пообещав знакомство с совершенно неизвестной ему алхимической традицией. В качестве таковой Дженнифер ему выдала учебник Общей химии Лайнуса Полинга.

— Современный учебник химии здесь, на рубеже XVIII и XIX века? Ну-ну. Интересно будет посмотреть на его реакцию.

— Вот прямо сейчас пойдете и посмотрите. Кстати надо будет присмотреть вам там жильё. В квартале, заселённом европейскими специалистами вы будете как-то более на месте, чем в потайных покоях императорского дворца. Вас, Сергей Васильевич, это тоже касается. Тем более что задач для инженера у нас гораздо больше, чем для фарма-

цвета. Одну паровую машину тут прямо сейчас без меня на ресурсные испытания поставили, и ещё дел полно. А ещё есть Лебон, с которым вы вроде уже познакомились. Я в основном рассчитываю на него как на коксохимика, надо поднимать производство стали на порядок, если не на два, строить железные дороги, но среди его интересов есть и двигатель внутреннего сгорания. В той реальности он почти ничего не успел, будучи убит грабителями в Париже.

* * *

Осмотрев нашу с Савашем машину, Васильич не пришёл в такой восторг, как Тревитик.

— Рихард, а не охренел ли ты? — спросил он. — Прямочный водотрубный котёл на 50 атмосфер при таком уровне металлообработки? Немцы, насколько я знаю, всю Вторую Мировую с такими котлами на эсминцах мучались. Наши тогда так и не смогли довести единственный построенный эсминец до проектной мощности.

Попытаешься делать их серийно, они у тебя будут рваться через один. К тому же тропическая страна, вода наверняка жесткая, солоноватая, в общем хреновая. Я бы на твоём месте использовал что-то типа сентениэловских котлов. Это, конечно, не 50, а 15 атмосфер, но зато куда менее требовательно и к технологиям металлообработки, и к воде, и к квалификации обслуживающего персонала.

Ты же не для военного корабля котельную установку делаешь, а для кузниц и ткацких мастерских.

— Эта машина сделана как раз для боевого корабля. Но вообще у меня есть мысль, что надо делать как можно больше техники двойного назначения. И ставить на боевые корабли машины и котлы, отработанные на речных буксирах, паровозах или дилижансах. Мне ещё где-то нужно кадры машинистов готовить. Морского флота у меня пока нет. Есть, конечно план, когда англичане разобьют Типу-Султана, подать его морякам мысль сбежать к нам. Но до штурма Серингапатама ещё полгода.

А вообще смотри сюда, — я показал на небольшую коробочку, приткнувшуюся на выходе из котла, — сюда и сюда.

— Ага, биметаллический датчик температуры, вижу. Вот от него пошел тросик. Здесь манометр, тоже тросик пошел. Тут что? Вентилятор с приводом от турбины Тес-

ла? Хм... Нет, пожалуй если сюда микроконтроллер какой-нибудь 32-битный поставить, я бы пожалуй взялся обеспечить работу этого котла даже не в слишком грамотных руках. А что у тебя в этой коробочке? — он потянулся с гаечным ключом к небольшому металлическому ящичку, в который уходили гибкие тросики от всех датчиков и от клапана паропровода на турбине вентилятора. — Ты что, правда сюда микроконтроллеров приволок?

Открутив гайку, он откинул крышку и с изумлением взглянул на эксцентриковые рычаги сложной формы, связанные зубчатыми передачами и подпружиненные.

— И кто ж тебе это извращение сконструировал? И главное, я не понимаю, как можно было вот эту кривую получить, — он провел пальцем по блестящей маслом поверхности эксцентрика.

— Я сам сконструировал. — довольно улыбнулся я. — Я еще в студенческие годы увлекался номограммами. А это, собственно та же номограмма, только результат снимается не линейкой и глазами, а вот этим рычагом и сразу подается на клапаны подачи пара вентилятору и водяному насосу.

— Но рассчитать-то как? Только не говори, что форма этой кривой получена с помощью натуральных экспериментов и подпиливания напильником по месту. Не поверю.

— И не верь. У меня-то компьютер есть и довольно мощный. Честно решал численно систему дифференциальных уравнений. А теперь это можно спокойно тиражировать. Примерно от десяти до двухсот лошадиных сил пересчитывать ничего не придется.

Васильич задумался. Через некоторое время он сказал:

— Нет, прямоточный змеевиковый котёл, это вещь. Надо подумать, как бы сделать их действительно серийной продукцией. Для начала надо чтобы трубки не приходилось вручную выделывать. Трубопрокатный стан нужен.

Часть VI

**Империя
показывает зубы**

Глава 46

Гвалиор должен быть взят

7 февраля 1799, Дели

— Гвалиор надо брать до начала муссона, — не допускающим возражений тоном сказал Ясмина, когда совет собрался в тронном зале.

— Как?! — возмутился я. — Опять война? У меня тут англичане не трудоустроены толком, мастерскую Саваша в механический завод расширять надо, а в Лахоре ещё один строить, а тут опять война.

— И опять из-за смазливового мальчика, — проворчал Ранджит Сингх. — То мы защищали Вазира Али, мужа твоей подруги детства. Теперь я буду подставлять голову под пули чтобы округлить владения Яшванта Рао Холкара.

— Ну не только его, — возразила императрица. — Собственно Гвалиор войдет в Агрскую субу. Но вообще, ты, конечно прав. Мы воюем ровно для того, чтобы на деле включить в Империю Малавскую субу Холкара. Не должно быть на пути из Дели в Индур никакого независимого раджи Гвалиора. Ну и вообще нечего делать около наших границ независимому радже, финансировавшему государственный переворот против меня. А ты, Рихард, плакался что тебе железа мало и оно дорого. Вот тебе железные рудники Деккана — только придти и взять.

— Не слишком ли ты самонадеяна, Ясмина? — подал

голос Дост Хуссейн. — У Схиндия приличная армия, все высшие посты в которой занимают европейские наёмники. Помнится, де Буань, когда ещё служил у нас, очень высоко отзывался о Джоне Хессинге. А Пьера Куилли-Перро я и сам неплохо знаю.

У них есть примерно двадцать тысяч войск, обученных по европейскому образцу, которые не уступают нашей армии, подготовленной Мирзой Наджафом. Что мы можем сделать чтобы не вязываться в длительную кровопролитную войну с равным противником, к тому же располагающим лучшей крепостью в Индии?

Да, Ранджит, я знаю что вы с Рихардом подготовили несколько полков, способных бить англичан при их трёхкратном превосходстве. Но сколько у вас тех полков? Тысяча ветеранов Бенареса и тысячи три тех, кто обеспечивал захват аудских городов. Даже если мы добавим к ним полторы тысячи джатов, которые охраняют Дели, это не изменит принципиально соотношения сил.

Ранджит Сингх задумчиво сказал:

— А если подогреть соперничество имперских соваров с моими сикхами? Совары стояли в Аллахабаде и если бы успели подойти могли бы создать численное превосходство. Но я их на битву не пригласил, потому что не был уверен, что они будут выполнять приказы, а не тешить личную доблесть. А ещё есть аудская гвардия, в основном афганские наёмники. Их тоже можно раскатать рыть носом землю, но доказать что они не хуже сикхов.

— Не носом, лопатками-то я их обеспечу, — усмехнулся я. — Но рыть землю им придется в буквальном смысле слова. Окапываться, окапываться и окапываться. Думаю, что тактика ездящей пехоты, так неплохо проявившая себя против сипаев Эрскайна, сработает и против войск Схиндии.

Но ведь эти войска придется насытить казнозарядными пушками. Минимум по батарее на полк. И чтобы снарядов хватало. Сколько у нас ещё времени есть?

— Муссон у нас приходит в конце ордибехешта, — пояснил Дост Хуссейн. — И минимум месяц нам нужен на боевые действия. Значит самое позднее 20 фарвардина надо выступить. На подготовку у нас есть два месяца.

— Мало. — вздохнул я. — Но попробуем уложиться. Ветераны Бенареса у нас уже в Агре, вот пусть и готовят тренировочный лагерь чуть ли не на гвалиорской границе. Потом туда будем потихоньку стягивать наших и аудских соваров и учить их новой тактике.

— Гвалиор ты собираешься брать 12-фунтовками? — заинтересовался де Пиль. — Сделал бы ты по своей технологии хотя бы парочку 24-фунтовых гаубиц с этой желтой краской вместо пороха в бомбах.

— Попробую. Хотя, на мой взгляд, более важно обеспечить войска полевой артиллерией. Гвалиор ведь можно вообще не брать. Поставить там небольшой заслон чтобы гарнизон не вылез, и идти к Удджайну навстречу основным силам Схиндии.

Все присутствовавшие офицеры посмотрели на меня крайне удивлёнными взглядами. Не принято здесь было ещё так воевать.

— В Гвалиоре сейчас довольно небольшие силы. И крепость расположена так, что серьёзно помешать стрельбой из крепостных пушек нашим обозам и подкреплениям они не смогут. Значит, если мы поставим заслон, не дающий им делать вылазок, по-моему батальона с батареей хватит, то они могут там сидеть хоть до следующего сухого сезона, и никакой угрозы для нас не представляют. А когда мы разобьём Даулата Схиндию в поле, предложим им сдаться.

А если мы будем его брать, мы закопаемся там по меньшей мере на неделю. Кавалерия пройдет те сто двадцать километров, которые отделяют Гвалиор от Агры за два дня не напрягаясь. А осадные орудия волы будут тащить минимум неделю. У нас нет столько времени.

К тому же если мы осадим Гвалиор, Схиндия со своей армией из Удджайна успеет дойти до него и навяжет нам бой там, где ему удобно. А если мы пойдём ему навстречу, битва произойдет там, где будет удобно нам. А если сумеем, то поймаем его в ловушку на марше.

— Интересный план, — сказала Ясмينا. — Принимаем его за основу. Знаешь что, Рихард, пожалуй в этой кампании ты участвовать не будешь. Занимайся своими пушками и пароходами. А воевать оставь нам.

На неё тоже посмотрели с удивлением.

— Николя, Хуссейн, — скромно потупив глазки спросила она, — разве вам не понравилась как я действовала при штурме Джайпура?

Они промолчали.

— Под Бенаресом вы ждали, когда противник придёт к вам, — продолжила императрица. — Здесь нам предстоит манёвренная война. Нам нужно перехватить вражескую армию на марше. И нужно обеспечить связь между нашей армией и армией Холкара. Поэтому нужна я, которая может наблюдать за противником сверху и доставлять депеши по воздуху.

И вообще это традиция такая. Когда падишах Моголов сам ведет свои войска в бой, Империя прирастает. Когда он поручает это вазирам и низамам, от империи отделяются независимые княжества. Я понимаю, что вы все, здесь присутствующие, мне верны, но ведь ваши солдаты тоже знают про эту традицию. А самое главное, об этом знают солдаты раджи Гвалиора.

Глава 47

Паровой автомобиль

11 февраля 1799, Дели

Через несколько дней я, как и обещал, нашёл время для того, чтобы побеседовать с Тревитиком насчет паровой машины для шоссейных дорог. У него уже был проект парового дилижанса, который я раскритиковал.

Конечно, эта машинка была посовременнее, чем трехколёсная телега Кюньо, так впечатлившая в своё время де Пиля, но тоже жуть. Например, чтобы справиться с огромным усилием, требуемым для поворота оси, он предложил вместо передней оси делать двухосную поворотную тележку, которая управляется передней осью а нагрузку несёт на задней, с большими колёсами.

Когда я ему нарисовал схему рулевой трапеции, он долго бил себя по лбу. Решение простое, но, во-первых намного снижает усилие, потому что колёса поворачиваются на месте, а не вместе с осью, во-вторых позволяет очень просто прикрутить туда зубчатую передачу, превращающую градусов тридцать поворота колёс в два полных оборота руля, с соответствующим выигрышем в усилии.

Я уж не стал ему говорить что и в плане габаритов крыльев эта конструкция куда лучше поворотной оси.

— Где-то я это уже видел, — задумчиво сказал Ричард, вертя нарисованный мною эскиз.

— В Бирмингеме, наверное, — ответил я. — Ведь эту штуку придумал доктор Дарвин, который большой приятель

Боултона и Уатта.

— А, Дарвин, — с облегчением вздохнул он. — ну тогда она не запатентована. Доктор Дарвин считает ниже своего достоинства врача патентовать всякие железки, и дарит свои изобретения всем желающим.

— Это он правильно, надо будет тоже что-нибудь ему подарить. Надо будет как-нибудь поговорить на эту тему с Ситорой, может быть какие-нибудь лекарства... А то будет жаль, если он умрет весной 1802.

— Рихард, я вас иногда боюсь, — признался Тревитик. — вот общаешься, общаешься с человеком, вроде нормальный инженер. А тут вдруг берет и начинает пророчествовать, как пифия.

— Ладно, — рассмеялся я. — Постараюсь в вашем присутствии воздерживаться от подобных развлечений. Вернемся к нашим чертежам.

Пришлось долго доказывать ему необходимость дифференциала.

Но самое сложное было доказать, что тормоз должен управляться педалью, как и подача пара, а вот переключение передач — рычагом. Вообще-то у меня не было никаких разумных резонов в пользу этого решения. Только то, что и я, и Дженнифер, и Васильич умеем водить машины именно с таким управлением.

* * *

18 февраля 1799, Дели

Одной беседой наше с Тревитиком общение по поводу будущих паровых машин не ограничилось. Наши встречи втроем с Васильичем стали регулярными. Я и сам много узнавал от них, всё-таки они оба были профессиональными инженерами а я так, погулять вышел.

Но уже в середине февраля пришлось отправить Васильича в Лахор. Там нам тоже нужно производство паровых машин, паровое судоходство по Инду, а потом, чем чёрт не шутит, и морские пароходы.

Мы с Тревитиком продолжали работу над паровым дилижансом вдвоём.

Вот однажды в один из весенних вечеров мы сидели над чертежами на веранде моего дома, как вдруг кто-то дернул за веревочку дверного звонка.

Я поселился в бывшем доме пандита Вирасами, который был обнесен дувалом в полтора человеческого роста, поэтому видеть пришельца, казалось бы, не мог. Но у нас предусмотрены кое-какие чудеса, позволяющие обходиться без слуг. Я включил видеокамеру на воротах, и увидел что ко мне в гости приехал де Пиль.

Нажатием кнопки я открыл замок и француз вошёл ко мне во двор вместе со своей лошастью.

Дворик здесь был маленький, но разместить пару лошадей было можно. Тревитик тоже приехал верхом, так что оба места у коновязи не пустовали.

— О, сказал артиллерист, — обращаясь к Тревитику, — как удачно, что вы, Ричард, тоже здесь.

И уже обращаясь к обоим:

— Я тут покопался в том странном оружии которое было захвачено у торговцев опиумом из иного мира. Уж очень интересна идея скорострельной картечницы. Вы, Рихард, объясняли что копирование этих интересных изделий упирается в то, что нужно наладить производство картриджей из пули и пороха, а это нам пока не под силу.

Но вот что я подумал: вы ведь вооружаете застрельщиков скорострельными духовыми ружьями, которым порох не нужен, только пули. А пули под стандартный калибр у нас производятся тоннами для снарядов Шрапнеля.

Что если сделать духовую картечницу?

— А сжатый воздух откуда брать? — поинтересовался я.

— Ну, конечно, ручное оружие у нас вряд ли получится. Но, скажем, на «Черепяху» в дополнение к огнеметам вполне можно поставить и качать воздух маленькой паровой машинкой.

— А это интересная мысль, — задумчиво сказал я. — Вы не находите, Ричард?

Тут де Пиль вытащил из ташки папку с чертежами и разложил чертежи своего пневматического пулемёта на столе поверх наших чертежей парового артиллерийского тягача. Ох, ведь Тревитик вполне способен связать А и Б и у него на этих машинах тоже окажется пулеметное вооружение.

Главное, чтобы не начали раньше времени броневики и танки делать. Всё-таки наши двигатели ещё тяжеловаты для военных целей.

— А ещё, — посоветовал де Пилю я. — покажите эту конструкцию вашему соотечественнику Лебону. Он работает над двигателем, у которого топливо сгорает прямо в цилиндрах, подобно тому как порох сгорает в стволе. Может быть его наработки позволят сделать оружие с жидким метательным составом.

Глава 48

Ткачи

3 марта 1799, Дели

Старейшины делийских ткачей с сомнением в глазах разглядывали механический ткацкий станок в мастерской Саваша.

— Вот, уважаемые, — сказал я, когда они вдоволь рассмотрелись. — Вот на таких станках англичане ткут то, чем они уже не только вытеснили индийские ткани с африканского рынка, но и завалили Бенгалию.

Я бросил на стол перед ними кусок ткани.

— Как вы видите, эта ткань много хуже той, что делают члены вашей касты.

Рядом лег второй кусок ткани, купленный мной вчера в лавке у одного из присутствующих старейшин.

— Вопрос в том, что эта машина производит ткань в таких количествах, что привезти хлопок из Америки в Англию, там соткать и привезти в Бенгалию, выходит дешевле, чем ваша работа, когда вы ткёте местный хлопок. Если так будет продолжаться только один из десяти из вас сможет свести концы с концами. Спрос на качественную ткань есть. Но он относительно небольшой. Большая часть тех, кому нужно бы прикрыть наготу, удовлетворится английской машинной работой.

Я хочу чтобы вы с вашим огромным опытом ткачества помогли мастерам императорских мастерских Дели усовершенствовать эту машину. Чтобы можно было на ней де-

лать ткань не хуже, чем делает средний индийский ткач. До образцов работы настоящего мастера машина, конечно не поднимется. Но средний уровень для нее вполне достижим. А освоить управление машиной несколько проще, чем освоить ткачество на среднем уровне.

Естественно, мы позаботимся о том, чтобы такие машины продавались именно членам ткаческой касты. И, поскольку это императорский проект, наша цель не нажива, а благосостояние подданных. Поэтому условия рассрочки будут вполне щадящие.

— Но если машина действительно настолько производительна, нам просто не хватит хлопка на всех ткачей Индии.

— Да, с этим придется что-то делать. Конечно, сейчас внедряются новые сорта хлопка и со следующего года урожаи будут больше. Но машины будут иметь еще большую производительность. Поэтому части тех, кто сейчас ткет ткани для одежды, придется поискать другие области приложения труда. Но вы себе просто не представляете насколько разные виды ткани будут востребованы императорскими машинными заводами. Например, мне нужна ткань для парусов четырехсотфутовых кораблей.

— Но ведь никто не строит кораблей длиной более 200 футов, — встрял один из более молодых ткачей.

— Пока не строили. А теперь — будем. Чем больше корабль, тем дешевле обходится перевозка тонны груза на нём. А значит, мы сможем возить ваши ткани в Англию и продавать там не дороже чем продукция их фабрик.

Потом, нам нужна прочная и легкая ткань для воздушных шаров.

Нам нужна изоляция для подводных кабелей. Всё это задачи, которые потребуют от ткача понимания сущности ткани и процесса ткачества. Что доступно только настоящим мастерам, вроде вас, а не людям, которые ничего кроме управления машиной не знали.

Глава 49

Письмо в Лондон

5 марта 1799, Дели

Дорогой Натаниэль!

Тебе, вероятно будет интересно узнать, как чувствую себя в столь хорошо знакомой тебе стране я, в своём весьма не юном возрасте сорвавшийся, поверив обещаниям неизвестно откуда взявшегося человека.

Ну во-первых, хочу тебе сказать, что свои обещания он держит. Он обещал мне открыть целый новый мир, принципиально другую традицию алхимии, и вот она передо мной, копать мне не перекопать. Я узнал о существовании таких удивительных вещей, как «периодическая система химических элементов», «структурные формулы соединений», «активность веществ в растворах». Я теперь точно знаю, сколько существует простых веществ на Земле — 90. Из них в Европе известны только пара десятков.

Правда, нельзя сказать, что это индийская или китайская традиция. Местным пандитам те вещи, которые излагает Рихард, кажутся не менее странными, чем мне. А основополагающий учебник, который он мне дал, и который называется «Генеральная химия» — вообще на английском языке.

Год издания там стоит 1970. Но я не склонен верить в довольно популярную среди местных европейцев идею, что Беринг и Дженнифер Форрест — пришельцы из будущего. Если учесть что у нас в Англии начинается 1799 год, тут, в

Дели, идет к концу 1176, а в Майсуре вроде как 1213, год издания мало что говорит.

Подход ко многим вещам здесь странен и необычен, и при том куда более эффективен, чем у нас. Возможно, это не совсем соответствует тому, что ты помнишь по своему опыту в Бенгалии, но, поверь, Империя Моголов это не Бенгалия.

Первое с чем я столкнулся, когда переправился через Ганг в Бенаресе и попал на земли Ауда, только что присоединенного к Империи, были местные почтовые дилижансы. От Калькутты до Бенареса мы тащились целый месяц, нанимая обывательских лошадей к купленному нами тарантасу.

Здесь же, в провинции менее месяца как вошедшей в состав Империи, уже возникла организованная почтовая служба, не хуже чем на нашем острове.

Больше всего меня потрясло то, что местные дилижансы не качает. Ты знаешь что, когда дилижанс наезжает на ухаб, рессоры гасят резкий толчок, но потом долго успокаиваются и кузов плавно колеблется, как лодка на волне. Здесь такого нет. Тревитик, который без ума от всяких изобретений, связанных с повозками, на первой же остановке полез под карету, чтобы разобраться с тем, как это делается. Удивительно, но возница оказался в состоянии нам это объяснить, благо, благодаря удивительной Элен де Буань, или Нур, как её звали до крещения, мы за время нашего плавания немного научились местным языкам.

Оказалось, что там есть специальное приспособление в виде цилиндра с маслом, специально предназначенное, чтобы гасить колебания.

Другой типичный пример местного подхода, это моя алхимическая лаборатория. Когда я прибыл в Дели, оказалось что мне подготовлен дом, где имеется неплохо оборудованная лаборатория. При этом рабочий стол закрыт опускающейся стеклянной витриной с отверстиями для рук, и над ним установлена мощная воздуходувка, вроде кузнечных мехов, но не нагнетающая воздух, а откачивающая его. Как объяснила мне Дженнифер Форрест, показывавшая мне дом, эта машина предназначена для того, чтобы едкие и ядовитые испарения, неизбежные в ходе опы-

тов, не попадали химику в глаза и лёгкие. Тут вообще есть целая наука по защите экспериментатора в процессе опытов или рабочего на мануфактуре. Называется «техника безопасности».

Эта молодая дама, Дженнифер, представляет собой полнейшую загадку. По статусу она почти никто, наложница молодого сикхского офицера, который, правда пережил небывалый карьерный взлёт и после подавления волнений, происшедших после смерти старого падишаха, стал Великим Визирем.

Это само по себе странно. Здесь легко можно встретить европейца, женатого на местной женщине, хоть знатной, как уже упомянутая Нур, дочь знатного перса, хоть самого низкого происхождения, например танцовщице, но встретить европейскую женщину в гареме местного аристократа...

При этом ведет она себя тут так, как будто не он тут визирь, а она. Она не сидит взаперти во дворце своего возлюбленного, а носится по всей столице, посещая разнообразные приёмы, ведя переговоры с купцами и промышленниками, чуть ли не принимая армейские парады.

Разнообразные нововведения в области торговли и ремесел, это в основном её работа.

Впрочем, надо сказать, это не сильно отличается от поведения Нур, которая как раз никакой загадки не представляет — все в Дели помнят её отца, вельможу при дворе предыдущего падишаха, погибшего при штурме Джайпура.

Дженнифер утверждает, что происходит из североамериканских колоний, или как они себя теперь называют, Штатов. Но в качестве своей родины указывает место к западу от озера Мичиган, которое никогда не контролировалось ни нашими колонистами, ни французами.

Впрочем, я не особенно склонен тратить своё время на разгадывание этих загадок. Вот Джейн Тревитик, жена нашего механика, просто места себе не находит от подобных тайн. А меня куда больше волнуют тайны природы.

Хотя куда более удивительным является то, как эти тайны природы используются в ремесле.

Ну, например, у нас в Британии порох и есть порох. Он и

в артиллерийском орудии, и в ружье, и в бомбе, метаемой из гаубицы. И даже в каменоломнях применяют тот же самый порох. Разве что чуть покрупнее или чуть поменьше помол.

А здесь для разных целей используют совершенно разные вещества. Для орудийных зарядов одно, для снаряжения снарядов другое, для ручных бомб — третье, неспособное пережить толчок при выстреле, для ракет — четвертое.

Описывать подробности, к сожалению не могу. Понятно что это военный секрет.

Существенно менее секретны *заррайя*, огнеметательные машины. Чего тут скрывать, они были известны ещё византийцам и сарацинам в эпоху Крестовых Походов. Некоторые усовершенствования состава огнесмеси, чтобы она прилипала к предметам сделали совершенно неэффективными те меры, которыми успешно спасались в Средние Века — шкуры, политые уксусом, а применение воздушных насосов вроде того, что Жирардони в Австрии использует для своих духовых ружей, а то и ещё с паровым приводом, сделали дальность вполне сравнимой с таковой у пулевого оружия.

Духовые ружья, кстати тут очень любят. Тут вообще с недавних пор любят оружие, позволяющее стрелять часто.

Горючую смесь они зовут *аздахааг*, драконье пламя, и простые солдаты связывают его появление с драконьей сущностью династии. Что по этому поводу думает Беринг, который, судя по всему организовывал здесь производство этой смеси, мне выяснить пока не удалось.

Подозреваю, что вы Уилкинсом не сможете остаться в стороне от научных изысканий, которые несомненно начнутся после того, как до Англии дойдут сведения о разгроме отряда Эрскайна под Бенаресом.

Нет, я не присутствовал при этом сражении. Хотя мы прибыли в Бенарес буквально за два дня до него, и хотели провести там несколько дней для передышки между двумя участками пути, но Беринг, который на пару с тем молодым сикхом, про которого я уже упоминал, руководил обороной, в тот же день нас выпихнул вечерним делейским дилижансом, сказав, что город, который вот-вот начнут штурмовать, не самое подходящее место для отдыха.

Кстати, разыщите в Шотландии дорожного инженера Мак-Адама. Я тут наблюдал как здесь строят дороги. Это получается гораздо дешевле и быстрее, чем применяемая повсеместно в Европе система Тресагэ. И Рихард обмолвился, что этот способ изобретён шотландцем Мак-Адамом.

Возможно, вас удивляет, как это Рихард и Ясмина, отправившиеся из Англии всего на несколько дней раньше меня, успели попасть в Дели намного раньше, подавить мятеж и организовать присоединение Ауда к Империи.

Подкину еще один удивительный факт: Ясмина представлялась во время своего визита в Лондон наследной принцессой. Но теперь-то я знаю, что она совершенно точно знала, что она уже не наследница, а императрица. Но не менее точно знала, что до Англии сведения о смерти её отца никак не могли успеть прийти.

Впрочем способы перемещения представителей династии Аздахак — это тайна, в которую я совершенно не хочу совать свой нос.

Вот на «Черепяху» я нос сунул. Впрочем, ваш приятель Кольбрук тоже. Удивительный тут подход к военным тайнам. Почти ничего не скрывается. Секретны только какие-то маленькие ключевые моменты, вроде состава зажигательной смеси.

Нет, я прекрасно понимаю Беринга, который не хочет секретить свои паровые машины, превосходящие что либо, что видел не то что я, Тревитик, который в Англии считался неплохим специалистом по ним. Его задача — наполнить Индию этими машинами, чтобы они тут были в каждой кузнице, каждой текстильной мастерской. Поэтому несомненно наши соотечественники рано или поздно получат подробные чертежи.

Но дело не в чертежах. Для того, чтобы освоить те машины, которые здесь делаются, нужна принципиально другая металлургия. Здесь умеют плавить сталь и делать из неё отливки с незапамятных времён. Чуть ли не с тех, когда Александр Македонский стучался в ворота городов Синда. А у нас до сих пор льется только чугун, а пудлинговое железо и сталь куются. А значит пушки будут намного тяжелее, чем здесь. И сделать затвор на казенной части, чтобы не

пропихивать ядро и картуз с порохом через весь ствол — не удастся.

Вообще, чем дольше я живу в Дели, тем более мне удивительно, как мы, англичане, сумели захватить большую часть этой великой страны. Ведь индийцы превосходят нас во всём — и в ткачестве, и в металлургии, и в стеклодувном деле. Здесь есть народы, которые превосходят нас в воинской доблести.

Существует только одна вещь, которой англичане и вообще европейцы, превосходят местное население. Это организация управления, что воинского, что государственного. До Ясины ни один из местных владык не пытался этого перенять. Даже Типу-Султан, похоже, не понял, что сила англичан не в кораблях и не в пушках. Поэтому в Дели очень печально смотрят на перспективы Майсура в надвигающейся войне.

На сём мне пора заканчивать это письмо, поскольку пришли пандиты, которым я читаю лекции про европейскую алхимию, перемежая их переводами из той странной книги про «Генеральную Химию». Лекции я читаю на урду. Вообще я бы предпочел на санскрите и пандиты тоже. Это как латынь в Европе. Но Беринг и Дженнифер настаивают, что основным языком науки должен стать хиндустани. Поскольку на нём говорит подавляющая часть населения. А наука в представлении ближнего круга Ясины, это не что-то, что творят затворники в башнях из слоновой кости, для чего санскрит подошёл бы идеально, и даже не то, чем развлекаются в благородных салонах. В них здесь используют фарси. Наука это то, что превращается в действия мастерового в цеху, артиллериста на огневой позиции, моряка на шканцах фрегата. Поэтому урду или хинди.

Глава 50

Королевская лаборатория артиллерийских снарядов

Лондон, 20 марта 1799

Генерал-майор Уильям Конгрев, контролер Королевской Вулвичской лаборатории, завтракал, как обычно рано, собираясь ехать в Арсенал. Когда он за утренним кофе просматривал «Таймс», в столовую неожиданно вышел его старший сын, Билли.

Почему неожиданно? Потому что Билли был горем семьи. Вместо того чтобы пойти служить или хотя бы получить полезное образование — юридическое или, там, инженерное, он защитил диссертацию магистра искусств и занялся политической журналистикой. Хорошо хоть поддерживал тори и полемизировал с Коббеттом, а не наоборот.

Журналистская любовь к сенсациям сводила Билли со всякими сомнительными людьми вроде этого сумасшедшего, объявившего себя Царем Иудейским, Бразерса.

Естественно, с таким родом занятий юноша (да какой он юноша, двадцать восемь ему уже стукнуло) вел совершен-

но рассеянный образ жизни, и вставал из кровати тогда, когда отец уже давно на службе.

— Что-то ты сегодня спозаранку, Билли, — приветствовал отец сына.

— Да, папа, ты уже прочитал про разгром отряда Эрскайна под Бенаресом?

— А почему это, по твоему, должно меня заинтересовать?

— Ну как же. Это же как раз тот случай, когда победа над превосходящими силами была одержана благодаря техническому превосходству в артиллерии. Не первый, кстати, случай. В Майсуре восемь лет назад индийцы сожгли склады боеприпасов, расстреляв лагерь англичан ракетами. А тут вот вообще — победить при трехкратном превосходстве.

— Всего трехкратном? Неплохо для туземцев. Хайдару Али было обычно пятикратное нужно для уверенной победы.

— Папа, ты не понял. Драгуны Ясмینی Аздахак при поддержке трех полевых батарей и одной двухпушечной канонерки разбили втрое превосходящий их английский корпус.

— Откуда у тебя такие сведения? В «Таймсе» этих подробностей не написано.

— Ну, папа, интерес ко всяким странным личностям иногда приводит к интересным знакомствам. Вокруг Бразерса в своё время вращались люди из Ост-Индской Компании, скажем Халхэд, который три года назад ушел из Палаты Общин после скандала с этим самым Бразерсом. Им друзья, оставшиеся в Индии пишут подробные письма.

Читаешь как индийские матросы заглаживали акульей шкуркой царапину от 12-фунтового ядра на железном борту своего речного кораблика и ужасаешься. Ведь под Стаффордом Уилкинсон уже дюжину лет строит баржи из железа. А значит скоро железным кораблем и в Европе никого не удивишь.

То что толковый европейский инженер на службе Ясмینی, сумел соединить изобретения англичанина Уилкинсона, англичанина Шрапнеля и работающего на Королевский Флот Фултона неудивительно. А вот то, что мы, англи-

чане, имея всех этих людей, под рукой воюем по старинке, картечью и деревянными кораблям — куда удивительнее.

— Погоди, погоди, — остановил патетическую речь сына генерал. — Кто такой Уилкинсон я знаю. Кто ж в артиллерии не знает его машины для сверления пушек. Кто такой Фултон я тоже слышал. А вот кто-такой Шрапнель?

— А вот он как раз по твоему ведомству. Он то ли лейтенант, то ли уже капитан артиллерии. Десять лет назад он продемонстрировал в Гибралтаре снаряд, который поражает пехоту как картечь, но на расстоянии в две-три тысячи футов. И именно такими снарядами под Бенаресом расстреляли каре Эрскайна. А в Англии это изобретение так и не приняли пока на вооружение. Пап, ты можешь по своим каналам выяснить, жив ли этот лейтенант, и если да, то где служит. По-моему, его место у тебя, в Вулвике.

— Ты полагаешь, что мне следует пригреть всяких проектёров-изобретателей?

— Ну да. Если их не пригреешь ты или Джарвис, их переманит к себе Рихард Беринг и они будут работать на Ясмину.

— Ты в этом так уверен?

— Да, папа, я знаком и с Ясминой и с Берингом, который построил ей этот железный корабль. Он русский немец или курляндец или что-то вроде этого. Это просто какой-то новый граф Калиостро. Он читает мысли, предсказывает будущее. Он буквально двумя фразами купил с потрохами Питера Вульфа. Вульф, конечно, чудак, и любитель путешествовать, но чтобы человек в 70 лет, видевший в своё время немало чудачков и шарлатанов, сорвался и поехал в Индию...

Но Беринг точно вычислил за что Вульф готов продать душу, и пообещал ему именно это. И, судя по тому, что Вульф пишет из Дели, он обещание это выполнил.

Потом Бэнкс рассказывал как-то, что Тревитик, один из конкурентов Боултона и Уатта, тоже поступил на службу Ясмине. А потом я выяснил что после визита Ясмине в Дублин, куда она, похоже отправилась чтобы задать единственный вопрос Чарльзу Корнуоллису, и задала его, при всех на площади, после чего старый лис покраснел как юноша, из Ирландии исчезли несколько наиболее умных

смутьянов.

Если мы сейчас начнем собирать изобретателей-чудаков, боюсь нам придется подбирать остатки за Берингом.

— Он на тебя произвел такое сильное впечатление?

— Да. Он предсказал мне, что если я брошу журналистику и займусь изобретательством, то это тебя будут представлять как моего отца, а не меня — как твоего сына.

— Дело говорил, — улыбнулся генерал. — Знаешь что, у нас в Вулвиче уже двадцать лет как стоит без дела лаборатория покойного Тома Десагульера. Если тебе действительно хочется заняться усовершенствованием артиллерийских снарядов, могу тебе дать от неё ключи. Финансирование выделить — это не так просто, но некоторое количество пороха я найти смогу, и договорюсь чтобы в литейке и мастерских выполняли твои заказы.

— Папа! Я о таком и мечтать не мог! — воскликнул молодой человек. — Я готов с тобой поехать в Вулвич прямо сейчас.

Глава 51

Письмо с фронта

23 апреля 1799, Дели

Дженнифер разорвала конверт, просмотрела на аккуратно расписанные по сетке группы по пять букв девангари, и взялась за ручной сканнер, подключенный к ноутбуку. Не расшифровывать же вручную.

Ну вот зачем этот обормот Рихард приучил Ранджита и Ясмину шифровать личную переписку? Печати на пакете не тронуты и ладно. Все здесь и сейчас доверяют курьерам. А этот наверняка, помимо личных писем высших военачальников вез кучу приказов и донесений.

Она не успела додумать эту мысль до конца, как криптографическая программа выдала результат расшифровки.

Ранджит педантично поставил дату, и можно было увидеть что письмо написано всего 4 дня назад.

Сарангпур, 31 фаравардина 1177 г

Любимая Дженни,

Наконец удалось выкроить полчаса, чтобы написать тебе письмо. Предыдущие девять дней были совершенно сумасшедшим маршем, но в итоге мы заняли очень выгодную позицию на высоком берегу реки Калисиндх. Сейчас мои ребята оккупаются, а я наконец могу отвлечься от постоянного подгоняния артиллерии, обозов, полевых кухонь, и написать письмо.

Это историческое место, здесь уже когда-то Акбар Великий сражался с индуистскими правителями и победил. Это было одной из причин, почему Ясмينا выбрала именно это место для битвы, хотя и я, и Дост Хуссейн считали что не следует так утомлять войска на марше и в Биаоре позиция ничем не хуже.

Впрочем, тут есть ещё и соображения стратегии. Здесь, почти на равном расстоянии от Удджайна и Индура, Яшвант Холкар может успеть вовремя ударить в тыл Схиндия. окопайся мы в Биаоре, ему бы пришлось для этого выкладываться на марше сильнее, чем мы сейчас.

Ваша с Рихардом тактика, как ни странно работает. Мы уже прошли четыре пятых пути от Гвалиора до Удджайна, но до сих пор не встретили противника. Впрочем, Ясмينا на последнем совете утверждала, что Схиндия еще 29 вышел из Удджайна и заночевал сегодня где-то сегодня в районе Шаджапура.

Хорошо иметь в армии дракона, который может слетать вперед и посмотреть, что там творится. Но, удивляюсь, как она выдерживает такую нагрузку. Большую часть времени она едет верхом вместе с нами, проезжая по 30-40 миль в день, а пока мы отдыхаем на привалах, пролетает ещё на дневной переход вперед.

Вот и сейчас она прилетела с разведки, доложила на военном совете и спит у костра ничком, вытянувшись на плаще, как простой солдат-новобранец. На совете мы с ней опять поругались. Она в очередной раз поставила меня на место, доказав что в этом походе я не более чем командир одной из дивизий, на равных правах с Достом Хуссейном, а командует всей армией — она. Она даже вспомнила Раззию, которая потеряла трон из-за того что доверила командовать своими войсками Ихтияр-уд-дину Альтунии.

Мол, ты пока что не стратег, а тактик, твой пото-

лок — Бенарес, операция бригадного масштаба, а здесь у нас две дивизии, поэтому предоставь командовать тем, кто опытнее. Хотя у самой за плечами только Джайпур. Ну ещё несколько больше прочитанных книг из вашего мира.

Нет, стратегию я вполне готов доверить ей, в её полководческом таланте я уверен, но есть ещё и политика. Завтра-послезавтра мы соединимся с индурской армией. И что получится? Я — командир одной из дивизий в армии Севера, Яшвант Холкар — командир армии Юга. В то время как Рихард не раз говорил мне, что Холкар должен быть у меня в подчинении, а не наоборот, потому что он не изучал восемь месяцев новую тактику и то, что Рихард называет «оперативным искусством». Как я буду выстраивать отношения с Холкаром, и, главное, как она собирается выстраивать отношения с ним? Впрочем, за последние две недели она как минимум дважды летала к нему в гости. Понятно, что другого способа столь же быстро доставить депешу в Индур через враждебную территорию гвалиорского раджества у нас нет, но у меня все равно на сердце неспокойно.

Заканчиваю писать, надо выспаться перед завтрашним днём, который весь будет наполнен суматохой подготовки к битве. Целую,

твой Ранджит Сингх

Глава 52

Испытание

23 апреля 1799, Дели

Не прошло и двух недель, с того момента как армия выступила из Агры на Гвалиор, как Тревитик заявил мне, что готов продемонстрировать паровой экипаж. Я немедленно поехал к нему в мастерские.

Он провел меня в огромный сарай, точнее ангар, где стояло на кованых железных колёсах в человеческий рост, украшенных внушительными грунтозацепами, сооружение длиной с автобус нашего мира.

В передней части на открытой площадке было смонтировано сиденье водителя, за ним немножко сзади располагался вертикальный котёл сентиниэловского образца, установленный так, что можно было подбрасывать уголь с места водителя, хотя отдельному кочегару это было удобнее.

Паровая машина была смонтирована под рамой, ближе к задней оси и защищена от возможных неприятностей внушительным стальным листом. На раме после котла не было ничего. Ровная грузовая площадка.

Я уселся на водительское место, Ричард занял место кочегара. На манометре было целых 15 атмосфер, можно ехать. Я нажал педаль газа. Тьфу здесь это, конечно, педаль пара, а не газа, и это сооружение плавно тронулось с места.

Машина выкатилась из ангара, я с некоторым трудом

повернул её и описал круг по двору. Переключился на задний ход, сдал назад, выключил передачу и вылез из-за руля. Грузовики я никогда не водил, поэтому после маневрирования машиной непривычных габаритов, был весь в поту.

Тут послышался топот копыт, и во двор въехала Дженнифер:

— О, мальчики, вы steam truck построили? Дайте показать.

Я смерил её взглядом:

— Учти, гидроусилителя руля нет, синхронизаторов в коробке передач тоже нет, и вообще передачи лучше переключать, остановившись.

Тревитик с сомнением посмотрел на девушку:

— А вы справитесь с этой сложной техникой, мэм?

— Ерунда, я из висконсинской сельской глубинки. У нас там фермерские дети учились водить трактор раньше, чем ездить на велосипеде.

— Ты хочешь сказать что это трактор? — обиделся за наше с Ричардом детище я.

— Ну не будешь же ты утверждать, что это автомобиль! — возразила она.

Дженнифер решительно влезла на водительское место, повертелась там, привыкая у немножко неудобной для ее роста дистанции до педалей, потом взялась за рычаг переключения передач.

Вела она эту машину, как сказано в одном из рассказов Киплинга, играючи. Я даже немного позавидовал, особенно посмотрев как она паркуется задним ходом рядом со стенкой ангара.

Девушка спустилась на землю.

— Не ожидал, что у тебя так ловко получится, — похвалил её я.

— Ты не представляешь, на чём приходилось ездить во время полевых работ в Латинской Америке. Там было такое, по сравнению с чем ваше изделие «Кадиллаком» покажется, — вернула она комплимент.

— Теперь я! — решительно заявил главный конструктор.

— А вот вас, Ричард, придётся учить. И довольно долго.

— Как это так. Я инженер, я эту машину создал, и она получилась настолько простой в управлении что даже жен-

щина справляется.

— Дженнифер проехала за рулем различных механических транспортных средств куда большее расстояние, чем я. А у меня стаж около лакха километров.

— А может быть загрузим побольше угля, и рванем в Гвалиор? — прервала нас американка.

— Ага, вот сейчас только двадцатичетырехфунтовку в кузов закатим и ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству, — съехидничал я.

— Это как, по разгильдяйству? — переспросила девушка.

— Это цитата из великой русской литературы. Впрочем, тут, пожалуй, стоит вспомнить другую цитату, из произведения, автор которого родится буквально через десять лет. «Вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» - «Доедет», - отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» - «В Казань не доедет». Вот с этой машиной примерно то же. Две сотни километров до Агры и ещё сотня до Гвалиора. Казалось бы, ерунда. У вас в Америке по утрам на работу на такие расстояния ездят.

Но ты учти, что это вообще первое транспортное средство с механическим двигателем в этом мире. Не считать же телегу Кюньо. Ну, допустим, машину мы поставили отработанную, у нас таких на заводах уже пара десятков, и да на «Черепахах» уже две. Можно быть уверенным, что десяток часов она проработает. Но трансмиссия, рулевая система, подвеска — всё это новое и неиспытанное. Если в ближайшие пятьдесят километров что-нибудь не сломается, я удивлюсь.

— А двадцатичетырехфунтовка зачем? — поинтересовался Тревитик.

— А зачем мы в Гвалиоре нужны без осадной артиллерии? Нашей армии там нет, она уже в Сарангпуре. Там только заслон, не дающий гарнизону вылезти из крепости и пошалить у нас на тыловых коммуникациях. Значит там единственное дело — штурмовать крепость. Не бампером же ворота вышибать.

— Я бы лучше погрузила всякое медицинское барахло, которое ваш господин Архимед тут начал производить, по-

садила бы Ситору и поехала в этот самый Сарангпур. Наверняка там после боя хороший врач будет не лишним.

— Ну, восемьсот километров до Сарангпура мы точно без поломок не пройдем. Потом это по здешним дорогам не меньше суток хода. Сколько у нас сменных водителей? Васильич в Лахоре, остаемся я да ты. Ситора машину не водит, между прочим. В общем давай эту машинку мы будем пока укатывать на полигоне. Наверняка возникнут вопросы и с управляемостью, и с проходимостью. Можешь поучаствовать, если хочешь.

Глава 53

Шевалье Дурденек

1 мая 1799, Нагпур

Первого мая 1799 года одинокий всадник в запылённом мундире въехал в ворота Нагпура. Город ему был неплохо знаком, и он решительно направился к трактиру, облюбованному наёмниками-европейцами, служившими в армии магараджи Рагходжи II.

Когда он вошёл в трактир, сидевшие там офицеры его узнали.

— О, Шевалье! — воскликнул кто-то. — Не ожидал тебя тут увидеть. Думал ты сейчас с моголами воюешь.

— Дурденек, расскажите что там творится? А то сведения поступают так нерегулярно. Вы ведь приехали просить у нашего раджи помощи для Схиндия?

Шевалье де Дурденек, бывший полковник в армии Гвалиора, сел за столик и щелкнул пальцами, подзывая подавальщика. Когда ему подали кружку пива, он вздохнул и сказал:

— Кончилась уже война. Нет больше Схиндия.

— Как?! — дружно повернулись к нему офицеры, причем не только европейцы но и несколько маратхов и афганских наёмников, непонятно как оказавшихся в трактире. — Ведь Форт Гвалиор неприступен.

— А вот так. Неправильно они как-то воюют. Гвалиор, кстати, не неприступен. Двадцать лет назад майор Попхэм его взял. Притащил каких-то гималайских горцев, которые

ночью вползли по скалам. Думаю, что у Ранджита Сингха нашлись бы скалолазы не хуже. Но он просто не стал его брать, как тигр не жрёт падаль. Понюхал, брезгливо отвернулся и пошёл искать другую добычу. Мы не успели выступить из Удджайна, а имперцы уже оккупировали полстраны, и только Форт Гвалиор торчал среди их территории как заноза.

А потом мы наткнулись на них в Сарангпуре. Вы представляете — мы, идя по своей стране, меньше чем в сотне миль от столицы и в трёхстах милях от Агры натываемся на хорошо оборудованную систему полевых укреплений, занятую вражеской армией.

— Представляю, — сказал пожилой капитан. — паразитическое разгильдяйство. У маратхских раджей это бывает. Но чтобы такое случилось в армии, которую готовили Хессинг и Перрон?

— Если бы только готовили, — Дурденек отставил опустевшую кружку. — Перрон ей и командовал. Джон Хессинг остался комендантствовать в Удджайне с тремя батальонами, а все остальные включая, Хессинга младшего были здесь.

Но я же говорю, они воюют неправильно. Мы выдвигаемся из Удджайна узнав о том, что они пересекли границу под Гохадом и осадили Гвалиор. Очевидно что до Шивпури, ну в крайнем случае до Гуны можно идти походным маршем, не высылая вперед разведку, на каждый чих. А тут мы в Сарангпуре натываемся на противника. Причем не кавалерийские разъезды, а окопавшуюся пехоту с артиллерией. И какой артиллерией! Вы знаете, там дорога от Удджайна почти три мили идет вдоль берега Калисиндха. Так вот, у них по всему правому берегу были оборудованы позиции и вся наша колонна попала под огонь одновременно.

Ну и эти их новомодные снаряды. Эти эстеты называют их именами драгоценных камней. То у них гранаты, то шпинели. Но и то и другое куда более убийственно, чем старые добрые ядра и даже бомбы. Я сначала подумал что они ухитрились магическим образом принести сюда минимум тридцатисестьфунтовые осадные гаубицы. Оказывается, граната из полевой 12-фунтовки даёт такой же

эффект как 36-фунтовая бомба.

Потом это варварское оружие, *заррая*, метающее огонь на несколько сот футов. Если и правда у сарацин в Палестине было что-то подобное, то понятно почему они сбросили крестonosцев в море. Ни одна кавалерия не способна идти в атаку на струи жидкого огня. В общем, мы влетели в это в конце вечернего перехода. Двадцатитысячную армию поймали в засаду. Всю целиком. Засада была в милю протяженностью.

В течение двух часов всё было кончено. Никаких следов организованного сопротивления, только разрозненные кучки людей пытающиеся куда-то отступить. А тут с тыла подошла кавалерия Холкара, и могла рубить нас белым оружием сколько угодно. Сбить каре и оцетиниться штыками было уже некому.

Раджа Даулат Рао погиб, Перрон погиб, Хессинг-младший сдался, Буркен сдался, я тоже сдался.

На следующий день, когда похоронили все трупы было объявлено что Удджайн и Гуна присоединяются к Малавской субе Империи, а Форт Гвалиор — к Агрской. Все желающие служить под знаменем Моголов должны пойти и записаться. Ну мы пошли, не сидеть же в плену. А там целый экзамен. Сидит молодой Холкар, сидит юноша-сикх, как оказалось, тот самый Ранджит Сингх, сидит де Пиль, ну вы знаете де Пиля. Заслуженнейший Буркен у них еле еле на капитана натянул. Хессинг-младший, правда, тоже. Я посмотрел на это и сказал, ну его.

Мне выплатили жалованье, полагавшееся мне в армии Схиндии вплоть до дня битвы и отправили восвояси. Я купил в Сарангпуре лошадь и поехал через Бхопал сюда.

Глава 54

Ян Хессинг в Дели

12 мая 1799, Дели

Менять сюзерена, когда тебе уже шестьдесят лет и здоровье подводит — не самое приятное занятие. Но у голландца Яна Хессинга, которого все окружающие, и европейцы, и индийцы, звали на английский манер Джоном, не было другого выхода.

Династии Схиндия больше не существовало. Основные силы Даулата Схиндии были разбиты, сам он погиб в бою, а королевство его было присоединено к Империи, вассалом которой довольно неожиданно оказался и беспокойный сосед Яшвант Холкар.

Хессинг надеялся в ближайшее время получить какую-нибудь непыльную должность коменданта небольшой крепости. Не шумного столичного Удджайна, а чего-нибудь типа Гвалиора, где и просидеть оставшиеся ему 2-3 года. Насчет своего состояния здоровья он не обманывался.

А тут — сначала позорное поражение от мальчишки Холкара, который младше его сына Джорджа, а потом необходимость подтверждать своё звание на экзамене тоже перед какой-то зелёной молодёжью. Ну там, конечно, был Ранджит Сингх, который несмотря на молодость успел отличиться, разгромив трехтысячный английский корпус в открытом бою втрое меньшими силами. И был де Пиль, который вполне достойный офицер, хотя и молод.

Так думал Хессинг трясясь в почтовом дилижансе Ин-

дур-Дели, пущенным сразу после того, как армия Схиндия была разгромлена и Гвалиорское царство официально присоединено к Империи.

Забавная всё-таки политика у этой девочки. Никаких внутренних таможен, почтовая служба и пассажирские перевозки налаживаются сразу после присоединения новых земель, цены на хлеб падают.

Дилижанс въехал в ворота в городской стене и почти сразу же остановился у караван-сарая. Когда Хессинг в предыдущий раз был в Дели с посольством от Схиндия (ох, славно они тогда посидели с де Буанем), этого караван-сарая ещё не было.

Хессинг и его жена, Алиса, выбрались из кареты, и прежде чем Алиса успела начать распоряжаться, у неё был план снять комнату в караван-сараяе на время, пока будет подыскиваться постоянное жильё, к ним подошёл молодой офицер в чине мансебдара:

— Хенсинг-сердар, — мне поручено проводить вас в расположение джатского полка. Там найдется приличная комната для вас и мэм-сахиб, на время пока вы подыщите нормальное жильё.

«Интересно, откуда они узнали что я прибываю этим дилижансом?» — подумал старый наёмник. Он не знал, что к началу войны с Гвалиором первая в Империи телеграфная линия уже связала Дели с Агрой. И обо всех кто проезжал из Удджайна через Агру в Дели, сообщали по телеграфу.

Буквально на следующий день Хессинг был удостоен аудиенции у императрицы. Без излишней помпы, в сопровождении лишь десятка всадников-сикхов, вооруженных какими-то необычными ружьями, она прискакала в джатские казармы проконтролировать, как разворачивается военная академия, место преподавателя в которой Хессингу уже было предложено. Он оценил это как то, что его, большого старика не хотят видеть в качестве строевого офицера. Но оказывается, сама императрица, у которой, в отличие от того же Даулата Схиндия не было ни каких причин питать теплые чувства к нему, очень внимательно следит за этой историей, и лично порекомендовала посетить её лейб-медика.

На следующий день, с трудом взгромоздившись на ло-

шадь, Хессинг направился в императорский дворец, где, естественно, и обитал этот загадочный медик. Медиком оказалась молодая девушка вполне персидского облика, представившаяся как Ситора. Она приняла полковника, одетая в белый полотняный халат и такую же шапочку. Впрочем приятный внешний вид медика и двух ассистентов, одетых в такую же одежду, совершенно не сгладил неприятных ощущений от осмотра. Его давили, прощупывали, прослушивали с помощью какой-то холодной железной хреновины, от которой шли гибкие трубки к ушам Ситоры, заглядывали в горло. Чуть наизнанку не вывернули. Можно подумать, из этого будет какой-то результат. Как будто Хессинг сам не знает, что застарелая малярия неизлечима.

Как он и полагал, ему были назначены отвары каких-то трав, совершенно безобразные на вкус, и диету, составленную по принципу «ничего доставляющего удовольствие не есть»,

Его впечатление от Ситоры было: «Девочка красивая и старательная, и, наверное, не зря такой пост заняла. Не держать же при женщине-императрице мужика лейб-медика. Но, похоже, Ясмина переоценивает её способности именно как врача».

Пока Хессинг, вернувшись домой рассказывал всё это Алисе и Джорджу, который после перехода в армию Империи тоже оказался в Дели, на каких-то офицерских курсах переподготовки, сохранив заслуженное звание капитана, Ситора потребовала внеочередной аудиенции у Ясмینی. Вернее, просто явилась в тронный зал, никого не спросив и тихо подождала у стеночки, пока Ясмина отпустит очередного визитера.

Раньше такое поведение для неё было не слишком характерно и Ясмина с Дженифер долго бились, пытались отучить девушку замыкаться в своей скорлупе и научить проявлять инициативу.

— Ясмина, — спросила Ситора, когда императрица освободилась, — тебе очень нужен этот голландский полковник?

— Ну нужен. Хорошие офицеры-европейцы всегда нужны. А этот еще, несмотря на солидный возраст и опыт не

потерял способности учиться новому. А что?

— У него хроническая малярия с осложнениями на печень. Он протянет года два-три в лучшем случае, а с местными медикаментами я только смогу немножко облегчить его страдания. Если же притащить лекарств по этому списку из нашего мира, его можно будет поставить на ноги и он ещё лет десять будет вполне способен к военной службе.

Ясмина задумалась. С одной стороны не настолько тот Хессинг и нужен, чтобы ради него предпринимать такие экстраординарные действия. С другой стороны, даже несмотря на участие в войне, она чувствовала что засиделась на троне. В конце концов, если не считать воздушных разведок, она вела себя в походе как монарх, возглавляющий свою армию, то есть из роли императрицы не выходила.

А хотелось чего-нибудь такого, где-то попутешествовать, надеясь только на свои собственные способности, без армии за спиной. Сходить в другой мир за лекарствами для Хессинга — вполне себе повод.

— Пиши список. — наконец скомандовала она.

Ситора моментально вытащила откуда-то лист бумаги, исписанный по-латыни плохо-разборчивым почерком.

Вечером Ясмина, я и Дженнифер сидели втроём в комнате американки и обсуждали эту авантюру.

— К нам в Америку идти смысла нет, — сказала Дженни. — У нас на две трети препаратов из этого списка рецепт нужен.

— У нас в России — тоже. Да к тому же у нас вечный дефицит хороших лекарств. Пожалуй, стоит сходить в Индию нашего мира. Там довольно развитая фармацевтика. Интересно, в таджикских медвузах учат тому, каким индийским фармацевтическим фирмам стоит доверять?

Я повернулся к ноутбуку Дженнифер, стоявшему на столе и послал сообщение Ситоре через дворцовую локальную сеть. Вот так и живем — телефонного сообщения нормального до сих пор нет, а во дворце — компьютерная сеть.

Глава 55

Поход в XXI век

15 мая 2004 года, Дели

По улице Чанди-Човк шли две девушки. Одна — типичная американка, в джинсах и футболке с какой-то экологической символикой, вторая — похоже, мусульманка из хорошей семьи, одетая в традиционную одежду, какую в XXI веке в Индии мало кто носит просто так.

Они только что вышли из лавки древностей, где безуспешно пытались сбыть сначала кучку бижутерии, стилизованной под эпоху раннего английского завоевания Индии, но явно новодельной, потом несколько серебрянных монет эпохи Аурангзеба и Шаха-Джахана, на первый взгляд подлинных.

Столкнувшись с явно настороженным отношением владельца лавки к этой продукции, Ясмينا даже не стала доставать из-за пазухи мешочек с драгоценными камнями.

Хозяин лавки отправил своего помощника-мальчишку по имени Ашур, чтобы проследить за подозрительными дамами.

Они беседовали между собой на довольно старомодном урду.

— Вот что меня удивляет, — сказала Ясмينا. — Я владычица не самой бедной страны. У меня есть золото, драгоценные камни, ювелирные изделия, всё что угодно. Но почему-то в вашем мире, что у Рихарда в Москве, что в Глазго, что здесь, я могу расплачиваться только деньгами, на-

грабленными у торговцев опиумом. Если я попытаюсь реализовать любые ценности, полученные честным путем, это вызовет подозрения.

— Ну да, — вздохнула Дженнифер, — чтобы продать что-нибудь ценное, для чего у тебя нету бумажки о законности владения, нужно связываться с тем же криминалом. И ведь все эти законы об отмывании денег принимались якобы для борьбы с преступностью.

— Забавно, — улыбнулась Ясмينا. — Воюют с преступностью, а побеждают честных труженников. А преступники, наоборот, получают дополнительную область деятельности.

— Вернее, область деятельности, которая могла бы быть честным трудом вытесняется в сферу преступности. Это урок, который тебе, как правительнице надо усвоить. Любая проблема имеет простое, очевидное, но неправильное решение. Решение бороться с преступниками путём жесткого контроля за всеми торговыми сделками — как раз такое.

Потом Ясмينا обратила внимание своей спутницы на флаг Индийской Республики, развевавшийся над Красным Фортом.

— Смотри, — показала она своей спутнице. — они тупо приклеили к бело-зеленому имперскому знамени оранжевый стяг маратхов. Интересно, а где хайдарабадский желтый? Где майсурские красный и бордовый? Такое впечатление что этот флаг создавался тогда, когда территория государства над которым его подняли была вроде той, которую я сейчас контролирую.

— Никогда не обращала внимания, — ответила та. — Надо вообще, Эммету рассказать. Пусть порадуетса что флаг независимой Индии отличается от флага его любимой Ирландии только направлением полос.

Тут они нырнули в двери небольшой аптеки, и Ашур лишился возможности продолжать слушать их чрезвычайно занимательную беседу.

Он повернулся к лотку торговца пирожками и начал торговаться, чтобы его не заподозрили в том, что он за кем-то следит. Торговец, конечно, всё поймет сразу, но он-то свой человек.

Девушки вышли из аптеки с большой холщовой сумкой в руках.

«Чего ж они там накупили», — удивился Ашур.

Они пошли дальше, и вдруг американка обратила внимание своей спутницы на яркие картонные коробки в витрине игрушечной лавки. Мальчишка пригляделся. Это были игрушки для богатых детей, которых родители хотят выучить на инженеров и мучают всякой физикой и химией.

— Вот этот набор, — сказала Дженнифер, — стоило бы подарить тем ребятам, которых Рихард посадил разрабатывать беспроводный телеграф. Там есть куча деталей, которые просто так, со слов Рихарда и Васильича не воспроизвести, а по образцу, глядишь, получится. Да и просто поиграть в эту игрушку им было бы полезно.

Они зашли и в эту лавку, и вскоре вынырнули, упихивая в свою сумку красивую коробку. В этот раз Ашур пялился на то, как они совершали покупки, совершенно не скрываясь. Кто удивится, что бедно одетый мальчишка облизывается на витрину дорогой лавки игрушек. Разве что те, кто хорошо знает Ашура.

Пройдя еще квартал они нырнули в небольшой пустынный переулок. Вот уж чего не стоило бы делать американке, даже в сопровождении местной подружки. Впрочем, как успел заметить Ашур, мусульманка Ясмينا чувствовала себя здесь как бы не более чужой, чем американка Дженнифер.

Ашур осторожно заглянул за угол, и увидел, что американка осталась одна и складывает в сумку одежду Ясмины. На усевшуюся у ног девушки кошку он не обратил внимание. Мало ли в Дели бродячих кошек. Наконец, девушка застегнула сумку и в тот же момент в переулке появился огромный серебряный дракон. Девушка вскочила ему на шею, монстр встал на задние лапы, оказавшись выше крыш невысоких домишек, взмахнул огромными кожистыми крыльями, поднялся выше крыш и исчез.

«Ну вот, — подумал мальчишка. — Как я теперь расскажу хозяину, куда делись странные посетители? Он же спросит, с бетеля меня так тарасит или я чего покрепче обкурился.»

Тяжело вздохнув, Ашур запустил в рот очередную пор-

цию бетеля и поплелся обратно в сторону лавки.

Глава 56

Майсурский флот

22 мая 1799 года, бухта Карачи

Камаль-уд-Дин, мир бихар¹ Майсура, вернее надо уже говорить, бывший мир бихар, разглядывал со шканцев своего флагмана «Мохаммед Бакш»² низкие берега дельты Инда, тянущиеся по правому борту. Эскадра с трудом держала строй и медленно продвигалась вперед, пользуясь утренним бризом. Муссон досюда ещё не дошёл.

Может быть стоило остаться и разделить судьбу Майсура? Не слушать этого медоточивого агента делийской императрицы? Впрочем, прими он тогда такое решение, вряд ли он дожил бы до сегодняшнего дня.

Кемаль-уд-Дин поёжился, вспоминая как наблюдал с отошедшего всего на несколько миль корабля, жестокий обстрел Малабара ракетами. Англичане боялись майсурского флота, и сделали всё, чтобы его уничтожить, не дав ему выйти в море. И если бы не настойчивость императорского агента, им был это удалось, и сгорели бы его корабли у причалов. А сейчас все 40 кораблей в море, и у ОИК сравнимой морской силы под рукой нет.

Что больше всего злило Кемалья, так это то, что его верфи и склады были сожжены майсурскими ракетами. В своё время Типу Султан продал большие партии ракет Ба-

¹Мир бихар — морской министр.

²*Мохаммед Баки* - Дар Мохаммеда. Майсурские корабли часто имели название «Дар кого-нибудь».

джи Рао, Даулату Схиндия и Рагходжи Бхонсле, надеясь на то, что маратхские раджи окажут сопротивление войскам Компании. А те замирились с англичанам и перепродали оружие им. И изделия майсурских ремесленников падали на майсурские же города.

Конечно, положив руку на сердце, стоит признать, что его моряки существенно уступают английским, пусть даже таким же малабарцам и тамилам, служащим на кораблях Компании под общим названием «ласкары». Он бы, пожалуй, не рискнул выходить против компанейских судов меньше чем при трёхкратном превосходстве по весу залпа.

Что принесет служба делийскому трону? Очевидно, что для Дели устье Инда, единственный его выход к морю — жуткие задворки и захолустье. Если бы Ясмина контролировала Сурат или хотя бы Бхаруч...

Но вот спереди на горизонте плоский берег вздыбился невысокими холмами, а на правом крамболе открылся широкий вход в бухту. Вот она, бухта Карачи, богом забытый угол Синда, но одна из лучших гаваней в Аравийском море. На одном мысу торчит старый земляной форт, над которым возвышается сигнальная мачта. На другом... Кемаль-уд-Дин взялся за подзорную трубу. Холмик, покрытый высохшей травой... Ага, холмик такой. Земляные бастионы, тщательно замаскированные батареи. Выковыривать оттуда обороняющихся всей эскадре пришлось бы не один день.

Командующий приказал эскадре лечь в дрейф и поднял на своем корабле флаг «Нуждаюсь в лоцмане». От берега отвалило маленькое юркое суденышко и шевеля веслами как таракан ножками, побежало по почти гладкой воде к флагману.

Через некоторое время эскадра осторожно вползла в бухту. На берегу, чуть в стороне от рыбацкой деревушки громоздились свежестроенные пакгаузы, как муравьи копошились люди. Видно, что сюда брошены довольно большие силы. Очевидно, что обещание снабжать флот всем необходимым Дели сдержит.

Через два дня, когда Камаль-уд-Дин уже привык видеть из окна своей каюты берега этой бухты, но ещё не задумывался о том, как бы завести себе здесь сухопутное жили-

ще, ему вдруг с утра доложили что прибыл представитель падишах-ханум и предлагает встретиться. Вот так, не требует, не просит, а предлагает.

* * *

В бухте Карачи не было даже приличной чайханы, чего-то вроде портсмутского ресторана «Подзорная Труба», поэтому Камаль-уд-Дин пригласил нас с Гамалем в адмиральский салон флагмана.

Его очень интересовало, как это так получилось, что всего через два дня после появления флота в бухте тут как с неба свалился представитель Дели. Пришлось как-то замять вопрос. Не объяснять же что в самом деле с неба, что Гамаль — брат Ясины и тоже дракон.

Хотя и располагая обещанием дракона помочь, оказать здесь так быстро было не так уж тривиально. Пришлось заранее отправить в Татту одну из четырех драгоценных раций вместе с обученным брахманом-телеграфистом.

И отправить недавно созданному лоцманскому посту в устье Инда строгий приказ следить за морем. Так что флот был замечен примерно за сутки до появления в бухте Карачи. Полсуток гонец добирался до Татты, меняя лошадей, потом несколько часов пришлось ждать сеанса связи и, наконец, часов за восемь до прибытия флота в Карачи, мы в Дели узнали об этом событии.

По прямой от Дели до Карачи больше тысячи километров, и Гамаль, хотя он и посильнее физически Ясины, преодолеть это расстояние с пассажиром без отдыха не мог. Пришлось устраивать привал в Джайсалмере. А это, между прочим, не ясинины владения. Поэтому мы там себя выдавали за проезжающих наёмников, благо Гамаль в человеческом облике вполне похож на мусульманского аристократа, а я европеец как европеец.

Ночевка в джайсалмерском караван-сараяе нам обоим не понравилась, и мы договорились, что обратно полетим до Лахора вдоль Инда, не спеша, с остановками. Тем более что осмотреть будущий торговый путь всё равно не помещает. Но это в будущем. А пока мы сидели в адмиральском салоне линейного корабля «Мохаммед Бакш» и пытались выяснять настроения Камаль-уд-Дина.

Я не имел ничего против того, чтобы предоставить ему

должность мир бихара и в Империи Моголов. В конце концов другого сравнимого по опыту организатора флота у меня нет.

Но мне был нужен флот, который способен схватиться с Royal Navy при численном превосходстве последнего. Потому как англичане говорят «у короля — много». Кораблей, моряков, баз, верфей. Всего много. Пусть через полимира отсюда, пусть связанных блокадами портов Франции, но много. А у нас с Ясминой мало. А как показывает опыт, индийские военачальники способны воевать против англичан только при серьёзном численном превосходстве.

Впрочем, Камаль не флотоводец, он скорее строитель флота. Тут я ему кое-чем помочь могу. У него будут пушки лучше, чем у англичан, паруса лучше, чем у англичан, паровые машины, какие Фултону и не снились. Но ко всему этому нужны люди. Люди которые умеют брать высоту солнца, секстаном, чудом поймав его краешек, проглянувший между туч, которые нюхом чуют берег за 20 миль, и не боятся нести полные паруса, когда ванты уже трещат от напряжения, а пушечные порты гон-дека то и дело скрываются в волнах. Но этого мало. Нужно чтобы эти люди умели чётко выполнять манёвры под огнём противника, и не просто стреляли из пушек, но и попадали в цель.

Интересно откуда у меня эти впечатления. Никогда в жизни не ходил под парусом ни на чём крупнее шестивесельного яла. А тут прям кожей почувствовал взлетающие на палубу брызги от разрезаемой форштевнем волны.

Примерно так я ему и сказал:

— Камаль-сахиб, моей госпоже нужен такой флот, чтобы любой английский или голландский корабль мог добраться до индийских портов только потому, что она приказала вам его пропустить. Как вы думаете, сможем ли мы с вами такой флот создать?

— Недёшево это обойдется, — вздохнул майсурец. — Типу Султан не жалел денег на флот, но тем не менее приказа выйти в море и перерезать англичанам снабжение Мадраса он не решился отдать. Мы бы справились. С потерями, но справились. А так Майсур был разбит на суше, и его флот никак этому помешать не смог. Типу слишком берёт наши корабли.

— Ну от меня этого вы не дожждётесь, — криво усмехнулся я. — На мой взгляд, эти корабли уже устарели. Сюффрен был, конечно, великий адмирал, но корабли вы построили по чертежам XVIII века. А тут уже вот-вот XIX начнется. Помоему, единственное, для чего пригодны эти корабли, это подготовить хороших моряков. А для этого они не должны стоять в бухте, а должны быть в море. Поговорите с местными рыбаками и купцами. Они тут ходят в Маскат и Басру торговать. Наверняка им мешают йеменские и дерийские пираты. Впрочем, может быть и оманскому султану демонстрация нашего флага вместе с жерлами полусотни пушек на борт тоже окажется полезной для правильного отношения к нашим людям. Потом есть еще Красное Море. Там Джидда. Очевидно, что если вы обеспечите правозверным подданным Ясины безопасный морской путь для хаджа, это будет весьма богоугодно с вашей стороны.

Кстати, западный берег Красного моря, это Египет. А там сейчас сидят французы. Вы, насколько я знаю, прекрасно владеете французским языком еще со времен Сюффрена. Впрочем, в ближайшие несколько лет англичане наверняка разобьют французский флот в Средиземном море и тогда османы выкурят их из Египта. Так что может быть стоит сразу искать подходы к Мухаммеду Али.

— Кто такой Мухаммед Али, — перебил меня Камаль-уддин.

Я задумался. Ага, на дворе 1799. Мухаммед Али еще только-только прибыл со своим отрядом албанских наёмников в Египет среди прочих турецких войск.

— Пока никто, и именно это-то и замечательно. Командир одного незначительного отряда наёмников. Но в ходе борьбы османов сначала с французами, потом с англичанами, он выдвинется и года через 2-3 станет хедивом Египта. Имеет смысл прикормить его сейчас.

В Египте нас в первую очередь интересует короткая дорога в Европу. Для наших товаров, для людей, для почты. Там от ас Сувайса до Средиземного моря меньше ста морских миль. Говорят что Бонапарт рассматривает вопрос строительства канала, соединяющего моря.

В общем, я полагаю, что вы с вашим флотом спокойно можете превратить все море отсюда и до берегов Африки,

севернее английского пути от Мыса до Бомбея, в индийское озеро. И сделать так, чтобы торговля в этих водах принесла Империи куда больше дохода, чем будет потрачено на содержание вашего флота.

По мере того как я расписывал эти перспективы, глаза Камаль-уд-Дина разгорались.

Когда я закончил, он немного подумал, а потом задал вопрос:

— А каким вы во всей этой истории видите место принцев?

— Каких принцев? — удивился я.

— Я сумел вывезти из Майсура троих сыновей Типу Султана — Абдула Халика, Мухи-уд-Дина и Муиза-уд-Дина. Трон Майсура сейчас как бы унаследовал Хейдар Али младший, старший сын Типу. А это второй, третий и четвертый. Они уже вступили в возраст мужа, хотя ещё очень молоды.

— А как вы видите их судьбу? Вы не первый год с ними встречаетесь при дворе, да и за время перехода, наверное, сумели достаточно хорошо их узнать.

— Абдул Халик не моряк, это точно. Из него, пожалуй, получился бы неплохой сухопутный офицер, но его нужно учить. Отец его слегка избаловал. Мухи-уд-Дин, имеет задатки администратора. У меня с ним очень неплохие отношения, и я бы не хотел с ним расставаться. А вот Муиз-уд-Дина вполне можно вырастить в адмирала.

— Ну что ж, пожалуй так и поступим. Муиз-уд-Дина оставим вам, в Карачи. Мухи-уд-Дина отправим в Татту помощником новоназначенного субудара. В ближайшее время мы будем присоединять Раджпутану, и этот субудар уйдет командовать одной из армий. А Мухи-уд-Дин, если себя проявит, может оказаться на его месте. Расставаться вам с ним надолго не придется. Карачи относится к Таттской субе, и всё снабжение и выделение рабочей силы для вас будет идти через субудара Татты. А Муиз-уд-Дина отдаю в ваше распоряжение. Считаете, что можно доверить ему корабль — доверяйте. Нет — ставьте вахтенным начальником, артиллерийским офицером или куда он там больше подходит.

А Абдула Халика отправим в Дели. Хотел было сказать,

«заберу с собой», но по некоторым причинам не получится. Пусть добирается самостоятельно.

Вообще, давайте пригласим их сюда.

Когда принцы появились, мы с Камаль-уд-дином затеяли разговор о морской тактике, и нововведениях в ней, которые принесет нынешняя война англичан с французами. В частности, невиданная в нашем мире битва под Брестом, в которой погиб адмирал Худ. Приходилось всё время сдерживаться, чтобы не рассказать про Абукир и Трафальгар. А вот штурм Корфу в этом мире уже случился.

Я, конечно, про себя понимал, что категорически изменят рисунок морского сражения пар и броня. Но до этого ещё далеко. В мире пока есть только один паровой бронированный корабль — «Черепеха», которую на днях всё же оснастили нормальной паровой машиной взамен ручного привода на колесо. И показывать эту конструкцию моряку-паруснику я бы постеснялся. Гадкий утёнок военного судостроения, пригодный только для действий на реке.

Но, похоже до Майсура успели дойти какие-то сведения о разгроме подполковника Эрскайна под Бенаресом. Майсурский флотоводец смотрел на меня как на человека, который что-то знает о морской войне, чего неведомо ни ему, ни Реньеру.

Муиз-уд-Дин с интересом принимал участие в обсуждении. А вот двум другим принцам и Гамалю было откровенно скучно.

— Тебе явно не интересно, — пихнул я дракона в бок. — Вот если бы мы тактику воздушного боя обсуждали.

— Или хотя бы тайные операции, — буркнул тот.

— Кстати, о тайных операциях, — спохватился я. — Наверняка же многим в Майсуре новая власть не понравится. Надо как-то донести до этих людей, что в Империи готовы принять всех ремесленников и воинов по меньшей мере. С земледельцами хуже, свободной земли нет. Но если кто желает поработать на строительстве или на заводах, то тоже возьмем. У меня где-то был длинный текст, в котором подробно описано, почему для земледельческих каст эта работа является вполне достойной. У вас же там в Майсуре почти все земледельцы — индуисты.

Надо будет поговорить с местными купцами на предмет

плаваний в Малабар и обратно. А ещё у вас же наверняка есть знакомства среди голландцев. Они, я думаю, тоже не откажутся возить людей из Малабара в Татту.

И ещё одна тема. Есть масса задач, которые куда правильнее решать с помощью купеческих судов. Охота на китов в Южном Океане, доставка экзотических товаров из Бразилии, Перу и островов Тихого Океана. Но местные купцы не умеют пользоваться европейскими картами и навигационными приборами. Кроме того, для самозащиты в беспокойных морях придется ставить на купеческие доу пушки. К которым у них тоже нет специалистов. Было бы неплохо командировать на некоторые рейсы, которые выполняются по государственным заданиям, команды из офицера-штурмана и артиллерийского расчета. Ваши люди получают опыт плаваний в водах, куда мы вряд ли скоро сможем позволить себе отправить военный корабль.

А купцы — квалифицированную навигацию и защиту. Подозреваю, что ваши моряки также смогут неплохо подработать, участвуя в этих рейсах. Там прибыльность местами должна быть просто запредельной.

Глава 57

Кофе по-лахорски

27 мая 1799, Лахор

На пятый день пути мы с Гамалем добрались до Лахора. Приземляться прямо на башню крепости он, в отличие от Ясины не стал. Мы опустились на рассвете где-то в окраинных улочках, покрытых зеленью, и направились к караван-сараяу. В Лахор, в отличие от Шикарпура и Мултана уже проникли веяния насаждаемой Ясиной и Дженнифер цивилизации, и я рассчитывал купить здесь утреннюю газету, и узнать что происходило в Дели за время нашей командировки в Карачи.

Зайдя в караван-сарай, мы увидели небольшую очередь, выстроившуюся к прилавку, на котором громоздилась какая-то странная конструкция.

— Что это? — удивленно спросил Гамаль.

— Кофе по-лахорски, — объяснил болтающийся тут же уличный мальчишка. — Всего одна дхела¹ и сахибам не придётся стоять в очереди, я принесу вам две чашки прямо сюда, к этому дастархану. Такого вы не попробуете больше нигде. Это крепчайший кофе, лучше приготовленного на песчанной бане, при этом прозрачный, без малейшей муты. Это достижение технического прогресса, делается на ваших глазах в специальной машине, созданной на императорском механическом заводе.

Я протянул мальчишке монету в 1 анна:

¹дхела - мелкая монета, 1/8 анна, 1/128 рупии.

— Пойди лучше принеси нам свежую газету.

Газета стояла три пайзы, так что внакладе мальчишка не останется. А мы пока рассмотрим эту торговую точку поближе.

Как я и думал, Васильич, который еще три месяца назад отправился руководить Лахорским механическим заводом, решил организовать производство ширпотреба. Не ограничиваясь буксирами для Инда и паровыми машинами для ткацких мастерских и кузниц, он решил осчастливить местных кабатчиков кофеварками-эспрессо.

Дизайн машины представлял собой сочетание индийских традиций с эстетикой стимпанка. Что-то вроде маленького сэнтениэловского котла, оснащенного манометром и маленькой паровой машиной, вращающей кофемолку, было украшено бронзовыми пластинами с чеканкой, изображающей явно сцены из жизни механического завода, включая ходовые испытания буксира.

Кабатчик сноровисто орудовал около машины, приготавливая по три чашки одновременно, но очередь не убывала. Видимо, слишком много было желающих полакомиться новинкой.

Мы с Гамалем тоже взяли по чашечке.

— Забавно. — сказал я. — В этом мире теперь не будет понятия «эспрессо», а будет «кофе по-лахорски».

— Эспрессо... — попробовал незнакомое слово на язык дракон. — Какой-то южно-европейский язык. Португальский?

— Нет, итальянский. Почему-то у нас в мире всякие хитрые способы приготовления кофе пошли из Италии. А традиционный способ — в джезве, на песчанной бане, называется «по-турецки».

Тем временем, мальчишка притащил газету. Первое же, что я увидел в ней, это:

«Великий Визирь Ранджит Сингх торжественно открыл вчера телеграфную линию Лахор—Пешавар».

— Так, Ранджит здесь. Придётся, видимо, всё-таки в крепость наведаться. Я-то думал ограничиться посещением завода и лететь в Дели, но вряд ли его только из-за телеграфа сюда принесло.

Глава 58

Знак дракона

28 мая 1799, Лахор

Я оказался прав. Молодой сикхский военачальник уже давно волновался, что из-за экспансии на юг и восток он совершенно забросил афганскую границу.

И как выяснилось волновался не зря. Первое же донесение с границы было о том, что какая-то пуштунская банда разграбила караван мултанских купцов, шедший в Бухару, перебив и охрану, и самих купцов.

— Яся расстроится, — задумчиво сказал Гамаль, ознакомившись с печальной новостью. — Она воспринимает своих подданных как своё сокровище. Ну вы же знаете, как драконы относятся к сокровищам.

— Да-а-а, — протянул я. — А может мы того, отомстим по-драконски?

— Это как? — поинтересовался дракон.

— Во многих сказках драконы огнедышащие. Вот навесим на тебя корабельный огнемет, тут на местной верфи две «Черепахи» строятся, есть откуда позаимствовать, слетаешь, зальёшь напалмом с воздуха. Будут знать, как покушаться на подданных императрицы-дракона.

— Вообще, непорядок. — задумался Гамаль. — Нельзя так сразу лететь и мстить. А может эти купцы сами нарвались, обсчитали кого-нибудь или обидели? Надо бы разбирательство учинить.

— Какое разбирательство, — удивился Ранджит. — Как

будто кто не знает, какая репутация у горных племён, шакалящих на трактах, а какая у купцов?

— Вообще, в идее разбирательства есть смысл, — стал рассуждать вслух я. — Главное, чтобы кто-нибудь потом сумел из этой деревни сбежать, когда Гамаль убедится, что ты прав и подожжёт её с четырёх концов.

Чтобы слухи были не о том, что драконы озверели и на людей кидаются, а что это именно наказание за покушение на подданных Ясины.

Тащить на себе 200 литров огнесмеси, заряд для корабельного огнемёта, от Лахора до Пешавара Гамаль, конечно, поленился. Но к счастью, пограничники уже получили на вооружение ручные огнемёты и запасы на заставах были. Ранджит приказал выдвинуть отряд на расстояние в пару дневных переходов от разбойничьей деревни. И полетел с Гамалем сам. А я остался в Лахоре. Через три дня они вернулись вполне довольные, судилище и акцию возмездия Гамаль провёл, появившиеся в расположении отряда с жалобой на дракона старейшины получили внушение от Ранджита Сингха, у которого и до получения поста Великого Визира репутация на границе вполне успела сложиться.

А я тем временем решил поискать в Лахоре мастеров по серебру. У меня возникла мысль наладить изготовление чего-то типа пайцз из серебра с портретом Ясины в истинном облике.

Думаю, что скоро по крайней мере по Афганистану, Персии и Туркестану распространится знание, что обидеть того, кто носит на плече знак Королевы-Дракона — получить на свою голову огнедышащих драконов.

Заодно подкину им идею гейзерной кофеварки. А то очевидно же, что распробовав кофе по-лахорски в караван-сараях, многие захотят наслаждаться этим же напитком дома. А дома огромная машина с бешеной производительностью не нужна.

Правда, придётся, наверное, делать их сразу со спиртовой в комплекте. А то газовых плит на местных кухнях пока не водится.

От этих мыслей меня оторвал ранджитовский ординарец, доложивший:

— Рихард-сахиб, тут к вам этот ференг с завода, ибн-Ба-

зиль, на своей колдовской железяке приехал.

Я вышел во двор крепости, посмотреть что это за колдовская железяка такая, и увидел Васильича прислоняющего к стене самый натуральный велосипед. Все на месте, рама из труб, блестящий никелем руль, педали, цепь. Только вместо резиновых шин какая-то дивная конструкция из железных пластин и пружинок.

— Это что, — спросил я у инженера, поприветствовав его.

— Ну тут собрал из бракованных трубок от котлов. Пока мы тут трубопрокатный стан налаживали, на складах, наверное, километр трубок скопилось, которые 50 атмосфер не удержат. А мне на лошади ездить учиться некогда, вот и сообразил транспорт.

Только вот в этой вашей хваленной империи каучука нигде нет. Хорошо, я вспомнил, что в Первую мировую немцы с дефицитом каучука вот так боролись. А то бы такой костотряс получился.

— Будет тебе каучук. У меня вот только что приличные моряки образовались, которых можно отправлять с Бразилией контакты налаживать. А то в эту колониальную эпоху если пару 80-пушечников на рейде не поставишь, так с тобой про торговлю и разговаривать не станут.

Думаю что через полгода можно будет эти машинки на конвейер ставить. Ты спроектируй ещё трехколесный вариант — под доставку грузов в городские лавки и под велорикшу. Думаю, будет пользоваться популярностью.

— Ну точно такой не поставлю. Гальванопластику в серийных масштабах организовать — это мне года три надо. У меня сейчас есть единственный генератор, притащенный из мафиозного лагеря — было два, но второй я в Дели во дворце оставил, и единственный сварочный трансформатор. Пока я не научусь здесь генераторы делать, никелирования не будет. Звенья для цепи вручную делались, тоже не враз растиражируешь. В общем, золотая машинка получилась. Это скорее, демонстратор для моих инженеров — к чему нужно стремиться. Но, раз ты говоришь — надо, буду думать.

Вообще, ты мне столько уже задач накидал. И все вчера. И постоянно нехватает измерительного инструмента. Слу-

шай, ты не можешь мне организовать поход в наш мир? Мне бы притащить хотя бы рюкзак микрометров и штангелей.

— А чем расплачиваться будешь?

— Ну я знаю кому можно толкнуть несколько отрезков местной ткани и булатных клинков.

Я повернулся к Гамалю:

— Ну как ты на это смотришь?

— А можно и сбегать. Только с тебя, Васильич, экскурсия. Мне там хочется кое-что посмотреть.

Глава 59

Судьба храма Кали

29 августа 1799, Дели

Для меня вся эта история началась с того, что Ясмينا явилась ко мне в гости без приглашения. Вот сидел я у себя дома, работал с картами, прикидывая как нам развивать транспортную сеть в свежеприосоединенной Малавской субе, как вдруг под тюлевой занавеской, делавшей открытое окно недоступной для всяких москитов, проскользнула знакомая серая кошечка.

Поскольку Ясмина не имела привычки посещать мое скромное жилище, у меня и не было припасено для неё одежды. Но это её совершенно не смущало. Она перекинулась в человеческую форму и уселась в кресло. Вечер был тёплый и без одежды ей было вполне комфортно.

— Рихард, тут такая оказия образовалась, — начала она свой рассказ. — Один из людей Дасса ухитрился раздобыть сведения о том, что жрецы нагпурского храма Кали нарушили Древний Договор, — последние слова она произнесла так, что чувствовалось что оба слова с большой буквы.

— Древний Договор это что?

— Это договор между людьми и драконами, согласно которому ни мой отец, ни я не могли уничтожить школу охотников на драконов в нагпурском храме Кали. Ну и вообще по которому драконы не должны слишком открыто вмешиваться в жизнь людей.

— В смысле, высадить десант с воздуха в Джайпур это

не слишком? Или вести авиаразведку для обеих армий в удджайнскую кампанию не слишком? И таскать наёмников из соседних миров?

— Признаю, я иногда играла на грани фола. Но именно на грани. У меня было всегда то или иное оправдание. Ну и я всегда действовала одна и лично. Ну а теперь можно идти на Драконий Совет и требовать санкции на штурм храма Кали. У тебя как обстоят дела со скорострельными гаубицами для осадной артиллерии? Штурмовать этот храм я не хочу. Я хочу его перемешать с землей на полсотни фунтов вглубь.

— Ну три батареи на механической тяге у де Пиля точно через три месяца будут. Гаубиц могу и больше выдать, но тогда на марше тащить слонами придется. Тягачей Тревирик явно сделать больше не успеет, да и ремлетучка только одна.

— А почему ты так против слоновьей тяги? Ни в аудской, ни в удджайнской кампании почему-то слоны не использовались. Хотя у меня в Дели их пара десятков, у Яшванта пятнадцать и в Удджайне мы еще тридцать взяли в качестве трофеев.

— Потому что слон достаточно умный, чтобы понимать, что под пули лезть вредно для здоровья, но недостаточно для того, чтобы ему можно было объяснить, почему в данный конкретный момент под пули лезть всё же надо. Поэтому слоны замечательная тягловая сила до первого боестолкновения. Раненый слон опаснее для своих, чем для противника, а мишень из него хорошая. Поэтому я бы предпочел держать их в обозе, подальше от войск первой линии. И то можно опасаться диверсий. А что ты хочешь сделать? Короткий рейд на территорию Бхонсле, разгром храма и назад?

— Нет, я хочу присоединить все владения Бхонсле к Империи. Что это за нагпурское королевство? Там должны быть Берарская и Орисская субы.

— И ты думаешь, англичане и низам это сожрут? У них сейчас армия отмобилизована для майсурской войны, при том что война уже кончилась. Дхундию Ву они одной бригадой подавят, если поймают.

— Уже подавили, кстати. И именно на этом строится

мой план как сделать так, чтобы англичане сами сдали нам Нагпур.

Ясмина рассказал мне свой план, но лучше я не буду приводить здесь её слова а опишу его реализацию.

— Теперь, — продолжила она, — надо лететь выбивать санкцию из Драконьего Совета. Полетишь со мной?

— А зачем я тебе там? Вон Ранджита лучше возьми, если тебе нужен представитель человеческого населения Империи.

— Ранджит имеет авторитет только среди людей. Для драконов он — мальчишка. Его, пожалуй, один Гамаль послушает. А ты произвёл на них впечатление ещё в тот раз.

— Ты хочешь лететь прямо сейчас? Или сначала озадачим Доста Хуссейна и де Пиля разработкой планов?

— Я бы вообще предпочла иметь с собой хотя бы черной план кампании.

— Это правильно. Но все наши военачальники — жаворонки. Сейчас почти наверняка в штабе никого нет. Дост Хуссейн и Хессинг, наверное, в кругу семьи отдыхают, де Пиль — в кабаке. Собираем их по тревоге?

— Собираем.

Воки-токи мы старались для связи не использовать, просто потому что если можно обойтись, надо обойтись. Все равно Дели уже весь оплетен телеграфной проволокой.

Я протянул руку к маленькому телеграфному аппарату, стоявшему на столе, надел наушники, притащенные из того мира, у меня чувствительные уши, местные изделия их натирают, и отбил телеграмму дежурному по штабу.

Ясмина тем временем вытащила из стоящей на столе вазы карандаш и стала его рассматривать.

— Почему латиницей? — вдруг спросила она.

— Что латиницей?

— Вот тут латиницей написано Koh-i-noor. Если уж ты называешь карандаш в честь моей коронной драгоценности, то писал бы название арабским алфавитом или девангари.

— Это не я. Этот карандаш сделан фирмой Йозефа Хардмута в Вене.

— У тебя еще сохранились запасы из того мира?

— Нет, это здешний. Хардмут основал свою фирму в 1790 году христианского летоисчисления, и один осман-

ский купец возит его продукцию в Дели через Стамбул и Басру, Кстати, я сделал ему неплохую рекламу. Теперь все делийские инженеры, архитекторы и строительные подрядчики закупаются его карандашами.

— Интересно, почему он назвал его именем алмаза. Мы-то с тобой знаем что алмаз и графит карандашного грифеля это одно и то же вещество.

— Ну может и Хардмут знает. То что графит это углерод доказал Шееле, а определил что при сгорании алмаза образуется углекислый газ ещё Лавуазье, лет тридцать назад.

Ладно, пора нам двигаться по направлению к штабу. Отбить телеграмму во дворец, чтобы тебе в штаб доставили приличествующий случаю костюм?

— Не надо, в джатских казармах я появляюсь регулярно, и там у меня есть запасы. А до туда тебе придется меня донести.

Ясмина превратилась в кошку и запрыгнула ко мне на плечо.

План мы составили тем же вечером, собрав в джатских казармах экстренное заседание штаба.

Основной идеей плана было то, что надо одновременно с ударом на Нагпур, где цель кампании и основные силы Бхонсле, ударить вдоль северной и южной границ нагпурского царства, предупреждая возможные попытки англичан из Бенгалии и низама Хайдарабада поживиться землями Ориссы. Империи нужен выход к Бенгальскому Заливу.

* * *

31 августа 1799 года, уединенная долина в Гималаях

И вот опять я стою в центре скального амфитеатра, который весь блестит бронзовой, золотой и серебряной чешуёй.

Когда Ясмина закончила свой рассказ о нарушении людьми Договора, поднялся такой шум, которого, может быть и не знала эта долина. Обычно драконы дискутируют очень спокойно и вежливо.

Выкрики с мест сводились к тому, что спускать такого нельзя, и надо покарать.

Ясмина дождалась, пока крики утихнут, и снова взяла слово:

— Мои военачальники разработали план кампании, в

которой мои войска захватят Нагпур и сотрут храм с лица земли. План учитывает то, что жрецы храма могут попытаться применить свои особые умения.

Я бы хотела, чтобы в составе моей армии, которая будет брать Нагпур, были представители всех кланов Долины. — и она выразительно посмотрела на Шахрада, сидевшего примерно рядом в шестом. — А то в прошлый раз мы договорились о двух представителях каждого клана в Дели, а прилетал один Гамаль, и тот через месяц улетел обратно. Потом будете опять говорить, что клан Чагда много на себя берёт, но где представители Аюм и Беяр, когда надо лететь с пассажиром из Дели в Татту?

— И в южную и северную армию тоже бы хорошо по дракону, — негромко добавил я. — Для разведки.

— Вот ещё, — фыркнула Малаисса. — Чтобы мои дети таскали для Чагда каштаны из огня.

— Не хотите, как хотите. — ехидно улыбнулся я. — Не дадите мне драконов, придется летающие машины строить.

— Какие летающие машины? — насторожилась Лашмина. — Из параллельных миров технологии тащить?

— Нет необходимости, — улыбнулся я. — Аэростаты в Европе уже изобретены. И более того, уже применялись для корректировки артиллерийского огня. Правда, только при осаде крепостей, а не на марше. Но это мелочи.

Глава 60

Посольство в Нагпур

1 сентября 1799, Дели

За несколько месяцев пребывания в Дели, Генри Кольбрук уже привык к тому, что его вот так запросто приглашают на чаепития в императорский дворец.

Или что на ужин у какого-нибудь офицера-француза или инженера-англичанина, куда Кольбрук бывает приглашён, столь же запросто является императрица в сопровождении своего молодого Великого Визиря.

Вот и в этот раз на ужине у Тревитика присутствовали Ясмина, Ранджит Сингх, Дженнифер, Нур де Буань, и даже Датар Каур, чувствовавшая себя несколько неловко в европейском платье. На Беринга Кольбрук даже внимания не обратил. Чего бы одному инженеру не придти в гости к другому инженеру.

Вот наличие тут нескольких явно мусульманских купцов — это уже интересно.

У Ясмины явно прослеживается политика втаскивания крупных торговцев и промышленников в имперскую элиту.

Пока судья обдумывал эту мысль, Ясмина подошла к нему и сказала:

— Сэр Генри, тут есть одна новость, которая, возможно будет интересной вам.

Новость оказалась донесением тайного агента из Нагпура, которому удалось как-то получить информацию с со вещания жрецов храма Кали. Из этой информации выте-

кало, что маленькие язвочки, уже второй месяц покрывавшие кожу генерала Артура Уэлсли — работа жрецов этого храма. Месть за уничтожение разбойничьей армии Дхундии Во.

— И что с этим мне предполагается делать? — спросил Кольбрук.

— Ну, во-первых, известите генерал-губернатора. Конечно, ему вы это донесение показать не сможете, только цитаты, которые я вам сейчас дам переписать, но ведь и у меня нет никаких доказательств, что это подлинный документ, а не художественное произведение, которое сотворил этот брахман, обкурившись опиума. Но у меня есть основания доверять ему, у вас — мне, а у Ричарда Уэлсли — вам.

Да, кстати, вот вам ещё баночка мази, которая поможет облегчить страдания брата генерал-губернатора.

Естественно, баночка тем же вечером вечерним дилижансом уехала в Бенарес, и уже через неделю была на столе у Ричарда Уэлсли.

Еще через неделю бенаресский дилижанс привез Кольбруку пакет из Калькутты с печатями генерал-губернатора.

* * *

12 сентября 1799, Дели

На следующий день на завтраке у Вульфа, который не изменил своей привычке давать странные завтраки и в Дели, Кольбрук встретил Беринга и рассказал ему о том, что Уэлсли предложил ему съездить в Нагпур и потребовать от Рагходжи Бхонсле, чтобы он что-то сделал со своими поданными-тугами.

— Думаю, что Бхонсле будет упрячиться и говорить, что светская власть не вмешивается в дела храма Кали. Но вы ему намекните, что в случае чего Компания может легко сдать Нагпур Империи. А у Ясины есть что припомнить жрецам Кали. Может быть это подействует.

Кольбрук запомнил эту мысль, и всю дорогу до Нагпура, сначала на прекрасном имперском почтовом дилижансе до Бхопала, потом 200 миль верхом, всё крутил её в голове, думая как бы её подать так, чтобы произвести большее впечатление на индусов, чей характер он, как он полагал,

хорошо знал.

* * *

22 сентября 1799, Нагпур

Во время первой аудиенции у Бхонсле он не выложил на стол этого козыря, попытавшись договориться о том, что на следующую аудиенцию раджа пригласит кого-нибудь из высших жрецов храма.

На следующий день в тронном зале сидел брахман в более-менее обычном для этих мест костюме, сложением больше похожий на богатого воина-землевладельца, не чурящегося пиров и возлияний, чем на жреца-аскета, питающегося подаянием.

Кольбрук ещё раз изложил своё дело.

— Мы не собираемся отменять решения совета нашего храма всего лишь по просьбе каких-то там иноземцев, — заносчиво ответил жрец.

— Я думаю, в ваших интересах, магараджа, как-то воздействовать на жрецов, — сказал англичанин. — ведь генерал-губернатору Уэлсли достаточно сказать всего три слова для того чтобы и вы, раджа, и вы, Учитель, сильно о своём решении пожалели.

В глазах жреца мелькнула искорка интереса, но он остался неподвижным и безмолвным. Рагходжи Бхонсле такой выдержкой не обладал.

— И какие же три слова? — поинтересовался он.

— «Ясмина, забирай Нагпур», — отчеканил судья.

Жрец остался абсолютно неподвижным, и казалось бы, безмятежным.

— Он не посмеет! — возмутился раджа. — Ведь есть же акционеры в Лондоне, которые не захотят потерять союзника.

Кольбрук сделал на лице выражение, не менее неприглядное чем у сидевшего в уголке туга:

— Ну что, мне сообщить генерал-губернатору, что вы отказались пойти навстречу?

По полному лицу Бхонсле пошли красные пятна. Он мучительно боролся с собой.

— Говорите, — наконец выдохнул он. — Не думаю что он посмеет пойти против храма Кали.

Кольбрук пожал плечами и распрощался.

Предстояло 700 миль пути до Калькутты, и большая часть — по владениям Бхонсле. Судья внезапно подумал, что если Ясмина и правда заберет Нагпур и Ориссу, то она по крайней мере пустит тут приличные дилижансы.

* * *

24 сентября 1799, Нагпур

Рагходжи II собрал военный совет.

— Чем нам грозит конфликт с Дели? — поинтересовался он у собравшихся.

— С момента восшествия на престол Ясмина провела три военных кампании, — ответил Энтони Полманн, слегка обангличанившийся ганноверец, один из главных военных советников Бхонсле. — Все три закончились присоединением каких-то земель к её Империи.

Сначала был Джайпур. Ничего удивительного в этой истории нет. Это ещё её отец послал войска в Джайпур. Обычная война между раджествами. Около 20 тысяч человек, с хорошей осадной артиллерией. Неплохая армия для Индии, не хуже, чем, скажем была у Типу или у Даулата Схиндия, но и не лучше.

Скорее всего они бы тусовались под стенами Джайпура месяц или два, а потом бы заключили мир с выплатой контрибуции и сохранением более-менее довоенных границ.

Но Ясмина после смерти отца и Мирзы Наджафа явилась туда лично, взяла город в результате жестокого штурма за полдня, и исчезла.

Джайпур был присоединен к Империи, и формально Ясмина тут ни при чем — на тот момент она была свергнута заговорщиками и в Красном Форте Дели сидел Алам II.

После подавления заговора и восстановления на престоле она очень быстро ввязалась в конфликт с англичанами за Ауд. Вот тут уже начинаются странности. Во-первых, против трехтысячного корпуса Эрскайна она выставляет всего лишь тысячу человек. Но отборных. Сикхские полки с афганской границы, любимцев своего фаворита Ранджита Сингха.

Мы тогда полагали что это что-то вроде майсурских уланов Типу. Хорошая кавалерия, способная бить десятикратно превосходящих сефаров, но уступающая войскам ком-

пании раза в два.

Но это во-первых, оказалась не кавалерия. Ездящая пехота, драгуны, причем не драгуны Наполеона, которые тяжелая кавалерия, вооруженная преимущественно огнестрельным оружием, а драгуны в стиле Короля-Солнце. Марши — верхом, в бой — пешком.

Как докладывают нам наши агенты в войсках ОИК, под Бенаресом войска Ранджита Сингха дважды предприняли попытку атаковать в конном строю. И оба раза безуспешно.

Но построенные в пехотные каре они оказались непробиваемыми для втрое превосходящих англичан и позволили полевой артиллерии выбить их и рассеять. Учитывая то, что англичане потеряли всю свою артиллерию при переправе через Ганг, где орудовала эта странная железная лодка, можно считать, что в Империи научились готовить пехоту, примерно равную по стойкости сипаям Компании.

Эрскэйн попался на том, что не рассчитывал на появление даже хороших туземных войск нового образца, вроде наших. Он думал что будет собрано обычное для Индии феодальное ополчение. А натолкнулся на отборные имперские войска, причем возглавляемые полководцем с неплохим тактическим мышлением.

— Вы думаете, Ранджит Синх всего лишь «неплохой тактик», — переспросил Жан Салэ, начальник штаба армии наёмников бегумы Самру, присутствовавший на этом совещании вместо своей госпожи, поскольку Бхонсле всё никак не мог привыкнуть к тому, что женщина может командовать отрядом наёмников. Женщина на троне вроде Ахильи Холкар или той же Ясины это ещё куда ни шло, но женщина во главе пятитысячного наёмного отряда, кстати превосходящего большинство полков нового строя в армии Бхонсле по боевым качествам...

— Ранджит Сингх ещё очень молод, как и сама Ясина. В таком возрасте ещё рано говорить о стратегическом таланте. Если он у него и есть, у него не было шанса его продемонстрировать ни в аудской кампании, которая явно дирижировалась из Дели, ни в гвалиорской.

Что касается гвалиорской кампании, то тут уже начинаются какие-то чудеса. Во-первых, марш на две трети пути до Удджайна, который не уступает лучшим образцам по-

следних европейских войн. Вот для чего они готовили своих драгун. Во-вторых, та артиллерийская засада, в которую они поймали Даулата Схиндию. Это чем-то напоминает и Бенарес и Джайпур, где Ясмينا эффективно использовала огонь гаубиц по городу, в котором уже действовали её войска.

То есть автор стратегического замысла это либо сама Ясмينا, либо кто-то из её советников, новых советников, которых она не афиширует. Ранджита Сингха в Джайпуре не было, это точно. При этом в Гвалиор вторглись от Агры уже около десяти тысяч драгун.

Под Бенарес она смогла собрать только тысячу, в Гвалиор — уже десять. Я боюсь, что нам, еще через полгода, придется столкнуться с 25-30 тысячами крайне мобильной пехоты, обученной на уровне лучших солдат ОИК.

Плюс ещё с артиллеристами, обученными каким-то нетривиальным тактическим приёмам. Когда мы читали в газетах про Тулон, мы не думали что вот завтра нам придется на поле боя столкнуться с выпускником той же артиллеристской школы, что и Бонапарт. А вот он, Николая де Пиль. Некоторые из присутствующих с ним знакомы лично. Вот он точно был и под Джайпуром и в Гвалиоре. В Бенаресе его не было, но, видимо, он был уверен в своих учениках.

— Вы точно уверены, что это де Пиль, а не это русский немец, Беринг?

— Беринг появился в ближнем кругу Ясины только в августе, через три месяца после Джайпура. И позиционирует себя не как военный, а как изобретатель и промышленник. В Бенаресе он оказался в основном из-за железной лодки, видимо не рискнул это своё детище отпустить в свободное плавание.

— Но переговоры с Кольбруком в Патне вел именно он.

— А у Ясины был выбор кого туда направить? У неё, как это ни странно, в ближнем кругу почти нет европейцев. Ну разве что тот же де Пиль, но он не участвовал в той кампании. Опять же, де Пиль при всех своих талантах в области артиллерии, простой наёмник, как и мы. Хитрая лиса Кольбрук просчитал бы его в шесть секунд, так же как и молодого сикха, ныне носящего титул Великого Визира.

А этот Беринг — темная лошадка.

— Ну так что нам можно ожидать от Ясины, — прервал обсуждение раджа.

— Думаю что мощного удара непосредственно на Нагпур. Силами, пожалуй в 2-3 раза большими, чем были задействованы в гвалиорской кампании, плюс каких-нибудь очередных неожиданностей в тактике применения артиллерии.

Нам бы союзников. Но с англичанами мы сейчас рассорились. Собственно Кольбрук обещал нас сдать Ясине. На западе у нас теперь, после захвата Удджайна и мирного присоединения Индура — сплошная Империя. Остается низам.

— На низама я бы сейчас не рассчитывал, — возразил министр иностранных дел. Низам слишком зависит от англичан и они его удержат от серьёзной помощи нам.

— И что предлагается делать?

— Нужно попробовать применить против неё её же наработки. Скорее всего она не ожидает, что мы сумеем быстро извлечь уроки из её гвалиорской кампании. Плюс к тому, у нас есть большая партия майсурских ракет, которые в своё время продал нам Типу-султан. Англичане хотели их купить, и применить против Типу, но транспортные проблемы позволили нам продать только половину.

Глава 61

Воздушный шар

2 сентября 1799, Дели

Ну вот, опять у меня на подготовку кампании есть от силы пара месяцев. И за это время нужно создать авиаразведку. Ясмина в удджайнской кампании работала с цифровым фотоаппаратом и ноутбуком, да ещё и отец в своё время ее довольно неплохо ремеслу летнаба обучил, так что я со своей военной специальностью дешифровщика аэрофотоснимков почти ничего добавить и не мог. А пилотов аэростатов мне придется учить с нуля.

А до этого еще и сами воздушные шары откуда-то взять.

Когда я вернулся домой, разместив у ткачей, которые сейчас все ходили в должниках у казны за паровые машины и механические станки, заказ на шелковую ткань для шаров, меня ждало доставленное курьером с телеграфа сообщение от лахорского купца, которого я год назад подрядил налаживать отношения с Бразилией. Оказывается, первый груз каучука, немного, тонн пятьдесят, прибыл в Татту. Очень вовремя. Надо Васильичу отбить депешу, чтобы он выделил для этого груза паровой буксир. Нет буксира — пусть «Черепашу» посылает. У него на Инде доработанные с винтовым приводом.

К сожалению, дотянуть до Татты и Карачи телеграфную линию нам удастся хорошо если к концу следующего года.

Ну то есть у меня там, конечно, есть притащенная из другого мира рация и отдать приказание субудару я мо-

гу. Но передавать коммерческую переписку купцов, даже и работающих на меня, увы. Был бы хоть дракон, которого можно послать за пробной партией килограмм в пятьдесят, отработать технологию пропитки ткани... Но пять юных драконов, которых совет Долины командировал в Дели, так пока до двора Ясины и не добрались. Так мы и Нагпур без них возьмем.

К счастью, у Васильича оказалось что-то побыстроходнее парового буксира. Он для дозорной службы отработывал катамаран со стальными корпусами, вроде наших гоночных яхт, который под парусами должен был развивать узлов двадцать. А со стандартной нашей паровой машиной делал те же двадцать узлов по реке. Это изделие вполне могло в неделю уложиться до Татты и обратно, но, увы, привезти могло только три тонны груза. Впрочем, мне для воздушных шаров хватит. А Васильич с пневматическими шинами потерпит, когда остальной груз придет на чём-то более медленном.

Вот сдал бы уже пятисотсильную машину, глядишь ходил бы у нас уже по Инду курьерский пароход с десятиузловой скоростью.

15 сентября 1799

И вот мы попытались запустить первый аэростат. К моему удивлению первый блин комом не вышел. И даже конструкции из лебедки с тросом, газогенератора и батареи для телеграфа, работавшая заодно и якорем, оказалась достаточно компактной.

Только как её перемещать по театру военных действий? На слона что ли погрузить.

На второй запуск явилась лично Ясына, поднялась в корзине на триста метров, осталась довольна обзором, и велела немедленно начать учить наблюдателей. В три смены, с рассвета до заката, но чтобы к январю месяцу у каждой армии было по два обученных экипажа, умеющих видеть среди окружающей местности пехоту, конницу и позиции артиллерии, оценивать их численность и внятно докладывать вниз.

Взять полк пехоты и полк драгун, и пусть маневрируют по местности разной численности подразделениями, а летнабы на них смотрят.

— Ты вроде и так справлялась? — удивился я.

— Меня отец два года натаскивал. Не с утра до ночи, но довольно регулярно. Поэтому, кстати я не рассчитываю на тех, кого пришлет Совет. Их ещё учить и учить, а они, ну ты видел, считают себя много выше людей просто потому что драконы.

Через неделю посмотреть на учения с шаром приехал де Пиль, и удивленно спросил, а почему это я спускаю и сдуваю шар для того, чтобы его перебазировать.

— Ну он же за телеграфные провода заденет, — попытался объяснить я.

— Телеграфных проводов за пределами Империи нет пока. Так что тренируй своих махаутов перемещать поднятый шар.

Глава 62

Драконы-наблюдатели

21 сентября 1799, Дели

Очередной день тренировок аэростатных наблюдателей тянулся к полудню. В этот раз роль целей играл пехотный полк под командой младшего Хессинга. Для летнабов и войск, за которыми они наблюдали, тренировки превратились в соревнования. Офицеры заключали пари, что смогут обмануть смотрящих сверху, а те — учились распознавать эти трюки.

У летнабов было большое преимущество — они-то работали каждый день. А пехоту и кавалерию мы меняли, чтобы дать возможно большему количеству частей почувствовать себя под наблюдением с воздуха. Вряд ли англичане или хайдарабадцы скоро переймут нашу систему с воздушными шарами, но всё равно не помешает. Есть горные районы с вынесенными на вершины наблюдательными пунктами. Из того же Гвалиора можно наблюдать за передвижением войск на многие километры вокруг.

Я сидел на спине слона, рядом с приёмным телеграфным аппаратом, и сравнивал доклады наблюдателей с приказами, которые сам же несколько ранее отдал войскам. Вдруг махаут тронул меня за плечо:

— Смотри, сахиб!

Я поднял глаза к небу и увидел как вокруг воздушно-

го шара описывает круг клин из пяти разноцветных драконов. Лидером был Гамаль, я его сразу узнал. За его правым плечом пристроился, пряча за спиной лидера некогда раненное левое крыло, Шархад, а вот кто там ещё, мне было непонятно. Наверное, в Драконьей долине я их всех даже видел, но не общался достаточно долго чтобы узнавать на таком расстоянии. За левым плечом Гамалья плыл крупный, крупнее двух узанных мной драконов, дракон, чешуя которого отливала сталью. За его левым плечом пристроилась миниатюрная темно-бронзовая драконочка, а справа от Шархада летела крупная, почти не уступающая ему в размерах, золотая драконница.

Драконы описали круг вокруг воздушного шара, внимательно разглядывая людей в корзине, потом зашли на посадку, и приземлились в ряд на обочине дороги прямо рядом с моим слоном. Животное дернулось и скосило глаз на крупных хищников, опасных даже для него.

— Стоять, — прикрикнул я, — это друзья.

Махаут транслировал мою команду и слон действительно застыл, хотя и был несколько напряжён.

Гамаль снял с шеи сумку, похожую на ту, что я в своё время сшил для Ясины, вытащил оттуда какую-то тряпку и они со стальным драконом растянули её. Получилась палатка, куда, меняя в прыжке форму, запрыгнули две девушки, а вслед за ними и Шархад.

Через минуту из палатки выбрался Шархад в человеческой форме, одетый как мусульманский аристократ, рослая девушка в сикхском дорожном костюме без капюшона, совершенно неприлично по делийским меркам отсвечивающая золотой шевелюрой до плеч, и темнокожая девушка дравидского типа, одетая, как и положено представительницам этого народа в сари.

Золотоволосая красавица подхватила ту сторону палатки, которую держал Гамаль, Шархад принял эстафету у стального дракона, и оставшиеся двое отправились менять облик и одеваться.

Когда этот процесс завершился, я спустился со слона и подошёл к ним. С Гамалем я обнялся, как со старым другом, Шархаду пожал руку на европейский манер. Гамаль тут же начал мне представлять остальных.

— Это Кешарин, — указал он на высокого слегка смуглого парня, сверкающего ослепительной улыбкой и украшенного шикарными черными усами. — Представитель клана Аюм.

— Это, указал он на невысокую темнокожую девушку в сари, — Вината. Тоже из Аюм, она из нас самая юная.

— А Фулла, — он указал на золотоволосую девушку, не уступавшую в росте ему и Шархаду, — вместе с Шархадом здесь представляет клан Беяр.

Часть VII

**Нагпурская
кампания.**

Глава 63

Начало кампании

25 октября 1799, Дели

И вот, наконец, кампания началась. Из Калькутты доставили письмо Ричарда Уэлсли, содержащее три сакраментальных слова, и всё пришло в движение.

Расквартированные в Дели части грузились на баржи, чтобы отправиться в Бенарес и оттуда ударить вдоль северной границы Ориссы, войска из Агры и Гвалиора двинулись к Бхопалу, откуда открывался прямой путь на Нагпур, а индурская армия готовилась к наступлению вдоль хайдарабадской границы.

Слоны с воздушными шарами-наблюдателями легкой рысью двигались из Дели к Бхопалу и Индуру, обгоняя колонны войск. Благо слон, спешащий не слишком торопливо, даже кавалерию на марше способен обогнать.

Остальные слоны волокли на юг всё, что успели наштамповать ракетные мастерские Эммета. И самого Эммета, кстати, тоже. В принципе, проку от ирландца в бою было никакого, я б его с большим удовольствием оставил продолжать работу как инженера. Но если он хочет когда-нибудь вернуться домой и начать там освободительную войну, боевой опыт ему необходим. Так что пускай сам своими ракетчиками и командует.

Еще у нас была сотня майсурских улан, которые ухитрились каким-то образом просочиться из Майсура в Империю после гибели Типу Султана. Командовать ими Ясмина

поставила Абдула Халика, старшего из сыновей Типу, служащих сейчас у неё.

Глава 64

Разгром храма Кали

15 ноября 1799, Бегул.

— Никуда ты не полетишь, — решительно заявил Шахрад. — Ты с ума сошла, махать серебряными крыльями над самым храмом Кали! Я понимаю что не участвовать в разгроме храма ты не можешь, но вот в этой железке, — он постучал по стальному листу кабины артиллерийского тягача работы Тревитика, — да за спинами твоих верных солдат, под прикрытием огнемётов, я готов тебя туда отпустить. Но летать в одиночку...

— Разведка нам нужна как воздух. — возразила Ясмينا. — От Бетула до Нагпура двести километров и по дороге в нашу сторону идет армия Бхонсле. Нам нужно знать, где она, по каким боковым дорогам можно ее обойти. Эти железяки по пашне не проедут, по горным тропам — тем более.

Ты хочешь чтобы мы со всем обозом влетели в походные порядки армии Нагпура?

— Знаешь, пожалуй, это будет безопаснее, чем летать в одиночку. Но если уж ты настаиваешь, полечу я.

— Летите вдвоём, — наконец не выдержал я. — запаситесь бомбами или огнемётами и прикрывайте друг друга. Ближе к храму не суйтесь, нам главное знать, где армия и как ее обходить. Придется ведь идти без драгунского прикрытия. Человек тридцать-сорок сверх артиллерийских расчетов мы на тягачи посадим, и это всё. Нам же нужен

уголь на 400 километров и боезапас.

— Но почему? — удивился Шархад. — У вас что, мало прекрасных кавалеристов? Даже если мало, есть еще две сотни майсурских улан, которые прибились к нам после падения Серингапатама и которых ты отдал Абдулу Халику.

— Потому что ни одна лошадь не пройдет двести километров без отдыха. А машина пройдет. При наличии сменных водителей, естественно. Как ты думаешь, что делаю здесь я, которому по первоначальной диспозиции надо бы быть в северной армии с Ранджитом Сингхом, что делает здесь Дженнифер, и зачем мы сорвали из Лахора Васильича, который вообще человек мирный? Здесь собраны все водители мира, имеющие пробег больше лакха километров. Да, у нас четыре тягача, и придется сажать за руль и ребят с полугодом стажа тоже. Но для головной машины у нас есть три опытных водителя. И инженер с тридцатилетним опытом ремонта механического транспорта.

Риск, конечно был велик. Если противнику удастся перехватить наш мобильный отряд, накроется медным тазом всё. Здесь императрица, здесь три из пяти пришельцев из другого мира, здесь де Пиль, который любого из нас стоит. То что в руки противника попали бы тягачи, нарезные казнозарядные гаубицы и заряды с бездымным порохом это наплевать. Без лахорского и делейского заводов такое не воспроизвести.

Поэтому мы с Васильичем лично облазили все четыре тягача, три с пушками, и ремлетучку, проверили все что могли проверить. Это занятие заняло у нас время до полудня. Шархад с Ясиной еще не вернулись из разведки. Поэтому мы завалились спать.

Разбудила нас в пять вечера Дженнифер.

— Как ты можешь спать накануне такой операции? — удивилась она.

— На боку, зубами к стенке, — проворчал я. — А ты что, так и не ложились?

— Не ложились, — призналась она. Не могу, вся на нервах.

— Тогда твои первые 60 километров. Нам всю ночь эти железяки вести. А рессоры у них оставляют желать лучшего. Да и местные дороги тоже. Так что на ходу ты вряд ли

отоспишься.

Разведчики уже вернулись, мы наметили путь и с закатом выехали из Бегула, небольшого городка на крайнем юге бывшего Гвалиорского княжества, а ныне Малавской субы Империи.

Ацетиленовые фары, конечно, светили несколько хуже, чем привычные нам электрические, но хоть что-то на дороге разглядеть было можно.

В принципе, для нас те 25 километров в час, которые развивали эти машины по шикарной по местным меркам грунтовой дороге, это почти ничего, легкая прогулка. Но тем не менее. Через два часа в небольшом городке Малтай колонна свернула с шоссе на более узкую грунтовку. Еще через час я сменил Дженнифер за рулем головной машины. И вот тут-то началось. Дорога, и без того не слишком хорошая, начала серпантинном карабкаться на невысокую горную гряду, каких в Декане полно. Впрочем, это продолжалось недолго. Потратив почти час на преодоление десятка километров, я снова вывел колонну на покрытую возделанными полями равнину. Еще через полчаса пришлось вброд форсировать весьма многоводную реку Вадхра, а потом мы подъехали к наплавному мосту через Джам. Мост охранялся, но охрана, кроме единственного часового, мирно спала. От вида четырех пыхтящих чудовищ с горящими глазами, проскочивших мимо него на скорости галопирующей лошади, часовой остолбенел и даже не поднял тревоги.

Через час я передал руль Васильичу, а за час до рассвета мы, наконец, достигли расчетной точки. Храм Кали располагался в стороне от той дороги, по которой мы ехали, и был скрыт за холмом. Тут же кто-то полез на холм, размазывая провод полевого телеграфа, драгуны боевого охранения, половина сикхи, половина джаты, занялись рытьем окопов, а артиллеристы отцепляли и ставили на позиции орудия.

В тот момент, когда в лучах восходящего солнца заблестела золоченая крыша храма, де Пиль и Ясмينا уже любовались на неё в подзорную трубу из замаскированного на обращенном к храму склоне холма окопчика наблюдательного пункта. Вот тут оно всё и началось. Пристрелка не за-

няла и десяти минут и на храм обрушился беглый огонь из трех казнозарядных 150-мм гаубиц. Около десятка тридцатипятикилограммовых снарядов в минуту. Фугасные снаряды с пикриновой кислотой, зажигательные снаряды с напалмом и белым фосфором, экспериментальные снаряды для борьбы с укреплениями, взрывающиеся с замедлением, которые пробивали все перекрытия и взрывались в подвале.

Через час снаряды у нас кончились и огонь прекратился. Де Пиль приложил к глазу подзорную трубу и ещё раз всмотрелся в залитые напалмом развалины.

— А говорили Храм Кали, Храм Кали, туги, туги. Типу Султан их боялся, на Артура Уэлсли порчу навели, тебя чуть не грохнули в твоём же собственном тронном зале. А оказывается от хорошего обстрела из осадных орудий дохнут точно так же, как любые другие люди.

— Эта твоя осадная батарея, — возразила Ясмина, — опережает время примерно настолько же, насколько вот это ружьё, — она похлопала по цевью СКС, который держала в руке, — которым я от них тогда отбилась. Ты посмотри: механическая тяга, нарезные стволы, зарядание с казны, картузы, бездымный порох, пикриновая кислота в снарядах, взрыватели с замедлением, корректировка по телеграфу.

Вот представь себе что пришел бы ты сюда с теми же орудиями, что были у тебя в Джайпуре. Пусть даже не на воловьей тяге, а на слоновьей. Полз бы ты с этим поездом сюда по меньшей мере неделю. За это время у твоих волов случился бы ящур, а у солдат такая же чесотка, как у Артура Уэлсли.

Потом позиции тебе пришлось бы размещать не на дороге — дальнобойности бы не хватило, а вон там — она показала рукой вперед.

И стреляла бы каждая пушка не два раза в минуту, а четыре в час. Поэтому пока бы ты пристрелялся, туги успели бы разбежаться из храма как крысы и попрятаться.

В этот момент от позиций на НП подошли Шархад и Кешарин с тяжеленными рюкзаками на плечах в сопровождении отделения сикхов с СКС-ами.

Де Пиль улыбнулся. Рюкзаки, которые тащили на себе

драконы, были копией того рюкзака, с которым появился тогда, во время мятежа в Лахоре Рихард. Даже цвет передрали — зеленый с коричневыми пятнами неправильной формы. Только пошиты не из странной блестящей иномирной ткани, а из обычной здесь плотной джутовой палаточной ткани. Говорят, горные стрелки на афганской границе тоже все поголовно обзавелись такими же, только помельче. Такая ерунда как выкройка рюкзака, а на двадцать процентов увеличивается либо переносимый груз, либо дальность перехода. И снижается заметность. А это хотя и в цифрах не оценишь, но выливается в ушедшие в молоко вражеские пули и в неподнятые тревоги.

— Пойдем, Ясмина, доведем дело до конца, — сказал стальной дракон, переводя дух.

— Это еще не последнее, что надо сделать с храмом Кали, — улыбнулась Ясмина. — но пошли, время не ждёт.

Через полчаса, когда они быстрым, несмотря на тяжелый груз у драконов мужского пола, шагом, преодолели расстояние от наблюдательного пункта до развалин храма, де Пиль с удивлением наблюдал в подзорную трубу, как драконы вытащили из своих рюкзаков мешки с каким-то красным порошком, надели маски, защищающие лицо, и старательно посыпали этой пылью все развалины от краёв к центру.

Потом все трое сбросили одежду, приняли истинный облик и станцевали в воздухе над обгорелыми камнями какой-то безумно красивый танец. Бронзовый, серебряная и стальной.

Потом они бросили снятую одежду и маски в огонь, которым еще местами сочились развалины, оделись в свежую одежду, извлеченную из рюкзаков и пустились в обратный путь.

Когда они вернулись на НП, де Пиль спросил у Ясины: — А что последнее?

— Последнее — это взять эти камни и вымостить ими площади перед ближайшими мечетями. Чтобы мои правоверные подданные, идя на молитву, попирали ногами камни языческого храма. Но это потом, когда разобьем Бхонсле и присоединим эти земли.

К полудню пары были разведены, пушки прицеплены,

телеграф и проволочные заграждения сняты и убраны, и отряд тронулся в обратный путь.

Периодически то Кешарин, то Шархад взлетали прямо с грузовой площадки тягача, благо расход угля и снарядов облегчил машины настолько, что они вполне выдерживали вес дракона в истинной форме, и осматривали путь впереди.

Обстановка менялась крайне быстро, и было важно не влететь на всей доступной паровикам скорости в какой-нибудь отряд сабель этак в 800, идущий на соединение с армией Нагпура.

К счастью, ничего такого не случилось, и на закате мы въехали в Малтай, где уже располагались лагерем основные силы армии.

Теперь нам предстояло разделиться. Ясмина, Шархад и де Пиль со своей батареей оставались в этой армии. Я на Кешарине улетал в Бенарес, где должен был присоединиться к Ранджиту Сингху, а Дженифер и Васильич из Бхопала дилижансом уезжали в Дели и Лахор.

Васильич уговорил де Пиля одолжить ему один тягач с двумя водителями до утра, поэтому они с Дженифер должны были попасть в Бхопал часов через шесть. Вот обратно ездовые де Пиля вряд ли доедут раньше полудня. Но поскольку батарея будет теперь следовать за основными силами, а пушку, которую тащил этот тягач, можно пока прицепить к ремлетучке, к вечеру догонят. А столкновение с войсками Бхонсле завтра вряд ли произойдет.

Кешарин предпочел отоспаться. 650 километров с пассажиром даже для тренированного дракона мужского пола — немало.

Глава 65

Северная армия

Бенарес, 16 ноября 1799

И вот я опять прилетел в Бенарес, и опять на драконе.

Как выяснилось, Ранджит Сингх уже увел отсюда армию на юг, обходя границы занятого англичанами Бихара. Покойный Эрскайн не стеснялся водить свои войска по землям номинально независимого раджи Рагходжи Бхонсле, но мы люди скромные и залезать в Бихар не будем.

Когда мы приземлились в Рамнагаре, небольшом городке на правом берегу Ганга, напротив Бенареса, мы обнаружили там разгружающуюся с речных барок Вторую Экспериментальную Гаубичную батарею. Таких батарей у нас было три. Одна уже замечательно отработала вчера в Нагпуре, вторая только готовилась приступить к делу. Конечно, своим ходом по Великому Колесному пути она дошла бы досюда гораздо быстрее, но сэкономить ресурс двигателей и избежать поломок — правильнее. А торопиться некуда. Серьезного сопротивления здесь, на границе с английскими владениями мы не ожидали.

Я тут же узурпировал пассажирское место в кабине головной машины. Кешарин, утомленный перелетом устроился в кузове вместе с расчетом и моментально захрапел.

Садиться за руль после двух пятичасовых перелетов на драконе мне не улыбалось, но оказать моральную поддержку не слишком опытному водителю я чувствовал себя в силах. В результате, часам к трем ночи мы доехали до Обры,

где встали на привал основные силы Ранджита Сингха. Я с облегчением завалился спать рядом с Кешарином, предоставив артиллеристам ставить палатки и вообще обустроиваться.

На рассвете меня разбудил лично Великий Визирь, которому было любопытно узнать, что там происходило на направлении основного удара.

Когда я рассказал ему наши позавчерашние приключения, он спросил:

— Ну ладно, Ясмина. В конце концов я понимаю, что в уничтожении школы драконоборцев должны были принимать участие представители всех кланов. Но зачем ты потащил туда Дженнифер?

— А вот затем и потащил, чтобы Ясмина благополучно вернулась к своей армии. Ты пойми, десять часов ночной гонки по проселочным дорогам. Для этих машин 25 километров в час это гонка. Я хотел, чтобы хотя бы в головной машине все время был водитель, имеющий хотя бы пять лет стажа. Таких у нас трое — я, Васильич и Дженнифер. Причем я научился водить машину довольно поздно. У меня всего лакх километров пробег. Васильич, хотя и водит грузовик со студенческих лет, больше механик, чем водитель. И только Дженнифер имеет огромный пробег по дорогам Латинской Америки и где она ещё там работала. И вообще она научилась водить машину как только стала ногами до педалей доставать. Не взять в такую эскападу лучшего водителя мира?

— Тогда, в Лахоре ты её потащил на поле боя, сейчас потащил. Да, у тебя всегда есть железный резон — она умеет что-то, что никто кроме неё и тебя в этом мире не умеет. Но мне за неё просто страшно.

— А за Ясмину?

— Ясмина — императрица. Я не могу её удержать. А Дженнифер — просто моя любимая женщина.

— Ох не просто. Во-первых, она твой и ясминин главный тайный советник. Во-вторых, она первая из пришельцев из другого мира здесь. Если бы не она, Ясмина не отправилась бы в наш мир, и не притащила бы оттуда меня.

— Ты еще скажи, что это её, а не меня следовало делать Великим Визирем.

— Ты сам это сказал. К счастью, ты это понимаешь. И все решения в тех областях, где она действительно разбирается, за тебя принимает она.

Молодой сикх замолчал, задумавшись. Тут к нему подсказал на взмыленном коне вестовой и стал что-то докладывать. Выслушав доклад, Ранджит вскочил на коня и унесся куда-то. А я не спеша занялся вместе с артиллеристами подготовкой машин к походу. Надо, надо, местных механиков школить.

Кешарин так и остался вместе со мной при экспериментальной батарее. В случае чего, будет дополнительная авиаразведка. Ещё в этой армии была Фулла, двоюродная сестра Шархада. Она предпочитала крутиться вокруг штаба Ранджита Сингха. Ну и то сказать, там общество куда более шикарное, чем перемазанные угольной пылью и машинным маслом механики.

Точно в назначенный час колонна войск двинулась вперёд. Всё-таки за полтора года мы сумели научить хотя бы некоторых офицеров пунктуальности. Если так дальше пойдет, глядишь, году к 1805 научатся нормально бить англичан.

Через два часа марша шедшая впереди нас колонна кавалерии вдруг встала. Остановились и мы. Посмотрев вперёд, я увидел какое-то шевеление у правой обочины.

— Что это там, — спросил я, перегнувшись через борт у командира пехотного батальона, который как раз пытался просочиться по обочине мимо тягачей, дорогу которым преградил остановивший лошадей драгунский полк.

— Да там тугов поймали. Поэтому и остановились.

— Тугов?! — взвился Кешарин и выпрыгнул из кузова тягача. Я уж подумал, что он форму меняет прямо в прыжке. Но нет, на утрамбованную глину дороги опустился не дракон и не леопард, а по-прежнему человек. Я последовал за ним.

Подбежав к месту происшествия, мы увидели что спешившиеся драгуны с примкнутыми к пневматическим карабинам штыками окружили группу полуголых мужчин в тюрбанах.

Фулла уже была здесь, но драгуны её не пропускали сквозь своё, ошетилившееся штыками, кольцо. И ранг лич-

ной представительницы императрицы при штабе не помогал.

При мне мансебдар, командовавший операцией по захвату, так в лицо и сказал:

— Вот при штабе и представляйте, госпожа. А здесь — дело. И у меня прямой приказ — тугов близко к вам и ещё четверым поименно не подпускать любой ценой.

Драконочка несколько обескуражено поглядела на нас с Кешарином. К счастью, ко мне отношение у офицеров ясмининой армии было другое. Я был как минимум участником битвы под Бенаресом и человеком, неоднократно командовавшим этими самыми драгунами на учениях. Поэтому меня, а вслед за мной и Кешарина пропустили беспрепятственно.

Кешарин тут же схватил старшего из тугов за горло, и сказал ему что-то на неизвестном мне языке. Тот в ответ что-то прохрипел.

— Рихард, разреши мне их прикончить немедленно. — повернулся он ко мне. — Лучше из огнемета. Ты, по-моему сам ввел эту традицию, что кто покушается на драконов, должен гореть в драконьем огне. А это тот самый кадр, который три года назад заманил в ловушку моего двоюродного брата.

— А допросить? — усомнился в необходимости такой спешки я.

— А что их допрашивать? Что они знают такого, чего я о них уже не знаю?

— Ну например, сколько их еще осталось за стенами храма в момент нашей позавчерашней акции и где у них лежки в Ориссе и Бераре.

— А ладно, никуда они не денутся, — отмахнулся дракон. — Местное население их любит не сильно больше, чем мы.

На землях Ясмینی начиная с момента начала нагпурской кампании туги были объявлены вне закона. Кто угодно, от последнего метельщика улиц и до субудара мог их убить на месте без суда и следствия.

Как мы узнали позже, абсолютно такие же указы были изданы в тот же день низамом Хайдарабада и Ричардом Уэлсли. Тугов в Индии не любил никто.

Лейк по приказу губернатора устроил очень вежливый, но жесткий визит в калькуттский храм Кали силами целого полка бенгальских сипаев, полка в котором ни одного индуиста не было даже и в обозе — только мусульмане и англичане.

Но таких решительных мер как нам с Ясиной в Нагпуре, в Калькутте предпринимать не пришлось. Там храм Кали был именно храмом Кали. Богини, может быть и не самой приятной в общении, но в политеистическом пантеоне необходимой. А вовсе не центром по подготовке убийц-душителей или дракоборцев.

Но об этом мы узнали уже сильно позже. А пока я, минуто подумав, разрешил Кешарину сжечь эту заразу на месте.

Глава 66

Битва за Нагпур

Пандхерна, 18 ноября 1799

Ясмина, одетая в форму младшего офицера сикхских драгун, стояла около слона, со спины которого тянулся трос к воздушному шару висевшему в безоблачном небе на высоте сотен в пять метров. Перед ней на за складным столом сидел оператор штаба в телеграфных наушниках и с ключом и наносил на карту обстановку, передаваемую летнабами.

За спиной у императрицы стоял Дост Хуссейн, который внимательно следил за тем, какие приказы она отдаёт, но не вмешивался. Он был уже уверен в своей ученице.

Их окружало еще несколько офицеров разного ранга. Это не был военный совет, это было скорее текущее управление войсками. Но в армии было несколько офицеров, мечтавших не только о военной, но и о придворной карьере, и сейчас не упускали случая покрутиться на глазах у Её Величества.

Ясмине очень хотелось взлететь, самой осмотреть позиции противника и сделать собственные выводы. Но она сдерживала себя. В конце концов надо научить и подданных воевать.

Карандаш в руке штабиста обвел штриховой линией большое поле, потом поставил там значок ракеты, и цифру 5000.

— Что, у них там пять тысяч ракет, — удивился моло-

дой человек в форме капитана майсурских улан, стоявший рядом с императрицей.

— А что тебя удивляет, Абдул Халик? Твой отец в своё время продал маратхам довольно много этих изделий, надеясь на союз против англичан.

— Но ведь англичане их все скупили и выпустили по нашим же городам!

— Значит не все. Сколько вы тогда продали в Нагпур?

— Тысяч десять.

— Ну значит Бхонсле зажал не меньше половины.

— Ваше Величество, — продолжил майсурец. — Разрешите мне с моими людьми атаковать эти позиции. Мы знаем это оружие и...

— Что «и»? У тебя всего две сотни улан. Тебе будет не до того, чтобы изменять наводку пяти тысяч ракет. В то что вы сумеете поджечь фитили, я ещё готова поверить. Но полетят они туда, куда их навели нагпурцы. Куда, по твоему?

— Вот сюда, — взяв у штабиста карандаш, Абдул Халик показал на карте. — Судя по тому что нагпурцы окапываются в Мордонгри, они ожидают что мы выдвинем артиллерию вот сюда. Другого варианта у нас просто нет. А значит пехотное прикрытие как раз попадет под огонь этих ракет.

— Это по их мнению у нас другого варианта есть. А по нашему мнению нарезная 150-миллиметровка бьет на 9 километров. Поэтому мы выдвинем батареи вот сюда. Чтобы они их увидели. Тут всего три километра, но ни полевой артиллерией, ни этими ракетами они нас не достанут. И будут вынуждены бросить в атаку конницу, чтобы мы не перемешали им с землей все укрепления. И вот в тот момент, когда конница выскочит на то поле, которое они приготовили в качестве ловушки нам, нужно, чтобы стартовали эти ракеты.

— Сделаю, императрица. У меня есть десяток улан, которые уже приучили своих лошадей к запаху и виду «драконова огня» и ранцевые огнеметы, переоборудованные для перевозки в седельных сумках.

— А где Эммет? — поинтересовалась Ясмина.

— Я здесь, Ваше Величество, — откликнулся ирландец.

— Ваша задача — основные силы. Де Пиль со своими

дальнобойными пушками только побеспокоит противника и заставит его бросить конницу под огонь собственных ракет. Но перемолоть тридцать тысяч — трех стволов мало. Поэтому после того как догорят последние майсурские ракеты, должны ударить ваши изделия.

Ракеты Эммета превосходили майсурские примерно на столько же, на сколько пушки образца 1877 года превосходили пушки Грибовалая. Хотя до изделий Королева и Клейменова немножко не дотягивали. Уровень примерно Вильгельма Унге или Гейла. Дальность втрое больше майсурских полутора-двух километров, пусковые установки залпового огня были калькой с «Катюши», хотя из-за нехватки механических тягачей монтировались на легких брничках, оборудованных системой быстрого отцепления лошадей, позаимствованной с почтовых дилижансов. Всё-таки лошадей желательно было отвести подальше в момент залпа.

Поэтому там где ракетчики Бхонсле целые сутки возились, втыкая в поле в землю под строго выверенным углом бамбуковые палки-стабилизаторы, Эммет мог просто подогнать повозки с пусковыми установками и сделать несколько залпов.

— У них еще вот в том лесочке укрыт пятитысячный корпус, — заметил штабист.

— Да, — сказала Ясмина. Это отряд наемников бегумы Самру. Его мы пока расстреливать не будем, попробуем предложить им сдаться после разгрома основных сил.

* * *

И вот Раходжи Бхонсле наблюдал в подозрную трубу, как громоздкие паровые тягачи вытаскивают на пригорок на горизонте длинноствольные орудия, как спешившийся полк драгун начинает окапываться. Вот один из тягачей, отцепивших пушки, прицепил большой плуг и пыхтит перед рядами солдат машущих лопатами. В общем, оборудуется позиция в двух милях от того места, где окопались нагпурцы. Что, они собираются как-то выманить их из полевых укреплений? Ну-ну, пусть попробуют.

Тут пушка выпустила легкий дымок и через несколько секунд за спиной раджи Нагпура раздался страшный удар. Над головой полетели комья земли и камни. Еще несколь-

ко секунд и второй выстрел вздыбил фонтан земли в сотне ярдов перед наблюдательным пунктом командующего армией.

— Надо что-то делать, — Бхонсле повернулся к своему командующему конницей. — Похоже, у них там только небольшое пехотное охранение. Попробуйте сбить эти пушки с позиций. Возьмите всю конницу, кроме улан из наемников Самру.

Когда лава конницы выплеснулась из-за полевых укреплений, с воздушного шара, висевшего над позициями этих дьявольских орудий, взлетели три цветных ракеты. Еще через десять минут, когда лава достигла того поля, где по стратегическому замыслу Бхонсле должна была быть поймана в ракетную ловушку армия Империи, стартовала еще одна, дымовая.

И вслед за ней, со страшным свистом из-за перелеска стали вылетать боевые ракеты нагпурской армии. Они падали среди несущейся конницы, нанося укрепленными в головной части ножами раны лошадям и порождая панику своим свистом. И вот уже вместо атакующей лавы конницы имеется толпа беспорядочно мечущихся перепуганных лошадей.

Над какой-то частью удается сохранить управление, и около тысячи всадников, оказавшихся по случайности впереди места падения ракет, продолжают нестись вперед. Командующий ожидал убийственного залпа шрапнелью из этих огромных пушек, но почему-то те продолжали методично расстреливать основные силы. Когда до позиций пехотного прикрытия оставалось чуть больше сотни ярдов, кони первой шеренги вдруг со страшными криками боли перекувырнулись через голову. На них налетели следующие. И вот уже на поле огромный вал людей и лошадей, путающихся в спирали из колючей проволоки. А по нему из окопов бьют струи огня.

Почти сразу же после этого драгуны покинули окопы и начали делать проход в проволочном заграждении, заодно растаскивая и трупы. В этот проход, обтекая продолжающие стрелять орудия, двинулись колонны пехоты, чтобы начать разворачиваться в боевые порядки уже после того места, где ракетный залп накрыл конницу. Полевая артил-

лерия Бхонсле была к этому моменту уже основательно перемешана с землей огнем дальнбойных гаубиц и стрелять даже и не пыталась.

В этот момент ударили делейские ракеты. Их было много, и в отличие от майсурских, основным поражающим фактором которых были приклепанные к головной части ножи, они имели боеголовки. Фугасные, шрапнельные, зажигательные.

За первым залпом буквально через несколько минут последовал второй. И армия Нагпура побежала. По дороге, которая здесь проходила по узкому мостику через оросительный канал. Мостик уже был пристрелян тяжелой артиллерией и на него обрушились 30-килограммовые фугасы. А сзади надвигались плотные каре пехоты.

Офицеров, которые могли бы как-то организовать сопротивление, на этот момент почти не осталось. Их в течение двух часов выбивала тяжелая артиллерия по командам корректировщиков с воздушного шара, ориентировавшихся на блеск стекол подзорных труб или золотое шитье мундиров. Началась неорганизованная сдача в плен.

Тем временем бригада бегумы Самру продолжала стоять в перелеске к югу от основной дороги.

Вдруг от массы имперских войск, двигавшихся к оставленным нагпурцами полевым укреплениям, отделился одинокий всадник и, подняв над головой белый флаг, поскакал к перелеску, где был укрыт резерв.

Когда всадник приблизился, бегума Самру с удивлением узнала в нем Нур де Буань...

— Нур, что ты здесь, на поле боя делаешь?

— А ты, Фарзана? — назвала ее парламентарша почти забытым именем, данным ей при рождении.

— Ну как видишь, бригадой команду.

— Ну если вдова Вальтера Сомбре может командовать отрядом наемников, то почему бы бывшей жене Бенуа де Буаня не вести с ней переговоров?

— А о чем ты хочешь вести переговоры?

— Конечно, о капитуляции твоего отряда и о переходе с оружием и знаменами в состав имперской армии.

— Ты знаешь, Нур, меня считают хорошим командиром ровно потому, что я никогда не предавала своего нанима-

теля.

— Какого нанимателя? Рагходжи Бхонсле? Нету уже того Бхонсле. Убит осколком. Тело полчаса назад нашли. В военном отношении твой отряд сейчас не представляет ничего. У тебя неплохие пехотинцы, но очень мало конницы и совсем нет артиллерии. К тому же вы тут в лесочке стоите, не окопавшись. Если вас сейчас накрыть ракетами, сдаваться будет уже некому. Но моя госпожа не хочет чтобы такое хорошее соединение было уничтожено зря. Поэтому отправила на переговоры меня. Ведь мы с тобой хорошо знакомы.

Бегума Самру подумала и согласилась.

* * *

Нагпур, 18 ноября 1799

В течение всего дня жители Нагпура напряженно вслушивались в происходящее на востоке. Сначала до города доносился отдаленный грохот канонады, но к полудню все стихло. Жители вернулись к своим занятиям и только часовые на стенах напряженно вглядывались в даль. На закате над лесом на горизонте поднялось густое облако пыли, сквозь которое пробивался столб черного дыма.

Через некоторое время разглядели скачущий по дороге конный отряд, а за ним огромное сооружение на колесах, двигавшееся самостоятельно, безо всяких признаков упряжки.

Самобеглая повозка остановилась примерно в полумиле от городских ворот, развернулась, и оказалось, что к ней прицеплена огромная пушка.

Пушку отцепили, и стали снимать с передка. А всадники спешили и начали копать полевые укрепления.

Через примерно полчаса орудие было изготовлено к выстрелу и в наступающих сумерках нанесло первый выстрел. С такой большой дистанции и сразу попасть в ворота? Тем не менее имперским артиллеристам это удалось. Снаряд пробил насквозь обе створки и разорвался на площади внутри города, выбив стекла в нескольких кварталах и сорвав с петель внутреннюю створку ворот.

После этого один из всадников вскочил на коня, и подняв на пике белый флаг, направился к воротам. Нагпур сдался.

Глава 67

Гуру

Кусми, 23 ноября 1799

На очередном вечернем привале ко мне вдруг подошел какой-то нищенствующий брамин, на вид лет этак сорока. То что он был не из тугов, было очевидно всем, иначе кто бы его пропустил в центр лагеря, да ещё и в расположение экспериментальной батареи.

— Рихард-сахиб, — сказал он, не представляясь. — Вас хочет видеть бабуджи Веданги.

Ну настолько-то я знал кто есть кто в Индии, чтобы понять что речь идет об одном из посвященных высшего уровня влиятельного ордена натхи.

— Идти туда, конечно, следует пешком? — спросил я.

— Да, но это недалеко.

Я выдал инструкции Кешарину и командиру батареи и отправился вслед за брамином. К моему удивлению, не пришлось забираться в горы, где бы в уединенной пещере великий йогин предавался аскезе.

В центре большого селения, на краю которого разбила свой лагерь наша армия, стоял маленький храм, посвященный Шиве. Вот его-то настоятелем и оказался упа-сабхапати, второй человек в культе Шивы всего Индостана.

Он усадил меня на циновку в храме, налил чашечку какого-то отвара из трав и начал расспрашивать о моих планах и планах Ясины.

— Ясмина, — рассказал я ему, — относится к своим лю-

дям как к сокровищу. Ну вы знаете, что такое драконье сокровище для дракона. Поэтому главная цель нашей политики, это чтобы люди не голодали, не умирали от болезней и так далее.

— А не проще прибрать к рукам побольше населенных территорий, чем вы сейчас и занимаетесь? — ехидно поинтересовался брахман.

— Увы, у этого пути есть естественные пределы. Ну, дойдем мы до мыса Коморин. А дальше море. На запад можно дойти до Кабула, ну до Герата. В конце концов это древние земли Моголов. Но дальше — Персия. Там Ясмину явно не ждут. На севере — Гималаи. Джунгли Бирмы — не менее неприятное и столь же малонаселенное место, как и Афганистан, поэтому соваться на восток дальше Ассама смысла нет. Хочешь не хочешь, а придется заниматься организацией жизни людей в тех границах, которые есть.

— Ах, даже так. Ну по крайней мере ты этого не скрываешь, — улыбнулся он. — Но это желание твоей повелительницы. А чего хочешь лично ты? Ты же служишь ей не за деньги и не за красивые глаза.

— Ну насчет красивых глаз могут быть разные мнения. Благосклонность такой женщины многого стоит. А вообще, наверное, я хочу чтобы у людей, живущих в этом мире было чуточку побольше выбора.

— Объединить весь Индостан под властью одной магари — это предоставить побольше выбора?

— Да. Как говорил древний грек Гераклит, у всего есть две стороны. Объединение под одной короной это отсутствие таможен, это значит что люди могут свободно перемещаться по всей стране.

— Но путешествие — дорогое удовольствие. И таможенные сборы — далеко не самая важна составляющая в его цене.

— Факиры и йогины прекрасно перемещаются по стране, питаюсь подаянием. Так что цена не обязательно выражается в деньгах. Чаще приходится платить временем. И я работаю над тем, чтобы цена была поменьше. Вы, наверное, знаете про дилижансы, на которых можно от Лахора до Дели доехать за три дня? Скоро мы пустим паровики, и на них можно будет доехать за три дня от Пешавара

до Бенареса.

— Но билет на дилижанс недешев.

— Намного дешевле, чем найм повозки. Но тут трудно что-то сделать. Придется подождать лет пять по меньшей мере. Вот построим железную дорогу, на нее самый дешевый билет будет стоить столько, что нищенствующий брахман сможет за день-другой собрать такую сумму подающим.

Но ведь мир состоит не только из этой страны. В том мире, откуда родом я, европейцы подчинили почти весь мир. Здесь, может быть, получится добиться того, что Индия будет равновелика Европе. А есть еще всякие непокоренные европейцами народы — зулусы, аракуаны, маори, гавайцы. Если удастся, то через 20 лет они смогут стать равноправными партнерами в военных союзах.

— Изменить судьбу мира настолько? Ты, конечно, эпический герой, совершивший два подвига, достойных даже не Пандавов, а аватара Шивы...

— Это каких? — удивился я.

— Ты построил лодку из железа.

— Было такое, согласен. Хотя мне это не кажется столь уж эпическим.

— И когда ты сражался с сипаями Эрскайна, вода Ганга горела. Поджечь реку — это тоже эпический подвиг.

— Да, должен признать. И такое было в моей жизни.

— Соверши третий подвиг и все брахманы Индии пойдут за тобой.

— Какой же? Переместить батарею пушек за сто тридцать миль за одну ночь не годится?

— При всей твоей любви к безлошадным повозкам, разгром храма Кали — это подвиг разрушения. Как и поджог Ганга. Лучше бы чтобы было два подвига созидания. Ну, скажем, веревку из песка сделай.

Я задумался, а потом уточнил:

— Вам как, весь процесс продемонстрировать, чтобы вы убедились что именно из песка и именно я? Или достаточно предъявить результат, а вы поверите на слово?

— Ну это надо посмотреть на веревку и послушать слово.

Я сунул руку в планшетку, пошарил там и вытащил кусок тросика, сплетенного из стекловолокна. Где-то после

гвалиорской кампании мы с Васильичем экспериментировали со стекловолокном, надеясь получить то ли тросы для мостов, то ли несущий трос для телеграфной проволоки, не боящиеся ни ржавчины, ни термитов. Результат получился не слишком удачный, но десятиметровый кусок я таскал с собой в качестве кострового тросика.

— Вот. Из песка варится стекло, из стекла вытягивается тонкая-тонкая нить и сплетается в веревку.

Он взял веревку у меня из рук, помял в руках, потом засунул кончиком в огонь светильника, вытащил и рассмотрел ещё раз.

Глава 68

Лошадь для визиря

Джалесвар, 15 декабря 1799.

Ранджит Сингх задумчиво рассматривал лист карты от северной границы Ориссы до Калькутты.

— Вот здесь, в Ховрахе, — ткнул он карандашом почти в самую Калькутту, — живет один заминдар, у которого есть замечательные лошади. Там уже три поколения рода упертые лошаадники, ввозят производителей из Аравии, из Европы...

Ранджит Сингх был фанатиком хороших лошадей. Они были для него дороже денег, дороже воинской славы, дороже чего угодно. Разве что его страсть к умным женщинам могла сравниться с его страстью к лошадям. Но умные женщины — существа независимые, и хотя вокруг Ранджита их хватало — Ясмина, Дженнифер, Сада Каур, Моран, но всё же тут речь не шла о даже десятках. А лошадей у Великого Визиря были сотни. Причем это не какие-то абстрактные табуны, каждую он знал по имени, знал за какие именно качества он её выбрал, за каждой второй стояла история, достойная авантюрного, если не детективного, романа.

— Ну так что? Ну есть у англичан в Бенгалии человек, который разделяет твою страсть к хорошим лошадям. Дальше что?

— Отсюда до Ховраха, судя по карте, сто восемьдесят километров. Меньше чем от Бегула до Нагпура. Давай возь-

мам твой тягач, и туда сгоняем.

— Ты с ума сошёл? Это же в восьми километрах от Калькутты. А у нашей 150-миллиметровки максимальная дальность — девять с половиной. Если англичане пропустят туда наш артиллерийский тягач, то это значит что мы можем легко послать форту Уильям 30-килограммовый привет с пикринкой.

— Ты думаешь, они об этом знают?

— Я думаю, что всю вторую половину ноября, начиная с расстрела храма Кали и кончая тем моментом, когда Дост Хуссейн разослал по окрестностям патрули, окончательно утвердив в Нагпуре власть Ясины, там было не протолкнуться от английских шпионов и шпионов низама. Они там могли геодезической мерной цепью расстояние три раза промерять. Правда, мы били не на полную дальность, а примерно на половинную. Но будь уверен, у англичан найдутся толковые артиллеристы, которые сумеют это определить.

— Понимаешь, в чем дело, Фулла уже слетала туда в разведку. И выяснила что английских войск на всем протяжении дороги нет. Лейк после переговоров в Детья отвел свои войска в Калькутту, а пограничной стражи они тут толком никогда не держали.

— Вот, значит и повод завести будет. Когда они узнают что мы разъезжаем на артиллерийских тягачах в непосредственной близости от Калькутты.

— А они узнают?

— Ну, во-первых, твой лошадиник растреплет. Не он сам, так его слуги. Что приезжала-де огненная повозка из Империи, и на ней-де сам Великий Визирь — лошадь покупать. Во-вторых, раз уж все равно растреплют, то стоит демонстративно пометить территорию.

— На угол помочиться что-ли? — рассмеялся сикх.

— Неприличное слово на заборе написать. Той краской цвета хаки, которую Лебон нам сварил для покраски тягачей. В ремлетучке пара банок есть. А лучше — приличное слово «Ранджит и Рихард здесь были. Вид форта Уильям в прицел нам понравился.» или что-то вроде этого.

— Так ты согласен!! — не мог скрыть радости Ранджит.

— Согласен. А то не дам я тебе тягача, так ты Кешарина

уговоришь тебя туда отвезти, а обратно на той самой лошади поскачешь. Берем ремлетучку, тягачи с пушками — это лишнее. Твой личный конвой с пневматическими штуцерами, и двух сменных водителей. Я сейчас там движок немножко отъюню, но вообще-то без пушки на буксире оно километров сорок и так даст.

И вот второй раз за нагпурскую кампанию я устраиваю безумный 200-километровый рейд на паровом тягаче по недружественной территории. На этот раз, правда, с нами нет Ясины и Дженнифер, нет и ясиного конвоя с СКСами. В случае чего придется отбиваться из пневматики, и огнеметов, благо вот уж с чем-чем, а со сжатым воздухом в ремлетучке проблем нет.

Выехали мы на закате, дав поупражняться нашим солдатам в наведении понтонного моста через пограничную реку Субарнарекху.

А на рассвете уже подъезжали к Ховраху, фактически пригороду Калькутты. Я просидел за рулем всю ночь, заставив сменных водителей посменно сидеть рядом со мной, поэтому безумно хотел спать. И пока Ранджит там торговался, решил уже улечься. Но только я забрался под тент реммастерской, меня разбудил начальник ранджитова караула:

— Рихард-сахиб, тут инглецкий генерал едет.

Я высунул голову из-под тента. Действительно, на шикарной арабской лошади, в сопровождении одного лишь ординарца по направлению к поместью, у ворот которого стоял тягач, ехал Джерард Лейк.

Он подъехал к фургону и, не слезая с лошади, поздоровался со мной. Впрочем я, сидя на борту кузова был с ним вровень.

— И как это понимать, мистер Беринг, — поинтересовался англичанин. — Что имперское воинское подразделение делает в шести милях от Калькутты?

— Генерал, ответил я, — судя по вашей лошади вы понимаете толк в скакунах. Значит, наверняка знаете, что здесь, в этом поместье разводят лучших лошадей в Бенгалии, и вообще всей Восточной Индии. А вы не единственный человек на субконтиненте, который любит хороших лошадей.

— Но вас, Рихард, — он перешел на имена, слегка расслабившись. — никогда не замечали в страсти к хорошим лошадям.

— Ну конечно, — я похлопал фургон по борту. — Предпочитаю машины. Это Ранджит Сингх любит лошадей. И вы понимаете, что Великий Визирь даже на ярмарку лошадей не мог бы отправиться совсем без охраны. Полагаю, что если бы он ехал верхом в сопровождении вот этого же конвоя, это вызвало бы у вас куда больше вопросов, чем одна безлошадная повозка.

— И долго вы собираетесь находиться на британской территории?

— Надеюсь, что сегодня к вечеру мы будем уже в Ориссе. Хотя обещать не могу — машины иногда ломаются.

— К вечеру? — изумился Лейк. — Здесь же минимум два, а то и три конных перехода.

— Вот, кстати почему еще и машина. В принципе, еще две лошади в кузов войдут, а мы сожгли по дороге сюда достаточно угля, чтобы грузоподъемности хватило. Так что могут вас с ординарцем прокатить десяток миль, чтобы вы ощутили что это такое. Обратное только будете сами добираться, почему я и хочу лошадей загрузить.

В этот момент из ворот показался Ранджит Сингх рука об руку с хозяином поместья и с грациозным каурим жеребцом в поводу. Солдаты быстро сбросили из кузова на землю дощатую сходню, по которой мы завели жеребца в кузов. Молодой сикх был так увлечен своим новым приобретением, что едва обратил внимание на то, что тут появился британский главнокомандующий.

В общем, пришлось мне дальше развлекать Лейка. Забравшись на крышу кабины я показал ему форт Уильям в артиллерийскую панораму, которая случайно нашлась в ящиках среди запчастей от 150-миллиметровок.

Потом я опять сел за руль, посадив генерала рядом с собой и прокатил с ветерком до маленькой деревушки Панчла. Дальше не стоило, ему потом верхом обратно возвращаться.

Как потом выяснилось, генерал нам очень сильно помог. Купленный Ранджитом жеребец был существом довольно нервным. И то, что он оказался в кузове машины,

едущей с довольно приличной скоростью, могло бы его напугать, если бы рядом не оказались симпатичная арабская кобыла Лейка и кобыла попроще его ординарца. Увлеченный флиртом он и не подумал о том что происходит что-то необычное, а за десять миль привык.

В общем, авантюра завершилась без приключений. И кстати, подозреваю что последовавшим за этим спокойным отношением Англии к нашему довольно вызывающему поведению мы обязаны ей. Лейк знал что мы можем перебросить достаточно крупные силы с осадной артиллерией на расстояние выстрела от Калькутты, и англичане даже не успеют узнать, что мы перешли границу.

Когда мы вернулись в Дели, Дженнифер построила нас с Ранджитом и долго ругала за наш авантюризм. Но когда Ранджит подарил этого самого жеребца ей, смягчилась. Она тоже знала толк в лошадях.

Глава 69

Кораблестроители

15 января 1800, Лахор

Только вернувшись в Дели из Ориссы, я отправился в Лахор к Васильичу. Он, когда мы с ним встретились во время рейда к храму Кали, обещал что покажет мне кое-что интересное.

И показал. У него, оказывается был спущен на воду речной колесный пароход, слизанный с советских послевоенных пароходов, ходивших по российским рекам еще во времена моего детства. Правда, корпус был деревянный, но с диагональными подкреплениями. Чувствуется, что привезенную мной из Лондона книгу Пьера Буге сотрудники Васильича освоили. Котлы он поставил прямоточные, а машину отгрохал аж на 500 лошадиных сил.

Развивало это сооружение 10 узлов, как и его прототип, причем было даже чуточку экономичнее. Отделка корабля была шикарной, маленький газогенератор конструкции Лебона обеспечивал все судно светильным газом, которым освещались палубы и каюты и отапливался камбуз и баня.

Васильич собирался пустить это сооружение в качестве почтового и VIP-пассажирского по Инду. И уговорил меня участвовать в первом рейсе, благо нам все равно нужно было пообщаться с майсурскими моряками в Карачи. На мой взгляд сухопутные завоевания следовало остановить. У нас еще и на старой-то территории Империи реформы не завершены, а тут еще Ауд, Индур, Удджайн, Нагпур и

Орисса.

Кстати, в Ориссе, в пяти километрах к югу от устья Маханади, реки, на которой стоит старинный город Каттака, нанятые рабочие уже начали строить волноломы будущей гавани порта Парадип. В нашей истории порт там удалось построить только в XX веке. Но в Ориссе настолько плохо с хорошими гаванями, что без этого порта мне не обойтись.

С другой стороны, плавать по морям надо бы активнее и начинать строить что-то более современное, чем корабли Типу-султана, доставшиеся нам вместе с моряками. Конечно, и сами эти корабли тоже ничего. Во всяком случае, в Молуккском проливе Кемаль-уд-Дин уже свой флаг показал и тамошние пираты поняли чем чревато покушение на подданных Императрицы-Дракона.

Но есть еще Тихий и Атлантический океаны. А для них уже эти кораблики, построенные в основном для обороны берегов, подходили мало.

В течение всех пяти дней пути вниз по Инду, мы с Васильичем ругались на тему того, что взять за основу для будущих дальних океанских рейдеров. И где-то уже в районе Хайдарабада¹ договорились.

За основу мы взяли самый быстрый деревянный парусник всех времен и народов — клипер «Фермопилы», который имел 1300 тонн водоизмещения, и решили оснастить его вспомогательной машиной, такой же как на нашем пароходе. Развивать с этой машиной он будет примерно те же 10 узлов, поскольку хоть пароход и меньше, но обводы у клипера совершеннее и винт поэффективнее колес будет.

Васильич брался поставить туда винт регулируемого шага, чтобы при ходе под парусами можно было развернуть лопасти вдоль потока и не терять на сопротивлении винта току воды.

В качестве артиллерии решили поставить туда четыре стомиллиметровки, сделанные на основе 42-линейных пушек 35-калиберных 1877 года. Все-таки более современные орудия мы пока не тянули. А 12-килограммовый снаряд и дальность 4 с половиной мили это по нынешним вре-

¹Хайдарабад, расположенный на берегах Инда (ныне в Пакистане) и Хайдарабад, столица одноименного княжества (ныне в Индии) это разные города.

менам очень неплохо.

Тем более скорострельность там с унитарным патроном будет выстрелов шесть в минуту, так что четырех пушек хватит, чтобы потягаться с парой 32-пушечных фрегатов.

От Татты до Карачи мы добирались целый день. Тут уже тоже ходили почтовые дилижансы, и строился канал, благо большую часть пути его можно было пустить по существующим протокам и старицам Инда. Но пока канал был не готов и дойти по внутренним водным путям на пароходе мы не могли. А выводить его в море через устье Инда Васильич не решился. Поскольку этот кораблик был явно не предназначен для борьбы со штормами.

Кемаль-уд-Дину идея клипера сначала показалась странной. Он привык что нужно в минимум водоизмещения впихнуть максимум пушек, а тут всего четыре орудия. Но личный опыт подсказывал ему что майсурские фрегаты не идеальные корабли для дальних плаваний. И вот мы ему показали что-то существенно лучшее.

Кемаль-уд-Дин уже проникся уважением к кораблестроительным способностям Васильича. Пятнадцатиметровые стальные парусные катамараны, построенные в Лахоре уже взяли на себя патрулирование Аравийского моря, и несмотря на мизерное водоизмещение и отсутствие паровой машины впечатляли всех, кто с ними сталкивался.

А теперь предстояло продемонстрировать что-то более крупное. Кемаль-уд-Дин не поленился даже съездить с нами в Татту, посмотреть на речной пароход, который по длине почти не уступал будущему клиперу, только что не имел бушприта, а по соотношению длины с шириной был даже и стройнее.

Еще мы с Кемалем-уд-Дином обговорили создание колонии в Южной Африке. Суэцкий канал Суэцким каналом, а на пути в Бразилию порт захода нужен. Вообще в перспективе нам нужна цепочка угольных станций — Сокотра, Занзибар, Южная Африка.

В Южной Африке сейчас сидели англичане, которые выперли оттуда голландцев, пользуясь тем, что метрополии, покоренной Наполеоном, было не до колоний. Но в это время Капская колония занимала лишь небольшой клочок земли в окрестностях Капштадта.

Отойди в сторону на сотню-другую километров и занимай любую подходящую бухту.

Но я рекомендовал основать колонию в тысяче километров от Мыса, в бухте, которая в нашей реальности называлась Ричардс-бей. Эта бухта была менее удобна в качестве порта захода, но зато имела два других достоинства.

Во-первых, отсюда было куда ближе до будущего Йоханесбурга и Блумфонтейна, чем, скажем, от Порт-Элизабет, то есть можно было нацелиться на золотые и алмазные прииски, во-вторых неподалеку от этой бухты пасло своих коров племя зулу под водительством инкоси Сензакагоны, и где-то в их краалях уже подрастал незаконнорожденный сын инкоси по имени Чака.

Если правильно прикормить этих воинственных аборигенов, тратиться на защиту колонии уже не придется. Только продавай зулусам оружие.

Глава 70

Урок латыни

29 января 1800

Я пришел в дворцовый лазарет. Те несколько комнат, которые Ясмينا выделила Ситоре. Не то чтобы у меня были проблемы со здоровьем, наоборот, я себя чувствовал прекрасно, несмотря на непривычный климат.

Проблема моя была другого свойства. Тут в Дели постепенно образовалось общество европейский интеллектуалов, тон в котором задавал Вульф.

С моей же подачи они организовали издание научного (или скорее научно-популярного) журнала «Lux ab orient», который был рассчитан на европейскую аудиторию. Публиковались там в основном данные об открытиях и изобретениях, которые все равно будут сделаны в ближайшие несколько лет, или которые в ближайшие сто лет не найдут военного применения.

Задачей этого издания было сделать так, чтобы Индия воспринималась европейскими учеными как центр научной мысли, чтобы послать свою статью в наш журнал был престижно, а уж поехать поработать в наших университетах...

Для своих мы издавали другие журналы, в основном на урду и хинди.

Ну так вот, этот журнал, как вы можете судить по названию, издавался на латыни, а мои знания этого языка были далеки даже от онегинского «чтоб эпитафьи разбирать».

Поэтому я и стал брать частные уроки латыни. Ситора с ее таджикским медицинским образованием знала латынь на удивление неплохо.

Конечно, лучше всех в Дели преподавать латынь могла бы Ясмина. У драконов есть какие-то свои методики быстрого обучения языкам, которыми она воспользовалась для того, чтобы за два месяца в Москве научить меня необходимому минимуму фарси и урду. Но Ясмина всё-таки императрица, у нее других дел хватает. Позориться перед специалистами из местной Англии ни я, ни Дженнифер не хотели. Оставались Ситора и Господин Архимед. Как ни странно, в данный момент Александр Филиппович был занят куда сильнее, поскольку кроме налаживания производства пенициллина и регидрона занимался еще и фотографией. Которая нам была нужна как воздух для целей разведки.

А вот у Ситоры профессиональные обязанности занимали куда меньшую часть времени. Поэтому она взялась за обучение латыни меня и Дженнифер, что позволило ей подтянуть свой английский. Местные разговорные языки ей уже неплохо поставила Зейнаб.

В этот раз мы с Ситорой занимались вдвоем. Дженнифер вместе с Ранджитом Сингхом уехала куда-то в Пенджаб.

После того, как мы покончили с программой занятия. Ситора вдруг спросила меня по-русски:

— Рихард, а ты можешь мне дать совет в личном деле.

— Ну попробую. А про что?

— Про Бэнкса...

Что Роберт Бэнкс, медик, приехавший в Дели вместе с Кольбруком, а после его отъезда фактически оставшийся за английского посла, запал на Ситору, было заметно довольно хорошо.

— Он тебе нравится?

— А что, — грустно вздохнула она, — у меня здесь есть выбор?

— Это у тебя-то нет выбора? — удивился я. — Красавица, спортсменка, комсомолка, — я улыбнулся, она улыбнулась в ответ, одна из четырех человек в Империи, кто мог оценить эту шутку. — В смысле, красавица, занимаешь один из высших постов в Империи. Да тебе стоит только мигнуть, вокруг тебя все ясенины выдвигенцы штабелями

сложатся, начиная от Хессинга-младшего и кончая Радживом Дассом.

— Ну не знаю... По-моему все персы и афганцы в местном свете — слишком восточные люди, чтобы потерпеть женщину имеющую собственную профессию и собственное положение в обществе. А наёмники-европейцы? Пусть девадаси из храма берут, как полковник Сомбре. Для нее это будет шаг вверх. А для меня стать домохозяйкой при офицере наполеоновской эпохи — шаг вниз.

У Ясины была привычка всех перешедших ей на службу офицеров от майора и выше отправлять на обследование к Ситоре. Не избежала этого и бегума Самру, которая, видимо в процессе рассказала девушке немало о том, как-то живет индийской девушке, вышедшей замуж за наемника-европейца, и каких усилий ей стоило поставить себя в этой среде как самостоятельную личность, а не как жену/вдову Вальтера Сомбре.

— Ты думаешь, что Бэнкс чем-то отличается в этом плане? То что ты называешь «восточным» на самом деле старинное. Для нас, в XXI веке. А здесь англичане местами как бы не патриархальнее индийцев. Ты в Англию с ним поедешь? Спроси у Нур как оно там.

— А Ясмина отпустит?

— А как она может тебя не отпустить? Рабства на землях Империи уже полвека как нету. Если ты хочешь следовать зову своего сердца, ни Ясмина, ни я тебя удерживать не будем.

— Не знаю... — по-прежнему неуверенно отвечала Ситора. — Что я в этой Англии забыла? Здесь ты, Ясмина, Зейнаб. Люди, которые впервые после родной матери отнесли ко мне по-доброму. Попробую уговорить его бросить службу в Компании и остаться здесь. Здесь же полно англичан служат, вот тот же Скиннер.

— Боюсь, что твой Роберт слишком большой патриот Англии, чтобы променять Лондон на Дели навсегда. Он захочет привезти туда всё, что узнал здесь. И статейками в «Lux ab orient» тут не отделаешься. Кстати, ты их ему редактировала?

— Ну да, он мне их показывал, прежде чем в редакцию нести. Ведь там в основном написано про то, что он от меня

и моих пандитов узнал.

— Да, заметно. Я бы никогда в жизни не поверил, что человек начала XIX века без может аж в трех медицинских статьях ни разу не сослаться на гуморальную теорию, витализм, гомункулосов или еще какой-нибудь с нашей точки зрения бред.

Но если это редактировал медик XXI века, то понятно. Только факты и выводы, никакого измышления гипотез. Поскольку редактор точно знал как оно на самом деле, но не хотел этого знания раскрывать.

— Но я же не про статьи хотела поговорить, — не давала сбиться с темы девушка.

— А что тут говорить? Ты все для себя уже решила. Тебе этот человек сейчас нужен. Вот не знаю, сможешь ли ты с ним ужиться, или разочаруешься в жизни с ним через месяц. Не так-то просто женщине из XXI века переносить гигиенические привычки современного европейца. Помому мусульмане и сикхи в этом плане даже несколько лучше.

— Роберт ради меня был готов даже курить бросить. Я такой жертвы от него не требую, мне запах английского трубочного табака даже нравится. Но зубы он у меня уже чистит два раза в день.

Глава 71

Английское посольство

15 февраля 1800, Бомбей

Джон Малкольм закончил свой доклад о миссии к персидскому шаху. Ричард Уэлсли кивнул головой и сказал:

— Джон, вы сделали всё, что могли. Вряд ли кто-нибудь справился бы лучше. Но, к сожалению, есть ещё одно дело, которое больше некому поручить. Поэтому я не могу дать вам время на отдых в Бомбее.

Генерал-губернатор сделал паузу.

— А что за дело, — спросил молодой дипломат. — Неужели это настолько важно, что вы не вызвали меня в Калькутту, а сами отправились вокруг полуострова в Бомбей?

— Смотрите, — Уэлсли протянул к нему лист бумаги.

Письмо было написано четким округлым, похоже женским, почерком. Английский язык автора был хорош, но местами пробивались какие-то странные обороты, видно что язык не родной.

«Генерал-губернатору Британской Ост-Индской Компании.

Уважаемый лорд Морнингтон. Я весьма сожалею, что вынуждена была выслать вашего резидента в Каттаке за пределы ныне подвластных мне земель. Роль этого порта в торговле моей Империи

с вашей Компанией не настолько значительна, чтобы там требовался отдельный представитель Компании.

Я предлагаю вам прислать постоянного посланника к моему двору в Дели, где размещается моя постоянная резиденция. Рекомендую вам отправить посольство морем в Татту, откуда мой субудар организует доставку рекой в Лахор, который уже расположен всего в нескольких днях пути от моей столицы.

Я полагаю, что для всемирно прославленных моряков вашего флота не составит сложности подняться по Инду до Татты, тем более что лоцманский пост в устье Инда укомплектован людьми, знающими британские флажные сигналы.

Ясмина Аздахак, Императрица Моголов.»

— Что бы это значило?

— Вы, наверное знаете, что два года назад до вашего отъезда в Персию умер старый шах Дели. Его молодая наследница решительно взялась за дело, тем более, что старая знать пыталась её свергнуть и посадить кого-то из потомков Тимура. Мы давали этим заговорщикам деньги и даже отправили полуроту егерей со штуцерами — у лидера заговора была странная идея, что потребуются отбиваться от летающих драконов. Впрочем штуцера не помогли. На самом деле она дракон или просто у этой династии прозвание такое, но она заговорщиков обхитрила.

Еще папаша там отправил армию штурмовать Джайпур, а она почти мирно присоединила Ауд, взяла Гвалиор и приняла вассальную клятву у магараджи Индура.

— Что? У молодого Яшванта Рао?!

— Ну, хорошо, вам не надо объяснять кто такой молодой Холкар. Но именно так. Впрочем, Ясмина сама молодая, красивая и образованная. Вспомните, на рождественском балу у здешнего губернатора в 1797.

— А, эта юная туземная принцесса, которая так мило спорила о Платоне и Макиавелли с Дунканом? — вспомнил дипломат.

— Именно. Говорят, старик Корнуоллис был от неё без ума. — заметив улыбку подчинённого, губернатор пояснил. — Он воспринимал ее почти как родную внучку. Ей же лет четырнадцать было, когда он уехал в Англию.

— Она тогда ещё вроде с вашим братом поругалась.

— О, да. — Ричард Уэлсли вздохнул. — Артур повёл себя тогда как мальчишка. А ведь был уже полковником. Нельзя так с принцессами, пусть и туземными. Я вообще ожидал что дело кончится войной. Но тогда ещё решал её папаша. Тот вообще был мирным и избегал решать проблемы военными средствами. Но дочери оставил такую армию... У неё там полно европейских офицеров. Одного мы точно знаем, француз де Пиль, аристократ, покинувший французскую службу в Пондишери после революции. Учился в одной военной школе с Бонапартом. Ещё недавно там возник какой-то русский, что настораживает. Есть еще девушка, по слухам американка, но это скорее всего просто авантюристка. А вот про русского — непонятно, сам он по себе или из какого-нибудь отдела канцелярии императора Павла. Есть сведения, что русский царь отправил через Бухару и Кабул в Дели казачий отряд.

В общем, юная императрица активно взялась за округление границ и возвращение ко временам Акбара Великого. Наши интересы уже столкнулись в Ауде, и видимо дальше это будет только нарастать.

С другой стороны, она явно не хочет пока идти на обострение и собирается торговать. Даже поддержку восстания Вазира Али в Ауде она постаралась представить как досадную случайность, хотя Эрскаяйна они тогда разбили в пух и прах. Бхонсле она элегантно подставила, фактически вынудив меня дать разрешение на захват Нагпура, а вместе с Нагпуром прихватила и Ориссу. В результате граница ее империи, которая проходила выше Аллахабада теперь проходит на пару десятков миль ниже Бенареса и выходит к Бенгальскому заливу в Ориссе. Ей хотя бы хватило такта не базировать в Каттаке флот, который бы постоянно угрожал коммуникациям между Калькуттой и Мадрасом.

— А как она вообще на тот бал попала? Я как раз тогда сидел в комендатуре и помню всех местных набобов, которые приезжали с пышными свитами. Её и её отца я как-то

не заметил. Поэтому решил, что это какие-то незначительные местные аристократы, пристроившиеся к свите кого-то из раджей. А если это шах Дели с дочерью... До Дели здесь тысяча миль. Вообще странно что они пустились в такой далёкий путь только ради того, чтобы появиться на бау. А никаких серьёзных переговоров точно не было.

— Это одна из загадок династии Аздахак. Как-то они хитрят, преодолевают расстояния, на которые должны бы уйти месяцы, за считанные дни. Причем это только шах и его наследница, максимум один-двое доверенных слуг. Когда я спросил тогда старого лиса Нану Фарнависа, знает ли он что-нибудь про это, тот ответил, что Аздахак, по-инглизски Дракон, это чудовище такое, в чешуе и с крыльями. И вот когда надо преодолеть расстояние, Аздахак-Шах принимает свой истинный облик, раскрывает кожные крылья и полетел.

Но по-моему, даже это не объясняет того, что приходит мне из Лондона письмо, в котором рассказывается про пребывание Ясмину с одним спутником в Англии, в котором написано, что 28 августа 1798 года её видели в Дублине в ставке Корнуоллиса, и одновременно — донесение от агента в Лахоре, где описано как утром 4 сентября она появилась на поле под стенами Лахора, где узурпатор её трона собирался дать бой её жениху, и армия узурпатора моментально перешла на её сторону.

Расстояние от Дублина до Лахора слишком велико, чтобы даже на крыльях его преодолеть меньше чем за неделю.

Но вопрос сейчас не в её сверхъестественных способностях, а в банальной политике. Я отправляю Бейда с пятью лучшими полками в Египет. Вы же понимаете, европейская война это европейская война. У нас тут может что угодно происходить, а им там в Лондоне своя рубашка ближе к телу.

Если учесть что Артур с ещё четырьмя полками замиряет Майсур, и ему ещё далеко до полного успеха, у нас сейчас практически нет военных сил, чтобы противопоставить Дели если Ясмину вдруг решит что-то изменить. Более того, Рейньер утверждает, что обеспечить безопасность перевозок войск в Египет он может только при условии нейтралитета делийского флота. Как вы понимаете,

делийский флот это те двадцать кораблей линии, которые Сюффрен строил для Типу-Султана и которые каким-то образом успели сбежать куда-то в дельту Инда после падения Серингапатама.

Поэтому мне нужен в Дели человек, который любой ценой обеспечит нам год или два мира.

В общем, задача у вас крайне непростая. Сколько вам совершенно необходимо времени на сборы?

— Если срочно, то завтрашний день.

— Хорошо, значит завтра с вечерним приливом вы отплываете.

* * *

20 февраля 1800, устье Инда-Татта

Берег Синда открылся перед пассажирами маленького брига на четвертый день плавания около полудня. Мог бы и раньше, но капитан вечером убавил паруса, не желая подходить близко к земле в темноте. К удивлению капитана на берегу высилась полосатая башня маяка, у подножья которой располагался небольшой земляной форт. Бриг лег в дрейф и поднял флаг «Нуждаюсь в лоцмане». От берега отделилась шлюпка и паучком побежала по небольшой зыби к бригу. На палубу поднялся человек, больше похожий на араба, чем на перса или представителя какого-либо из индийских народов.

Узнав, что он имеет дело не просто с торговцем, а с английским посольством, он сказал: «Надо сообщить об этом на берег» и, вытащив небольшое зеркало, начал пускать солнечные зайчики на форт. Оттуда что-то засверкало в ответ.

Бриг плавно поднимался вверх по течению Инда. Если карта не врал, до Татты было примерно с полсотни морских миль. Река здесь имела огромную ширину, низкие берега, покрытые мангровым лесом еле еле виднелись на горизонте, но глубина оставляла желать лучшего, поэтому присутствие лоцмана на борту было полезным. Правда, капитан скоро научился пользоваться местными знаками навигационной обстановки. Как оказалось, фарватер здесь был отмечен красными и белыми бакенами.

Навстречу попадались арабские доу. Похоже, что морская торговля здесь велась довольно интенсивно.

Часов в пять вечера, когда бриг одолел от силы половину пути до Татты, навстречу из-за поворота реки показался столб дыма. Малкольм знал что уже несколько лет как американец Фултон строит в Портсмуте паровые буксировщики для линейных кораблей, но пироскаф здесь, в туземной стране?

Тем не менее это был именно пироскаф, небольшой кораблик с высоким мостиком перед трубой и огромными гребными колёсами.

На сигнальной мачте над мостиком взлетели флаги: «Хочу подойти к вашему борту».

Вблизи низкобортный кораблик оказался не таким уж маленьким, футов на 10 длиннее вполне мореходного брига.

Когда с брига на пароход были сброшены сходни и по ним поднялся молодой человек, похожий скорее на майсурца, чем на синдца или пенджабца, в чем-то похожем на европейскую военную форму и тюрбане, лоцман склонился в низком поклоне.

— Субудар Татты, Мухи-уд-Дин Султан, — представился тот. — Я был бы рад предоставить послам великого короля Георга своё гостеприимство, но инструкции моей госпожи совершенно однозначны: вы должны быть доставлены в Лахор возможно быстрее. Поэтому прошу перейти на мой пароход, поскольку почтовое судно в Лахор должно было отправиться сегодня на закате, и я своей властью вынужден его задержать до вашего появления. Я, конечно, начальник этой провинции, — добавил он доверительным тоном, — но курьерские пароходы — любимая игрушка Великого Визиря, а от Лахора до его ушей гораздо ближе, чем от Татты.

Малкольм судорожно пытался вспомнить кого же ему напоминает этот юноша. Субудару было лет 18 от силы.

Молодой человек заметил его затруднения:

— Вы, наверное, пытаетесь вспомнить, видели ли вы меня раньше. Нет, не видели, но многие говорят, что я очень похож на отца. Я третий сын Типу Султана.

Багаж посольства был быстро перегружен на пароход, швартовы отданы, и невиданное судно запыхтело вверх по реке. Пассажиры разместились на корме, куда были пода-

ны чай и восточные сладости. Отсюда было видно, как в не закрытом палубой корпусе буксира несколько полуголых кочегаров кидают уголь в топку и как ходят, вращая огромные колёса, матово блестящие смазкой рычаги машины.

Солнце уже близилось к горизонту, когда из-за поворота реки показались причалы Татты. Там разгружались многочисленные арабские доу, перегружая товары на речные баржи. Среди них, как индюк среди цыплят, возвышался крутобокий купеческий корабль явно европейской постройки.

Судя по оснастке это было судно голландской Ост-Индской компании.

Среди всего этого пестрого флота пыхтели еще три паровых буксира, в точности таких же, как тот, на котором сейчас плыли англичане. А чуть дальше по берегу стояло что-то похожее на двухэтажный белоснежный дворец с широкими открытыми балконами по всей длине, поставленный на речную баржу размером меньше дворца. На первом этаже, правда, посередине балкон прерывался резным кожухом, скрывавшим огромное мельничное колесо, а над крышей торчала дымящая фабричная труба. С одной стороны эта конструкция заканчивалась хищным острым носом, чем-то похожим на орлиный клюв.

— Вот это и есть «Речной гепард», почтовый пароход, который ходит отсюда в Лахор, — пояснил субудар.

Малкольм ахнул. Этот пароход по длине не уступал трехдечному линкору флота её величества. Правда, палуба линкора возвышалась над водой выше, чем крыша этого плавучего дворца. Ну и ширина у него была какой-то несолидной.

— Этот плавучий дворец Камаль-уд-Дин строил? — поинтересовался посол у субудара.

Тот не стал отрицать, что глава адмиралтейства его отца находится в Империи Моголов.

— Нет, к тому моменту когда майсурский флот пришёл в Карачи, этот корабль уже всюю строился в Лахоре. И Камаль-уд-Дин увидел его только когда тот в первый раз спустился в Татту.

Когда корабль приблизился, стало понятным что ширина корпуса — ещё более не солидная, меньше длины раз

в восемь, просто открытая терраса нижней палубы, нависающая над водой на высоте не более трех футов, далеко выступает за борта, полностью скрывая колёса.

В море на таком, конечно, выходить нельзя, переломится на первой же волне. А на реке может и ничего.

Буксир подошёл к белоснежному борту пакетбота, матросы которого с неодобрением глядели на замызганный кораблик, вывалив за борт сплетенные из джутового троса кранцы.

Субудар перешел на корабль-дворец вместе с посольством, и вышел с другого борта на берег. Сразу после этого швартовы были отданы, скрытые под кожухами колёса закрутились и «Речной гепард» двинулся вверх по реке.

Рядом с англичанами появился обходительный шикарпурец, исполнявший на этом корабле обязанности стюарда. Моментально англичане были размещены в каюте на верхней палубе, а их багаж поручен нескольким дюжим матросам.

Тем временем совсем стемнело. Матросы с горящими фитилями в руках быстро пробежали по открытым верандам, зажигая десятки ярких фонарей, укрепленных на стенах. На мостике зажгли два прожектора с яркими лампами. «Неужели у них новомодное газовое освещение, — подумал Малкольм, наблюдая с открытой палубы-балкона за лучами, скользящими по поверхности реки, нашаривая бакены. — Хотя, если у них все равно угольная топка есть...».

Он совсем было собрался завалиться на хрустящие накрахмаленные простыни, но появившийся стюард поинтересовался:

— Не желает ли господин посол посетить турецкую баню?

Оказывается, в этом плавучем дворце было и такое.

Утром Малкольм слонялся по открытой палубе, наблюдая за скользящими по сторонам берегами.

— Через полчаса швартуемся в Хайдарабаде, — сообщил ему неизвестно откуда возникший стюард и показал на висевший на стенке лист бумаги. Это оказалось написанное каллиграфическим почерком на фарси расписание остановок парохода. Путь до Лахора должен был занять всего пять дней.

Пассажирами корабля были в основном почтенные купцы. Они целыми днями сидели по-турецки на циновках под тентами открытых палуб, пили зелёный чай, играли в нарды и обсуждали политику. На стоянках они иногда прямо с борта начинали обсуждать со стоящими на причале какие-то деловые вопросы, но во время пути у них, похоже, действовал негласный запрет на коммерцию.

Политика у них сводилась к тому, с кем из раджей раджутов и маратхов Ясмина будет воевать, а кого обаяет и мирно примет в вассалы.

Малколм разговорился с одним из них. Его звали Юсуф, и происходил он из Агры. Сидя на циновке на носу парохода и любуясь проплывающими мимо пейзажами, купец и дипломат неспешно обсуждали кочевую жизнь, привычную обоим.

— Так ты тот самый Малколм, который в прошлом году вёл переговоры с тегеранским шахиншахом? Тяжелая жизнь у вас, дипломатов. Купец подлил Джону зеленого чая в пиалу. Небось и дома отдохнуть не успел.

— Какое тут отдохнуть... — англичанин вздохнул. — Только успел отчитаться перед губернатором, как сразу новое задание.

— Ох уж эта королевская служба. Мы, купцы, своих приказчиков так не гоняем, как раджи и шахи своих офицеров. В Дели-то надолго?

— Вроде надолго. А там как повернется.

— Это хорошо. — Юсуф погладил своё объемистое пузо, оценивающе посмотрел на россыпь шербета на циновке перед собой и отставил пиалу. — В Дели всегда-то было не скучно, а сейчас там светское общество почти как у вас в Бомбее. В армии всегда немало офицеров-ференгов служило, а теперь еще всякие хитрые мастеровые появились, инженеры называются, у них там теперь светское общество в европейском стиле. Я считаю, что это хорошо. Вот появился, например этот пароход. Чем плохо, сидишь себе, пьешь чай или в нарды играешь, а тебя везут быстрее, чем если бы ты на лошади скакал. Но это-то ладно. Самому можно проскакать. А вот пароходы которые баржи по реке тянут, это вещь. — Купец кивнул в сторону правого берега, где потихоньку отставал от парохода буксирчик, волокущий кара-

ван барж. — Буксиры считаются королевскими кораблями, но цена за буксировку баржи божеская.

Тут в голову купца пришла ещё какая-то мысль:

— А скажи, иглез, ты вот по многим морям плавал, знаешь наверное. Правда, что за землей Зиндж есть ещё море, а за тем морем страна Америка?

Малкольм удивился интересу собеседника к столь отдаленным местам:

— Есть. Это то же море, в котором расположена наша Англия. Средиземное море, на берегу которого стоят Яффа и Триполи — залив того моря. А что тебя это вдруг заинтересовало?

— Пару лет назад стало появляться на рынках странное семенное зерно. Пшеница, дающая необычно большие урожаи, и рис, который при должном орошении дает пять урожаев в год, только руки прикладывай. Говорят оттуда, из Америки. Ещё года два-три и можно будет зерно баржами везти из Пенджаба в Маскат и Кочин. И говорят, что та Америка вся под европейцами, но не англичанами или голландцами, и не под португальцами, а какими-то спанидами.

— Ну не вся, — возразил Малкольм. — Наши колонии там тоже есть. И голландские. Но в основном, да, испанцы. Триста лет назад Папа Римский, это для христиан вроде халифа для мусульман, поделил землю пополам. Всё что западнее самого западного острова в нашем море, отдал испанцам, а что восточнее — португальцам.

— А вы с голладцами как же? — удивился Юсуф. — Португальцев у нас почти и не видно, а англичане, голландцы и французы — везде.

— А про нас он забыл, — усмехнулся англичанин. — Поэтому мы сделали Реформацию и перестали его слушаться. Ну вроде как у вас сунниты стали выбирать халифа, вместо того, чтобы слушаться имамов. Ну и стали отбирать у испанцев с португальцами те земли, которые нам приглянулись.

— Это вы правильно, — резюмировал купец. — Не дело это, когда всякие муллы решают, где можно торговать, а где нельзя. Но вот с Майсуром у вас нехорошо получилось.

— А что не так с Майсуром? — удивился Малкольм, сам немало труда приложивший к восстановлению нормальной

жизни в Серингапатаме после взятия его англичанами.

— Не знаю что не так, — покачал головой его собеседник, — но народишко оттуда бежит. Видел голландский корабль в Татте? Он привез, наверное, сто семей. Причем не бедных. Большая часть их у нас в трюме. А билет даже в трюм на «Речного гепарда» немалых денег стоит. У меня в Дели свояк есть, Абдулла, он последнее время стал торговать селитрой, углём и железной рудой, и теперь вхож в дома инженеров, так он говорил что все майсурские ракетных дел мастера сейчас в Дели.

Малкольм задумался. Одного из сыновей Типу Султана он уже видел. То что он в таком юном возрасте занимает пост главы провинции, значило то, что майсурский принц стал частью высшей элиты Могольской Империи. Впрочем, почему стал? Ни Типу Султан, ни его отец Хайдар Али никогда не отказывались признавать номинальную власть Аздахак-шаха. А значит всегда и был. И скорее всего, он не единственный из братьев, кому удалось попасть на земли, контролируемые Дели. Джон помнил, что недосчитались как минимум пятерых из шестнадцати сыновей Типу Султана. Правда, старший, Хайдар Али младший, оставался в Майсуре. Но если с ним чего случится, то наследником станет либо Абдул Халик, который неизвестно где, либо Мухиуд-Дин, который теперь известно где. А значит, как Вазир Али, он может получить в помощь сикхских пехотинцев, про которых уже ходили легенды, и артиллеристов де Пилля. И им будет совершенно неинтересно, имеет ли какие-то права на майсурский трон малыш Кришнараджа Водеяр, которого туда посадили англичане.

Следующие ночи были менее спокойными чем первая. Если ниже Хайдарабада Малкольм не вспомнил ни одной остановки, то выше и днем и ночью пароход регулярно швартовался, пассажиров будили отрывистые команды, рев ослов и волов, подвозивших что-то к причалу.

Два раза в сутки на очередных остановках грузили уголь. Вереницы полуголых грузчиков с мешками на спине тянулись по сходням и куда-то вниз, распространяя вокруг себя чёрную въедливую пыль. После каждой погрузки матросы по часу мыли пароход, добываясь чистоты, которую и на кораблях Royal Navy не всегда встретишь.

И тем не менее, по сравнению с привычным путешествием верхами по тропическим странам это был курорт. Ни пыли (кроме угольной), ни тряски, ни душных караван-сараяв, кишящих насекомыми.

* * *

25 февраля 1800, Лахор

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. После обеда на пятый день пути «Речной Гепард» швартуется под стенами Лахора, всего парой сотен ярдов ниже наплавного моста. На берегу англичан уже встречает молодой мансебдар по имени Анвар-хан, выделенный местным субударом.

Откуда тут узнали что с пароходом прибывает английское посольство?

Тем не менее, есть сопровождающий, который знаком с местными реалиями и неплохо говорит по-английски.

Почтовая станция располагалась буквально в двух шагах от причала. В общем и понятно. С почтового парохода на почтовый дилижанс. Тут же караван-сарай.

Анвар-хан исчез в здании почтовой станции, через несколько минут вернулся и рассказал:

— Через полчаса отправляется дилижанс в Дели. Идти будет трое суток. Четыре места есть, нам как раз хватит. Но вот какое дело — через два часа прибывает пешаварский паровик. Он будет в Дели послезавтра утром.

Правда, там нет мест в первом классе. Последние два взял вот тот седобородый сикх. Он показал на скамейку, где располагался старик в тюрбане, сопровождаемый юной девушкой и слугой.

Так что выбирайте — второй класс на паровике, или дилижанс. Можно ещё погулять по Лахору и уехать вечерним дилижансом на закате. Там мест много. А паровик у нас пока один. Он всего второй рейс делает.

Малкольм подумал и выбрал паровик. Анвар-хан исчез ещё раз, и вернулся с билетами в руках. Каждый билет был размером с четвертушку листа, украшен золотистым тиснением с каким-то орнаментом. В отпечатанный текст на фарси были вписаны от руки дата и номер места.

Идея прогуляться по Лахору, размять ноги после долгого плавания была принята с воодушевлением, тем более что есть никому не хотелось. Обед на борту корабля был

слишком недавно.

После беглого осмотра города они вернулись на почтовую станцию как раз тогда когда сикхская девушка указала куда-то за реку и воскликнула:

— Едет!

Англичане, вслед за старым сикхом посмотрели туда, куда она указывала.

За рекой над дорогой поднимался, медленно перемещаясь, столб чёрного дыма. Вот что-то большое въехало на наплавной мост, прогрохотало по нему, с пыхтением, напомиавшим работу машин парохода взобралось на берег, и остановилось у почтовой станции, дав короткий свисток.

Английский посол присмотрелся к удивительной машине. Она была длиной футов в сорок, и стояла на шести колёсах в человеческий рост. Спереди было что-то вроде открытого балкона с тентом сверху, где сидел возница, держа в руках колесо, наподобие корабельного штурвала. Чуть сзади него, после первой пары колёс, располагался удлиненный каретный кузов, занимавший от силы треть длины машины, потом несколько рядов деревянных скамеек, видимо это и был второй класс, а в корме над двумя близко сдвинутыми парами колёс, закрытая каким-то кожухом машина.

В карету вели двери сбоку, как и полагается. Под частью с сидениями находились большие закрывающиеся ящики для багажа. Несколько крепких мужчин сноровисто вытащили оттуда багаж тех, кто сходил в Лахоре, загрузили багаж англичан и сикхской семейки.

Тем временем возница открыл дверь своего отсека, и расталкивал кого-то там внутри:

— Просыпайся Панча, мы в Лахор приехали.

Оказалось, что экипаж машины составляет шесть человек. Два возницы, один из которых спал под тентом, а второй правил, два механика, которые тоже менялись по очереди, стюард, руководивший посадкой и высадкой и почтмейстер. Эти двое на стоянке работали вовсю. Механикам тоже нашлось дело, проконтролировать погрузку угля. А возницы отправились в караван-сарай перекусить. Впрочем, это не заняло у них много времени.

Не прошло и получаса, как машина дала свисток, по-

торопливая решивших размять ноги пассажиров, и вскоре катилась по Великому Колесному пути дальше.

Паровой дилижанс был шириной добрых три ярда. У каждого борта был ряд двухместных скамеек, а посередине оставался проход, по которому можно было пройти от кареты первого класса и до машины. Всего во втором классе было, пожалуй, мест сорок, из которых занято примерно две трети.

Малкольм решил, что, пожалуй, в первом классе, внутри кареты было бы менее интересно. А во втором, под открытым тентом можно было смотреть по сторонам.

Видимо, так же решил и сикхский дедушка, который выбрался из каретного кузова через заднюю дверь, предназначенную, скорее всего, для того чтобы стюард мог зайти обслужить пассажиров, и устроившись на первом ряду скамеек, рядом с Анвар-ханом, закурил длинную трубку. Анвар-хан церемонно его приветствовал и долго о чём-то с ним негромко беседовал.

Наконец дедушка докурил свою трубку и ушёл обратно в первый класс. Анвар-хан обернулся к англичанину:

— Это очень знатный сикхский патриарх. Он везёт свою внучку ко двору Ясины-ханум. Отец этой девушки погиб под Бенаресом, и теперь у неё есть законное право стать фрейлиной императрицы.

— А что, разве под Бенаресом у имперских войск были потери? — удивился посол. Судя по тому, что ему рассказывали о недобной памяти экспедиции Эрскайна, разгром там был быстрый и полный.

— Кому-то всегда не везёт, — философски заметил Анвар-хан. — Воины Эрскайна-сахиба очень хорошо сражались. Поэтому ни полководческий талант Ранджита Сингха, ни все хитрые штучки Рихарда-сахиба не могли сделать так, чтобы мы обошлись совсем без потерь.

Паровик, плавно покачиваясь, катился по широкой дороге, обгоняя не только запряженные волами обозы, но и всадников. Убаюканный качкой Малкольм задремал. Проснувшись, он обнаружил что дилижанс, подобно кораблю, рассекает обширное водное пространство.

— Это брод через Биас, — пояснил Анвар-хан. — Пока что здесь нет моста. Но вот он строится, — он показал

рукой вверх по течению, где, действительно, кипела работа. — Говорят, что по железной дороге, когда её построят, путь от Лахора до Дели будет занимать меньше суток.

Малкольм мысленно усомнился, но спорить не стал. Он мог понять жителей огромной страны, мечтавших о том, чтобы чудеса техники сократили время, потребное на преодоление расстояний. Но всё же, есть и какие-то пределы.

Точно так же как и «Речной Гепард», дилижанс не остановился на ночь. Более того, он и на почтовых-то станциях не везде останавливался, только сбавлял скорость до пешеходной. Выбегавший на свисток к дороге смотритель протягивал мешок, который подхватывал почтмейстер, сбрасывая взамен другой.

* * *

27 февраля 1800 г, Дели

На рассвете паровик подкатил к Лахорским воротам Дели. Малкольм, измученный тридцатичасовой непрерывной тряской с редкими передышками на остановки для загрузки угля, покачиваясь спустился на твердую землю.

Анвар-хан, видимо, устал чуточку меньше, поскольку тут же начал организовывать англичанам повозку. Нашлась вполне симпатичная рессорная бричка, запряженная неторопливым осликом, которая за четверть часа доставила англичан к зданию английской миссии, как это тут все называли.

Это здание представляло собой двухэтажный дом, сложенный из красного песчаника. Дверь открыл явно туземный слуга, слуги подхватили багаж, а Малкольма провели в столовую, где за столом сидел молодой человек в мундире военврача, а рядом с ним девушка в дорогом платье, с головой покрытой вуалью из тончайшего газа.

Мужчина поднялся навстречу Малкольму:

— Роберт Бэнкс, полковой врач, временно исполняющий обязанности посла. А это Ситора ибн Далер, лейб-медик Ее Величества Ясмину. А вы — Джон Малкольм?

Малкольм слегка растерялся. При первом взгляде ему показалось, что оставшийся единственным (не считая наёмников с непонятным подданством) представителем Англии в Дели, этот военврач завел себе местную любовницу.

С другой стороны, она одета была как для званого зав-

трака (хотя кто же устраивает завтраки на рассвете. Про повадки Вульфа Малколм был не в курсе). И звание, которым она представлена... Оно было бы явно выше звания самого Бэнкса, если бы тот не был исполняющим обязанности посла.

Тем временем девушка взяла на себя обязанности хозяйки, и предложила гостям с дороги посетить хамам.

«По-моему, в этой Индии все только и делают, что моются. — раздраженно подумал Малколм. — На пароходе баня, здесь баня, в реках постоянно омовения.» Но не желая обижать столь высокопоставленную личность, последовал совету. Через полчаса он сидел за тем же столом в той же компании, но уже в более умиротворенном настроении.

Ситора на вполне приличном английском языке расписывала ему текущую обстановку в Дели:

— Императрица вас примет завтра утром, если ничего чрезвычайного не случится. Сегодняшний день вам на обустройство. Слуги в посольстве были наняты еще Кольбрукком и Роберт, оставшись за главного, просто не стал ничего менять. Если вечером у вас будут силы, то Джейн Тревитик сегодня в шесть дает малый приём. Там, скорее всего будет Ранджит, а может быть и Ясмина. Но это неофициально. Принимать верительные грамоты на этом приеме никто не будет.

А сейчас я должна вас покинуть, меня ожидают мои обязанности, а возможно даже и пациенты.

Бэнкс отправился проводить её до дверей.

— Эх, кончилось время, когда я был хозяином этого дома, — вздохнул военврач, прощаясь. — А ты меня в свои дворцовые комнаты пригласить не можешь.

— Ну, во-первых, теперь могу — улыбнулась Ситора. — Это английского посланника я не могла оставить у себя ночевать. А всего лишь врача при английской миссии — да запросто. Но я позаботилась еще три дня назад, и сняла себе жилье в городе. В конце концов я достаточно высокопоставленная и высокооплачиваемая сановница, чтобы позволить себе собственное жилье. Правда, это не такой роскошный особняк. Я не хочу нанимать толпу слуг, чтобы вертели и вынюхивали. Здесь их на мой взгляд, раз в пять больше, чем надо. Так, небольшой домик, где кроме

меня и Зейнаб будешь появляться только ты. На, держи. — она протянула англичанину ключ. — Это от Мечети Джана третий дом по левой стороне в сторону дворца.

Глава 72

Письмо из Индии

Страсбург, 22 апреля 1800 г

Генерал Гюден разорвал толстый конверт из плотной бумаги. Забавно, письмо старого приятеля по Шато де Бриенн, нашло его здесь в Рейнсой армии. Николя еще давно, лет восемь назад дезертировал из французских войск в Пондишери, когда узнал о казни короля, и служит теперь туземным раджам. Тем не менее со старыми однокашниками не порывает, и иногда весточки от него доходят.

«...Ты, Сезар, наверное, полагаешь наши индийские дела малозначительными на фоне тех кампаний, решающих судьбы Европы, в которых приходится участвовать тебе, — писал де Пиль. — Но мы тут тоже не лыком шиты. У нас тут, подозреваю, творится такое, что через десять лет будет решать судьбы мира.

Ну вот можешь ли ты себе представить перемещение батареи 24-фунтовых осадных гаубиц на полсотни лье за одну ночь?

А мне тут пришлось в такой эскападе участвовать. Скажу больше, это был рейд в глубокий тыл противника. Приехали, с расстояния в полтора лье расстреляли цель и уехали, пока та сторона не спохватилась.

Пушки, как ты сам понимаешь тоже были не по системе Грибовалая. Грибовалевский лафет не выдержит десятичасового марша со скоростью 20 километров в час. Поэтому лафеты были из клепаного железа, и колеса тоже из

сплошного железа. Ствол 21 калибр, нарезной, заряжается с казны.

Если подобрать в расчет ребят покрепче, то можно два выстрела в минуту делать. Поэтому с трехорудийной батареей мы в состоянии были превратить цель в развалины менее чем за час. Что там было в этой цели, вопрос отдельный. Мистика, магия, факиры. Языческий храм какой-то. Но в общем моя повелительница очень хотела чтобы там ничего кроме щебня не осталось еще до того, как мы разберемся с тем раджой, на землях которого там оно стояло.

Помнишь, я писал тебе про стрельбу по сражающимся в городе войскам с закрытых позиций при штурме Джайпура. Тогда моя стрельба нанесла нашим войскам довольно чувствительные потери, хотя и меньшие чем нанес бы враг не будь он дезорганизован этой стрельбой. Но будь у меня тогда такие пушки, я бы смог сработать ювелирно. Особенно если учесть что к пушкам у нас прилагаются полевые телеграфы, связывающие наблюдательные пункты с позициями, воздушные шары, перевозимые на слоне со всем комплектом обеспечения и тому подобные новинки.

Но речь не столько о пушках, сколько о машинах, которые мы в них запрягаем. Признаюсь честно, я никогда в жизни не испытывал такого страха, как в ту ночь. Ни когда мои позиции обстреливали сосредоточенным огнем, ни когда наш корабль по пути в Пондишери попал в жестокий шторм около Мыса.

Меня сгубило любопытство, как ту кошку из английской поговорки. Перед кампанией я не поленился научиться водить паровой тягач. Поэтому когда я сидел рядом с возницей в тягаче, несущемся, подпрыгивая на ухабах, по ночной дороге освещенной только яркими фонарями, установленными на носу машины, я себе прекрасно представлял каково моему вознице удерживать в лучах этих фонарей подсвеченный слабыми красными огоньками прямоугольник кузова впереди идущего тягача и мечущуюся за ним на привязи пушку.

Возниц мы сменяли каждые три часа, и, сменившись, они падали без сил в фургоне, и засыпали, несмотря на бешенную тряску, сопровождавшую нашу гонку со скоростью даже не скачущей галопом лошади — рысящего сло-

на. Впрочем, у вас нет слонов, поэтому вы не можете себе представить насколько быстро передвигаются эти махины. Наши тягачи были раза в два больше типичного слона и раза в четыре тяжелее. Поэтому и могли преодолевать по пять лье в час, волоча на буксире пушку, один ствол которой весит больше трех тонн. Естественно, выдержать десять часов такой гонки без остановок не может ни лошадь, ни слон. Только машина.

И то с нашей трехорудийной батареей ехала четвертая машина, фургон которой представлял собой механическую мастерскую, даже с кузницей, чтобы чинить прямо на месте всё, что может сломаться.

Поэтому, естественно, пехотное прикрытие у нас было минимальным. Ровно столько, сколько можно было погрузить на машины сверх расчетов, запаса снарядов, который тут называется чудным словом боекомплект, и угля.

На сто лье каждой такой машине нужны тонны угля...»

Гюден сложил письмо, убрал его в конверт и спрятал в портфель с бумагами. Не время предаваться размышлениям об индийских диковинках, будь то литые из стали стволы, паровые тягачи или воздушные шары, перевозимые на слонах. Надо идти и готовить дивизию к форсированию Рейна.

Глава 73

Свет с востока

13 февраля 1801, Бирмингем

В гостинной Боултона опять собралось заседание «Лунного общества».

— Смотрите, — сказал хозяин, поднимая со стола брошюру в мягкой обложке формата in quattro. — что мне вчера прислали из Индии.

Он пустил брошюру по рукам. На обложке была отпечатана гравюра с изображением восходящего солнца, лучи которого сплетались в геометрические фигуры и алгебраические формулы, и готическим шрифтом было отпечатано название «Lux ab orient».

Гости один за другим пробегали глазами оглавление, каждый находил что-то, на чём его взгляд останавливался, листали страницы. По глазам было видно, что они прикидывают, в каком бы порядке им удастся утащить это почитать.

— Откуда это, — наконец нарушил тишину Эразм Дарвин.

— Ну написано же «Свет с Востока». С Востока, из Индии. Помните ту юную индийскую принцессу, которая как-то посетила наше собрание летом 98-го года с рекомендательным письмом от Уилкинса? Вот теперь она там императрица, а её придворная академия издаёт журнал на латыни.

Впрочем, главного редактора многие из вас знают. Это

старик Вульф, который вдруг сорвался и уехал в Дели. Говорят что туда за последнее время из разных стран Европы перебралось несколько десятков учёных, механиков, промышленников, которые не очень преуспевали. В частности, наш старый конкурент Тревитик. И вот теперь его тесть продаёт здесь построенные там Тревитиком машины.

Кстати, мне привезли целую пачку этих журналов. Сказал что это императорский подарок для Лунного Общества. Видно принцессе мы тогда понравились.

А для вас, Эразм, в посылке была целая отдельная коробочка.

Эразм Дарвин взял из рук Боултона коробку размером с писчий лист и толщиной дюйма три и раскрыл её. Там лежала пачка бумаги с типографским текстом. Доктор Дарвин пробежал глазами первую страницу, потом положил пачку бумаги обратно, закрыл коробку и убрал ее в свой саквояж.

— Тут надо долго разбираться, — сказал он. — Возможно, в этой коробочке содержится переворот в медицине не меньший, чем письма Вульфа произвели в химии.

— Что это? — спросил Бэнкс.

— Тут мешочки с несколькими лекарствами, и описание их действия. Для моего собственного организма, Уилкинсона и Уатта. Жалко, что Пристли в Америку уехал. Он бы с удовольствием в этом деле покопался.

Часть VIII

Большая игра

Глава 74

Большая Игра в 6 рук

12 марта 1801, Санкт-Петербург

12 марта 1801 года только что взошедшему на престол императору Александру Павловичу доложили, что посол Делийского Султаната в Санкт-Петербурге просит об аудиенции.

— Как, — удивился свежеиспеченный самодержец, — у меня в столице и такая зверюшка есть?

— О да, — пояснил ему Петр Алексеевич Пален, находившийся при императоре неотлучно с того момента, как доложил ему о смерти отца, — Ваш батюшка был большим любителем всяких геополитических курьезов. То с Мальтийским орденом свяжется, то римского папу в Россию пригласит, то вот, посла недоеденной англичанами Империи Великих Моголов пригреет.

— Ну, что ж, давайте пригласим это индийское чудо, — решил двадцатитрехлетний самодержец.

Пален немедленно отправил гонца в Коллегию Иностранных Дел с приказанием прислать переводчика с индийских языков. В Коллегии был бардак, и Пален это знал. Он лично немало усилий приложил чтобы спихнуть оттуда Ростопчина. И вот уже месяц как Коллегия работала без руководителя. Пален хотел посадить на его место Никиту Петровича Панина. Но Панин еще сидел в Дугино, и ре-

скрипт о его назначении предстояло выбивать из нового императора.

Тем не менее не прошло и часа, как во дворце появился юноша, лет не более 18 на вид, одетый по последней английской моде.

— Михаил Воронцов, — отрекомендовался он.

— Сын Семена Романовича? — предположил Пален. Он знал что старших Воронцовых двое, но судя по облику и манерам этот молодой человек как минимум несколько последних лет провел в Англии. А значит он сын лондонского посланника.

— Так точно, — по-гвардейски прищелкнув каблуками кавалеристских сапог, ответил молодой человек.

— И когда же вы успели стать специалистом по индийским языкам?

— Понимете ли, Петр Алексеевич, три года назад я на одном приёме в Лондоне познакомился с принцессой Ясминой, наследницей трона Великих Моголов. И меня очень заинтересовала страна откуда происходят такие люди. Так что папа свел меня с Уилкинсом, библиотекарем Ост-Индской Компании и я два года изучал индийские языки и культуру. А в прошлой осенью граф Ростопчин спросил у отца, нет ли у него на примете переводчика. И папа сказал что мне пора уже делать собственную карьеру и отправил меня в Петербург.

Теперь Пален был готов к аудиенции.

Посол оказался пожилым человеком, одетым в достаточно модный, хотя и строгий европейский костюм. Кроме смуглой кожи, его азиатское происхождение выдавал только тюрбан и красный кружочек, нарисованный краской на лбу поверх трех белых полосок.

Он церемонно поклонится и поставил на столик перед императором небольшой сверток и вручил конверт.

— Моя повелительница, — сказал он на чистом русском языке, хотя и с заметным акцентом, — приказала мне вручить молодому императору это письмо и небольшой подарок по случаю его восшествия на престол.

Александр нетерпеливо разорвал веревочку, которой была перевязана посылка, и развернул бумагу. Внутри оказалась плоская шестиугольная шкатулка, верхняя поверх-

ность которой была набрана из маленьких черных и белых шестиугольников.

Под крышкой оказались три отсека, заполненные фигурками.

— Это же шахматы! — воскликнул самодержец.

Пален нагнулся к нему поближе и рассмотрел фигурки. Это действительно были шахматы, причем с тремя армиями. Пешки зеленой армии были сделаны из нефрита, и достаточно хорошо изображали старую, еще екатерининскую полевую форму русской армии. Пешки красной армии, из яшмы, были несомненно, англичанами. А пешки белой армии, из слоновой кости, были одеты в такие же тюрбаны, как и посол.

В шкатулку были вложены три листка белейшей бумаги, на которых типографским способом были отпечатаны правила игры, сопровождавшиеся красивыми, идеально ровными гравюрами, изображавшими доску. Один листок на русском, один — на английском и третий — на фарси.

Ну то есть Пален не был уверен, что он в состоянии отличить арабский от фарси, но он уже успел навести кое-какие справки, и знал что при дворе Ясины-бегум говорят именно на фарси. Поэтому было логично предположить что третий экземпляр правил на этом языке.

Тем временем Александр разорвал конверт и читал письмо. Письмо было тоже отпечатано типографским способом. Палену это показалось странным. Зачем в переписку между государями вмешивать не только переводчика, но и наборщика?

Само по себе письмо представляло собой набор ничего не значащих дипломатических фраз. Но некоторые из этих фраз создавало впечатление, что автор письма был в курсе того, что произошло минувшей ночью в Михайловском замке. «Я надеюсь, что трагическая смерть Вашего отца не омрачит начала Вашего царствования».

— Скажите, уважаемый пандит, — обратился Пален к послу. — Не могли бы вы пролить свет на вопрос о том, когда было доставлено в Петербург это письмо, и какие инструкции были вами получены?

— О, здесь нет никакого секрета. Письмо и подарок были доставлены курьером из Астрахани неделю назад. И со-

проводились следующими инструкциями: «В ближайшее время, вероятно числа 12, в Петербурге будет объявлено о смерти Императора Павла и восшествии на престол Александра. Как только это произойдет, немедленно просите об аудиенции и вручайте это письмо и этот подарок».

Ответив на этот вопрос посол попросил разрешения откланяться. Ни Александр, ни Пален не смогли придумать повода его удерживать.

— Что бы все это значило? — спросил Император после ухода посла, указывая на трехместные шахматы, стоявшие на столике.

— По-моему, это очевидно. Ясмина-бегум хочет сказать вам следующее: «Скоро вы захотите сыграть с англичанами в Большую Игру за азиатские земли. Так вот, играть придется втроем, и правила диктовать буду я.»

— А мы действительно вступим? Насколько я понимаю, сейчас у нас основная перспектива — союз с Англией против Наполеона.

— Но это сейчас. А так в перспективе ближайших нескольких десятилетий столкновение российских и британских интересов в Азии неизбежно.

— Интересно, у неё есть основания думать, что она способна диктовать правила.

— Давайте попросим молодого человека ответить, — предложил Пален. — Вот он явно рвется что-то сказать.

— Посмотрите на эту бумагу, Ваше Величество, — сказал Воронцов, безмолвно простоявший всю аудиенцию у стенки, так как посол в переводчиках не нуждался.

— А что это?

— Это как бы старая газета, которая была подложена под обертку, в которую была завернута шахматная доска. Мы в Коллегии получили эту газету с той же почтой из Астрахани, с которой послу, по его словам, доставили посылку.

Смотрите: тут пишут про прибытия каких-то торговых судов в порт Татта, про цены на рис и просо, а тут про запуск линии электрического телеграфа от Татты до Дели через Лахор.

— Я не знаю что они имели в виду под словом «электрический», — перебил переводчика Пален, — но как вы

помните, французы построили линию телеграфа от Парижа до Бреста всего семь лет назад, а у нас, хотя этот сумасшедший гений Кулибин и предлагал что-то подобное, у вашей бабушки не нашлось тогда на это денег. Молодой человек, сколько там верст от Дели до Лахора?

— От Дели до Лахора пятьсот. Но вот от Татты до Лахора тысяча двести

— Вот-вот. А Кулибин замахивался только на линию Петербург-Варшава, это те же тысяча двести.

— И еще, — продолжал переводчик. — тут в разделе объявлений вакансии управляющего пудлинговым заводом. В Англии патент на этот процесс получен меньше двадцати лет назад.

А вот раздел светской хроники. Тут пишут про свадьбу командующего полевой артиллерией Николая де Пиля. Это потомок довольно знатного, хотя и обедневшего, французского рода. Окончил ту же военную школу, что и Бонапарт, служил в Пондишерри. После революции дезертировал, и вот теперь служит делийской бегуме.

— То есть, — подвел итог Пален. — непонятно откуда где-то к северу от Бомбея возникло государство, где издаются газеты, выплавляют сталь и строят телеграфные линии.

— Очень даже понятно откуда, Ваше Сиятельство, — отозвался переводчик. — Там в течение полувека правил довольно сильный шах, вроде нашего Тишайшего царя. Собирал земли, копил богатства, усмирлял смуты. А три года назад на престол взошла его молодая энергичная дочь. И как раз в этот момент англичане активизировали усилия по завоеванию Индии. Вон Серингапаттам взяли. То есть ей единственное что остаётся — ломать старину об колено, как Петр Великий, и создавать страну, способную противостать английским амбициям.

— Так значит отец был прав, отправляя Платова в Индию? Там есть с кем искать союза?

— Ваше Величество, я считаю экспедицию Платова категорической ошибкой. Её нужно немедленно прекратить, и казаков вернуть. Они просто не дойдут до владений Ясмны через горы, заселенные дикими горцами. И это если сумеют преодолеть пустыню. Купцы возят свои товары через персидские порты, но военный отряд персы не пропустят.

А тот маршрут, по которому отправлен отряд Платова — непроходим.

— Вот что я хотел бы знать, — задумчиво проворчал Александр, — Так это по какому поводу она вручит такой же наборчик королю Георгу. И какому Георгу.

Глава 75

Кулибин

4 августа 1801, Санкт-Петербург

Механик стоял на набережной Васильевского острова и задумчиво смотрел в серые волны Невы. Жизнь в Академии как-то не сложилась. При матушке-Екатерине было хорошо, при Павле его начали оттирать и зажимать подлые немцы. Когда полгода назад на престол взошёл Александр Павлович, поставивший себя как продолжатель дел счастливой бабки и исправитель ошибок самодура-отца, Иван Петрович воспрянул духом. Но, как оказалось, зря. Академические интриги только усилились. Из Академии Наук надо уходить. Куда деваться? Уехать в Нижний? Но где там взять средств на воплощение своих идей?

— Иван Петрович, — раздался сзади вкрадчивый голос с необычным акцентом.

Кулибин обернулся. Рядом с ним стоял индийский гость, посол Великого Могола, недавно представленный ему на одном из академических приёмов.

— Я слышал, что вы подумываете о том, как бы сменить место работы? — продолжал индеец. — У меня есть для вас предложение.

Он протянул механику запечатанный конверт с надписью на русском языке.

Потом они обменялись несколькими бессодержательными, типично светскими репликами, после чего индеец куда-то исчез, а Иван Петрович направился домой.

Дома он распечатал конверт. Текст письма был набран типографским способом, непривычным, но удобочитаемым шрифтом.

Уважаемый Иван Петрович!

Мы знаем, что ваши работы не находят должного внимания в России. Поэтому мы хотим пригласить вас в Дели, где мы предоставим вам широчайшие возможности для работы по некоторым направлениям, где вы достигли замечательных успехов.

В частности, ваши зеркальные фонари уже широко применяются на наших речных пароходах. Программа дорожного строительства, предпринятая нашей государыней, в сочетании большим количеством крупных рек, имеющих в нашей стране (одна из провинций носит название Пенджаб — Пятиречье, другая Доаб — Междуречье), требует строительства большого количества мостов. Нас чрезвычайно заинтересовал ваш проект безопорного моста длиной в тысячу футов, поскольку характер наших рек и грунты, слагающие их дно затрудняют строительство мостов по более традиционным технологиям. Есть определенные соображения по коммерческому применению самобеглых колясок. Водоходное судно нас интересует в меньшей степени, поскольку мы сконцентрировали усилия на паровом судоходстве. Но если ваши наработки по металлообрабатывающим станкам могут пригодиться при изготовлении цилиндров паровых машин, это будет очень кстати.

В Дели вы найдете общество, пожалуй более интересное для вас, чем сейчас имеется в Санкт-Петербурге. У нас проводится широкая государственная программа привлечения лучших инженеров из всех стран мира. У нас уже работают англичанин Ричард Тревитик, француз Филипп ле Бон и ирландец Роберт Эммет. В стадии обсуждения контракты с еще многими европейскими

инженерами и изобретателями. Впрочем, не исключая что достижения наших ремесленников, почти неизвестные на Западе покажутся вам даже более интересными.

Глава 76

Свадьба в Бомбее

21 декабря 1801, Бомбей

Вот, наконец, почти четырехмесячное плавание закончилось, и за несколько дней до того, как англичане празднуют Рождество, корабль Ост-Индской Компании «Дуврский Замок» прибыл в Бомбей.

Уставший от продолжительного плавания Кулибин сошёл на берег. Он знал что теперь ему ещё предстоит добираться по морю до владений императрицы Ясины, но пока — передышка, под ногами твёрдая земля.

Сразу же, сойдя с корабля он взял извозчика и приказал везти себя в контору Али ибн-Сулеймана аль-Лахори. Так звали местного купца, к которому петербургский посол дал ему рекомендательное письмо.

Купец не только именем, но и по виду, одежде и всей повадке напоминал не столько того индуса, сколько хорошо знакомых по Нижнему персидских и бухарских купцов. Впрочем, данный момент это и неплохо, поскольку назойливое восточное гостеприимство, это то, чего Ивану Петровичу так не хватало после четырех месяцев на английском корабле, где англичане относились к нему как к не совсем равному. За четыре месяца он так и не понял, это презрение моряков к сухопутному человеку, или всё-таки англичан к русскому.

Единственный человек на борту, с которым Кулибин почти подружился, была пассажирка, юная ирландка по име-

ни Сара Карран. Судя по тому, что она была готова объединиться с русским против англичан, дело было всё-таки в национальном английском снобизме. С другой стороны разница в возрасте, большая чем с кем бы то ни было из офицеров, позволяла ей думать, что механик на неё смотрит по-отечески. Подумав об этом, Кулибин мечтательно улыбнулся. Наивное дитя, мы ещё ого-го. Но эта девушка была слишком увлечена своей единственной любовью, женихом, к которому она и ехала в Индию.

Она вспоминала своего Роберта буквально через слово.

Впрочем, похоже она не обманулась в своих ожиданиях. На причале ее встречал, ожидая пока корабль отдаст швартовы и на берег подадут трап, какой-то офицер, который моментально подхватил её в седло и куда-то увёз.

От этих мыслей Кулибина, наслаждавшегося неспешным восточным чаепитием в обществе почтенного Али Сулеймановича (так ведь правильно перевести на русский арабское ибн-), прервал посыльный, постучавшийся в дверь со словами: «Письмо господину Кулибину».

Откуда тут может кто-то знать, что Кулибин уже прибыл в Индию?

Как выяснилось, тот, кто прибыл тем же кораблем.

На листе обычной канцелярской бумаги торопливым женским почерком было написано:

«Уважаемый мистер Кулибин. Приглашаю вас почтить своим присутствием мое бракосочетание с майором Робертом Эмметом, которое состоится сегодня в полдень в соборе св. Томаса.

Искренне ваша Сара Карран».

Если майор Эммет это тот молодой человек, который увез Сару с причала в седле, то девочке крупно повезло, подумал Иван Петрович. Ему и четверти века нет, а уже майор. Этот далеко пойдёт.

В Соборе Св. Томаса Кулибин неожиданно оказался среди самого высшего общества Бомбея. Посажённым отцом невесты выступал сам губернатор лорд Дункан. Рядом с женихом тоже стоял кто-то в генеральском мундире. Тут Иван Петрович обратил внимание, что форма жениха заметно отличается от формы английских офицеров, которыми был полон собор. Он тихо спросил об этом у стоявшего

рядом молодого капитана.

— А, вы не в курсе кто такой этот Эммет! — ответил тот. — Это же представитель Императрицы Ясины, который приехал сюда согласовывать прокладку телеграфной линии из Сурата в Бомбей. У него мундир джатского полка армии Моголов, хотя сам он вроде не строевой, он какую-то серьезную должность в тамошнем Арсенале занимает.

— Скажешь тоже, Дик, нестроевой! — перебил капитана чуточку более молодой офицер в мундире лейтенанта артиллерии. — Это же Эммет-Ракета. Он командовал ракетными батареями Империи в бою под Нагпуром. Когда в течение четверти часа ракетным огнем смешали с землей неплохо окопавшуюся тридцатитысячную армию Рагходжи Бхонсле. Нет, я конечно понимаю, что для тебя, лошадирика, Ранджит Сингх или Яшвант Холкар выглядят более великими воинами, а по мне так во всей Индии сейчас нет более смертоносного человека, чем Эммет-Ракета.

И вот, наконец, отзвучали слова священника, молодые и гости покинули собор, чтобы снова встретиться в шесть пополудни в резиденции губернатора, которую тот предоставил для свадебного пира.

Но стоило молодым появиться там, как к ним подошел с совершенно озадаченным видом Дункан и сказал:

— Вы знаете, Роберт, я тут после церемонии стал разбирать почту, доставленную тем же кораблем, на котором прибыла ваша невеста, и обнаружил письмо от Корнуоллиса...

— Знаю, сэр Джонотан, — широко и открыто улыбнулся ирландец. — Разведка Ясины еще больше месяца назад донесла что после бегства Сары из родительского дома, её отец обратился к Корнуоллису с просьбой написать письмо вам, чтобы вы помогли вернуть блудную дочь.

Удалось даже выяснить, что письмо попало на тот же самый корабль, что и та, про кого в нём написано.

Её величество обожает помогать своих верным слугам в романтических делах. Поэтому и была организована эта моя техническая миссия. Ничто не мешало устроить её на месяц позже или раньше, послать не меня, а кого-то другого из офицеров-европейцев.

— Юные проказники, — вздохнул губернатор. — Все

трое. Ну что я теперь Корнуоллису напишу?

— Напишите ему, что Джон Карран был несправедлив ко мне, считая меня бунтарём и шалопаем. Увидев что женом Сары является человек, которому его государыня поручает ответственные миссии, вы сочли неправильным мешать нашему счастью. Корнуоллис тоже знает Ямину, и, наверное, сумеет объяснить отцу Сары, что тот действительно неправ.

— Да, пожалуй, сэра Чарльз согласится, что, мешать семейному счастью человека, испепелившего армию Рагходжи Бхонсле, было бы с моей стороны неосмотрительно.

Роберт спокойно принял этот заслуженный комплимент. Да, пришлось ему отвлечься от интересных экспериментов с гироскопами и самому командовать ракетными батареями в бою под Бхопалом. Нет, пожалуй, он бы все равно считал этот успех ракетного оружия своей заслугой. Сколько бессонных ночей над рецептурами топлива и зажигательных составов для боеголовок, сколько дней на полигоне, сколько пришлось ругаться с мастерами, пока они научились выдавать достаточно однородные топливные шашки.

Глава 77

Пираты

23 декабря 1801, Аравийский залив

На следующий день с вечерним приливом из бомбейского порта вышла доу «Газель» на борту которой отплыли в Татту Эммет с молодой женой и Кулибин.

На рассвете рано проснувшийся механик вышел на палубу судна, бежавшего под свежим бризом поздоровался с капитаном, и начал вести с ним восточную светскую беседу. Как-то неожиданно это занятие ему позавчера понравилось.

Через некоторое время капитан вдруг схватился за подозрительную трубу, стал разглядывать что-то по правому борту, потом позвал матроса и велел будить Эммета-сахиба.

— Что такое? — спросил Кулибин.

— Не нравится мне этот кораблик, — капитан указал рукой на возникшую на горизонте черную точку. — Может оказаться гуджаратский пират.

— И тогда что?

— Воевать придется, — тяжело вздохнул капитан. — Хорошо что на борту сам Эммет-сахиб, главный мастер по ракетам в делийском Арсенале. Уж он-то наверняка своей ракетой сумеет попасть в корабль.

Эммет появился на палубе буквально через пару минут в полностью застегнутом мундире

— Что случилось?

— Похоже пират, сахиб.

— Ну что ж, посмотрим, как изделие работает в боевых условиях.

Матросы тем временем извлекли из трюма легкий трехногий станок и устанавливали на него какую-то громоздкую трубу. Еще два человека крутили воздушный насос, вроде того что австрийские егеря возят на своих обозных повозках для накачивания резервуаров ружей Жерардони.

— Вот посмотрите, Айвен, — обратился Эммет к Кулибину, — вся Европа уверена, что применять ракеты против кораблей бессмысленно. Потому что кучность у ракет меньше, чем у пушек, и попасть в движущуюся цель практически невозможно. Но мы добились заметного повышения точности. У этой ракеты не просто стабилизирующий хвост, как у майсурских, и даже не оперение вроде оперения стрелы, как у наших сухопутных систем залпового огня. Здесь активные рули, как у корабля, только не один, а четыре — по два вертикальных и горизонтальных. И гироскоп, который держит направление и отклоняет рули, если ракета уходит с линии.

Игрушка получилась довольно дорогая, но всё же дешевле чем десяток пушек. А главное — легче. Теперь мы можем снабжать все торговые суда станком и парой-тройкой ракет. А значит пиратам лучше не соваться.

Но я сам пока этой моделью стрелял только по мишеням.

— На сколько мы его подпустим, эфенди, — обратился Эммет к капитану.

— Давайте на четверть мили, сахиб. Он не начнет стрелять, ему добыча нужна, а я хочу ему пару слов в рупор сказать, может сам отстанет.

Когда встречный корабль приблизился где-то на полмили, его уже можно было опознать. Кулибин попросил у капитана подзорную трубу. Такой же доу, как тот, на котором они находились, только чуточку поуже и мачты повыше. Видно что сделан не для перевозки грузов, а для погони.

На палубе, прикрытые фальшбортом, десяток небольших, не больше дюжины фунтов, пушек, у которых суетит-ся расчет.

На расстоянии чуть больше четверти мили корабль лёг на параллельный курс, и вышедший на корму капитан под-

нес ко рту рупор.

— Эй, Саид, спускай паруса. Я пришёл. Я тебя не сильно ограблю и недорого продам хорошему работорговцу.

— Пратап, бойся аллаха и всех своих индусских богов. Ты видишь у меня флаг со львом и солнцем? Тебе так сильно надо в драконьем огне гореть?

— Э, Саид, где майсурские фрегаты с драконьим огнём, а где мы? У меня десять пушек, так что ложись в дрейф.

— Послушай, дорогой, у меня на борту сам Эммет-сахиб, причём с молодой женой. Ты правда хочешь нарушить утренний сон леди Эммет?

Тут голова означенной леди появилась в палубном люке:

— Роберт, что происходит?

— Ничего страшного, пираты какие-то привязались, — он обернулся к капитану, — Саид-эфенди, вам не кажется, что пора кончать это безобразие?

— Пора, Роберт-сахиб.

Эммет нагнулся к прицелу своей громоздкой машины. Раздалось громкое «Пффф» и из трубы вылетело что-то похожее на огромную оперенную стрелу. Долю секунды оно удалялось от судна, стремительно снижаясь, потом в хвосте у него вспыхнул факел пламени и оно, ускоряясь, рванулось в сторону пиратского корабля.

Пиратский капитан попытался резко переложить руль, но было поздно. Не долетев до его доу пары десятков метров, ракета взорвалась и дальше летело уже огненное облако горящих брызг огнесмеси. В одно мгновение судно превратилось в гигантский костер от ватерлинии до ноков рей латинских парусов. Бесцельно выпалили в белый свет охваченные огнем пушки.

Саид привел свою доу к ветру и начал уходить от теряющего ход пирата.

Эммет стоял на палубе, несколько ошалело глядя на дело рук своих.

— Что это было? — спросила Сара, уже полностью выбравшаяся на палубу.

— Противокорабельная ракета, — пояснил Роберт. — Понимаешь, любимая, заряд был рассчитан на то, чтобы вывести из строя европейский фрегат тонн на восемьсот.

А тут мы залепили это по трехсоттонной доу.

В этот момент раздался грохот взрыва и горящий корабль стал быстро погружаться кормой в воду.

Саид переложил руль, уворачиваясь от дождя горящих обломков. Матросы забегали палубе с ведрами и баграми.

— А мы не будем никого спасать? — поинтересовалась девушка.

— Некого там спасать. — вздохнул ирландец. — Семьдесят фунтов огнесмеси, да правильно распыленной в воздухе. А потом туда еще ходовая часть прилетела с выгоревшим от силы на треть топливом. Все кто был на палубе, получили смертельные ожоги ещё до того, как рванула крюйт-камера.

— Ужасное оружие...

— И его сделал я. Можешь гордиться своим мужем. — невесело усмехнулся Эммет. — Под Бхопалом мне и то не так жутко было. Там мы работали с закрытых позиций по построенным боевым порядкам армии. И ракеты были маленькими, почти как снаряды из двенадцатифунтовки. В общем, ребята де Пиля бы там выступили не хуже нас, но мы мобильнее и у нас больше вес одного залпа. А здесь... На море слишком хорошо видна цель.

Глава 78

Мост Танцовщицы

7 января 1802, Лахор

Кулибина я встречал в Лахоре. В принципе в Дели я его приглашать и не собирался. Во-первых, в Пенджабе полно непостроенных мостов, во-вторых Лахорский механический завод, где главным инженером бессменно работал Васильич, был куда более продвинутым научно-техническим центром, чем Делийский, где руководил Тревитик, а я только эпизодически давал советы.

Поэтому, получив телеграмму, что Кулибин и Эмметы сели в Татте на «Речного Гепарда», я позаимствовал у Тревитика экспериментальную модель легкого артиллерийского тягача, очередную попытку сделать полуторку, и взяв одного из его подручных в качестве сменного водителя, отправился в Лахор.

В принципе, можно было и дилижансом поехать. Паровики-дилижансы на маршруте Пешавар-Бенарес уже ходили дважды в сутки. Но мне было удобно иметь в Лахоре свой транспорт, а машинке пробег до Лахора и обратно не повредит. Да и Васильичу это изделие показать надо.

Меняясь за рулём, мы доехали до Лахора часов за пятнадцать. Васильич сказал, что мы маньяки, поскольку, мол, надо либо подкидывать уголь на ходу, что на скорости 40 километров в час делать одновременно с управлением явно не стоит, либо второй человек не имеет возможности поспать.

Но когда ознакомился со шнековым углеподатчиком, подающим топливо из расходного бункера ёмкостью часа на четыре, изменил своё мнение.

Он долго лазил под кузовом машины — двигатель на этой модели, как и на большинстве наших грузовиков был смонтирован непосредственно рядом с дифференциалом, благо паровая машина много компактнее бензиновых двигателей, а потом сказал:

— А ведь это уже полетит.

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Весовое совершенство этого двигателя уже достаточно чтобы его ставить на самолет, вроде По-2 или шаврушки. Только котел нужно делать на жидком топливе, у него теплота сгорания выше.

— Паровой самолёт? — переспросил я. — Ты шутишь!

— У братьев Беслер в 30-е годы летал, — возразил инженер. — А вы с Тревитиком уже довели паровые машины почти до этого уровня.

До момента прихода парохода мы успели обсудить текущие вопросы, потом Васильич сам уселся за руль, заявив что прежде чем критиковать новую машину, он хочет сам её попробовать, и мы поехали в речной порт встречать гостей.

Кулибин уже пребывал в некотором обалдении от «Речного Гепарда», где ему, по специальному моему телеграфному указанию, показывали всё. А тут ещё паровая повозка.

Сара Эммет, наоборот, принимала все эти технологические чудеса как должное, с чистым детским восторгом. Видимо, Роберт ей что-то такое в письмах рассказывал.

То что его принимает у себя в доме главный инженер местного завода, Кулибин не счел признанием своих заслуг. Он решил, что мы с Васильичем, два единственных русских в Империи просто рады увидеть земляка.

— Может быть, в честь гостей мехфил устроить, — предложил я Васильичу. — Ты не знаешь, Моран на сегодняшней вечер уже кто-то ангажировал?

— Вроде нет, сахиб, — вмешался в разговор до того молчаливой статуей стоявший камердинер Васильича. Он, когда пообжился в Лахоре завел себе этакого пенджабского

Фигаро, который знал всё про всех. — Она только сегодня приехала в Лахор из Макханпура.

— Тогда дай байк, — продолжил я, — Лично съезжу на Алмазный рынок и её приглашу.

— Не жирно ей будет целый министр?

— Для девушки, в которую влюблен Великий Визирь — в самый раз.

Моран в январе 1802 была уже не той пятнадцатилетней девочкой, которая сама того не зная читала в лицо Ясминне стихи только что казненного Гази Фероза. Сейчас она была не просто лучшей танцовщицей Лахора, но и живой энциклопедией по его высшему свету. Ранджит, всё-таки, несмотря на молодость был слишком умным парнем, чтобы вот так растаять просто от идеальной фигурки и смазливового личика. Моран его очаровала умом. Причем не только его, но и Дженнифер с Ясминой, которые не имели ничего против такого пополнения гарема молодого сикха. То что Ранджит ещё не женился на ней объяснялось только тем, что на идею его брака с таваиф очень косо смотрели сикхские старейшины.

Кулибин вышел с нами во двор, чтобы посмотреть что такое «байк». Последние изделия велосипедного цеха Лахорского завода были, по-моему, уже вполне на уровне середины XX века. Рама, соединенная напрессованными в горячем состоянии втулками, никелированные штоки педалей, пневматические шины из натурального каучука, поставки которого из Бразилии наконец удалось наладить.

Иван Петрович был просто в восторге, от такого решения pedalной машины:

— Я думал, что должна получиться безлошадная повозка, а у вас получилась механическая лошадь.

— Безлошадные повозки мы тоже делаем. Завтра на заводе покажу, — ответил Васильич.

— А попробовать можно?

Кулибин видел что в сарае у Васильича стоит штуки три велосипеда.

— Можно. Но учтите, что хотя это и неживой механизм, ведёт он себя как норовистая лошадь. Неопытного седока запросто сбросит. Учиться ездить на нём в вашем возрасте будет непросто.

— Ну ладно, — вмешался я. — Ты пока учи Ивана Петровича кататься на велике, а я поехал.

Моран была совершенно не в духе. Её глаза сверкали гневом, а на лице были заметны следы слез.

— Я вообще не собиралась сегодня работать. Я очень расстроена.

— А что случилось?

— Канал Смеха называется... Есть такой канал недалеко от моей родной деревни. Его Шах Джахан построил полтора-два десятилетия назад. Ну вот сегодня я ехала из дома в Лахор и на броне через канал утопила сандаля. Ладно бы это просто обувь была, но это был подарок Ранджита.

— Если ты примешь мое приглашение, то тебе предстоит выступить перед четырьмя крупными инженерами. Не скажу, чтобы это были все лучшие инженеры Империи, Тревитик с Лебоном в Дели остались, но тем не менее. Вот соберемся и построим тебе мост. Там все равно мост нужен. Будет мост, будет и весьма оживленный рынок.

Моран сразу оживилась, видимо мысленно проиграла сцену, которую она сыграет перед нами, и согласилась.

Так что вечером в доме Васильича состоялся мехфил. По уже укоренившейся среди верхушки Империи традиции, Эммет привел на это мероприятие молодую жену.

Нет, всё-таки под одну Моран надо открывать здесь театр оперетты, если не киностудию. Как она играла, изображая несчастную жертву жесткой стихии, когда выпрашивала у собравшихся инженеров мост.

— Ну что, Иван Петрович, — спросил я. — Сделаем для неё мост, которого нигде в мире нет?

— Это как? — ответил тот. — Использовать мою арочную конструкцию, придуманную для Невы?

— Нет, пожалуй, эту конструкцию мы оставим для Рави или Сатледжа. Тот канал имеет от силы два десятка метров, или, как вам привычнее, тридцать аршин ширины. Я предлагаю сделать ферменную конструкцию.

Я взял со стола салфетку, вытащил из кармана рубашки карандаш, и начал рисовать.

— При чем ферму мы соберем не из дерева, а из стального профиля. Васильич, у тебя что тут уже катают?

— Есть труба-семидесятка, которая идет для котлов машин речных пароходов. Ее у меня на складах есть несколько десятков тонн некондиции. Есть швеллер, который мы отработываем для будущего набора железных кораблей. Есть экспериментальные рельсы, но они, пожалуй, слабоваты будут.

— А сварку ты уже наладил?

— Наладить-то наладил, но у меня сварочные генераторы приведены от стационарных заводских машин через ременные передачи. Так что извини, варить я могу только на заводском стапеле.

— Ну сварим ферму здесь, потом тягачом ее оттащим на место и лебедкой надвинем. У тебя же тут на заводе есть несколько больших тревитиковских тягачей.

На следующий день мы с Иваном Петровичем поехали делать съемку местности. Это я, пожалуй, умел лучше остальных присутствующих здесь инженеров, так как когда-то, в будущем этому учился. Эх, ненавижу бронзовые лимбы с нониусами. Но, увы, стеклянные лимбы, которые видны прямо в поле зрения трубы теодолита, а, тем более, номограммные тахеометры, местным мастерам пока не по зубам.

В тот же день десяток рабочих залили цементом два устоя на обоих берегах. А к вечеру следующего дня на верфи сварили ферму.

Рассчитывал её в основном Кулибин, периодически уточняя у Васильича параметры стальной трубы и у меня — требуемые нагрузки. Мы с Васильичем пришли к выводу, что Иван Петрович не зря в Петербурге приятельствовал с Эйлером. Методы расчета арочных и фермных конструкций у него слегка опережали своё время. Васильич даже не смог припомнить, чтобы у него в курсе сопромата такое было. Впрочем, возможно в XX веке эти методы были благополучно забыты, вытеснившись более совершенными.

Потом эту ферму со скоростью пешехода тягач потащил по Большому Колесному пути.

Естественно, такая операция не могла остаться без внимания местных зевак, и к тому месту, где были подготовлены устои для моста, тягач приполз в сопровождении огромной пестрой толпы. Толпа не расходилась, пока продолжа-

лась операция по надвигу фермы, а она была закончена уже на закате. За ночь разохотившиеся рабочие настелили на мост дощатый настил и мы всей бригадой дружно проехали по нему на тягаче.

Два таких тягача здесь, пожалуй, бы не разъехались, но две полуторки или две крестьянские телеги — легко.

Открытие моста превратилось в импровизированный праздник. Конечно, Моран не могла упустить такого момента, как постройка моста её имени. И когда на рассвете собралась большая толпа, она для неё пела. Конечно, звукоусиление мы с Васильичем обеспечить не смогли, да и уже появившаяся в Европе техника оперного пения была Моран незнакома, обычно она пела на мехфилах для небольших аудиторий, но тут она превзошла сама себя.

Она выступала с платформы тягача, а мы с Васильичем сидели в кабине. Мы-то были уверены, что в отличие от большинства собравшихся, мы всегда сможем послушать пение Моран. Даже если она бросит ремесло таваиф и выйдет замуж за Великого Визиря.

В разгар выступления я заметил, что над дорогой, ведущей в сторону Лахора, поднимается облако пыли. Еще немного, и можно различить группу всадников. Где-то я этого жеребца видел... Ну да, это Муссон, тот самый которого отдал Ранджиту Сингху под Бенаресом один из сикхских офицеров.

Легок, значит на помине. Вернулся Ранджит из Пешавара в Лахор и узнал, что где-то поблизости открывают мост имени его любимой девушки. Решил посмотреть.

Не доезжая до толпы всадники перешли на шаг, чтобы не мешать стуком копыт слушателям. Я высунулся из кабины тягача через верхний люк и поманил молодого сикха. Он принял приглашение, и осторожно подъехав к тягачу, перескочил прямо из седла в кабину.

— Ты сможешь задержаться здесь еще дней на пять? — спросил он не успев разместиться на пассажирском сиденье.

— Да, конечно. Нам с Васильичем найдется о чем поговорить на инженерные темы. А что?

— А тут, понимаешь ли, Кемаль-уд-дин мне телеграфировал в Пешавар, что хотел бы обсудить проблему гуджа-

ратских пиратов. Он едет сюда на «Речном гепарде». А я еще из Дели Раджива Дасса вызвал. Если и ты будешь, совсем хорошо.

Глава 79

Пираты Кахтиявара

15 января 1802, Лахор

Кемаль-уд-дина мы встречали на пристани на моей полуторке. Я, Ранджит и Васильич. Паровой дилижанс из Дели, на котором ехал Раджив Дасс, должен был прийти на полчаса позже парохода, и мы собирались дожидаться его около почтовой станции. Как раз Кемаль-уд-дин успеет чашечку настоящего лахорского кофе выпить.

Когда пароход уже разворачивался, и готовился подать на пристань швартовы, какой-то уличный мальчишка незаметно сунул Васильичу в руку записку. Тот быстро пробежал глазами и сунул мне.

Записка была от его камердинера, и в ней говорилось:

«Прилетела на серебряном драконе инглеска-подруга визиря. Велели сделать вид, что их нет»

Я быстро написал на обороте ответ: «Подыграй» и сунул мальчишке вместе с монетой давани. Конечно, две анна это довольно большая плата за такую мелкую услугу, как доставка записки из дома Васильича на пристань и обратно, но учитывая ранг задействованных персон...

Ранджиту, Кемаль-уд-Дину и Дассу мы решили ничего не говорить.

Дилижанс пришел вовремя, и не прошло и сорока минут, как мы расселись в гостиной Васильича.

Кемаль-уд-дин изложил то, что заставило его устроить это собрание.

Уж очень расшалились у берегов дельты Инда пираты из владений молодого раджи Ананда Гаеквада. Когда Бародой правил его отец, Говинд Рао, такого разгула пиратства не было.

В принципе, военный потенциал Гуджарата, был довольно невелик. Беда в том что у Гаеквадов был субсидиарный договор с англичанами. И если мы не хотели получить Бомбейскую армию у стен Индура, о штурме Бароды речь заводить не приходилось.

Поэтому избавиться от пиратов следовало каким-то другим способом.

Когда он закончил свой рассказ, дверь внезапно открылась, и появилась Ясмина в европейском платье, за которой следовал телохранитель с СКС-ом в форме пешаварских рейнджеров. Через секунду я понял, что это Дженифер. Новая форма пешаварских рейнжедров представляла собой привычный нам с ней по XXI веку камуфляж. Поэтому она повадилась носить его. Европейский женский костюм той эпохи всё-же не для активной девушки XXI века с привычками полевого исследователя.

— Ну, что, заговоры тут плетете? — нарочито суровым тоном спросила императрица.

— Какие заговоры, Ясмина? — удивленным тоном спросил Ранджит Сингх. — ну не ставить же перед госпожой падишахом каждую мелкую региональную проблему.

— Это война с ОИК мелкая региональная проблема? — недоверчиво переспросила она.

— Да вроде мы не собираемся воевать с англичанами.

— А как вы тогда собираетесь решить проблему Кахтияварских пиратов? Вторгнитесь в Гуджарат, так Гаеквад за помощью к англичанам бросится.

— А может спровоцировать их на нападение на Татту? — задумчиво произнес Васильич.

— Но как? — не понял Ранжит. — Чтобы пираты брали города?

— В Карибском море английские пираты такое устраивали сплошь и рядом.

— Может сработать. — задумчиво произнес Дасс. — Молодой Гаеквад любит читать европейскую приключенческую литературу.

— О! — понял я. — Копи царя Соломона.

— Точно! — поддержал Васильич.

Остальные собравшиеся глядели на нас с некоторым удивлением.

— В этом мире эта книга еще не написана, — пояснил я. — Но легенда есть. Что когда библейский царь Соломон строил Иерусалимский храм, он посылал корабли куда-то на юг, и они привозили ему золото и драгоценные камни.

Мы третий год копаемся на побережье Южной Африки. В частности именно потому, что знаем, что там недалеко есть богатейшие залежи золота и алмазов. Добычу, правда, пока не развернули, но образцов уже собрано достаточно. Нужно подкинуть пиратам информацию, что в Южной Африке имперцы раскопали те самые копи царя Соломона, и везут в Татту золото кораблями. Перехватить наши корветы в море они не в состоянии, поэтому попытаются собрать большой флот и штурмовать Татту.

Если мы их тут аккуратно подловим, то Кахтиявар останется без флота и Аравийское море надолго станет безопасным для наших кораблей. А там, глядишь, можно будет как-нибудь уболтать Уэлсли, что раджа пиратов не самый подходящий объект для покровительства. И получить такой же карт-бланш, как в Нагпуре.

Глава 80

Моран и Тоска

15 января 1802, Лахор

Вечером после совещания мы опять пригласили Моран. После того, как она отработала свою программу, Дженнифер спросила её:

— А ты не хочешь послушать, как поют в Европе?

— Хочу. А ты умеешь петь? Помнится, тогда, после мятежа вы устроили европейские танцы, но песен не было.

Моран совершенно не стеснялась Дженнифер. Она была уверена, что она, со своей молодостью и красотой легко затмит стареющую наложницу Ранджита Сингха в его единственном глазу. О том, какую роль на самом деле в Империи играет Дженнифер, она пока не подозревала.

— У меня есть гораздо более интересная штука — машина, которая умеет записывать звук и изображение и потом показывать. Поэтому я могу тебе показать представление европейского оперного театра, где участвуют десятки певцов, и мужчин и женщин. Пойдем.

Дженнифер увела Моран в свою комнату, где она оставила ноутбук, и запустила «Тоску».

Моран с не отрываясь смотрела на действие на экране, следя больше за сюжетом, чем за техникой пения.

— Какая-то неправильная таваиф, — сказала она, когда действие закончилось.

Дженнифер решила не углубляться в тонкости различия социального положения певиц в Италии и таваиф в Ин-

дии.

— Почему неправильная?

— Ну вот, поссорилась она с художником. Правильно сделала. От этого художника никакого проку в качестве постоянного любовника. Денег у него немного, доходы нерегулярные. Но вот почему она с начальником городской стражи так обошлась. Это-то верный кандидат.

Дженнифер задумалась. С циничной точки зрения таваиф, может быть оно и так. Но романтические пьесы о таких удачливых куртизанках не пишут.

— Знаешь, Моран, все великие книги и пьесы написаны о неправильных людях. Про правильных просто писать не интересно. Возьми, скажем, нашу, европейскую литературу. Тристан и Изольда, что правильные? Или Гамлет? Да и у вас герои Махабхараты по всем меркам странные.

Моран кивнула головой, соглашаясь.

— А как тебе техника пения? Ты посмотри, — она прокрутила видео так, чтобы было видно зрительный зал ла Скала. — Такой огромный зал, да еще и балконы с ложами. И всем слышно.

Глава 81

Битва в устье Инда

25 марта 1802, Татта

И вот, ловушка для пиратов была готова. В руки кого надо попали самородки и золотой песок, намытые нашими разведчиками в районе хребта Мпумаланги. Были отбиты попытки перехвата корвета, идущего из Типуабада. Был пущен слух, что все «Черепахи» заняты перевозкой золота из Татты в Лахор, поэтому в Татте ни одного броненосного корабля нет. На самом деле, конечно, они отстаивались в укромном рукаве Инда всего несколькими километрами выше Татты.

Майсурский флот тоже крейсировал неизвестно где.

И вот в устье Инда стали втягиваться кахтияварские доу. Пираты собрали огромный флот, больше сотни доу, на каждом по полсотни головорезов.

С артиллерией, у них, конечно было слабовато, в среднем по пять пушек на корабль и калибры какие-то совершенно не морские. 8, 12 фунтов.

Правда, если начать считаться калибром и числом стволов, у нас дело обстояло как бы не хуже. «Черепахи» последней серии, как и корветы были вооружены 100-миллиметровками, что примерно соответствует 9-фунтовке. И на «Черепахе» было всего две пушки, а на корвете — четыре. Правда, скорострельность наших пушек с унитарными патронами ни в какое сравнение не шла с дульнозарядными пушками производства XVIII века. Но,

чтобы осознать это, нужно было ввязаться в бой.

А еще у нас были старые майсурские линкоры, от души набитые 72- и 60-фунтовками. Типу-султан ставил на свои корабли раза в полтора больше пушек, чем англичане или французы на корабли того же водоизмещения. Он же не рассчитывал на многомесячные рейсы вокруг Мыса Доброй Надежды, его корабли должны были действовать у родных берегов.

Конечно, последние три года мы гоняли эти корабли по всему Индийскому Океану, но вот сейчас они как раз собрались на расстоянии дневного перехода от устья Инда, где остались незамеченными.

Пираты незаметно высадили десант и ночью тихо захватили лоцманский пост в устье Инда. У них хватило ума взять телеграфистов живыми и потребовать от них поддерживать нормальный обмен телеграммами с Таттой.

Но мы это, естественно, предусмотрели и кодовое сообщение о захвате поста нами было получено, равно как и замаскированное под метеосводку сообщение о начале входа пиратского флота в устье Инда.

Ловушка захлопнулась. Хотя в море осталось крейсировать полтора десятка доу, задачей которых был перехват посыльных судов, предотвратить передачу сообщения на эскадру Кемаля-уд-дина у них не было шансов. Радиоволны так просто не остановишь.

26 марта 1802 г Старица несколькими километрами выше Татты.

Муиз-уд-дин нетерпеливо мерил шагами палубу «Черепашки». Он знал, что еще вчера пиратская флотилия вошла в устье Инда. Но от устья до Татты больше ста километров. Поэтому за день они не достигли порта, и четыре броненосных канонерки по-прежнему оставались в засаде.

Он еще раз взглянул на толстый провод полевого телеграфа в черной каучуковой изоляции, тянувшийся с берега к стоявшему на якоре кораблю.

Ну когда же, когда же, поступит приказ на выход.

И вдруг, неожиданно из рубки выскочил телеграфист:

— Капитан, паруса противника показались в виду Татты.

— По местам стоять, с якоря сниматься. Поднять сигнал «К походу», скомандовал Муиз-уд-дин, потом принял у телеграфиста отсоединенный от аппарата кабель, и с размаху закинул тяжелый разъем на берег. Кабель сложился петлей, которая частично оказалась в воде, но это уже не страшно.

Четыре «Черепахи» одна за другой выскользнули из старицы и, набирая скорость, заскользили вниз по Инду. Пыхтит на предельных оборотах машина, с журчанием проносится вдоль бортов желтая мутная вода, тянется за кормой грязно белый след от винта.

Вот и причалы Татты показались. На них никто не смотрит на идущие сверху канонерки. Взгляды всех устремлены вниз по течению, где поднимаются над горизонтом, как плавники акул, хищные силуэты латинских парусов.

Вот стоит бриг английской ОИК, паруса взяты на гитовы пушечные порты открыты. Готовится принять бой. Майсурский принц вздохнул. Сегодня его работа — не допустить, чтобы этим мирным деревянным корабликам пришлось вступать в бой. И не важно кто там, дружественные голландцы или ненавистные англичане, соотечественники пиратов из Гуджарата или купцы с малабарского берега. Любой, кто пришел в Империю с миром, имеет право на защиту.

Последний причал остался позади, и до первых кораблей противника уже не больше морской мили. В принципе, для стомиллиметровок «Черепахи» оптимальная дистанция. Но Муиз-уд-дин не спешит отдать приказ открыть огонь. Наоборот на мачте флагмана взвывается сигнал:

«Сблизиться на расстояние кабельтова и работать огнеметами. Экипажу укрыться под броней».

Сам командир пока остается на открытом мостике, ожидая первого выстрела противника. Ненужная бравада? Может быть. Но всё-таки отсюда намного лучше видно, чем через узкие щели в броне рубки. Наконец, с расстояния двух кабельтовых погонные орудия доу выплевывают в сторону канонерок ядра. Муиз-уд-дин успевает заметить дымок от фитиля и скомандовать рулевому маневр уклонения.

Второй залп оказывается точнее, ядра звенят по броне

орудийной башни. Хорошо, что у этих, новых «Черепях» закрытая башня, а не барбет, как у той, первой. А то палубы мореходных доу настолько выше палубы речного кораблика, что артиллеристы оказались бы под угрозой. Ну и командиру пора под броню.

«Черепеха» сближается с головной доу на расстояние нескольких фатомов. По броне бесполезно звенят абордажные крючья. «Пора» — решает молодой командир и даёт команду огнеметчикам. Из открывшейся амбразуры в борту вылетает огненная дуга и доу вспыхивает от носа до кормы.

В то же мгновение открывают огонь и остальные три канонерки. И тут начинается... Юркие железные кораблики вертятся среди вдвое больших по длине доу, описывают немислимо крутые по меркам парусников циркуляции, огненные дуги вспыхивают бывает и с двух бортов. По броне стучат ядра и пули.

Полчаса, и с авангардом, в котором плотной кучей почти во всю ширину фарватера сбилась добрая треть пиратских кораблей, покончено. Вниз по Инду медленно плывут пылающие костры.

Остальные успели развернуться и убегают вниз, насколько позволяет ослабевший к вечеру ветер. Канонерки бросаются вдогонку. Если кто-то из экипажей подоженных кораблей и сумеет выбраться на сушу, на то есть драгунские патрули. А задача флотилии — разобрать на дрова возможно больше доу.

Ретирадных орудий на большинстве пиратских кораблей нет. Поэтому погоня проходит почти в тишине. И вот уже замыкающие колонну уходящих кораблей вспыхивают один за другим.

А там, чуть подальше, кто-то уже понял, что не уйти и вываливается из строя, надеясь выброситься на берег. Куда пошёл? Правое орудие фугасным ему под ватерлинию на миделе, а левое — шрапнелью по палубе.

К закату еще два десятка пиратских доу превращены в пылающие обломки. Но еще полсотни уходят. По извилистоу фарватеру нижнего Инда, с его коварными, постоянно меняющими свои места мелями, без единого зажженного бакена — какой же бакенщик сунется сюда сегодня,

когда тут летают пули, ядра, снаряды и «драконий огонь».

Канонерки зажигают ацетиленовые прожектора. Напуганные странным слепящим светом пираты начинают палить в сторону канонерок из мушкетов в белый свет, как в копеечку. Муиз-уд-Дин, уже лично вставший за штурвал, до боли в пальцах сжимает рукоятки. Ведь попадут сдуру, и даже если не разобьют зеркало, стряхнут с горелки хрупкую сеточку Ауэра и придется сигнальщику лезть, менять сеточку, зажигать огонь заново.

К тому моменту, когда это произошло, еще десяток доу остался за кормой в виде плавучих костров. Но продолжающим удирать этого не видно, им при взгляде назад спят глаза прожектора.

— Осветительную, — командует Муиз-уд-дин рулевому, который сейчас, пока командир рулит сам, присел отдохнуть в уголке рубки. Тот выхватывает из ящика картонный цилиндр и выскакивает из рубки, на ходу отвинчивая с него крышку. Рывок за кольцо, свист, и, обгоняя канонерку, вперед уходит ракета. Где-то над третьей от конца доу она повисает на парашюте и вспыхивает. В мертвенном свете горящего магния доу как на ладони. Артиллеристы могут работать как на полигоне. А огнемечки отдыхают, они уже всю огнесмесь израсходовали. Но освещение нужно не для этого. В свете ракеты прекрасно видны бакены. Вот. Чуть-чуть за фарватер не вылетел, сел бы на мель на десятиузловом ходу, мало бы не показалось.

Ракета догорела и погасла. Но в этот момент опять вспыхнул прожектор. Сигнальщик привел его в чувство. А пираты пока горела ракета, не стреляли, видимо разинув рот любовались на рукотворную звезду.

Вдруг впереди показалось какое-то зарево, мечущиеся лучи прожекторов, послышался грохот тяжелых орудий.

Ага, вот и встретились со старым майсурским флотом. Довольно далеко он успел подняться по Инду.

* * *

30 марта 1802, Бомбей

Адмирал Реньер закончил чтение и поднял глаза на стоящего перед ним капитана торгового корабля Ост-Индской компании:

— Значит, вы говорите, что четыре этих железных утюга

сожгли несколько десятков доу в течение получаса и всю ночь преследовали оставшихся? По речному фарватеру?

— Да сэр. Двадцать пятого объявили тревогу, запретили выход из порта. Двадцать шестого в три часа пополудни мы увидели ноки их рей. В полчетвертого мимо нас прошли парадным строем четыре канонерки. А на рассвете капитан порта объявил, что выход в море по Инду свободен, и пиратской угрозы больше нет. Когда мы проходили устье Инда там, напротив форта, на якорях стояли четыре старых, еще типу-султановских линкора и несколько фрегатов. Следов боя на них было не видно. Похоже что «Черепахи» сожрали весь кахтияварский флот в четыре морды, а эти корабли были нужны только чтобы не дать никому уйти.

Глава 82

Аэроплан

17 мая 1802

Семнадцатого мая на рассвете мне принесли телеграмму от Васильича, в которой тот предлагал встречать его на берегу Джамны на нашем автомобильном полигоне в понедельник семнадцатого в полдень. Почему с телеграммой так затянули? Впрочем, курьера спрашивать бесполезно. Наверняка в Дели телеграмма получена только что. Это у них там в Лахоре тормоза. Скажу Васильичу, что только чудом не уехал сегодня с Ранждитом и Гамалем на охоту. Пусть своим там в Лахоре сам хвосты накручивает.

Со мной на полигон увязалась Фулла, драконочка из клана Беяр. После совменстного похода вдоль северных границ Берара и Ориссы и её участия в качестве авиаразведки в авантюрном броске почти в самую Калькутту за лошадью для Ранджита Сингха, она была со мной во вполне приятельских отношениях.

В отличие от Винаты, которая немного стеснялась свободы нравов Красного Форта и вела себя как подобает индийской женщине, Фулла с легкостью приняла нравы, насаждаемые тут Ясиной и Дженнифер. Поэтому прокатиться на полигон в компании мужиков, чтобы просто развеяться для нее было вполне нормально. Может еще пострелять из чего-нибудь дадут.

На полигон мы поехали на легком грузовичке, который Тревитик сильно усовершенствовал по советам Васильича,

и я теперь держал эту машину как свою разъездную. Пора уже легковушки начинать делать, во всяком случае Ясмин парадный механический выезд явно нужен.

Самого Тревитика тоже взяли с собой. Он все равно собрался на полигон.

Когда время близилось к полудню, я с удивлением увидел ну очень большую птицу, снижающуюся над рекой. Драконы в истинной форме побольше будут, но тут вместо головы на длинной гибкой шее заостренный лодочный нос, а посредине крыла — утолщение с полупрозрачным кругом пропеллера.

Гидроплан плюхнулся в воду проглиссировал, сбрасывая скорость, и ткнулся носом в берег прямо напротив того места, где стояла наша машина.

Васильич в классическом пилотском кожаном обмундировании ранних лет авиации — шлем, очки-консервы и кожаная куртка, выбрался из кабины, спрыгнул на берег, и закричал нам:

— Чего смотрите, трос давайте! Я что, своим ходом на берег выезжать должен?

Его напарник тем временем опускал вниз довольно большие колёса, вроде тех, что они там в Лахоре ставят на заднюю ось велорикш и грузовых велосипедов.

Зацепив это сооружение тросом, мы выволокли его на сушу.

Васильич и его спутник тем временем избавились от курток, всё-таки в Дели было жарко, не то что там, наверху. Самолету сложили крылья, завернув их назад, и перецепили на жесткую сцепку хвостом. После чего мы его легко отбуксировали в один из ангаров. Нечего демонстрировать секретную технику всяким там разным.

— Пять часов от Лахора без посадок и дозаправок. И керосина бы ещё до Лакхнау хватило, — похвастался Васильич.

— Пять часов? — недоверчиво переспросила Фулла. — Это больше шестидесяти миль в час?

— Да, крейсерская скорость здесь сто десять километров в час.

— Пожалуй, даже мы с Ясминой бы не отказались от такой разъездной повозки.

— Так, — вмешался я. — Я вас не представил. Это Сергей Васильевич, он оттуда же, откуда я, главный инженер Лахорского завода, а это Фулла, она из той же долины, что и известный тебе Гамаль. И как ты Васильич, предполагаешь теперь оправдывать перед старейшинами Драконьей Долины появление у нас этой машинки?

— А чего тут оправдывать? — неожиданно для меня вступилась за Васильича Фулла. — Ты там, у себя дома на таких штуках летал?

— Летал. Иначе было бы куда сложнее поднять её в воздух, и совершить такой немаленький перелёт.

— Ну вот так и говори старейшинам, мол там научился летать, а здесь было скучно сидеть прикованным к земле, вот и построил леталку, как только оказалось возможным. Любой дракон тебя поймет.

— Кстати, признавайся, откуда чертежи планера содрал? Где-то я такую байдарку с крыльями видел.

— В Питере в музее Арктики был? Там под потолком такая висит, Ш-2 или шаврушка. Самая технологичная машина в советской авиации. Её когда с производства сняли, в аэродромных мастерских хозспособом делали. А потом еще любители чуть ли не в квартирах. А чертежи нашлись у тебя на ноутбуке. У тебя там была подшивка журнала «Моделист-конструктор».

— А можно мне попробовать на ней полетать? — Фулла ослепительно улыбнулась инженеру.

— Ну могу попробовать поучить. Садись. На час полёта у меня керосина ещё хватит.

Мы выкатили самолет из ангара и развернули крылья.

Васильич посадил драконочку на правое сиденье, сам сел на левое, разогнался прямо по дороге, ведущей от ворот, и взлетел.

— Во двужильный сахиб! — восхищенно выдохнул его спутник, молодой мусульманин. — Я за пять часов полёта так вымотался, что мечтаю только чтобы поесть, да выспаться, а он, вишь ты! Похлопала ему такая ресницами, и он готов лететь дальше. Я б даже за поцелуй Моран не согласился.

Взлетевшая шаврушка тем временем начала закладывать довольно крутые виражи, крутить бочки и прочие фи-

гуры.

Через час летающая лодка опять приводнилась в Джамну.

Когда пилоты из неё вылезли, я спросил Васильича:

— Ну как?

— Такое впечатление что я её не учу, а переучиваю на другую модель. Летать она уже умеет, вот самолётом рулить...

— А ты что скажешь, — спросил я Фуллу.

— Оно деревянное... — тяжело вздохнула она. — Ну примерно, как эту безлошадную повозку водить, вместо того, чтобы двигаться пешком. Ни повернуть толком, ни спикировать. Всё время приходится напоминать тебе что вокруг тебя тридцать футов дерева и ткани. И воздух под крыльями не чувствуется совсем...

— Это ты-то воздух под крыльями не чувствуешь? — поразился Васильич.

— По сравнению с вот этим... — Фулла как-то мгновенно выскользнула из одежды и вот перед нами стоит на задних лапах грациозная золотая драконница, размером раза в два больше шаврушки, и расправляет кожистые крылья.

— Хочешь теперь я тебя покатаю, — раздается громовой драконий шопот.

Ещё полчаса Васильич кувыркался в воздухе, сидя на спине у Фуллы. Наконец, драконочка выдохлась и спустилась с небес на землю.

Васильич, потряс головой:

— Ух! Ну и маневренность. На таком я ещё не летал.

Когда мы уселись перекусить, и он немножко пришёл в себя, я спросил:

— Слушай, а ведь если у нас есть авиационный двигатель, мы можем танк построить. Насколько я помню, в 30-е годы на танки ставили авиационные бензиновые двигатели?

— С гусеницами сложно будет. Экскаваторы я уже понемногу строю. Но у них ресурс гусениц километров в сотню. Насколько я помню, производство гусениц, способных выдерживать длительные марши, это уже самый конец 30-х, и куча специфических технологий — сплавы, высокочастотная закалка и еще какие-то тонкости. Ты же захочешь про-

рывов в стиле Гудериана, знаю я ваши с Ранжитом Сингхом привычки.

— А помнишь, были колёсно-гусеничные танки? Вроде как раз для этого — марши по дорогам, чтобы не изнашивать гусеницы, совершаем на колёсах, в бой идти — надеваем гусеницы.

— Было такое, танк Кристи, советская серия БТ. Знаешь, я подумаю. При условии, что ты дашь зелёный свет моим авиационным экспериментам.

— А что я? Я только за. Мне нормальная авиапочта при таких размерах страны во-о-т так нужна. Авиаразведка — тоже лишней не будет. Сделаешь что-нибудь размером с Ан-2 хотя бы, пассажиров на десять?

— Ан-2 не потяну, пожалуй. Там тысячесильный мотор. Вот Дорнье-Валь могу. Амундсен эту машину в своё время очень хвалил. Кстати, тоже летающая лодка, что при отсутствии аэродромов очень полезно.

— Вопрос в том, что зелёный свет давать должен не я, а старейшины Драконьей Долины. Они и так уже Ясмину регулярно полоскают за то, что тут анахронизмы сплошные творятся. Вон Фуллу к нам приставили в качестве наблюдателя и ещё нескольких молодых драконов. А тут вообще покушение на их родную стихию.

Фулла тем временем смотрела на Васильича сияющими широко раскрытыми глазами и, казалось, замечала за столом только его.

Я внимательно поглядел на предмет её воздыхания. В своё время, когда мы брали штурмом лагерь наркоторговцев, Васильич мне показался побитым жизнью пожилым мужиком, почти стариком. Но за два с половиной года, проведенных в Империи Ясины, он буквально помолодел, и выглядел теперь не на свои сорок пять, а как бы не на тридцать. Вот что с человеком делает любимая работа при отсутствии стесненности в средствах.

* * *

23 мая 1802, уединенная долина в Гималаях

Фулла спикировала с ясного неба и, резко затормозив распахнутыми крыльями, приземлилась на площадке перед входом в пещеру Дхармадара, где тот как раз принимал солнечные ванны.

— Дядя, привет! — воскликнула она, когда дракон открыл глаза, чтобы увидеть, что это за тень упала на его шкуру. — А я теперь умею противозенитный манёвр делать!

Мысли в голове разморенного на солнце драконьего старейшины ворочались тяжело:

— Как противозенитный маневр? Ясмина же обещала что можно будет без этого обойтись!

— Ну не пугайся ты так, мне просто интересно было. Тут это, один дядька из тех, что у торговцев опиумом в рабстве был, оказывается в том мире умел летать на ихних янтрах или виманах, в общем летающих повозках. Тут ему стало скучно без неба, и когда они там сделали достаточно хорошую паровую машину, он сделал себе деревянную лодку с крыльями, и она действительно летает. Вот он мне позволил ей порулить, и показал всякие принятые у них в мире фигуры пилотажа.

— Надеюсь, сюда ты на своих крыльях прилетела.

— Да, конечно. Лодка она есть лодка. Ей для посадки нужна большая река или озеро. На худой конец большое ровное поле, колёса у неё для этого есть. Но, вообще, заметь дядя, люди, которые прекрасно умеют ходить по земле ногами, пользуются повозками, лодками и прочими транспортными средствами, чтобы добираться до нужного места или быстрее, или не так уставая. В воздухе так, оказывается, тоже можно. Даже эта деревянная лодка летит почти вдвое быстрее, чем способен лететь дракон. И не устаёт. Приземлился, долил керосину, поменялся за штурвалом, там три человека влезает, и лети дальше.

«Хитрюга серебряная, — с грустью подумал Дхармадар про Ясмину. — Уговорила нас отправить к ней туда в Дели представителей всех трёх кланов. Ну кто туда пошёл? Конечно, молодежь вроде Фуллы или Кешарина, у которых ещё детство под хвостом играет. Естественно, все эти забавные пыхтящие или бабахющие игрушки вызывают у них детский восторг. И если теперь мы как-то попытаемся сдержать технический прогресс в Империи Моголов, нас не поддержит молодежь собственных же кланов.»

Глава 83

Датские деньги

Транкебар, 14 июня 1802

Петер Анкер, губернатор датской Ост-Индии, стоял на набережной Транкебара и рассматривал входящий в гавань корабль. Таких ему еще видеть не приходилось. Длинный стройный корпус, наклоненный вперед форштвень, слегка наклоненные назад высокие мачты. Сейчас все мачты были оголены, и между гротом и бизанью извергала чёрный угольный дым высокая труба. На гафели бизани развевался белый флаг с пятью красными кружками конвертом, бывший майсурский, а теперь имперский военноморской.

Как не похож этот корабль на хорошо знакомые Петеру боевые корабли Типу-Султана. Те были тихоходными, неповоротливыми посудинами, ошестинившимися огромным для своего водоизмещения количеством пушек. А здесь, скорость, изящество, а пушки — ну наверное, на палубе что-то есть, раз под военным флагом ходит, но даже одного ряда пушечных портов по бортам не видно.

Губернатор вздохнул, и направился в свою резиденцию. Полюбоваться на имперские корабли, это хорошо, но надо что-то делать с деньгами. Недавний рейс торгового дома Харроп и Стевенсон, в который он хорошо вложил, оказался убыточным.

Придя домой, он только успел переодеться и попить чаю, что при такой жаре совершенно необходимо, как при-

бежал посыльный из порта и доставил визитную карточку.

Карточка содержала гравированный герб Империи Моголов и текст на английском языке «Рихард Беринг, министр промышленности и торговли».

На обратной стороне было написано на том же языке: «Прибыв в ваш порт, хотел бы возможно быстрее засвидетельствовать свое почтение вам, генерал».

Петер не был бы дипломатом, если бы был не в курсе, что с появления этого человека рядом с императрицей Ясминой во время подавления мятежа 4 года назад, начался стремительный рост Империи. Ауд, Удджайн, Нагпур и Орисса. Кстати, появление приличного порта в Ориссе тоже его рук дело. И корабли. Ладно то, что сегодня вошло в порт, были еще, говорят, страшные железные «Черепахи».

Естественно, Беринг был приглашен к обеду в тот же день.

Разговор за столом велся на английском, которым оба владели неплохо. В первую очередь речь шла о том, что Транкебар как порт не слишком удобен, с тех пор как после изгнания французов из Пондишери и разгрома Типу-Султана, раджи Карнатики только что с руки у англичан не едят, Транкебар стал не слишком интересным местом для торговли. Цены будут назначены такие, какие сочтут нужными англичане.

Анкеру было прямым текстом предложено направлять датские корабли в новый порт Парадип, построенный недавно в Ориссе. Кроме того, зашла речь о поставках всякой диковинной техники, которая последнее время стала появляться в Империи. Паровых порталных кранов, например. Или даже парочки «Черепах», мол рано или поздно понадобится защищать Транкебар от английских сил вторжения.

— А зачем вам все это нужно? — поинтересовался губернатор. — Вы предлагаете много, но в принципе англичане в любой момент предложат вам более выгодные условия, а нас отсюда попросту выпрут.

— Понимаете ли, мы не хотим чтобы какая-то европейская страна имела монополию на торговлю с нами. Поэтому, пока имперская армия и флот могут сказать веское слово в этом деле, мы не позволим англичанам вытеснить из

Индии ни португальцев, ни голландцев, ни вас. С французами мы немножко опоздали, и с ними придется торговать через Реюньон.

Но подозреваю, что как только Амьенский мир будет нарушен, а он долго не может продлиться, французские корсары оценят прелесть Парадипа как порта для пополнения запасов воды и провизии для действий на английских путях поставок в Китай.

В принципе, защитить Транкебар от англичан проще дипломатическим путем. Просто заявить что если сипаи их Компании появятся под стенами Транкебара, на следующий же день наши корабли появятся на рейде Мадраса и Бомбея. Это мы можем. Но вот точно так же защитить Копенгаген мы не сможем.

— Копенгаген? — не веря своим ушам переспросил Анкер.

— Да, Копенгаген. В ходе следующей войны англичане наверняка захотят обезопасить свою торговлю со Швецией, и насолить России которую к тому времени Франция принудит к чему-то вроде союза.

Они выставят флот, превосходящий ваш численно и с намного более опытными офицерами, высадят экспедиционный корпус, и могут причинить множество разрушений. А мне ваша столица почему-то нравится.

Поэтому я бы с удовольствием посодействовал появлению у Дании современных средств береговой обороны. А это паровые бронированные корабли.

Пока я бы предложил вам направить несколько морских офицеров на стажировку в наш флот. А потом, ближе к следующей войне можно что-нибудь придумать.

Глава 84

Тайная аудиенция

25 июля 1802, Калькутта

На рассвете 25 июля 1802 года дворецкий разбудил Ричарда Уэлсли, и доложил, что в саду его резиденции находится некая *мэм-сахиб*, которая желает немедленно видеть господина генерал-губернатора.

Удивленный таким неординарным сообщением, губернатор быстро оделся и вышел в сад.

В шезлонге рядом с садовым столиком сидела девушка в богатом европейском платье и модной шляпке. Подойдя ближе, Уэлсли с удивлением опознал в ней Ясмину.

— Ваше величество, Вы...

— Да, Ваше превосходительство. Я полагаю, что нам с вами было бы неплохо обсудить судьбу Гуджарата и всей остальной Махараштры. Чтобы не возникало таких печальных недоразумений как с Аудом.

— Я не понимаю вашего намёка.

— Понимаете ли, генерал, активность пиратов Кахтиявара приняла совершенно недопустимые размеры. Мало того, что приходится собирать купеческие суда, идущие в Маскат, Басру, Джидду и Ас-Сувайс в караваны и сопровождать их военными кораблями, так еще они тут недавно собрали флот в пару сотен кораблей и попытались высадить десант в Татте. А Гаеквад их покрывает.

Уэлсли поёжился. Доклад про побоище в устье Инда с комментариями Реньера был уже доставлен из Бомбея.

Маратхские пираты действительно собрали огромный, по местным масштабам, флот. Но что толку от этого флота из 300-тонных доу с двумя-тремя пушками на каждой, когда сверху по Инду надвигаются бронированные канонерки, устье перекрыли бывшие майсурские 84-пушечные линкоры, а по обоим берегам маневрируют конные полевые батареи с бомбическими снарядами и удивительным для полевой артиллерии умением попадать по морским целям.

— Я бы отправила свой флот наводить порядок в Гуджарате и Каче немедленно после отражения пиратского налёта. Но у вашей Компании есть договор с Гаеквадами. А ссориться сейчас Империи с Компанией это ввергать в войну весь полуостров, что совершенно не входит в мои планы.

Поэтому я предлагаю вам поделить то, что осталось от конфедерации Маратхов после того, как Малва, Берар и Орисса вернулись в состав Империи. То есть я готова отдать вам ту часть Даулатабада, на которую не претендует низам Хайдарабада, и всё, что южнее. Баджа Рао, как вы понимаете, никакого сопротивления оказать не может. Если бы я сегодня решила присоединить Пуну, он бы сбежал к вам в Бомбей, опережая звук собственного визга, как только полевая артиллерия Холкара снимет орудия с передков. Пока был жив Нана Фарнавис, Пуну имело смысл рассматривать как политический субъект. Сейчас это — дикое поле, где пасутся всякие Дхундии Ву, и там нужна сильная власть.

Но я с пониманием отношусь к тому, что вы не хотите, чтобы мои артиллеристы стояли на расстоянии пушечного выстрела от Бомбея. Давайте договоримся, где будет проходить граница между вашими и моими приобретениями.

— Кстати о Холкаре. — попытался перевести разговор на другую тему Уэлсли. — Что у вас было с Яшвантом Рао? Колбрук мне доказывал, что этот амбициозный юноша будет главным препятствием вашим экспансионистским планам. А он вдруг чуть ли не в день коронации приносит Вам вассальную присягу.

Ясмина в демонстративном смущении потупила глаза:

— Лорд Морнингтон, а не находите ли вы, что это несколько бестактно вот так, в глаза, спрашивать даму о том, является ли некий молодой человек её любовником?

Но вам я отвечу, — она вновь устремила свой взгляд в лицо собеседнику. — Да, было. Вы видите в Яшванте только амбициозного полководца и политика, Но он ведь ещё и прекрасно образован, с безукоризненными манерами и вообще очень обаятелен, — девушка довольно улыбнулась каким-то, видимо, очень приятным, воспоминаниям. — Конечно, одних моих женских чар было бы недостаточно, чтобы привести его в мои вассалы. Но я предложила ему то, о чём больше всего мечтает хороший специалист — инструмент. Независимому радже маленького Индура никогда не получить такой армии, которой может распоряжаться не самый важный военачальник Империи Моголов.

Но давайте вернемся к вопросам западного побережья. Может быть, вы продадите мне Сурат? Вам он всё равно не нужен, вы все торговые операции переносите в Бомбей. А Индuru нужен выход в море. Бхаруч не слишком удобен в качестве крупного торгового порта. Ну и земли по берегам Тапти я в любом случае заберу при разделе маратхских княжеств между мной и вами. А у вас, с тех пор как прекратились поставки опиума из Ауда дефицит в торговом балансе с Китаем. Моя цена лакх рупий. Тонна серебра, думаю, лишняя не будет.

— Лучше бы мы с вами договорились о возможности покупки у вас опиума.

— Это исключено. Во-первых, у меня есть отношения с Юньянем, а он совершенно не в восторге от того, что вы подсаживаете его подданных на опиум. Во-вторых, хотя мои подданные переносят опиум как-то лучше китайцев, он для них всё же более вреден, чем табак или виски для европейцев. Поэтому я ввела жесткую монополию на торговлю опиумом. Только для целей обезболивания в полевой медицине и госпиталях, контролируемых государством. Ну и посевы сокращены до уровня, достаточного чтобы удовлетворить потребности этой самой медицины.

Так что лучше подумайте насчёт Сурата.

— Но лакха мало на то, чтобы выплатить компенсации за собственность всем частным английским торговцам, имеющим недвижимость в Сурате.

— Зачем платить им какие-то компенсации? Их собственность пусть остаётся их собственностью. Англичане

уже успели убедиться что у меня в Империи частная собственность уважается не менее, а то и более, чем в Англии. Так что ничто не мешает продолжать торговать по моим законам. Насколько я знаю, те английские купцы, которые оперируют в Ауде законными товарами, совершенно не расстроились от того, что Ауд теперь не связан субсидиарным договором с Компанией, а входит в мою империю на правах субы.

Глава 85

Бросок в Катакку

2 августа 1802, Калькутта

Братья Уэлсли прогуливались по Стрэнд Роад под стенами форта Уильям.

— Делийская пантера сидела у тебя в саду? Одна, без охраны? И ты... — с обидой в голосе спросил генерал-майор у губернатора.

— Артур, когда же ты наконец, повзрослеешь. Генерал уже всё-таки. Пора уже понимать, что галантность вообще себя окупает, а в данном случае... Есть одна вещь, которую никогда нельзя делать в Северной Индии. Это обижать женщину воина. Не важно, мусульманского, индуистского, сикхского. Вазир Али — тряпка, он позволил Шору сместить себя с трона и сидел в Бенаресе как мышь под венником. Но Черри назвал его жену шлюхой, и моментально лишился головы, а Компания - Ауда.

Теперь подумай, есть ли смысл делать гадости любовнице сразу Ранджита Сингха, Рихарда Беринга и Яшванта Холкара. Да любого из этих трёх отморожков бы хватило. Они до сих пор не попробовали на прочность форты Калькутты только потому что их сдерживает Ясмина, которая резонно полагает, что торговать с нами выгоднее, чем воевать. А если что-нибудь с ней бы случилось и не где-нибудь, а в Калькутте... Сейчас ты увидишь. Мы же здесь не просто так гуляем, а ждём доставки обещанной платы за Сурат. Вот они уже видны. — Ричард махнул рукой вверх

по реке, где над уходящей к горизонту широкой лентой воды поднимались два чёрных дымовых столба. — А в бухте Карачи сидят трое сыновей Типу Султана. При двадцати майсурских линкорах. И все их экипажи прекрасно помнят как Бейрд сжег ракетами Малабар. Как ты думаешь, что их удерживает от того, чтобы раскатать Бомбей по камешку из своих тяжелых морских пушек делийскими разрывными снарядами и залить «драконьим огнём»? Только то что Ясмина с Англией не воюет.

В общем, гораздо выгоднее для нас сдать ей Сурат и получить полторы тонны серебра, чем потратить примерно тонну на оборону и всё равно его сдать, потеряв сколько-то людей и дав Муизу-уд-Дину поиграть в Ушакова. Он, говорят, большой поклонник этого русского адмирала.

— Ладно, дьявол с этим Суратом. Может он и правда нам не нужен. Бомбей удобнее. Но зачем было отдавать ей Нагпур? Разве было не очевидно, что Нагпуром она не ограничится, а прихватит принадлежавшую Бхонсле Ориссу? В результате её войска вышли к Бенгальскому Заливу у Ориссе и сухого пути в Мадрас и Бомбей у нас больше нет.

— Это сложная история. Кольбрук сказал «а», а я после этого не мог не сказать «б», — тяжело вздохнул губернатор. — Такие обещания на Востоке надо выполнять, иначе с тобой перестанут считаться. Но уж за это-то ты меня должен бы был благодарить. Рагходжи II ничего не мог или не хотел сделать со жрецами Кали, чтобы они что-то сделали с твоей болезнью. А после того как Ясмина взяла Нагпур и сожгла храм Кали дотла, выложив обгорелыми камнями подходы к окрестным мечетям, твои фурункулы прошли в две недели.

— Ты веришь, что это была порча, наведенная нагпурскими жрецами? — с сомнением в голосе спросил Артур.

— Факты — упрямая вещь. Вообще нам сказочно повезло что почти одновременно с тем, как делийская разведка нарыла информацию о твоей болезни, всплыло и участие нагпурского храма в заражении ясмининога отца. Так-то у них был какой-то древний договор, не позволявший ей уничтожить единственную в Махараштре школу охотников на драконов. Но туги его первыми нарушили. И всё равно пока я не отправил ей три сакраментальных слова, придуман-

ных Кольбруком, она не двигала своих войск с места.

— Зато потом они прошли через Нагпур и Ориссу как нож сквозь масло за месяц. Такое впечатление что она научила своих генералов своей магии.

— Заметь, что в этот раз она возглавляла поход лично. Как, впрочем, и Джайпур и Удджайн она брала сама. Надеюсь, всё-таки теперь она обратит свои помыслы на запад. В конце концов Кабул — древняя столица Моголов. А там за перевалами лежат богатые Бухара, Самарканд и Хорезм. К которым тянут уже руки русские.

А у нас теперь Лейк есть. Он поклялся что выбьет из сипаев всё дерьмо, но научит их совершать марши не хуже, чем сикхи Ранджита Сингха. И вроде у него получается.

Тем временем столбы дыма приблизились и уже можно было различить приземистые, покрашенные синевато-серым железные коробки, образовавшие надводную часть этих удивительных кораблей.

Стоявший невдалеке от братьев невысокий кругленький человек в адмиральской форме, с глазами, закрытыми круглыми очками, взмахнул рукой, в которой были зажаты большие карманные часы делейской работы, и цветисто, по-флотски выругался.

— Как идут, как идут! Я засекаю время когда они прошли Ховрахскую переправу. Они делают не меньше 10 узлов.

— И похоже, Питер, они держат эту скорость от самого Дели, — заметил губернатор.

— Машина, — вздохнул тот. — Не устаёт, не убивается, как ветер, пытит себе и пытит, знай кидай уголь в топку.

Тем временем канонерки сбросили скорость, и, описав плавную дугу, ткнулись носами в берег напротив группы высокопоставленных англичан.

Из облицованной металлическими плитами рубки, торчавшей на палубе одной из них между трубой и круглым металлическим ограждением, закрывавшим орудия, вышел человек, по виду европеец лет тридцати, и, обойдя артиллерийскую установку, легко спрыгнул на берег.

— Рихард Беринг, — представился он. — А вы, господа, Ричард Уэлсли, Артур Уэлсли и Питер Рейньер?

Артур поёжился. Как-то неприятно осознавать что у противника настолько хорошая разведка, что имперский

офицер сходу узнаёт всех британских офицеров в лицо, хотя никогда раньше с ними не встречался.

Его старший брат принял как должное, что его узнали. В конце концов Кольбрук не меньше года гонял чай с этим Берингом и прочими европейцами на службе Ясины. Может и порассказал.

— Ну где повозки, конвой, всё что полагается? — нетерпеливо поинтересовался Беринг. — Нам бы разгрузиться побыстрее и дальше...

— Дальше? — удивился Рейньер. — Вы не остановитесь в Калькутте на пару дней, передохнуть? Мы бы тут приём в вашу честь устроили.

— Увы, адмирал, — вздохнул его собеседник. — Вы же понимаете — муссон. Сегодня стоит замечательная погода, а завтра может быть всё станет не так. А мне надо эти две железные миски до Каттаки дотащить. А это речные корабли. Попадать на них в шторм крайне не рекомендуется.

Тем временем Артур Уэлсли отдал необходимые приказания и команда солдат с повозками появилась из ворот форта. Немедленно на канонерке откуда-то возникла грузовая стрела и по воздуху один за другим поплыли тяжёлые ящики с серебром. Похоже погрузка-разгрузка была отработана. До Рейньера дошло, что наверное, так они грузят боеприпасы к этим пушкам. Весьма разумная идея сложить серебро в погреба для боезапаса. А вторая канонерка с полным боезапасом — в качестве конвоя.

Выгрузив серебро канонерки будто напряглись, выпустили клубы чёрного дыма, из-под кормы по бортам побежали потоки вспененной воды, и железные носы легко выдернулись из мягкого ила.

— Значит, Каттака, — задумчиво пробормотал Артур Уэлсли.

— Каттака, — вздохнул его старший брат. — Формально мы не имеем права им мешать. Они пришли к нам по предварительной договорённости с ценным грузом. И ушли — на свою же территорию. А что в другой порт, это их проблемы. Вообще низовья Хугли ниже Калькутты — это считай международные воды. Приходи кто хочешь, если с мирными намерениями. Но теперь у них две «Черепахи» в Катта-

ке. Что вы на это скажете, Питер, — обратился он к адмиралу.

Рейньер снял очки и стал задумчиво протирать их носовым платком.

— Я бы предпочёл, чтобы они отправили сюда половину майсурского флота, чем эти две, как выразился Беринг, железные миски. С моими пятью кораблями 4-5 класса я бы взялся конвоировать суда Компании мимо Каттаки в которой стоит десяток линкоров Камаль-уд-дина. Но эти две канонерки...

Возникает впечатление что морской путь в Мадрас для нас свободен только тогда, когда Ясмина это разрешает. К Мысу ещё можно пытаться прорваться в обход, мимо Никобарских островов. Насколько я понимаю, запаса угля на этой штуке хватит максимум миль на триста.

Глава 86

Русское посольство

4 августа 1802, Санкт Петербург

Император Александр I рвал и метал:

— Ты! Развел тут либерализм, никакого порядка в городе. Меня тут застрелят на Невском, а твоя полиция ничего сделать не сможет!

Михаил Илларионович твердо знал, что обвинения абсолютно беспочвенны. Но что может простой генерал противопоставить монаршему гневу? Только подать в отставку.

Но царя этот решение не устраивало:

— Какую отставку? Отправлю на Камчатку губернаторствовать. Хотя нет, — он задумался. — Послом к Великому Моголу поедешь. У тебя с басурманами неплохо получается, что воевать, что ладить. Через неделю из Кронштадта уходят корабли Крузенштерна. Вот с ним и отправишься. Резанов в Японию, а ты в Индию.

На следующий день Кутузов, уже избавленный от хлопотных обязанностей петербургского губернатора, съездил в Кронштадт, пообщаться с Крузенштерном и посмотреть на корабль, на котором ему предстояло провести несколько месяцев.

То, что он увидел, ему категорически не понравилось. Корабль был довольно маленький, места для пассажиров не предусмотрено, а Резанов хотел тащить с собой достаточно большую свиту.

Михаил Илларионович заехал в гости к послу Империи Моголов, которому он был представлен ещё в марте прошлого года, почти сразу после своего назначения на пост губернатора, и долго беседовал с ним за кальяном об обычаях его родины и нравах при дворе Императрицы, и решил отправиться в путь всего лишь с одним секретарем-переводчиком, на роль которого выпросил у графа Кочубея из Коллегии Иностранных дел, молодого чиновника Мишу Воронцова, того самого, которого Пален пригласил переводчиком на аудиенцию данную Александром индийскому послу в день восшествия на трон.

Но в итоге явился в день отплытия на борт сам-три. Буквально за пару дней до отплытия его отловил граф Илья Андреич Толстой и попросил взять в ординарцы племянника, Федю Толстого, юного шутника и дуэлиста, которого нужно было как-нибудь удалить из Петербурга пока он не схлопотал себе Сибирь или что-нибудь похуже за жестокие шутки и дуэли со старшими по званию.

С самого начала плавания Кутузову пришлось столкнуться с борьбой самолюбий между Резановым и Крузенштерном. Каждый из них считал себя главнее другого. Действительно у обоих послов чины были выше, чем у капитана корабля.

Но по табели о рангах камергер Резанов был на два чина ниже, чем генерал от инфантерии Кутузов, поэтому, несмотря на то, что Русская Америка была основной целью экспедиции, а доставка посла в Индию — попутной задачей, Михаил Илларионович имел возможность строить обоих спорщиков.

Он решил потратить те три-четыре месяца, которые будет находиться на «Надежде», на то, чтобы наладить нормальные рабочие отношения между Крузенштерном и Резановым. А то так они и оскандалиться могут в Японии.

К счастью, Николай Петрович считал Кутузова величайшим дипломатом современной эпохи за миссию в Стамбуле. Михаил Илларионович считал такую оценку своих способностей несколько незаслуженной, но поделиться опытом с младшим коллегой был совершенно не против.

А с Крузенштерном поладить удалось неожиданно легко. Всё-таки Иван Федорович, морская косточка, воинскую

дисциплину понимал правильно и старому солдату было довольно легко договориться с молодым, но уже опытным моряком.

Часть IX

**Гуджартаская
кампания**

Глава 87

Полет через субконтинент

Парадип, 4 августа 1802 г

Когда «Черепахи» входили в свежевыкопанный ковш порта Парадип, я заметил пришвартованную у причала среди маломерных судов «Шаврушку».

А вот и золотистая грива Фуллы мелькает среди встречающих. Как ни старался Васильич обучить своих мастеровых с завода, все равно лучшими пилотами Империи являются шесть юных драконов, включая Ямину. Их не нужно учить летать, их нужно только научить делать это не своими крыльями, а матерчатými. Может быть на другом уровне техники это бы не помогло, но эти деревянно-тканевые самолётики со слабенькими паровыми машинами ведут себя в воздухе очень похоже на живое существо.

— Здравстуй, Фулла, — сказал я, спрыгнув на пирс. — А Васильич где?

— Васильич в Лахоре остался. Там знаешь сколько работы по подготовке к войне. А я сюда полетела. Ямина сказала как можно быстрее доставить тебя в Сурат. Пока Гаеквады не осознали, что англичане их бросили на произвол судьбы, надо заменить английский гарнизон на наш. Отряд старых кораблей с десантом туда должен подойти послезавтра.

— А кто у тебя второй пилот?

— На перелёте в Сурат ты и будешь.

— А сюда как летела? — удивился я.

— Одна летела. Это всего 18 часов чистого полетного времени. Две посадки — в Агре и в Бенаресе. В Бенаресе часов 6 проспала. А здесь уже сутки отдыхаю. Так что готова к полёту. Давай садись быстрее, чтобы нам до заката успеть приземлиться в Нагпуре.

— До заката в Нагпуре? — удивился я. — Да тут же 800 километров. Как у тебя вообще на такой перелет горячего хватит?

— Впритык. Но сейчас муссон. Почти всю первую половину пути ветер будет дуть слева в хвост. Поэтому я рассчитываю на то, что за 6 часов долетим. Вот дальше побороться придется. Но там уже ближе. И ночью. Ночью ветер стихает.

— Фулла, а ты не озверела на этом тряпкоплане без радиооборудования, я уж не говорю о локаторе, лезть ночью в муссон?

— Рихард, не учи дракона летать.

Глава 88

Штурма не будет

Сурат, 5 августа 1802 г

Мы пролетели над Суратом, и где-то на входе в Хазирское устье обнаружили четыре линкора и три фрегата, лежавших в дрейфе. Приблизившись, мы разглядели майсурские, вернее теперь имперские военно-морские флаги.

Хотя муссон уже развел довольно большую волну, Фулла решительно повела машину на посадку чуть севернее эскадры, где мыс прикрывал залив от волн.

Один из фрегатов распустил взятые на гитовы марсели и двинулся в нашу сторону. И через полчаса мы, слегка укачавшиеся и мокрые от брызг, уже оказались на палубе фрегата. После короткого обмена сигналами, паруса подняли все, и двинулись в левый рукав Тапти, между островом Кидиабет берегом, сиявшим многочисленными индуистскими храмами.

После нескольких часов осторожного продвижения мы встали на якорь в виду старинной, еще португальцами построенной крепости Сурата.

Я хотел немедленно отправиться с визиом к коменданту, но Кемаль-уд-дин меня отговорил. Уже вечерело, и лучше заниматься официальными визитами с утра.

Утром с самого рассвета мы обнаружили группу людей с подозрительной трубой на парапете крепости.

На воду был спущен паровой катер и уже четверть часа спустя я знакомился с английским комендантом Сурата.

Прочитав переданное мной письмо от генерал-губернатора, англичанин вздохнул с облегчением. У него здесь было не более батальона сипаев, и он чувствовал себя оказавшимся между трех огней — с одной стороны спешно вооружающаяся Барода, с другой Индур, вернее Малавская суба Империи, войска которой во главе с Яшвантом Холкаром, который всеми экспертами считался вторым после Ранджита Сингха полководцем Империи, уже выступили из Индура в сторону Сурата, а с третьей наша эскадра, которой вполне хватило бы для Сурата, даже будь ее корабли вооружены старыми карронадами.

А тут выясняется что не нужно не только вступать в безнадежный бой, не нужно продолжать сидеть в этом захоластье, и можно вернуться в Бомбей. Да еще и отвезут на корабле.

Уже к полудню батальон был готов к погрузке. И собравшиеся на причале сипаи наблюдали как разгружаются с кораблей имперской войска.

Увидев проплывающей в воздухе трехтонные стволы 150-миллиметровых орудий корпусной артиллерии и их же клепанные из железа передки с железными колесами в рост человека, комендант еще раз вздохнул.

Против такой артиллерии трехсотлетняя португальская крепость продержалась бы не дольше, чем храм Кали в Нагпуре.

Его главного артиллериста куда больше впечатлили полковые пушки сикхского и джатского полков, 30-калиберные 75-миллиметровки с противоположным щитом (слегка облегченный аналог русской пушки 1902 года). Их было много.

Еще до обеда мы спустили на воду самолет, и Фулла занялась разведкой местности. Пришлось пойти на то, чтобы англичане это увидели. Ведь вчера самолет был поднят на палубу и поставлен поверх крышки трюмного люка, через которую нужно было разгружать всякое снаряжение джатского полка.

Ситуация вокруг Сурата была крайне непростая. Здесь царил жуткая чрезполосица. Какие-то земли принадлежали англичанам и достались нам вместе с Суратам, какие-то — уже четыре года как вошли в Империю вместе с

Индурским княжеством Холкара, а какие-то принадлежали Гаеквадам и на них сейчас активно собиралось ополчение.

Задачей десанта было помешать этому ополчению организовать до подхода основных сил Холкара, которые потом двинутся на север, на Бароду.

Глава 89

Броненосец

20 октября 1802, Лахор

— Тебе не кажется, Васильич, что нам пора начинать нормальный военный флот строить? — сказал я, устроившись с чашкой кофе на диване у главного инженера лахорского завода. — Эти корветы с обводами чайных клипперов и винтами переменного шага, оно, конечно неплохо. Но столкновения с серьезным европейским флотом не выдержит. Нам бы чего-нибудь броненосного.

— «Черепахи» тебя не устраивают? — спросил тот. — Скоро пустим четвертую серию. Они теперь винтовые, десятиузловой ход, стомиллиметровые 35-калиберные нарезные пушки. Кстати, на корветах такие же пушки ставим.

— Защитить устье Инда или Сурат, благо теперь он наш, мы такими сможем. А наступать? Ты возьмешься такими брать Бомбей или Мадрас? Я не возьмусь.

— Муиз-уд-дин возьмется.

— И там и поляжет со всеми своими майсурцами. Муизу еще 20 лет нет, он, конечно возьмется. Но вообще хотелось бы чего-нибудь помореходнее. «Черепахи» они все-таки речные. Вот башенный броненосный крейсер, вроде «Баяна».

Васильич потянулся к ноутбуку, открыт там справочник по старинным военным кораблям и долго листал.

— Не, восьмитысячник мы не потянем. Нам бы что попроще, тысячи на две. Если ты настаиваешь на хорошей

защищенности, то мореходный монитор вроде этого, — он повернул ноутбук экраном ко мне.

— «Русалка» — прочитал я название низкобортного кораблика с приземистыми башнями. — Постой, это что ли та, которая утопла в Финском заливе от шторма.

— Ну, во-первых, шторм был одиннадцатибальным. Во-вторых, не надо герметичные крышки палубных люков на берегу забывать, В-третьих у нас уже сейчас принудительная вентиляция котлов развита больше чем тогда в середине 60-х. И водоотливную систему я получше спроектирую. В общем она и прослужила четверть века, а ее сестра «Чародейка» и того дольше.

Понятно, что это не океанский рейдер, ну так тебе вроде океанский рейдер пока и не нужен.

Я вчитался в характеристики корабля:

— Скорость маловата. Ну куда это годится, 9 узлов? От него даже кое-какие современные фрегаты удерут. Артиллерия наоборот, для нынешних условий завышена. У Royal Navy еще нет таких броненосцев, для борьбы с которыми понадобятся девятидюймовки.

— Ну, хорошо. Давай внесем в этот проект изменения. Поставим 6-дюймовки Канэ в качестве главного калибра, мощность машин увеличим втрое, с нашими прямоточными котлами 2100 сил в это водоизмещение впишутся. Автономность, правда будет не ахти. У нее емкость бункеров тонн сто пятьдесят. При половинной мощности она будет кушать примерно тонну с центнером в час. Значит ей этого угля суток на пять как максимум хватит. Полторы тысячи миль и всё.

— А что, и неплохо. В пределах наших морей этого более чем достаточно. А шестидюймовки Канэ мы уже в состоянии делать? Это ж уже почти XX век. Мы сейчас вроде в области артиллерии на уровне 70-х годов нашей реальности.

— Пушки 1877 года мы уже освоили. Пора дальше двигаться.

— А что насчет более мореходных кораблей?

— Я хочу пока своих корабелов на виндjamмерах потренировать. Пусть научатся строить железные парусники тысяч на пять-семь тонн. А потом уже вместо парусов вклеить

туда броню и пушки будет проще. Но это потом. Пока будем присутствие на морях обеспечивать корветами с композитным корпусом. А еще я мечтаю настроить эсминцев образца Первой Мировой. «Новик» пока не потянем, но хотя бы «Финнов». Радиус действия у них, конечно, тоже никакой, но зато скорость... Они тут и как артиллерийские крейсера будут полным шоустоппером для морской торговли. А если еще твой Эммет торпеды сделает, то против дивизиона эсминцев, усиленного броненосцем береговой обороны, весь линейный состав Royal Navy будет иметь бледный вид.

— То есть ты стремишься к уровню Первой Мировой.

— Даже скорее русско-японской. Я трезво оцениваю, что больше нам ближайšie десять-пятнадцать лет не потянуть. И еще нам надо моряков подготовить. Сейчас у нас есть более-менее приличные моряки-парусники. Они потихоньку приучаются использовать вспомогательные машины. А на броненосный флот нужны немножко другие люди.

Часть X

**Империя выходит в
океан**

Глава 90

Типуабад

5 декабря 1802, Кейптаун

В начале декабря «Надежда» и «Нева» добрались до Кейптауна.

Несмотря на ремонт в Фалмуте, «Нева» безбожно текла. Крузенштерн надеялся найти в Капской колонии возможности ремонта.

Но тут русским мореплавателям не повезло. Над городом вместо английского развевался голландский флаг. Как выяснилось, буквально пару недель назад англичане по условиям Амьенского мира оставили город, и теперь здесь опять обоснавались голландцы.

Генерал-губернатор Янсенс был сама предупредительность, но ничем не мог помочь. Уходя, англичане вычистили склады судоремонтной верфи до дна, а кое-какое оборудование, которое не смогли взять с собой, испортили.

Единственное, что Янсенс смог посоветовать, это пройти еще тысячу миль вдоль побережья, до могольской колонии Типуабад¹. Туда, по его словам, недавно пригнали из Татты какой-то плавучий док, так что возможно было устроить не кренгование, а полноценный доковый ремонт.

В Капштадте удалось разжиться бомбейскими газетами за октябрь месяц. Они оказались полны сообщений о ходе

¹Типуабад - колония, основанная майсурскими моряками на службе Ямины в 1800 на том месте, где в нашей реальности расположен южноафриканский порт Ричардс-Бей.

войны в Гуджарате. Империя Великих Моголов прихватила очередное маратхское королевство. Но если предыдущие кампании, что Джайпурская, что Удджайнская, что Нагпурско-Орисская, сводились к одному генеральному сражению, то портовые города Кахтиявара упорно сопротивлялись даже после капитуляции раджи Ананда Рао.

На протяжении всего пути к Типуабаду вдоль африканского берега Кутузов и его спутники с интересом листали стопку газет, восстанавливая по скучным строкам репортажей ход боевых действий. Иногда приходилось обращаться за помощью к Ивану Федоровичу. Тот, несмотря на свой опыт плаваний в этих водах во время стажировки в английском флоте, тоже мало чем мог помочь. Эта война на море совершенно не походила на то, как воевал Чичагов на Балтике или Ушаков в Средиземном море.

Броненосные канонерки, противокорабельные ракеты, высадка десанта на пляжи, упоминания о «воздушной разведке». Некоторые термины, которые звучали совершенно удивительными восточными заклинаниями Миша Воронцов переводил с урду, на котором они оказывались вполне значимыми словосочетаниями.

Про боевые ракеты Крузенштерн слышал в Бенгалии. Ветераны войн с Типу-Султаном рассказывали про этот индийский вид оружия. Но говорили что они годятся только для стрельбы по крепостям или полевым лагерям, поскольку сильно уступают по точности полевой артиллерии. Зато замечательно пугают лошадей издаваемыми в полете звуками. А тут применение в морских сражениях.

* * *

14 декабря 1802, Типуабад

Путь до индийской колонии занял почти десять дней. Но вот, наконец, корабли вошли в долгожданную бухту и Михаил Илларионович в первый раз увидел поселение той державы, в которую был направлен послом.

Над построенным по последнему слову фортификации земляным фортом бастионного типа развевался штандарт Великих Моголов, зелено-белый со львом и солнцем. А на мачтах кораблей, стоящих в бухте были подняты белые с пятью красными кружками военно-морские флаги бывшего майсурского флота.

В бухте суетились три паровых буксира и возвышалось странное сооружение, которое, похоже и было тем самым плавучим доком. Две огромные плоские коробки, поставленные на большую, размером больше любого линкора, баржу.

На берегу вовсю кипело строительство города. Тут и там поднимались чёрные угольные дымы, видимо и на суше тоже работала какая-то паровая техника.

Русских радушно встретили, тут же договорились о ремонте «Невы», после чего предложили Кутузову отправиться в Карачи не дожидаясь окончания ремонта, на одном из стоявших в бухте пароходо-фрегатов, который должен всё равно был туда отправиться послезавтра.

Это сильно облегчало жизнь Крузенштерну, который теперь мог отправляться сразу к Малаккскому проливу, не углубляясь в Аравийское море.

Тем временем на Неву в небольшой шлюпке прибыл доковый мастер. Он осмотрел судно и прокричал в рупор на док:

— Ставьте кильблоки на стофутовый шлюп лондонской постройки.

После того как кильблоки были поставлены, мастерские быстро-быстро полезли по вертикальным лесенкам на конструкции образующие стены дока, а баржа, служащая его основанием, стала постепенно погружаться в воду.

Когда половина стен оказалось под водой, погружение прекратилось. К борту шлюпа подошёл паровой буксир и упершись специальными конструкциями на носу в корму «Невы» начал заталкивать её в док. С вершины стен, возвышавшихся над палубой чуть ли не до половины высоты нижних мачт, подали швартовы, с их помощью разместили шлюп точно по центру этой странной конструкции.

Потом запыхтели паровые насосы, расположенные на всех четырех углах и вся эта конструкция стала подниматься из воды. Вот «Нева» грузно села на кильблоки, вот её ватерлиния поползла вверх от поверхности воды, обнажая заросшую ракушками и водорослями подводную часть.

Наконец из воды показалась палуба баржи. Еще немного, и насосы прекратили свою работу.

Буквально за пару часов вокруг корпуса выросли леса,

собранные из железных труб и заранее подготовленных дощатых щитов, по ним полезли рабочие со скребками и работа закипела.

К Кутузову, наблюдавшему за этим процессом с берега, подошёл Крузенштерн.

— Споро работают, Михаил Илларионович, — заметил он. — Ни у нас, ни в Англии такого не увидишь. Пока откачают воду из дока, пока сколотят леса из обычных досок. А тут на каждую мелочь приспособа есть.

Кутузов счёл, что он уже достаточно налюбовался на док и корабль в нём и решил прогуляться по городу. Благо, губернатор колонии обещал предоставить ему верховую лошадь для осмотра города.

От набережной до дома губернатора было буквально два шага, и тут, как заметил русский генерал, даже самые важные вельможи не стеснялись ходить пешком. Улицы в городе, несмотря на его явную молодость, были отсыпаны щебнем. Чувствовалось, что здесь устраиваются всерьёз и надолго.

Резиденция губернатора располагалась на берегу небольшой речушки, впадающей в бухту неподалеку от входа в неё. Она была окружена чем-то вроде сада из чуточку облагороженных ножницами садовника местных диких кустарников.

Михаил Илларионович ещё раньше обратил внимание на молодость губернатора. Тот был пожалуй, не старше Феда Толстого, о чём генерал не преминул попенять своему ординарцу. Ты, мол, тут на дуэлях дерёшься, да над корабельным священником злые шутки шутишь, а вот смотри, парень уже целой колонией рулит. Но при второй встрече оказалось, что Федор не такой уж разгильдяй, и кое-что из уроков, данных ему во время плавания усвоил.

Кутузов совершенно не обратил внимание на имя губернатора. Но Фёдор имя запомнил и когда они втроем проезжали по городу, спросил у гостеприимного хозяина:

— Мухи-уд-Дин, а расскажите как вы брали Гуджарат.

— Я в общем-то не брал Гужджарат. Это мой младший брат Муиз врывался со своими канонерками в пиратские гавани, а старший брат Абдул Халик скакал с десатной баржи на берег с саблей в руке. А я в этой войне обозниками

командовал. Так вот уж мне повезло. Кемаль-уд-дин отрекомендовал нас Рихарду-сахибу именно так — из этого получится драгун, из этого моряк, а из Мухи-уд-дина гражданский администратор. Пока на западе стоял мир, это было даже забавно. Пока там Абдул Халик землю роет на полигоне и дороги сапогами месит, а Муиз-уд-дин корпит с секстантом и личным примером учит матросов медяшку драить, я целой субой команду.

Но когда началась война... Во времена нашего отца война была сплошной романтикой и геройством. С саблей, гаплом, в атаку на английское каре или стоять на стене в ярком мундире под огнем осадных гаубиц. У нас здесь совсем другая война. Пашешь как проклятый, глотаешь дорожную пыль, добиваешься того, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте, да еще и с как следует открытыми укреплениями. А потом противник сдается, поскольку понимает что ничего ему против тебя не сделать.

Ну то есть это братьям всего-то надо оказаться в нужное время в нужном месте. А мне — чтобы у них были лопаты для рытья окопов, рис для солдат, овес для лошадей, уголь для машин. Четыре вида пороха, шесть видов снарядов, пять видов смазочного масла, проволока для телеграфа. Про пиломатериалы я уже и не говорю. И все это надо принять от поставщиков, причем большую часть везут из Лахора, погрузить на баржи, доставить в гуджаратские порты, там погрузить на подводки, а то и на паровики, и тащить до расположения.

Полевые телеграфные линии — тоже мое заведование. Они совершают марши на рысях по полсотни миль в день, а мои ребята за ними ставь столбы и проволоку тяни. А тут выясняется что столбы сосновые нельзя, термиты сожрут, надо где-то на малабарском берегу закупать тик.

А временные пирсы? Первой волне хорошо — подогнали плоскодонные баржи, прямо с борта на берег сходни кинули, выскочили сами, вывели лошадей и вперед. А мне потом на этом месте принимать обычные купеческие доу. Значит надо как-то втиснуть в высадочные средства первой волны лес для этого пирса и плотников. И ругаешься с командиром десанта за каждый стоун груза — мои бревна туда грузить или его лишний зарядный ящик. Да я тебе

сотню этих зарядных ящиков привезу на первой же доу, только дай мне причал для неё построить.

Вот единственный боевой шрам, — юноша протянул к гостям тыльную сторону левой ладони со следами не до конца зажившего ожога.

— Что это? — удивился Федя.

— А это у портового крана в одном из временных портов сальник пробило и перегретый пар наружу свистел. Стоит неразгруженная доу, надвигается шторм, нужно её срочно в море выпихивать, а кран стоит. Я подъехал, стал разбираться, а там в порту ни одного механика-лахорца, одни мултанцы после двухмесячных курсов. Смотрят на меня, мол ты принц, ты всё можешь, а мы этой горячей железяки боимся, она нас не слушается.

А в трюме — тридцатишестифунтовки осадные, их без крана просто не вытащишь. Во временном порту просто столько людей нет, чтобы ручными таями это тягать.

Ну я взял гаечный ключ и полез. Хотя меня до этого три года учили, что не твоё дело учить кузнеца ковать, ткача ткать, а архитектора строить. Что администратор должен пользоваться тем, что каждый из его подчиненных свое дело знает лучше. Но тут вот попались такие механики, что даже я в паровых котлах лучше разбираюсь...

Мухи-уд-дин перевел дух и замолчал.

— А этот город вы назвали в честь вашего отца, — продолжал пытаться молодого губернатора Федя.

— Не я. Место расположения и название города предложил Рихард Беринг, прямо в Карачи ткнув в карту. У нас были очень неплохие карты этого побережья. Мы потом прошлись по нему с целью уточнения карт, так почти ничего править и не пришлось. А с таким названием согласились все. Ведь у нас до сих пор в военном флоте майсурцев — большинство.

Была, правда, мысль назвать это Новым Майсуром, но Беринг нас отговорил, сказав, что пусть это англичане от бедности фантазии называют свои колонии новое то, новое сё. А у нас в Индии есть достаточно достойных людей, память которых можно таким образом увековечить. Англичане, конечно, будут скрежетать зубами, особенно Бэйрд, но туда им и дорога.

У них уже сейчас выбор — заходить по пути в Индию либо к голландцам, либо к нам. И с теми и с теми — старые счёты.

На улицах города кроме типично индийских лиц и одежд, попадались и явно местные жители. Рослые негры в чем-то вроде кожаных юбочек, украшенных хвостами антилоп.

— Это местные жители, зулусы, — объяснил Мухи-уддин. — Это довольно большой народ, среди них много храбрых воинов, но организация оставляет желать лучшего. Земледелия не знают, живут пастьбой коровьих стад.

С ними надо держать ухо в остро. Но зато задружившись с ними, мы оказываемся неплохо защищены от других туземных племён. Мы поставляем им ружья и порох, а в итоге все попытки что-то пограбить натываются на войска короля Сензангаконы.

А к нам они сами не лезут, потому что знают, что у нас есть пушки и огнемёты.

На следующий день Кутузов и Федя перебрались с «Надежды» на фрегат, отправлявшийся в Татту. Шлюпкой, которая их доставила, управлял лично Крузенштерн, якобы для того, чтобы оказать почёт послу. На самом деле Ивану Федоровичу было безумно любопытно посмотреть вблизи этот невиданный ранее корабль.

Фрегат, как и положено фрегату, был длиной вдвое больше «Надежды», но вот шириной её не превосходил. Узкий и длинный, он имел обводы острые как клинок и сильно наклоненный вперед форштевень, над которым почти горизонтально выступал длинный бушприт. Огромные для такого размера корабля мачты с реями, намного превосходившими ширину корабля, были слегка наклонены назад, добавляя к силуэту впечатление стремительности.

Командир отряда русских кораблей был тепло принят офицерами фрегата. Ему тут были готовы показать всё, и огромную трехцилиндровую машину, прятавшуюся в трюме, и котел, сделанный из витой трубы и больше похожий на пружину, и пушки, закрепленные на тумбах на палубе, по длине превосходившие не только карронады, но и обычные морские пушки.

Крузенштерн поинтересовался, почему у корабля нет

гребных колёс. Капитан на неплохом английском объяснил, что вместо этого используется архимедов винт, установленный в отверстии рудерпоста.

И даже показали такой же винт поменьше на стоящем на шканцах паровом катере.

— Но он же будет тормозить при движении под парусами, — удивился русский моряк.

— У нас есть хитрая машинка, которая позволяет поворачивать лопасти. Если лопасти повернуть вдоль вала, то почти не тормозит.

Но вот шлюпка с «Надежды» покинула фрегат, матросовой оттащил вещи в выделенную гостям каюту, и корабль готовится к съёмке с якоря.

Федя ожидал, что, как и на «Надежде» человек восемь матросов будут грудью наваливаться на вымбовки и ходить вокруг шпиля, выхаживая якорь. Но здесь вокруг чугунного шпиля суетился только боцман с еще одним матросом. Вот он доложил что-то по-майсурски капитану. Тот в ответ отдал резкую команду. Боцман повернул небольшой рычаг, торчащий из палубы сбоку от шпиля, из-под палубы раздалось странное пыхтение и шпиль начал медленно поворачиваться, наматывая на себя канат.

Палуба под ногами задрожала от работы большой ходовой машины, и фрегат, неожиданно двинулся кормой вперёд. Потом развернулся к выходу из бухты, и, набирая скорость, устремился в открытый океан.

Через полчаса, когда африканский берег остался узкой полоской на горизонте, матросы побежали по реям, выпуская паруса. Фрегат оделся в белую ткань. Машину заглушили, дым из трубы идти перестал, но скорость, похоже, только возросла. Легкий утренний бриз слегка кренил фрегат на левый борт, и тот скользил по волнам с совершенно непривычной скоростью.

Глава 91

Два будущих фельдмаршала

10 января 1803 г, Дели.

В чайхане на площади Котвалли, почти в середине делийского базара, сидели три типичных европейца, один пожилой, и двое почти юношей. Искушенный взгляд чайханщика сразу обратил внимание что они одеты в форму какой-то армии, но вот какой, он сообразить не мог, хотя и в английской и в португальской формах он разбирался, и даже помнил какую форму носили французы, пока англичане их не наладили из Пондишери.

Просто подданных императора Александра I до сей поры в Дели не видели, а трое, сидевших за дастарханом, были именно российским посольством. Посол Кутузов, его ординарец Федя Толстой и секретарь посольства Миша Воронцов.

Вдруг в зал зашли еще двое, которых можно тоже было принять за европейцев. Пожилой мужчина, одетый в легкую рубашку и странные штаны из грубой материи, и девушка, косяком которой до уровня шеи почти соответствовал местным стандартам, а вот ничем не покрытые золотистые волосы шокировали бы любого местного ревнителя традиций.

— Смотри, — нагнувшись к Воронцову, прошептал Толстой. — Эта, с золотыми волосами, это Фулла, лучший воз-

духоплаватель Империи.

— О чем это вы шепчетесь, господа? — вдруг по-русски спросил спутник Фуллы.

Федя растерялся, но Воронцов, имевший куда больший дипломатический опыт перехваил нить разговора, объяснив по-английски:

— Мой коллега хотел поделиться со мной тем, что он узнал о ваших, леди, успехах в области воздухоплавания. А вы, сэр, владеете русским языком?

— Это мой родной язык, — по-русски ответил Васильич. — Будем знакомы — Сергей Васильевич, известный здесь как ибн Базиль, главный инженер Лахорского завода. А вы, я так полагаю, русское посольство? Михаила Илларионовича я узнал по портретам, а вы, видимо, Михаил Семенович и Федор Иванович?

— Не присоединитесь ли к нам, господа, — вдруг подал голос ранее молчавший Кутузов.

— С удовольствием, — ответил Васильич. — Не так часто встретишь здесь соотечественника, а уж тем более не так часто приходится оказываться за одним столом с двумя фельдмаршалами, пусть и будущими.

— Это кто у нас тут будущий фельдмаршал? — удивился Воронцов. — Федька ты, что ли?

— Нет, — ответил Васильич. — Хотя Феде несомненно предстоит совершить немало ратных подвигов, его отношение к дисциплине не способствует успешной карьере. Вот вы, Миша, другое дело. А Михаилу Илларионычу вообще всего лишь пара званий осталась. И пока по Европе постоянно прокатываются армии Наполеона и антифранцузских коалиций, его талант, несомненно, будет востребован. И коалиции этак к шестой фельдмаршальское звание не заставит себя ждать.

— Экий вы, батенька, оптимист, — тяжело вздохнул Кутузов. — Пока что меня отправили сюда послом. С глаз подальше. Да и здоровье уже не то. Думаю и не вспомнят про меня когда следующая коалиция соберется.

— Это вас как раз отправили в теплые края здоровье поправить. Пользуйтесь, пока есть возможность. Потому что отзовут вас обязательно, как только понадобится армию в Европу вести. А здесь у нас медики неплохие, получше чем

в этих ваших Европах. Вы по вашему положению вполне можете рассчитывать на прием у Ситоры Далеровны, лейб-медика Императрицы. Она вообще волшебница. Есть у нас тут такой Джон Хессинг. Служил раньше магарадже Гвалиора, и уже совсем было помирать собрался от застарелой малярии, но тут Гвалиор был включен в состав Империи. Естественно, всех офицеров поопытнее, пригласили в имперскую армию. Так этот Хессинг этим летом в Гуджарате сутками с коня не слезал. Так его хорошо подлечили.

Глава 92

Негодник

15 июля 1804, Карачи

Я прилетел в Карачи для того чтобы наметить планы дальнейшего развития нашего флота. Уже были подняты флаги на трех броненосцах береговой обороны и достраивался первый из эсминцев, «Белудж».

Васильич уже давно был тут, принимая участие в швартовых испытаниях броненосцев.

Когда я вошел в кабинет, который он временно занял, я услышал как главный инженер Империи ругается с Муизуд-дином.

— Ах ты негодник, уши надеру.

— Не надерете, дядя Серж, — с ухмылкой отвечал молодой флотоводец. — Я уже не малчишка.

— Что там у вас случилось? — спросил я, входя в кабинет.

— Да ты знаешь, как этот юный негодяй броненосцы обозвал? А потом удрал якобы в регулярный рейс в Южную Африку, чтобы не поймали. Только сегодня вернулся.

— Не интересовался. Для меня они все «Русалки».

— А вот. Головной идет под твоим именем «Рихард Бахш», второй «Дженифер Бахш», а третий «Ибн Базиль Бахш».

— Ну что, — подумал вслух я. — В чем-то он, конечно прав. Если бы не мы с тобой, и не Дженни, то у местных моряков таких кораблей бы еще лет семьдесят не было.

Так что «Дар Рихарда» и «Дар Васильича» вполне заслуженные имена. Но этого юного подхалима надо примерно наказать, чтобы не смел живым памятники ставить. А то забронзовеем мы с тобой, а культ личности нам не по чину, у нас тут Ясмина главная, а не мы. Есть у меня одна идея.

Муиз-уд-Дин насторожился. За пять лет пребывания в Империи он уже привык к моему и Васильича юмору, и понимал, что ему предстоит что-то интересное дело, в ходе которого десять раз проклянешь себя за то, что в него ввязался.

— Вот слушай, — продолжил я. — Есть в центре Тихого Океана такой архипелаг — Гавайские острова. Ну то есть английский капитан Кук несколько лет назад назвал их Сандвичевы, но для местных они Гавайи. А местные там мореплаватели очень неплохие, как бы не лучше англичан.

Сейчас на этом архипелаге есть два короля — Камехамеха и Каумуалии. Каждый из них хочет объединить архипелаг под своей властью.

Вот надо туда отправиться, помочь кому-то одному из этих королей одержать убедительную победу и создать там режим благоприствования для наших купцов.

Кто из них перспективнее — разберешься на месте. Но нужно чтобы года через два-три у них там была более-менее мощная армия и флот, способный наладить оттуда любую эскадру, которую какая-нибудь европейская держава будет в состоянии туда послать.

Государственного финансирования не будет. Это как бы частная экспедиция кахтияварских купцов. Соответственно корвета тоже не дам. Купцы выделяют доу, которую можно слегка довооружить. Но можно порыться по складам здесь и в Татте, особенно по складам экспериментальных образцов Лахорского завода. То что ты там найдешь, мы сможем списать как отработавшее экспериментальную программу.

Ну и один катамаран тебе дадим. Раскрути его на отдельные корпуса и его можно будет погрузить на доу. Там, на Гавайях он не слишком удивит, там местные тоже пользуются такие судами. Ну, конечно, не стальными и не умеющими под парусом ходить быстрее ветра.

Несколько ракет Эммета я тебе дам. Мы их сейчас сво-

бодно судовладельцам продаем, поэтому в частной экспедиции они вполне могут быть. Ну понятно, много ракет ты на катамаран не погрузишь, поэтому по местным лодкам ими не работай, они для крупных европейских кораблей, если английские или еще какие купцы ввяжутся в местные разборки.

А для стрельбы по местным... Васильич, выдержит катамаран ту сорокопятку, что ты для будущих танков делаешь?

— Вроде должен. Посчитать надо.

— Ну вот, если получится будет супероружие.

Конструкцию своих патрульных катамаранов Васильич содрал с суперяхт — участников Кубка Америки 2010 годов. Хотя те были в основном сделаны из композитов, а эти — из стали. Получилось чуть тяжелее, но на крыло они вставали и ветер обгоняли.

Так что зря я обещал Муизу-уд-дину, что никто не удивится. Парусное судно, идущее быстрее ветра, приводящего его в движение, это гавайцы наверняка оценят. Равно как и стальные корпуса, плавающие в воде.

При этом катамаран куда больше, чем европейские парусники похож на традиционные океанийские суда. А значит понятнее для тамошних жителей.

Глава 93

Уатт и Конгрев

1 февраля 1805, Бирмингем

Уатт медленно прошёлся вокруг странной конструкции, три фута шириной и шесть длиной, объединявшей в себе котельный агрегат высотой в человеческий рост и паровую машину, примерно вдвое ниже.

— Вы знаете, Уильям, — обратился он к Конгреву, — я такое повторить не смогу.

— Как?! — удивился тот. — Вы, изобретатель паровой машины, имея образец, не сможете повторить то, что в Индии производят чуть ли не десятками в день, минимум на двух заводах — в Дели и Лахоре.

— Вот именно, что у них есть два завода. И у них есть тысячелетние традиции обработки металла, которых нет нигде в Европе. Вы посмотрите на это, — механик ткнул пальцем в шатун, матово блестящий смазкой. — Это сталь. Не чугун, а сталь, но это явно отливка. Никто в Европе не умеет лить сталь. А они, как вы говорите, производят стальные отливки сотнями в день на нескольких заводах. Но самое удивительное в этой машине, это котёл. Я в своё время был категорически против, когда Тревитик хотел установить на паровой повозке котёл с давлением в пять атмосфер, считал что это очень опасно. А тут не котёл, а витая трубка какая-то. На вид совершенно несерьёзно. Но рабочее давление пятьдесят атмосфер. Пятьдесят, Уильям. И, судя по вашим словам, они доверяют эксплуатацию этих

машин неграмотным ткачам. Это всё потому, что у них есть металл, который в полсотни раз прочнее нашего.

Мы с Уилкинсоном три дня возились с этой машиной. Джон просто плакал от зависти, видя тот уровень обработки железа, который у них доступен для массовой выделки. Глядя на эту машину я вполне готов поверить в страшные рассказы про железный корабль, неуязвимый для ядер, разгромивший какой-то отряд под Бенаресом. И в пушки, стреляющие десять раз в минуту. И в железный мост через Инд или Ганг.

А Уилкинсон теперь мечтает о поездке в Индию. Он всегда был немножко сдвинут на металлургии, и теперь ему хочется увидеть эти чудеса своими глазами. Ну и что, что ему уже за семьдесят. Питер Вульф его на год старше, но ведь уехал. И теперь пишет оттуда письма, переворачивающие все представления о химии.

Вы знаете Уильяма Волластона? Младшего партнера Смитсона Теннанта из Кембриджа. Наверняка ведь по вашим ракетно-взрывчатым делам вам приходилось иметь дело с этой фирмой.

Уилкинсон с ним тесно сотрудничает по части теоретических изысканий в области обработки металлов. Конечно Волластон больше интересуется платиной, чем железом, но созданные им приборы очень помогают в определении качества металлических отливок.

Так вот, мы с Джоном, когда поняли что не можем определить, какие именно сплавы употребляются в различных деталях этой машины, пригласили его для консультаций. Его новый аппарат позволяет определять состав сплава, разлагая с помощью призмы Ньютона свет, испускаемый раскаленным добела металлом.

Мы установили, что в этой машине используется как минимум пять разных видов стали. Причем, похоже, что дело не в том, что это руды с разных месторождений, а в том, что эти примеси вносились в металл при плавке намеренно.

Причем, Волластон утверждает, что некоторые из этих примесей представляют собой доселе неизвестные химические элементы. Это, впрочем, неудивительно. В одном из писем Вульфа написано, что на Земле имеется 90 элементарных веществ, из них более 60 — металлы. А нам извест-

но пока что куда меньше. Если бы этот молодой швед, Шелле, не погиб так нелепо двадцать лет назад, может быть мы знали бы больше.

Кстати, о шведах. Во всей огромной коллекции Уилкинсона мы нашли только один образец стали, содержащий мало фосфора. Он был как раз произведен где-то в глухом медвежьем углу Швеции. То ли у них там в Индии такие же высококачественные руды, как в Швеции, то ли они умеют как-то удалять из стали избыток фосфора, который приводит к повышению хрупкости.

Слушая эту взволнованную речь изобретателя паровой машины, начальник секретной лаборатории Вулвичского Арсенала всё больше и больше мрачнел.

— Значит, вы говорите, мистер Уатт, что эта машина обязана своими характеристиками уровню металлургии, который сейчас в Англии недостижим?

— Не только, сэр Уильям, не только. Тут ещё есть уровень металлообработки. Вот как они сделали эту витую трубку, на которой нет ни единого шва? Подобные вещи делают ювелиры из мягких драгоценных металлов, но тут-то сталь. Уилкинсон, вы знаете, он крупнейший в Англии специалист по сверлению стволов, плакал, когда мы замеряли зазоры между деталями.

— Про металлообработку у них рассказывают странные вещи. Говорят, что можно купить болт у кузнеца в Шикарпуре, а гайку — в Бенаресе, и эта гайка навернётся на этот болт. Но это, увы, на уровне слухов. Ну то есть наши агенты действительно покупали болты и гайки по всей Империи, и действительно они подходят друг к другу. Но получить информацию о том, как они это делают, нам пока не удалось. Мы потеряли нескольких агентов при попытке их внедрить на Лахорский завод. Мы попытались внедрить нескольких мальчишек подмастерьями к кузнецам, чтобы добраться если не до паровых машин, то хотя бы до техники попроще, но поработав несколько месяцев те почему-то вдруг проникались имперским патриотизмом и отказывались от дальнейшего сотрудничества.

При этом там, в самом сердце Империи, сидят английские эксперты — тот же Вульф, наверняка известный вам Тревитик, и работают почему-то на императрицу Ясмину,

а не на короля Георга.

— А вы уверены, сэръ, что интересы короля Георга и императрицы Ясины противоречат друг другу? Вам же продали эту машину. Тесть Тревитика, Джон Гарвей, запатентовал от его имени в Англии почти всё интересное, касающееся этой машины, и ещё уйму всего про паровые экипажи. Когда я смотрел эти патенты, я кусал себе локти. Потому что сделать паровую повозку в обход них — вместо красивой и мощной машины, которые, как говорят, уже вытеснили конные дилижансы на трассе Бенарес—Пешавар, получится какое-то уродство вроде телеги того француза, которая проломилась стену Арсенала.

И тут Гарвей приходит ко мне с предложением — лицензия на все его патенты в обмен на лицензию на все мои. Это при том, что он мог бы просто подождать. Срок действия моих патентов истекает буквально в ближайшие год-два.

Спрашивается, зачем бы ему это делать, если Тревитик не собирается в ближайшее время продавать в Англии такие машины? Кстати, Гарвей приезжал ко мне в Бирмингем на паровой пролётке, которая смотрелась весьма изящно. Не тот сухопутный пакетбот, описание которого вы мне показывали, а весьма изящное ландо. Кучер-механик у него был явно из Индии.

* * *

5 февраля 1805, Лондон

Премьер-министр Гренвиль выслушал доклад Конгрева.

— Ну что вы скажете на это, сэръ Чарльз, — спросил он у сидевшего рядом Корнуоллиса-старшего.

— Мне страшно, — ответил старый генерал.

— Страшно? Вам?! — удивился Гренвиль.

— Да. Фактически, то, что предлагает сэръ Уильям, это контратака. Их контратака. Если мы сейчас откроем наши границы для индийской стали и индийских машин, то завтра не английская Ост-Индская компания будет орудовать в Индии, а индийская Вест-Европейская в Англии. Ясмина очень решительная девушка, и она сделала выводы из успехов английских купцов в Индии, начиная с Клайва. Так что теперь она постарается не упустить своего шанса.

Я вообще хотел предложить снять все ограничения на поставку паровых машин на континент, чтобы успеть за-

нять этот рынок до того, как в Египте достроят канал из Красного Моря в Средиземное, и в континентальную Европу хлынет поток индийских машин.

Ведь машины это не ткань. Продай кому-то ткань, и он не вспомнит о тебе до тех пор, пока ему не понадобится другая одежда. А вспомнит — так будет выбирать, кто ему сегодня продаст дешевле и лучше. С машиной другое дело. Ей нужен механик, ей нужны запасные части. Причем части от одной машины к другой не подойдут, да и механик тоже хорошо бы был обучен работе именно с такими машинами. Поэтому, если бы мы успели создать в Европе сеть сбыта наших машин, сеть ремонтных мастерских, может быть нам бы удалось сохранить серьёзное положение на рынке.

Но сейчас мы видим что даже рынок Англии оказывается не защищён от вторжения индийцев. Гарвей уже фактически работает их торговым представителем. Боултон и Уатт готовы ими стать. При этом сами производить такие машины они не могут — английские металлурги не в состоянии предложить им сталь и чугун нужного качества.

Но отказаться от этого «щедрого» предложения сейчас — это остаться без современной техники в разгар войны с Францией. Брат писал мне, что Брюнель, поставив на свой завод по производству всякой деревянной мелочи для флота, индийскую машину, повысил производительность в полтора раза. А буксировщик Фултона с индийской машиной потребляет угля в шесть раз меньше, чем с машиной Уатта. То есть корабль с индийской машиной может находиться в море под парами неделями. В условиях, когда французы копят силы в Бресте, возможность патрулирования Канала судами, не зависящими от силы ветра, неоценима. Но за неё нам нужно продать душу английской промышленности если не дьяволу, то дракону.

— По-моему, сэр Чарльз, вы излишне драматизируете. Вот что, а не вернуться ли вам на пост генерал-губернатора Британской Индии? Похоже, что никто в Компании кроме вас не представляет себе тех опасностей, которые таит политика сотрудничества с Дели. В Европе вы сделали что могли. В Ирландии относительно тихо, мир с Наполеоном подписан. А Уэлсли пора возвращать.

Глава 94

Поездка в Индию

1 мая 1805, Суэцкий перешеек

Оказывается, в 1805 году для того, чтобы попасть в Индию, не нужно три месяца качаться на корабле, неторопливо плывущем через Лошадиные Широты вокруг Африки.

Меньше чем за десять дней фрегат средиземноморской эскадры доставил Корнуоллиса в новый строящийся порт на востоке дельты Нила, который вали Мехмед-Али, не скромничая, назвал своим именем — Порт-Мехмед¹.

Порт кишел деятельностью. Две паровые землечерпалки углубляли его акваторию, паровые буксиры таскали баржи с землей от них к строящимся волноломам, огромные краны разгружали суда, которые везли что-то со всего восточного Средиземноморья, от Ливана до Италии. Строевой лес, мрамор, уголь, продовольствие.

Все это сгружалось в тележки, вереницы которых пытящие паровозы таскали по рельсам, проложенным прямо по причалам.

Фрегат, на котором прибыл английский генерал, поставили к причалу у недостроенного здания, предназначенного для пассажиров. На другой стороне этого здания тоже были проложены рельсы, и стоял состав, состоящий из чего-то вроде дилижансов, хотя и более простых и лишенных

¹В нашей реальности Суэцкий канал построен в правление сына Мехмеда-Али, Саида, поэтому порт у его северного входа называется Порт-Саид.

украшений, чем их собратья, курсировавшие по дорогам Англии, но внутри более комфортабельных.

Вскоре после того, как поезд тронулся, стюард принес чайник зеленого чая и поднос со сладостями. В жарком климате Суэцкого перешейка это скорее необходимость, чем знак гостеприимства.

Вагон катился по рельсам удивительно плавно, лишь погромыхивая на стыках. Чай в поставленной на столик пиале лишь чуть-чуть подергивался рябью.

Мимо окна медленно проплывали пейзажи гигантской стройки. Если бы кто-то сказал сэру Чарльзу, что он перемещается со скоростью двадцать миль в час, он бы, пожалуй, не поверил. Тем не менее, не прошло и восьми часов, как поезд прибыл в Суэц. И это при том, что по пути несколько раз приходилось останавливаться, разъезжаясь со встречными грузовыми составами, снабжавшими весь канал питьевой водой, продовольствием, инструментами.

В Суэце генерал-губернатор пересел на корабль. Корабль тоже был совершенно необычный. Длинный как веретено, лишенный парусов совсем, он дымил двумя высокими трубами и на его палубе громоздились в несколько этажей надстройки, а борта были украшены в несколько рядов круглыми окошками, как борта линкора пушечными портами.

Называлось это чудо техники «Хаджи Насреддин». Как объяснил любопытному генералу местный стюард, все корабли этой линии носили имена какого-нибудь хаджи, поскольку основная их работа была вовсе не перевозка европейцев, едущих в Индию и даже не доставка инженеров и техников на строительство Суэцкого канала, а перевозка паломников-мусульман из Индии в Мекку и обратно.

До Джидды, порта Мекки, корабль шёл менее суток. Перед входом в Джидду всех пассажиров не-мусульман, а кроме Корнуоллиса на борту оказалось несколько португальцев, направляющихся в Гоа и десяток инженеров-индусов, едущих со строительства канала домой, в отпуск, попросили сидеть в каютах и не подниматься даже на палубу, не говоря уж о том, чтобы размять ноги на берегу.

Потом были непродолжительные заходы в Аден и Маскат, и не прошло и месяца после отплытия из Англии, как

нога Корнуоллиса ступила на индийскую землю в бухте Карачи.

* * *

12 мая 1805, Карачи

То что увидел он в этой гавани его уже почти не удивило. Быстро, за каких-то пять лет выросший на месте деревушки торговый город, верфи, мельком увиденные с воды, на которых строится что-то огромное. Несколько потрепанных непогодой ревущих сороковых фрегатов под майсурским «конвертом» на рейде. Какие-то незнакомые корабли. Длинные, вытянутые как кинжал, копуса, высокие, наклоненные назад мачты, и никаких пушечных портов, только несколько длинных пушек на палубе.

Что-то непохоже на стиль майсурцев, которые ухитрились впихнуть 60 линкорных пушек в водоизмещение фрегата IV ранга.

Впрочем, вот они, старые майсурские корабли. Вдоль причалов тянется длинный ряд корпусов со снятыми мачтами, на палубах громоздятся какие-то сараи с двухскатными крышами.

Корнуллис спросил помощника капитана, стоящего у фальшборта рядом с командой матросов, готовящихся к швартовке:

— А что, все старые майсурские корабли уже из действующего флота списали?

— Конечно! — фыркнул тот. — Это же прошлый век. Как по мне, так даже вон то, — он указал на стоящий на рейде фрегат с высокими мачтами, — уже годится только гавайцев с маори гонять. Для серьезного морского боя теперь нужны совсем другие корабли.

«Прошлый век, — подумал англичанин. — Пять лет назад закончился прошлый век, а теперь индийский торговый моряк смотрит на неплохие по тем временам корабли как современный артиллерист на длинные луки времен Кресси. Из чего же будут состоять флоты следующей войны?»

Впрочем, далеко за ответом ходить не надо. Под ногами подрагивала от работающих на малом ходу машин стальная палуба красноморского пакетбота.

Вот такими они и будут. Длинными, как веретено, ли-

шенными парусов, не зависящими от ветра, стальными, не боящимися ядер. И сейчас адмиралы Ясины готовят для этих кораблей офицеров, гоня пакетботы в Суэц, Занзибар и еще куда-то там в любое время года, в любую погоду, строго по расписанию.

В океан выплеснется, уже выплескивается, та огромная машина, которая три года назад перемолола Гуджарат и подкатилась почти к стенам Бомбея. Армия, которая не знает понятия «отставшие обозы», «нехватка пороха» превратится во флот, который никогда не испытывает перебоев в снабжении снарядами, продовольствием, углем, потому что капитаны транспортов, снабжающих его, не знают что такое «неизбежные на море случайности», зато прекрасно понимают словосочетание «расчетное время прибытия». Только такой флот и может воевать на пароходах.

Корнуоллису опять стало страшно.

Англичане пересели с огромного морского парохода на маленький речной, похожий на плавучий дворец, и он повёз их по недавно вырытому каналу в Татту. По сторонам узкого канала зеленели поля, орошённые водой Инда.

Потом три дня пути вверх по Инду и Мултан. Можно было бы продолжить путь по реке вверх, до Лахора, но сэр Чарльз торопился, а паровоз по рельсам движется гораздо быстрее, чем пароход по воде, да и не тратит времени на следование прихотливым извивам фарватера.

* * *

18 мая 1805, Дели

В том, что в Дели его ждет торжественная встреча, генерал-губернатор не сомневался. Этот телеграф, опутавший всю Империю как паутина, воистину дьявольское изобретение, не дающее нигде появиться внезапно.

Но что на вокзале его будет встречать сама Ясмина, он не предполагал.

Ясмина сильно изменилась за прошедшие годы. Это была уже не та девчонка-сорванец, которая, сидя рядом с отцом, слушала рассказы бывалого генерала Корнуоллиса о чудесной стране Америке и не менее чудесном для жителей Доаба Майсуре, и даже не та юная девушка, которая тогда, в Дублине бросилась чуть ли не под копыта его лошади, чтобы задать один-единственный вопрос. Хотя в свои

двадцать пять она выглядела не менее юной и цветущей, чем в восемнадцать, теперь в каждом её движении сквозила властность, уверенность в себе. Настоящая императрица, не раз лично водившая свои победоносные полки, не раз принимавшая высоких послов.

Конечно, он согласился задержаться на несколько дней и провести переговоры. Попробовал бы кто-нибудь ей здесь возразить. Может быть, в её дворце, вдали от посторонних любопытных глаз будет легче.

В первый момент, когда сэр Чарльз увидел Ямину стоящую на перроне в окружении свиты, он удивился, почему это она пешком, не верхом.

Потом, когда он вышел из вагона и она пригласила его следовать за ним, понял. Очередная техническая новинка. Ямина приехала на вокзал в механическом экипаже.

Как только генерал-губернатор устроился рядом с императрицей на заднем сидении этой странной пролётки, она сразу завела речь о торговле.

— А стоит ли при вознице? — осторожно поинтересовался генерал.

— Конечно, — улыбнулась императрица. — Все равно Дженнифер будет присутствовать на переговорах по любому экономическому вопросу. Она — один из главных моих советников. Вижу вас удивляет, что столь высокопоставленное лицо исполняет обязанности возницы. Но у нас принято, что вождение механических экипажей — занятие, приличествующее офицерам и аристократам. Я, бывает иногда и сама сажусь за руль. Сейчас я этого не сделала в основном для того, чтобы развлекать вас светской беседой. Или деловой, как получится. Вы сильно устали с дороги, генерал?

— Да что вы, Ваше Величество, — ответил он. — Я в этом поезде прекрасно выспался.

— Ну тогда можно и о деле. — решительно заявила она. — Первое, что мешает расширению торговли между Империей и Соединенным Королевством, это Навигационный Акт. В своё время, когда он принимался, имелась в виду вполне разумную мысль — не дать конкурентам Англии наживаться на посреднической торговле. Поэтому странам, которые тогда торговали с Англией своими товарами,

и имели свой флот, было разрешено ввозить эти товары на своих кораблях в английские порты.

Империя Моголов тогда в этот список не попала. У нас тогда толком не было портов, и не было флота, способного торговать за пределами Индийского океана. Сейчас ситуация изменилась. У Империи есть Сурат и Каттака, это не считая нового порта в Карачи. И мы там строим такие торговые корабли, которым завидуют английские шкиперы.

Кроме того, Англия находится в состоянии войны со всей Европой, и английским кораблям угрожают французские и испанские каперы.

А на четырехсотфутовый корабль под зелено-белым флагом со львом и Солнцем они, пожалуй, не рискнут покушаться, даже если сумеют догнать. До Европы, наверняка уже дошли сведения о том, что бывает с теми, кто покушается на *моих* мирных купцов. Моих подданных сейчас даже в Малаккском проливе не трогают.

— Ясмина, не притворяйся что ты знаешь историю своей страны хуже, чем я, — перебил её генерал. — Я прекрасно знаю что тогда, когда принимался Навигационный Акт у Империи была и Татта, и Сурат и большая часть Малабарского берега. Это были времена... — он на секунду задумался, — ...Шаха Джахана.

— Ну, тогда моряки всех этих портов в Европу не плавали. А теперь — будут. Если Британия не пустит их в свои порты, то во Францию, Голландию, Испанию, какие там еще у вас конкуренты есть. Англии не выгодно, если индийская торговля переориентируется на континент, а значит — выгодно пустить индийские корабли в свои порты.

Глава 95

Ящик электрозапалов

15 июня 1805 г, Термез

Паровой дилижанс прогрохотал по второй арке железного арочного моста, опирающегося на так удачно расположенный посредине широченной Аму-Дарьи островок, и вкатился на узкие улочки старинного Термеза.

«Где-то я такие арки видел, — подумал Михаил Илларионович. — Ах да, В Таврическом Саду такая же стоит, только деревянная. Тогда, тридцать лет назад господа академики так и не дали добро на строительство моста через Неву. А теперь, значит, Иван Петрович здесь развернулся.»

Тем временем дилижанс подъехал к ставшему уже привычным по долгому пути через Пенджаб и Афганистан стандартному имперскому караван-сараю.

— Стоянка здесь долгая, масло менять будут. Я пробегусь по окрестным чайханам, посмотрю куда стоит сходить, — сказал Федя Толстой своему начальнику и лихо спрыгнул с борта машины на землю.

Но реализовать свою задумку Толстой не успел. Стоило только Кутузову спуститься с машины на землю, как к нему подошёл человек совершенно европейского вида, с длинной бородой, одетый в ту легкую рубашку и пробковый шлем, какие с легкой руки Беринга распространились

среди европейцев, работающих в Империю.

— Михаил Илларионович, здравия вам, — обратился он к генералу.

«Правильно, — подумал тот. — Нечего тут превосходствами и благородиями мериться. Армия дорожных строителей, которой командует здесь Кулибин, не меньше иного армейского корпуса будет, а пороха, говорят, тратит в день побольше, чем в ином генеральном сражении.»

А вслух сказал:

— И вам здравствовать, Иван Петрович.

Кулибин сразу взял быка за рога:

— Время обеденное. В этом городишке есть только две приличных чайханы. Поэтому приглашаю вас к ибн Хакиму на базарной площади. Это всего десять минут ходьбы отсюда.

Кутузов махнул ординарцу и они направились вслед за инженером.

Глядя на то, как легко шагает инженер, который на целую дюжину лет его старше, Кутузов тяжело вздохнул. Конечно и его здоровье сейчас существенно лучше того, что было три года назад, когда он сошел на индийский берег в Сурате.

Но почти семидесятилетнего инженера работа в только что преодоленных русским посольством горах буквально омолодила. Жалко что воинский долг призывает в Европу. Пожить бы еще тут года три, среди этих факиров, брахманов и пандитов, глядишь бы головные боли совсем прошли. Впрочем кое-каким рекомендациям этой хаким-ханум, лейб-медички императрицы, можно будет следовать и самостоятельно.

В чайхане разговор зашел о грядущей кампании в Австрии. Почему-то Иван Петрович был уверен что корпусу Кутузова придется с боями отступать через горные долины Альп. А значит надо будет иметь дело с горными дорогами.

Сейчас Кулибин считал себя крупнейшим в мире специалистом по горным дорогам, и, проехав через Афганистан от Пешавара до Кабула и от Кабула до Термеза, Кутузов был с этой оценкой вполне согласен.

По мнению Кулибина, лучшим средством для того, чтобы остановить наступающие по горной дороге превосходя-

щие силы противника, был пулемет на перевале. Какую из диковинных военных машин, с которыми его познакомили в Дели, инженер называет русским словом «пулемет»? Наверное, митральезу.

Но предложить Кутузову пару десятков митральез, необходимых для арьергарда корпуса из нескольких дивизий, а генерал оценивал численность войск, которые ему предстоит возглавить, тысяч в пятьдесят, Кулибин не мог. И дело даже не в том, что их у него не было. Сколько-то может и было, надо же защищать стройку от набегов местных горцев, но у генерала, получившего приказ прибыть в Петербург возможно более срочно, не было возможности взять с собой сколько-нибудь заметный груз.

Поэтому Иван Петрович предложил более инженерное решение. Пороховые мины, которыми устраиваются обвалы или, лучше, снежные лавины. К тому времени, когда войска выдвинутся достаточно далеко в вверх по долине Дуная, в Австрии уже ляжет снег. Вот где только взять людей, способных распознавать места скопления снега, который может неожиданно для противника рухнуть вниз? Кулибин долго пытался разъяснить принципы выделелния лавиносборов, но к тому моменту, когда подали чай, махнул рукой.

После обеда инженер проводил генерала обратно к месту стоянки паровика, и показал под навесом для багажа у караван-сарая два небольших ящика и четыре свертка, похожих на обшитые тканью небольшие бочонки.

— Вот это — ящик электрозапалов. Здесь их тысяча штук, советую не меньше половины потратить на тренировки ваших саперов. Это — электрические взрывные машинки. Их две дюжины, потому что они неизбежно будут теряться и ломаться. Но на тысячу запалов вам должно хватить. А это — катушки с проводом. Провода всего по километру на каждой катушке. Дал бы больше, у меня его тут целый пакгауз. Но вам больше во вьюках или на почтовых не увезти. Поэтому старайтесь после взрыва провод подбирать, особенно при учебных взрывах.

«Интересно, — подумал он, вновь усевшись на жесткое сидение в открытой части салона дилижанса. — Вот Кулибин — он точно русский патриот. Взял и по собственной

инициативе, явно от запасов своего строительства отсыпал мне хоть чего-то, что может пригодиться на войне. А Беринг, и этот лахорский инженер, которого здесь все зовут только по отчеству?»

Хотя вот ведь Беринг постоянно приглашал его на штабные игры в Делийской военной академии, и местность, которую моделировали на огромном, покрытом толстым слоем песка столе, больше напоминала, как теперь понял Кутузов, не афганские горы и не Ассам, а Австрийские Альпы.

А Васильич, прощаясь, вручил ему конверт с предсказанием хода генерального сражения, написанного каким-то его знакомым факиром, и просил вскрыть непосредственно в перед сражением в присутствии Государя. Интересно, где они в действующей армии возьмут переводчика с индийского языка? Сам Кутузов может быть и прочитал бы текст на урду, все таки за три года кое-чему научился, но инженер говорил о том, что Император должен убедиться своими глазами.

Глава 96

Возвращение Кутузова

12 июля 1805, Санкт-Петербург

Император Алесандр встал с кресла, и заложив руки за спину прошелся из угла в угол.

— Очень удачно, что вы успели прибыть из Индии сейчас, Михаил Илларионович. Я, признаться честно не ожидал вас ранее чем через месяц.

— Так бы и было, Ваше Величество, если бы я добирался по морю через Англию. Но сухой путь через Афганистан до бухты Шага-дам¹ и далее по Каспийскому морю до Астрахани, оказался быстрее.

— Особенно радует то, насколько быстро удалось доставить вам депешу. Как вы считаете, этот телеграф, который там, насколько я понял, дотянули уже до Александрии, это заслуживающая внимания военная технология?

— О, да, Ваше Величество. Мгновенная передача депеш совершенно неоценима. Во время последних кампаний войска Императрицы Ясины прокладывали полевые телеграфные линии прямо в ходе боевых действий. А еще они активно применяют управление огнем артиллерийских орудий, скрытых от неприятеля за складками мест-

¹На месте урочища Шага-дам в нашей реальности в 1869 году был построен город Красноводск, с 1993 Туркменбаши.

ности, с помощью телеграфа.

— Пожалуй, надо телеграф у них закупить. Мне тут докладывали из военного министерства, что индийские купцы предлагали эту технологию. А у нас ведь свой умелец был, этот, как его, Кулибин. Вот только пропал куда-то.

— Осмелюсь доложить, Ваше Величество, Иван Петрович Кулибин сейчас в Индии. Когда его тут, в Петербурге, выжили из Академии, индийский посол предложил ему императорский контракт, и он там уже четыре года строит мосты. Собственно, дорога Пешавар—Кабул—Термез, по которой я так быстро добрался до Шага-дама из Дели построена под его руководством.

— А может его вернуть?

— Вряд ли это получится. Вы понимаете, Кулибин — нижегородский мещанин, не дворянин, присягу служить Вашему Величеству не давал. Здесь на него всегда будут смотреть как на человека второго сорта, если не третьего. Для немцев в Академии природные русские дворяне — второго сорта, а уж простые-то люди... А там он имеет понятный и весьма высокий статус — европейский наёмник. Там не смотрят благородного или подлого сословия европеец, лишь бы дело знал. А уж этого у Ивана Петровича не отнять. Там в генеральской должности служит голландец Хессинг, который попал в Индию простым матросом на корабле Голландской Ост-Индской Компании. Но выдвинулся как армейский офицер, послужил у разных раджей и попал в Империю уже полковником, когда они присоединили Гвалиор. Так что можно сказать в Индии Кулибин — сам «немец».

Там, правда, такого пиетета перед иноземцами, как у нас, нет. Пожалуй, пришлому авантюристу проще получить офицерскую должность или дворянство, чем выходцу из своих крестьян или купцов, там у них всякие хитрости с кастами, да и вообще большая часть населения — язычники, а знать — мусульмане, поэтому христианину, коих мусульмане держат хоть за неверных, но Людей Книги, проще, чем местому язычнику.

— Ну я, скажем, пожаловать дворянство толковому инженеру мог бы, — начал размышлять вслух Александр.

Кутузов молчал, не желая зря противоречить императору.

ру.

Потом разговор зашел о планах на осеннюю кампанию.

— Вы знаете, Ваше Величество, — генерал извлек из кармана небольшой конверт. — Один индийский провидец вручил мне описание генерального сражения, которое нас ожидает. Он просил меня показать его вам непосредственно перед сражением, в котором Вы и Цесаревич, по его мнению, будете участвовать лично. Поставьте-ка на этот конверт свою печать, чтобы потом быть уверенным что это предсказание было сделано еще за несколько месяцев до сражения.

Этот человек рекомендовал мне всячески отговаривать Вас от присутствия в действующей армии, но предупредил что вряд ли это мне удастся.

Александр накапал на конверт воска из горевшей на столе свечи и оттиснул в нем своей перстень.

— Да, вы правы, Михаил Илларионович. Политическая обстановка такова, что и я, и Константин не можетм отсиживаться в тылу, когда император Франц и его брат лично участвуют в войне.

Глава 97

Оборона Капштатда

Тунуабад, 10 декабря 1805

— Привет, братец, — сказал Мухи-уд-дин Муизу-уд-Дину, встретив того на набережной, куда тот высадился с парового катера, спущенного с броненосца «ибн-Базиль Бахш». — Это тебе в награду за Гавайи такой утюг дали?

— А до вас новости быстро доходят, — усмехнулся младший из братьев. — Только это не в награду а в наказание.

— Что с этой железной миской так сложно управляться?

— Управляться предстоит с английской эскадрой.

— Которой?

— Тут еще несколько месяцев назад англичане отправили эскадру Попхэма с более чем шестью тысячами солдат на борту под командой Бейрда, чтобы отобрать Капштадт у голландцев. На день рождения ихнего бога они как раз дойдут до Столовой бухты. Янссенсу тут больше двух тысяч колониальной милиции не собрать, а против шести тысяч кадровых это ничто, а уж если при поддержке корабельной артиллерии. Мне поручили этому помешать.

— Ну при таком кораблике это вроде не проблема. У тебя дальнобойность главного калибра какая?

— Шесть миль.

— Ну слушай. У меня тут есть четыре виманы «Кит», оборудованные для разведки — Рихард прислал для того чтобы составить карты потенциально золотиносных мест. Сейчас быстренько организуем постоянное наблюдение за марш-

рутом из Европы к Мысу, и отловим их миль за 200 до цели. Подойдешь на закате с восточной стороны и тихо-спокойно расстреляешь с предельной дистанции. Никто и не узнает что куда делся этот флот. То ли волна-убийца, то ли кракен всплыл, то ли айсберг антарктический заблудился. Мало ли что в этом океане случается.

— В том-то и дело, что не пойдет. Нужно произвести демонстрацию силы. Поэтому я должен прийти в Кейптаун как бы стационаром. Ага, новейший боевой корабль, один из трех имеющихся у Империи действительно современных кораблей линии — стационаром какой-то Капштадт. И когда придут англичане, нагло заявить им, что у меня приказ не допустить каких-то враждебных действий против дружественных Империи голландцев.

— Брат, там же Бейрд!

— Только это и утешает.

Оба майсурских принца переглянулись и плотоядно усмехнулись. Бейрд был тем самым полководцем, который в 1799 сокрушил войска их отца, лишил их родины и заставил искать счастья на чужбине. Но вот, кажется...

— По мне, конечно — вздохнул Мухи-уд-Дин, — лучше бы подобные эскапады в Малабаре устраивать. А то уже семь лет как на нашем троне сидит этот мальчишка Кришнараджа Водеяр. Ну ладно, допустим, Ясмине виднее. В конце концов она обещала нам Майсур а Яшванту Холкару — дойти до мыса Коморин. Слушай, а может тебе всё-таки тебе поддержка с воздуха нужна?

Там наверняка есть какая-нибудь уютная бухта в паре сотен километров к востоку от Капштадта, на берегах которой только готтентоты коров пасут. Выдвинем туда гидроавиатранспорт, и в случае чего виманы долетят до тебя за час. У тебя беспроволочный телеграф, конечно есть? Какая дальность?

— Обещали как раз от Капштадта до Типуабада.

— Ну тем лучше.

— Нет, пожалуй, не надо. Рихард меня учил: «Умеешь считать до десяти, остановись на восьми». Royal Navy еще не пробовал 150-миллиметровых нарезных снарядов, а ты им хочешь сразу бомбардировку с воздуха показать. Справимся как-нибудь сами. Голландцы тоже, пожалуй, без де-

ла сидеть не будут.

— А может туда сухопутные силы перебросить? С тобой пришел корвет, второй у меня тут в качестве стационара, третий завтра придет почтовым рейсом из Карачи. На три корвета мы прекрасно упишем два полка зулусов со всей штатной артиллерией. Эти ребята, пожалуй, не уступят тем сикхам, с которыми Ранджит Сингх защищал Бенарес. При всем моем уважении к сикхам, тогда Рихард солдат успел только три месяца понатаскивать, а этих мы уже пять лет учим. А значит две тысячи из вполне смогут противостоять шести тысячам англичан, измученных морским переходом. Тем более при поддержке твоими тяжелыми пушками.

— И Янссенс решит, что мы с Сензакагоной хотим поделить его колонию. Нет уж, пусть на суше сам справляется. А я постараюсь сделать так чтобы англичане не имели над ним численного превосходства.

* * *

4 января 1806 г, Капштадт

Генерал Янссенс на площади муштровал спешно собранное ополчение. Солнце уже клонилось к закату и новобранцы ели волочили ноги.

Но четыре тысячи он под ружье за последнюю неделю поставил.

Возможно, еще предстоит оправдываться, что по неподтвержденным слухам сорвал народ с полевых работ, но всё-таки лучше перестраховаться. Голод колонии все равно не грозит, а вдруг эти индийцы и правда знают что-то об английской эскадре. Он покосился в сторону Столовой бухты, где дымило это странное низкобортное сооружение с двумя башнями и трубой.

Судя по опять же непроверенным слухам это — последнее слово индийской военно-морской техники. Один из трех двухтысячетонных стальных кораблей недавно построенных в Карачи.

Зачем эта странная штукавина, борт которой выступает над водой от силы на два фута, приперлась сюда? И правда с англичанами воевать?

Тут явился индийский офицер связи, которого к нему приставил майсурский принц, командовавший этим стран-

ным кораблем.

— Господин генерал, тут с корабля сообщают, что замечены паруса английской эскадры к западу от острова Роббен.

Из труб броненосца тем временем повалит густой чёрный дым, и минут через пятнадцать он снялся с якоря и двинулся на северо-запад.

* * *

Якорная стоянка к западу от острова Роббен, 4 января 1806

— Смотрите, коммодор, какая хреновина к нам движется, — капитан Хью Даунмэн протянул подзорную трубу Попхэму, стоявшему рядом с ним на шканцах «Диадемы». — Похоже на плот, на который поставили две коробки из-под сыра и соединили сходней.

Попхэм взял подзорную трубу и посмотрел на приближающееся сооружение.

Первое что бросилось ему в глаза, это белый флаг с пятью круглыми красными пятнами, майсурский «конверт», ныне имперский военно-морской флаг. Хотя майсурские моряки тогда, семь лет назад, ничего сделать не смогли, Реньер, помнится, их откровенно побаивался. Особенно когда провалилась ракетная атака Малабара. Ну то есть атака-то удалась, но флот успел выйти в море. И перевезти в 1801 Бэйрда в Египет удалось только потому, что был дипломатическим путем обеспечен нейтралитет людей, ходящих под этим флагом.

На шканцах появился генерал Бэйрд и кинул взгляд на приближающийся дымящий корабль.

— Что это? — спросил он. — «Черепаша»?

— Если и черепаха, то морская¹. Мачты, шлюпки на шлюпбалках висят. И бегают совершенно не по-черепаши.

Несмотря на низкую посадку и волны, заплескивающие на нос, корабль производил впечатление стремительности. Может из-за юго-западного ветра, сдувающего дым из трубы горизонтально за корму, может из-за наклоненных на-

¹По английски сухопутная и морская черепаха называются разными словами tortoise и turtle соответственно. На урду, как и в русском — одинаково. Скорее всего «Черепаша» Рихарда в английских документах проходила как tortoise, а Попхэм назвал увиденный им морской корабль turtle.

зад мачт.

В этот момент, броненосец, приблизившийся к эскадре на пять кабельтовых поднял на грот-мачте сигнальные флаги.

— Наше адмиралтейство течет как решето, — выругался Попхэм. Имперцы пользовались лично им, Хоумом Попхэмом разработанным сводом сигналов, принятым в Royal Navy всего три года назад. — Приглашают командира эскадры прибыть для переговоров.

— Давайте и я с вами, коммодор, — предложил Бэйрд. — У меня, как у человека сухопутного, опыт общения с индийцами побольше, чем у вас.

Попхэм согласился.

Когда шлюпка с «Диадемы» подошла к низкому борту броненосца, кто-то из гребцов заметил сквозь зубы, глядя на трубу парового катера, висящего на шлюпбалках:

— Пижоны эти индийцы. У самих паровые машины даже на шлюпках, а требуют чтобы наши к нимплыли, а не наоборот. Они бы знай уголёк подбрасывали, а нам маши всёлами через весь рейд.

Попхэм и Бейрд без большого труда перепрыгнули на палубу, броненосца.

— Муиз-уд-дин, вы?! — воскликнул генерал, узнав в командире корабля майсурского принца. За семь лет, прошедших с падения Серингапатама принц из пятнадцатилетнего юноши, рослого и крепкого для своих лет, но пятнадцатилетнего, превратился в уверенного в себе молодого офицера.

— Да, я, — пожал плечами майсурец. — Почему бы мне здесь и не оказаться?

— А зачем вы здесь оказались? — спросил генерал.

— У меня приказ моей Императрицы: не допустить никаких враждебных действий против дружественных нам голландцев. Так что если вы собираетесь развлекаться здесь высадкой десанта, я предупреждаю, буду стрелять.

— У нас здесь четыре линкора, два фрегата и два малых боевых корабля. Не говоря уж о транспортах, которые тоже не совсем безоружны, — возразил Попхэм. — И тоже приказ.

— Всего-то восемь боевых кораблей, — с видимым облег-

чением вздохнул Муиз-уд-дин. — Я-то рассчитывал минимум на дюжину.

Попхэм задумался. Стоя на этой железной палубе он ощутил мощь этого корабля, подрагивавшего под ногами, как норовистая лошадь под седоком. Низкий борт, в который еще пойдя попади, приземистые орудийные башни, похоже, поворотные, какие-то совершенно монстроидальные пушки, торчащие из них на добрых три фатома. Калибр, конечно не слишком серьезный. На глаз фунта 24, но такая длина должна что-то значить. Опять же, донесения о разрушении храма Кали в Нагпуре он читал. Там вроде тоже были орудия шестидюймового калибра, но разрушений от них было как от 72-фунтовок, если не больше.

После того как Попхэм и Бэйрд вернулись на «Диадему», броненосец отошел к ближе к берегу и встал на якорь где-то посредине между островом и берегом Столовой бухты, точно на против Синей Горы.

Следующее утро принесло свежий юго-западный ветер, тяжелую зыбь и сильный прибой, сделавший высадку со шлюпок практически невозможной.

Бэйрд, почти не подверженный морской болезни, нетерпеливо мерил шагами шканцы «Диадемы».

Попхэм стоя у борта с подозрительной трубой, пытался рассмотреть, как справляется с волной это индийское железное сооружение. Судя по всему, там работали помпы, можно было разглядеть как из отверстия в борту бьет струя воды. Коммодор ошибался, принимая за работу помп работу системы охлаждения конденсатора пара. Но откуда моряку-паруснику знать, зачем пароходу забортная вода?

— Когда мы наконец начнем высадку? — спросил генерал. — Или вы боитесь этого железного утюга.

В том, что он действительно боится железного утюга, коммодор Royal Navy ни за что бы не признался:

— Я боюсь что при таком прибое мы перетопим половину ваших людей при высадке со шлюпок. Лучше подождать более благоприятной погоды.

— Но вы же знаете, что французы отправили сюда подкрепления. Да и местные голландцы сейчас собирают все силы, до которых могут дотянуться. Время играет против нас.

— Ну, тогда единственное, что я могу предложить, это приказать транспортам выбрасываться на берег и налаживать тросовые переправы. Так мы, пожалуй, успеем высадить ваших людей.

— Вы так легко готовы пожертвовать полусотней судов?

— Сдается мне, что этим судам уже не увидеть ни одного английского порта. Эта железная миска пожжёт их как её старшая сестричка пожгла артиллерию Эрскайна на Ганге.

— Вы пессимист, Хоум, — генерал повернулся и спустился вниз.

На следующей день погода улучшилась. Караван транспортных судов под предводительством брига «Энкаунтер» двинулся в сторону берега. Бейрд перебрался с линкора на один из транспортов, чтобы лично руководить высадкой. Попхэм выстроил свои четыре линкора и два фрегата в линию справа от массы транспортов, чтобы оказаться между ними и броненосцем.

Из трубы броненосца повалил густой дым как только оттуда заметили маневры англичан. Но якорь там выбрали и с места сдвинулись только тогда, когда «Диадема», головная в колонне военных кораблей, поравнялась с индийским кораблем.

Попхэм взял подозрную трубу и внимательно оглядел противника. Ни одного человека на палубе, только на мостике стоят две фигуры. На грот-мачте под майсурским флагом полощется сигнал «Ваш курс ведет к опасности».

— Не отвечать, — скомандовал командор. Ждем предупредительного выстрела.

Увы, не дождалось. Гуманизм Муиза-уд-Дина имел пределы. Убедившись, что на флажный сигнал англичане не реагируют, майсурец нырнул с мостика в бронированную рубку, вывинтил пробку из переговорной трубы, ведущей в носовую башню и скомандовал:

— По ватерлинии в переднюю треть корпуса головного линкора, фугасным.

Пять кабельтовых это расстояние прямой наводки даже для 21-калиберной шестидюймовки, применявшейся при штурме Нагпура. А на броненосце стояли куда более дальнобойные 40-калиберные орудия. Поэтому попасть удалось

с первого выстрела. Взрыв 30-килограммового снаряда сделал в борту трехметрового диаметра пробоину, куда немедленно хлынула вода.

Башня повернулась и второе орудие выстрелило в «Беликвикс», шедший вторым. Это был несколько менее удачный выстрел, броненосец приподняло на волне, и снаряд прошел над палубой. Правда, он снес грот-мачту и от этого удара взрыватель сработал над шканцами. Корабль моментально лишился управления и командования.

Шлюп «Эспойр» отделился от кучи транспортных судов и направился к месту гибели флагмана. А «ибн-Базиль Бахш» тем временем, форсируя машины, разгонялся. И к тому моменту когда «Диомед» шедший третьим поравнялся с местом гибели «Диадемы», уже пересек курс боевых кораблей и врубился в гущу транспортов.

Муиз-уд-Дин задумался. С одной стороны транспортов много, очень много. Надо бы послать людей к 75-миллиметровым орудиям, которых восемь, и которые более скорострельны. Но они защищены только небольшими щитами, рассчитанными на пули, максимум картечь. А с кормы надвигаются еще два линкора и два фрегата. Дав приказание кормовой башне разделаться с оставшимися военными кораблями, он решил действовать тараном. В конце концов две тысячи тонн стали на 14-узловом ходу это довольно много против безоружных корабликов вдвое-втрое меньшего водоизмещения.

Он оказался прав. Один бортовой залп от «Диомеда» и «Ризонабля» и целых два от маленькой, но верткой «Леды» он успел получить прежде чем кормовая башня с ними разделалась. Вот «Нарцисс», как ему по названию и положено, погиб совершенно бесцельно, не успев выстрелить даже из погонных орудий.

Когда в орудийные порты единственного дека накренившейся «Леды» хлынула вода, и стало очевидно, что последний корабль эскадры Попхэма опасности больше не представляет, Муиз-уд-Дин отправил все же людей к орудиям малого калибра. И сам поднялся на мостик.

Броненосец, как пастушеская собака, описывал дугу вокруг сгрудившихся в кучу четырех десятков транспортов. Они уже выучили что попытка прорваться к берегу или уй-

ти в открытое море пресекается снарядом такой силы, что от небольшого кораблика остается только груда щепок.

Несколько в стороне держался маленький «Эспойр» грузно осевший под тяжестью выловленных в море людей с потопленных линкоров.

Расстрелять это безобразие из семидесятипятимиллиметровок можно было бы в течение часа, максимум двух. Но смысл? Они явно не способны к какому-то сопротивлению.

Муиз-уд-Дин взял рупор:

— Генерал Бейрд среди вас есть?

— Нет, сэр, — ответили через некоторое время с ближайшего транспорта. — Он был на «Дуврском Замке», который вы расстреляли первым.

— А кто остался старшим по званию офицером?

— Бригадный генерал Бересфорд, сэр!

— Предлагаю условия капитуляции. Я сейчас отконвоирую всю вашу компанию в Капштадт. Вы становитесь на рейде, потом по одному подходите к причалам, где английские солдаты выходят на берег и сдаются местной милиции.

Возражений не последовало. Но прием капитуляции более чем пяти тысяч английских солдат и моряков Ост-Индской компании затянулся на два дня.

Только к вечеру 8 января последнее из команейских судов было поставлено к причалу и вместо английской команды занято голландцами-сторожами.

Яссенс хотел присвоить все захваченные транспортные корабли. Муиз-уд-Дин не возражал. Обзаведясь торговым флотом, Капштадт начнет торговать во-первых, с Типуабдом, поскольку он ближе всего, во-вторых с Реюньоном. А там глядишь и с голландскими факториями на Цейлоне и Малабарском берегу, или с Бразилией. В общем сделает шаг от полностью зависимой от метрополии колонии к самостоятельному государству.

Единственное, что не майсурец не позволил забрать голландскому губернатору был «Эспойр». Муиз-уд-Дин полчасу разливался в комплиментах его экипажу, проявившему настоящий героизм при спасении товарищей-моряков, после чего предложил его командиру взять на борт столь-

ко офицеров Royal Navy, сколько тот сможет вместить, набрать воды и продовольствия и выметаться из Капштадта ко всем морским чертям.

Еще он потребовал от Янсенса не препятствовать кораблям Ост-Индской компании, которые будут неизбежно заходить в Капштадт, вывозить отсюда пленных англичан.

Янсенс и сам был не против. Кормить или даже трудоустроить эту ораву ему было довольно сложно. Разве что продать Чаке на золотые прииски Мпумаланги. Но как-то так поступать с военнопленными в цивилизованном мире не принято. А так англичане за полгода-год своих повывезут.

Глава 98

Фрегат «Хольгер Данске»

Транкебар 30 января 1806

Петер Анкер внимательно прочитал отчет датского офицера, находившегося на броненосце «Ибн-Базиль Бахш» в бою около Кейптауна.

Вот, значит, как. Высказанное три года назад Рихардом Берингом заявление, что Империя будет бороться попытками англичан установить монополию на торговлю с Индией любыми средствами, оказалось правдой.

Вот они любые средства.

Про Аустерлиц он уже читал. И, видимо, выбивание России из войны не за горами. С одной стороны Трафальгар, с другой Аустерлиц. Похоже та стратегическая обстановка, которую тогда предсказывал Беринг, складывается. А значит англичане и правда могут захотеть закрепить за собой Проливы. То есть любые средства понадобятся вскоре уже Дании.

Конечно, башенный броненосец с 40-калиберными шестидюймовками Транкебару не по карману. Хотя последние три года колония упорно сводит баланс с плюсом. Но Беринг в свое время показывал гораздо более простую конструкцию. Берем обычный паровой фрегат, срезаем борта почти по ватерлинию, то что осталось, бронируем и строим надстройку-каземат.

Вот только «обычный фрегат с паровой машиной» это по индийским меркам обычный. А где в Европе такой взять? Значит надо купить здесь, сложить в трюм броневые плиты и пушки и гнать в Копенгаген под парусами, помогая машиной только в штиты. А там переоборудовать.

В результате Петер лично отправился на одном из проходящих в Парадип за товаром датских кораблей, из Парадипа на паровом дилижансе в Сурат, и там долго торговался.

Имевшихся в распоряжении колонии средств хватило только на то, чтобы воткнуть паровую машину в старый майсурский линкор, который был уже три года как разоружен. Но зато удалось прикупить казнозарядные гладкоствольные пушки и снаряды к ним, которых наделали к нагпурской войне, но они уже устарели с появлением нарезных шестидюймовок.

В результате в июле ничем не примечательный корабль, по водоизмещению чуть-чуть великоватый для фрегата, но с 500-сильной машиной, вышел из Сурата под датским флагом. В октябре он прибыл в Копенгаген, и там в глубокой тайне был переоборудован. В апреле 1807 года первый в Европе броненосец береговой обороны «Хольгер Данске», принадлежащий не военному флоту, а торговому дому Харроп и Стевеносон был готов выйти в море.

Глава 99

Каникулы Кришнараджи Водейяра

Майсур, 20 мая 1806 года.

— Ты хочешь отправиться в путешествие? — спросил 12 летнего раджу Майсура, Кришнараджу Водейяра, регент и первый министр Пурнайя.

— Конечно хочу! — ответил мальчишка. — А куда?

— В Империю. Тебе пора уже учиться тому, как управляются разные государства. Оставаясь в Майсуре ты много не увидишь. Поэтому я хочу тебя отправить на летние каникулы в Татту.

— Но, дядя Кришначарья, в Татте же правит сын Типу-султана, Мухи-уд-дин. Я для него враг, занявший его законный трон.

— Молодец, — похвалил мальчика регент. — Ты знаешь про политику субконтинента то, что известно всем. Но есть и второй слой. Мухи-уд-дин прекрасно знает, что его отец лишил власти твоего отца. Поэтому он хочет выгнать из Майсура англичан, но не имеет ничего против тебя лично.

— Но я тоже хочу выгнать из Майсура англичан.

— Да, и это возможно только при помощи императрицы Ясины и сыновей Типу Султана, которые ей служат.

Поэтому тебе надо познакомиться и подружиться с ними, причем так, чтобы англичане этого не знали. Для всех ты будешь отдыхать в отдаленном поместье в горах. А реально ты с доверенным слугой перевалишь горы и спустишься на прибрежную равнину Кералы. Туда, где река Валапататанам достаточно глубока, чтобы по ней мог подняться имперский корабль. Вам придется проскакать примерно сорок миль.

Сборы раджи на летние каникулы, это занятие не одного дня. Так что получилось так, что только через неделю Кришнараджа добрался до своей летней резиденции в Нангале.

Регент Пурнайя сопровождал его дотуда и в тот же день отправился обратно в Майсур. Государственные дела не позволяли ему оставить столицу княжества надолго.

В Нангале не было телеграфа. Не было и английских шпионов. Поэтому никто не узнал, что на следующий же день юный раджа в сопровождении одного слуги, отставного уланского сержанта по имени Хейдар, на закате покинул поместье.

Утром они поменяли лошадей в небольшой деревушке и к позднему обеду оказались в маленькой деревушке Колтхурутхи на берегу широкой реки.

* * *

Колтхурутхи, 30 мая 1806 года

Через час после заката Хейдар разбудил Кришнараджу, который после тяжелой скачки, занявшей всю ночь и полдня свалился в кровать как только его спутник договорился о постое с каким-то крестьянином.

Все мышцы у юного раджи болели от непривычной нагрузки, но он дисциплинированно поднялся и последовал за своим проводником на берег реки.

Им пришлось посидеть на берегу под пение москитов довольно долго. Но вот наконец, снизу показалась какая-то темная масса бесшумно скользившая вверх по течению.

Хейдар открыл крышку потайного фонаря и послал в ее сторону несколько вспышек. В ответ замигал очень яркий огонь. От темной массы отделилось пятно поменьше, и пошло к берегу. Когда оно оказалось совсем близко, оно превратилось в обычную гребную шлюпку-четверку. На ру-

ле сидел молодой человек лет двадцати — двадцати пяти. Давай, шёпотом сказал он мальчику.

Тот запрыгнул в шлюпку и уселся на носовой банке. Шлюпка отошла от берега и беззвучно пошла к черневшей посредине реки массе. Вблизи эта масса оказалась довольно большим, футов двести длиной, хотя и очень узким кораблем, сделанным из железа и покрашенным от ватерлинии до мачт в какой-то неброский серый цвет, разобрать который в темноте было невозможно.

Гребцы закрепили висящие у борта гали и шлюпку выдернули на борт со всеми людьми.

— Ты в каюту, или на мостик? — спросил у Кришнараджи молодой человек, руливший шлюпкой.

Юный раджа слегка обалдел от такой фамильярности:

— Ты знаешь кто я?

— Знаю, — улыбнулся его собеседник. — А ты не знаешь кто я. Будем знакомы, я Муиз-уд-Дин Султан, четвертый сын Типу. Дальше знакомиться будем утром, потому что сейчас я нужен на мостике. Надо выходить в открытое море, по узкой реке, без бакенов, во враждебной стране. Я не могу это полностью скинуть на подчиненных. Хочешь пошли со мной, только сиди тихо в уголке и не задавай слишком много вопросов, не до тебя будет.

Вблизи корабль уже не производил впечатления беззвучности. Палуба слегка подрагивала под ногами от работы машин, лотовый на носу в голос объявлял отметки глубины, команды рулевому стоящий у машинного телеграфа Муиз-уд-дин тоже отдавал не шёпотом.

Тем не менее, у Кришнараджи создалось впечатление что корабль крался по реке на цыпочках. Когда вдруг берега раздались и перед носом корабля открылось бескрайнее море, он понял что это впечатление было справедливым. Муиз-уд-дин резко бросил вперед обе ручки машинного телеграфа и корабль прыгнул вперед как затаившийся в засаде тигр.

Перед носом вспухали белые буруны разрезаемой волны, за кормой бурлила пена, взбиваемая винтами. Черный дым из двух труб стелился чуть ли не горизонтально.

— Вау, — не смог сдержать восторга Кришнараджа. — Как здорово. Никогда раньше не плавал с такой скоростью.

Муиз-уд-дин оторвал взгляд от горизонта и повернулся к пассажиру:

— Знаешь, я тоже до этого корабля ни разу не ощущал, что такое двадцать пять узлов. Хотя, конечно, двадцать узлов на маленьком катамаране ощущаются сильнее, чем двадцать пять на эсминце.

* * *

Татта, 3 июня 1806

Когда эсmineц «Маратх» под командой Муиза-уд-Дина ошвартовался в порту Татты, четвертого Майсурского принца на причале встречали оба старших брата.

Муиз-уд-Дин представил Кришнараджу обоим братьям и спросил:

— Мухи, а ты что не в Африке?

— Да вот, Ясмина решила что Типуабат для меня маловат стал. Дала два месяца отпуска и велела после этого принимать Гуджарат.

— А ты, Халик?

— Мой полк сейчас расквартирован тут, в Синде. Так мы можем показать Кришнарадже не только современный военный корабль, что ты уже сделал, но и современную армию.

Глаза у юного раджи, естественно, загорелись. И следующую неделю он торчал на полигоне и в военном городке Первого бронекавалерийского полка армии Ясины. Подозреваю, что лично Лейк дал бы немало, лишь бы оказаться на его месте. Но Лейку этого никто не показывал.

Полк Абдула Халика был укомплектован ветеранами, прошедшими как минимум Удджайн и Нагпур, а кое-кто и под Джайпуром успел повоевать. Мы рассматривали эту часть как заготовку для первой полноценной механизированной дивизии, если не корпуса. Вот сейчас освоят эти люди технику и тактику блицкрига, будем полк разворачивать сначала в бригаду, а через пару кампаний и дальше. Все нынешние рядовые станут сержантами, взводные — батальонными командирами и так далее.

Поэтому с самого начала сюда изо всей армии отбирались лучшие. Ну, кроме сикхов. У тех были свои элитные

подразделения, к которым Ранджит Сингх относился очень ревниво. Это будут горные стрелки и парашютисты, спецназ. А здесь те, кто пойдет в наступление.

Поэтому здесь редко какому бойцу было меньше тридцати лет, все грамотные, все умеющие держать в руках не только винтовку, но и гаечный ключ. И к мальчишке, проявляющему такой неподдельный интерес к их любимой технике, они относились по-отечески.

А еще здесь целый батальон был укомплектован ирландцами. В отличие от традиционной для индийских армий ситуации, когда европейские наемники служат на офицерских должностях, а рядовые местные, здесь ирландцами были все. И Абдул Халик знал, что при разворачивании батальона в полк, а потом и в бригаду, эта ситуация сохранится. Но, естественно, об этом не распространялся.

Юный Водейяр облазил все виды машин, бывших на вооружении у полка, от 12-тонных колесно-гусеничных танков, клонов БТ-7, только с двумя шестицилиндровыми паровыми машинами Добра вместо бензинового двигателя, до последней обозной полуторки. Надо сказать, что в этом полку, несмотря на название, лошадей не было совсем. Только машины.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Через неделю Абдул Халик решил, что техники Кришнарадже хватит, и сплавил его Мухи-уд-Дину.

Тот устроил юному радже парочку экскурсий по торговому порту Татты, благо его тут все прекрасно помнили еще по тем временам, когда пять лет назад он тут был субударом.

А потом предложил поехать на охоту. Как выяснилось, где-то в приречных лесах низовьев Инда завелся тигр, наносивший немалые убытки крестьянскому скоту.

Как объяснил он своему подопечному, корова у индустов считается священной не просто так, а потому что от коровы и вола зависит жизнь крестьянина. И если какая-то драная кошка покушается на этих драгоценных животных, то она не лучше людоеда, и долг дворянина — защитить вверенных ему императрицей людей от разорения и, возможно, голодной смерти.

Кришнараджа многократно читал описания охоты ра-

джей на тигра. Всегда это были сотни загонщиков, слоны, десятки шатров, слуги, пиры. В общем грандиозный пикник на природе, а не охота.

Ничего похожего в этот раз не было. Погрузили на речной грузопассажирский пароходик, ходивший до Мултана, приставая у каждой прибрежной деревушки, четырех верховых лошадей и парочку вьючных, и отправились вчетвером — Мухи-уд-дин, его денщик, Кришнараджа и один местный следопыт.

Когда Кришнараджа спросил, почему так скромно, Мухи-уж-Дин ответил:

— Мы же на охоту едем, а не людей посмотреть и себя показать. Те королевские охоты, про которые ты читал, а я успел поучаствовать при дворе отца, ставят целью не добыть зверя, а покрасоваться друг перед другом.

Они проехали от пристани десяток миль, и остановились в небольшой деревушке. Следопыт спрашивал местных, когда они последний раз видели следы тигра, а Мухи-уд-Дин поил лошадей у местного колодца, пытаясь остаться незаметным. Водейяр ему помогал, как мог.

Вдруг из одного из домиков вышла молодая женщина с кувшином и подошла в колодцу. Поставив кувшин на землю, она бросила взгляд на возившегося у колоды для поения скота человека в запыленной полевой форме без знаков различия и всплеснула руками:

— Субудар-сахиб! Это вы!

Мухи-уд-дин взгляделся в лицо крестьянки и тоже узнал ее:

— Да, Душьянта, это я. Как вы, отсроились? Как малютка?

— Уже ходит и учится говорить. Мы назвали мальчика Топчулана, Пушка.

— Хорошо. Вот подрастет еще немного, назначу ему стипендию, пусть едет в Лахор учиться на инженера, а когда выучится, отольет мне пушку лучше той, что тогда пришлось утопить.

Душьянта скрылась в доме с кувшином и вскоре появилась, таща за руку двухлетнего карапуза. По мальчику было видно, что голодать ему не приходится.

— Вот, сморит Топчу, это дядя субудар. Он самый глав-

ный в нашей провинции.

— Уже нет. Я теперь буду субудар в Гуджарате.

Когда крестьянка увела мальчика, Кришнараджа спросил у своего спутника:

— А что это за история с пушкой?

— Понимаешь, в позапрошлом году было сильное наводнение. Они здесь вообще-то регулярно случаются. Естественно, все корабли, которые мы смогли собрать, занимались спасением людей из затопленных деревень.

И вот я на «Черепаше» тоже. «Черепаша» штука мелко-сидящая, по затопленным полям прекрасно проходит. Ну и набилось на борт спасенных столько, что уже в огнеметные бойницы волна почти захлестывает. А тут проплываем мимо купы полузатопленных деревьев, и на них сидит семья вот этой женщины. Она тогда беременная была вот этим мальчиком, ну и муж ее, какие-то старшие родичи, в общем человек семь.

Ну не выдержит кораблик еще полтонны груза. А оставить и вернуться за ними потом нельзя, течение вот-вот эти деревья вырвет. Тогда я приказал выбросить за борт пушку. Облегчили кораблик, спасли и этих людей тоже, вывезли их к Хайдарабаду, там большой лагерь для спасенных был.

Мне потом Рихард-сахиб втык сделал. Мол, спасательная операция спасательной операцией, а разбазаривать корабельное имущество нечего. Надо было сразу догадаться и в порту обе пушки оставить. Заставил из своего жалования новую пушку оплачивать. Правда, награда за спасенных мне тоже полагалась, и одно другое почти перекрыло.

* * *

Вернувшись в Майсур Кришнараджа Водейяр рассказал об этой истории Пурнайе. И добавил:

— Я тоже хочу править как Мухи-уд-дин. Чтобы можно было приехать в любую деревню без охраны и меня узнавали и благодарили.

— Ты очень прав, малыш, — ответил регент. — Но это непростая задача. Вот смотри, например, — и он расстелил на столе карту окрестностей Майсура, — вот здесь можно построить плотину. Образуется вот такое водохранилище,

и люди пашущие землю здесь, здесь и здесь перестанут страдать от жажды. Но вот эту, эту и эту деревни затопит. Их придется переселить. Как ты думаешь, благое это дело или нет?

Кришнараджа прикинул площадь затопления и площадь орошения, и сказал:

— Благое. А у плотины можно поставить завод, чтобы вода колеса крутила. И тогда часть тех, кто покинет свои дома, сможет устроиться на него, и из крестьян стать ремесленниками, подняться в статусе.

— Э, у нас тут не Лахор, — возразил Пурная, — где рабочий с механического завода ходит по городу гордый, как воитель. Не все крестьяне согласятся что переход в ремесленники это повышение статуса. Владеть землей считается престижным.

— А всех и не надо. Кто хочет пусть идет на завод, а на освободившиеся поля посадим тех, кто хочет остаться земледельцем.

— Считать надо...

Молодой раджа достал свою записную книжку:

— А у меня все уже посчитано.

— Откуда? — удивился регент.

— Ну знаешь, этот проект ты не из головы выдумал. Его тебе подкинула имперская разведка. Через честных торговцев, которые хотят на этом нажиться, естественно. Поэтому у Мухи-уд-Дина в Татте он тоже был и мы с ним потратили несколько вечеров, разбирая преимущества и недостатки разных вариантов.

Глава 100

50000 тонн железа

Дели, 30 июня 1807

Корнуоллис примчался в Дели со всей возможной скоростью. Как он ухитрился за три дня добраться от Калькутты до Бенареса, это совершенно непонятно. Но от Бенареса до Дели уже вполне функционировала железная дорога, и курьерский поезд доходил за сутки.

Откуда генерал-губернатор успел так быстро после заключения Тильзитского мира узнать о присоединении России к континентальной блокаде? Вроде ж в европейских газетах, которые с момента пуска телеграфной линии Европа-Лахор, передаются в Дели и Калькутту по телеграфу, этого условия не публиковали. Или оно просчитывается?

Никаких специальных инструкций к нему не поступало, это наша служба контроля за телеграфом могла гарантировать. Только обычные новости. Но новости из Тильзита пришли в тот же день. До Тильзита русские уже телеграф дотянули.

Кстати, телеграфная связь с Англией, по линии, идущей через Афганистан, Хорезм, Россию и Швецию вполне продолжала работать. Ей совершенно не мешало то, что Швеция находится в состоянии войны с Наполеоном, а Россия уже нет. Будем надеяться что в секретных протоколах Тильзитского мира в этой реальности нет ничего про прерывание связи Англии с Индией. А то ведь Империя Моголов ни с Россией ни с Францией не ссорилась, а если наши

телеграфные линии начнут резать — поссорится.

В общем, почему заключение мира Франции с Россией так взволновало генерал-губернатора Британской Ост-Индской Компании, и причем здесь Империя — понятно. Поставки железа и пеньки, необходимые Королевскому Флоту, прекратились. И нужно срочно изыскивать замену. А у кого в этой реальности есть в достатке доменные печи и мартены (вернее, здесь они называются лебоны)? Только у нас. Я уже начал прикидывать, какие железнодорожные проекты можно свернуть и строительство каких мостов притормозить, чтобы выделить необходимые количества железа на экспорт.

Все же, несмотря на то, что за прошедшее десятилетие мы построили очень неплохую по местным меркам металлургию, железа нам постоянно не хватало.

Но тут Корнуоллис озвучил цифры. Оказалось, Англия закупала в России всего три миллиона пудов железа в год. Меньше 50 тысяч тонн. Да столько у нас на складах готовой продукции лежит. Поднять выплавку на такое количество, для нас это всего два процента, мы можем особо не напрягаясь, только платите.

— Первое, — стала ставить условия Ясмина. — Доставка железа в Великобританию на наших кораблях. Первый корабль, семь с половиной тысяч тонн груза, выйдет в море через сутки, максимум двое, после того, как мы получим официальное сообщение о том, что английский парламент внес поправки в Навигационный Акт, включив Империю в число тех стран, которые могут ввозить в Англию свои товары на своих кораблях.

Насколько я понимаю, это и в ваших интересах. Флот Компании состоит из полутора сотен небольших тихоходных судов, грузоподъемностью не более 500 тонн. Они полностью загружены перевозкой селитры, тканей и прочих традиционных товаров вашей Компании. Увеличить грузопоток на 50 тысяч тонн в год вы не в силах. Для нас 50 тысяч тонн это 7 рейсов любого из наших новых пятимачтовых барков. Учитывая их скорость, они обернутся минимум четыре раза в год. Нам придется выделить на эту линию только два корабля. Столько у нас есть.

Более того, мы можем пойти на задержки по бразиль-

ским контрактам и поставить сейчас на линию четыре корабля. Чтобы в текущем году доставить вам 50 тысяч тонн, хотя полгода уже прошло.

Теперь пенька. Нет, увы, у нас нет 3 миллионов пудов пеньки. Наша конопля, как вы знаете, больше подходит для того, чтобы ее курить, чем для изготовления канатов, да и таких холодных рек как в России, для её вымачивания у нас нет. Но могу предложить вам джут. Мы сами используем сейчас в нашем флоте преимущественно его, плюс еще хлопковую ткань тройного плетения для парусов.

* * *

Лондон, 1 июля 1807 года

— Это что, передавалось открытым текстом? — спросил герцог Портленд, премьер-министр, у Джорджа Кэннига, секретаря иностранных дел, протягивая ему лист с эмблемой Императорского Могольского Трансконтинентального телеграфа.

— Видимо, да. Не знаю, как в ОИК, но когда наши посылы в Петербурге или Стокгольме шлют шифротелеграммы, на таких листах приходят бессмысленные группы букв и цифр. А наши шифровальщики пишут уже на бланках Фортин Оффис.

— Значит это читали в Петербурге?

— Наверняка. И в Стокгольме тоже. А что это?

— Это коммерческое предложение, которые Императорские Мастерские Дели делают Казначейству Великобритании. Поставки железа, стали и джута в количествах, сравнимых с прошлогодним российским экспортом, но сильно дешевле. Потом смотрите, что они нам предлагают: тут десяток разных сортов стали, я уже отправил копию с курьером в Вулвич Конгреву, этот молодой человек разберется, что нам нужно и зачем. Кроме того — откованные клинки для кавалеристских сабель и палашей принятого у нас образца, ружейные стволы, лопаты и кирки, всякое мелкое чугунное литье и кованные детали для флота, гвозди разных размеров. И всё это на вес, по цене от полутора до двух цен стальных слитков. Причем с доставкой «В любую защищенную бухту Британских островов с глубинами не менее 30 футов. Перегрузка на баржи входит в стоимость»

— По-моему, совершенно замечательно.

— Мне так не кажется. Я посоветовался с Хавкесбери, и он полагает, что мы фактически уьем английскую промышленность, если закроем потребности армии и флота импортом. Но вариантов у нас нет. Надо соглашаться.

* * *

Ливерпуль, 20 августа 1807

Несколько пожилых людей в одежде, выдающей зажиточность, стояли на берегу эстуария реки Мерси и наблюдали за тем, как из моря в устье реки заходит огромный пятимачтовый корабль. Вот он лег в дрейф и стал спускать два огромных паровых катера, пары в которых были разведены заранее.

Катера приняли буксиры, один с носа, второй с кормы и принялись сноровисто разворачивать гиганта вдоль течения реки.

Рядом с пожилыми людьми стоял молодой человек в форме капитана Королевского флота, а рядом с ним юноша, почти мальчик, в форме мичмана.

— Капитан Кохрейн, — спросил мальчик. — А как они ухитрились построить такой большой корабль, что он не переламывается на волне?

— Не знаю, Фредерик, — ответил тот. — Говорят что они строят корабли из железа. Но так вот с виду по нему и не скажешь. Покрашен белой краской, как обычный деревянный.

— Молодой человек, — вдруг обратился к нему один из пожилых джентльменов. — Если вы рассеете наше невежество по части некоторых аспектов морского дела, мы постараемся помочь вашему юному другу в с вопросами, связанными с железным строительством. Позвольте представиться, Джон Уилкинсон, промышленник.

— Томас Кохрейн, капитан Королевского Флота. А этот юноша — мичман Фредерик Маризтт, можно сказать мой подопечный.

Фредерик тем временем забыл про огромный корабль и буквально ел глазами своего собеседника. Вернее его шляпу-котелок. Уилкинсон заметил это и улыбнулся.

— Что, юноша, впервые видишь железную шляпу? Она действительно из железа, можешь потрогать, — с этими

словами он снял с шляпу с головы и протянул юному мичману. — Как видишь, из железа можно делать шляпы. И корабли тоже можно. Я уже пробовал. Правда, не такие большие как мистер Серж ибн-Базиль строит в Карачи, но всё же. И мосты можно. И даже можно добиться того, чтобы оно весило меньше, чем деревянная конструкция такой же прочности.

Но мне бы хотелось посмотреть на это чудо техники поближе.

Тем временем барк встал на якорь прямо напротив компании джентльменов. Один из катеров отделился от него и запыхтел по направлению к баржам, стоящим у берега прямо у ног собеседников. Когда катер подошёл к берегу, Уилкинсон попросил Фредерика отнести командиру катера свою визитную карточку для передачи капитану барка.

Прочитав фамилию на карточке, командир вскочил на кницу и, взяв в руки по довольно большому флажку, начал ими размахивать. Вахтенный на шканцах барка тоже вытащил флажки и стал что-то отвечать, пользуясь той же сигнальной системой. Потом молодой человек в чалме, вальяжно прогуливавшийся по шканцам что-то ему сказал, и тот замахал флажками еще интенсивнее.

Фредерик выскочил из катера и бегом подбежал к Уилкинсону:

— Сэр, капитан Муиз-уд-дин Султан приглашает вас и ваших спутников на посетить его корабль в любое удобное для вас время. Хоть на этом катере.

Потом посмотрел на Кохрейна умоляющим взглядом.

— Муиз-уд-дин говоришь? — переспросил тот. — Сэр, вы позволите нам с Фредериком войти в число ваших спутников.

— Да пожалуйста, — сказал Уилкинсон, которому юный мичман был чем-то симпатичен. — А вы где-то уже слышали имя этого капитана?

— О, да — ответил Кохрейн. — Во-первых, это майсурский принц, один из сыновей Типу Султана. Во-вторых, во время войны за Гуджарат шесть лет назад, он командовал отрядом броненосных паровых канонерок. В-третьих, полтора года назад на Сандвичевых Островах он возглавил флот короля Каумауалии в войне с королем Камехамеха.

Камехамеху поддерживали британские купцы. У него были корабли европейской постройки, пушки и ружья в больших количествах.

У Каумауалии не было ничего кроме туземных пирог и некоторого количества ружей. Когда железные изделия Лахорского механического завода пускают ко дну арабские доу, это неудивительно. Гуджаратскую войну выиграли не майсурские принцы, её выиграли Рихард Беринг и ибн-Базиль.

Но разгромить флот из десятка шлюпов и шхун европейского образца с помощью флота из туземных пирог, это уже собственное достижение вон того молодого человека на шканцах барка.

Паровой катер быстро доставил джентlemenов к высокому борту огромного корабля.

Около борта уже стояли несколько речных барж, на которые перегружались огромные связки железных полос. Где-то под палубой пыхла паровая машина, вращая барабан лебедки. Короткая команда и прикрепленный к ноку грота-рея трос после опускания связки железа на баржу, завис над катером. Уилкинсон и Боултон не без некоторого страха влезли в сетку, прикрепленную к крюку и их плавно подняли на палубу. Фредерик Мариэтт и Кохрейн давно уже были там, забравшись по штурмтрапу.

В капитанском салоне куда любезно пригласил гостей Муиз-уд-Дин уже шипела лахорская кофеварка, вокруг которой суетился вестовой.

— Как я погляжу, у вас совсем нет пушек, — сказал Кохрейн.

— Ну вы же понимаете, что каждая пушка это пара тонн железа, которое нельзя разгрузить в порту назначения. Да, конечно, у меня водоизмещение почти десять тысяч тонн, но это же не повод разбазаривать его на всякую ерунду.

— В Европе идет большая война и вы спокойно везете груз в одну из воюющих стран на безоружном корабле?

— Ну, во-первых, меня ещё догнать надо. Вы удивитесь, узнав какую скорость развивает этот, с виду неуклюжий корабль. При таком ветре как сейчас, подняв лиселя, я спокойно буду иметь двадцать узлов на лаге.

— Двадцать?! — изумился Кохрейн. — Но как?

— Во-первых, обводы. Вроде оно и на кирпич похоже. В Сурате шутят, что в Карачи корабли строят милями, а перед спуском на воду режут на кабельтовы. Но отношение длины к ширине 1 к 9. У вас лучшие фрегаты в лучшем случае 1 к 4. Чтобы волна не сломала корпус с соотношением 1 к 9, набор должен быть из стали. А ни одна другая характеристика не влияет на скорость так как отношение длины к ширине. С 1800 года у нас строят корветы с железным набором и деревянной обшивкой, с соотношением 1:6. Они безумно красивы — корпус похож на индурский клинок, огромные мачты и реи, высота грот-мачты чуть ли не с длину корпуса. Но 17 узлов — предел.

К тому же еще имеет значение размер. Вот этот барк имеет 470 футов в длину. А типичный ваш фрегат не больше двухсот. А дальше — чистая математика. Если мы берем любой предмет, и увеличиваем его длину в два раза, а остальные размеры пропорционально, площадь вырастет вчетверо, объем в восемь раз. Для скорости тоже есть свой показатель степени. Конечно, он всего половина, то есть при сохранении пропорций скорость растет лишь пропорционально корню длины. Но все равно этот барк ходит в полтора раза быстрее, чем ходил бы такой же корабль длиной с ваши фрегаты.

Поэтому в Атлантике сейчас просто нет военного корабля, который бы смог догнать меня. Ну а если такой вдруг появится, скажем бермудские корсары из шкурки вывернутся и сделают шлюп, способный развивать двадцать узлов, у меня найдется чем их встретить. Кроме пушек на свете бывают ещё огнеметы и противокорабельные ракеты.

Кохрейн бы ещё долго беседовал с Муизом-уд-Дином, но долг гостеприимства обязывал капитана обратить внимание и на старших гостей.

— И сколько вы нам привезли железа, — поинтересовался Уилкинсон.

— Пять тысяч тонн. И две тысячи тонн джута. Ну еще пятьсот тонн всяких мелочей. Кофеварок, кинжалов с ювелирно оформленными рукоятями, часов, биноклей. У нас последнее время механические ремесла необычайно рас-

цвели.

Если грузить корабль одним железом, метацентрическая высота будет слишком велика, и качка будет расшатывать рангоут. Поэтому приходится брать смесь разных грузов.

Когда гости вернулись на берег, Фредерик спросил у Кохрейна:

— А у них что, в индийском флоте правда подводные лодки есть?

— Не знаю, — ответил капитан. — Я помню в Портсмуте говорили, что Фултон во Франции хотел построить подводную лодку, да Джарвис его вовремя в Англию сманил. А с чего ты решил?

— А помнишь, речь зашла про канареек? Муиз-уд-дин тогда сказал: «Ну это все равно как канарейка в подводной лодке. Если воздух портится она теряет сознание первой, и у моряков есть возможность принять меры»

Кохрейн задумался. Он вспомнил эту реплику майсурского принца. Самое главное в ней было то, что она была сказана мимоходом. Как нечто общеизвестное в индийском флоте. Ну вроде того, как английский моряк мог бы сослаться на число румбов в картушке компаса.

А это значит, что у индийцев не просто есть подводная лодка. Это значит что у них есть достаточно много подводных лодок, чтобы они стали обыденностью. Надо будет по возвращении в Портсмут поговорить с Фултоном.

Глава 101

Копенгаген, ракеты и броня

9 сентября 1807 года, Копенгаген

Британский флот приближался к Копенгагену. Более 50 кораблей против менее 40 датских. Казалось бы, против такой силы у датчан нет никаких шансов.

Вдруг из гавани показалось странное сооружение, над которым поднимался столб черного дыма.

— О, гляди-ка паролод! — воскликнули офицеры, столпившиеся на шканцах «Центавра», флагмана командира авангарда Сэма Худа (не путать с его дядюшкой, тоже Сэмом и тоже адмиралом, ныне возглавлявшим Гринвичский Госпиталь, так как здоровье не позволяло ходить с море).

Паролод приближался, и можно было уже разглядеть что над низкими бортами возвышается прямоугольная конструкция с сильно наклоненными внутрь стенами, в боках которой зияют пушечные порты. Над этим торчала дымящая труба и тонкая как тростинка мачта, на которой развевался датский флаг.

— О, да это броненосец! — воскликнул один из офицеров.

— Позовите Хонимана! — приказал капитан Вебли, командир линкора.

Роберта Хонимана, бывшего командира 38-пушечного

фрегата «Леда» пихнули к нему вахтенным начальником чуть больше года назад, когда в Портсмут пришел небольшой шлюп, доставивший выживших после попытке десанта на Мыс Доброй Надежды офицеров эскадры Попхэма.

И теперь это был единственный в эскадре Гамбье офицер, имевший опыт сражения с броненосцами. Говорят он успел положить в противника аж два бортовых залпа, прежде чем тот накрыл его своим огнем.

Хониман появился на палубе, ему показали надвигающегося противника. Офицер долго рассматривал его в подзорную трубу и наконец сказал.

— Похоже, это местное изделие. Индийцы не ставят пушек в таких казематах. Они любят чтобы сектор обстрела побольше, и используют какую-нибудь поворотную башню. Интересно, у него пушки тоже местные или всё-таки у индийцев закупили.

— А какая разница, — поинтересовался кто-то из лейтенантов.

— Ну если у него пушки индийские, то надо сразу спускать то ли флаги, то ли шлюпки. А если местные — можно попробовать удрать.

— Вы полагаете, индийцы продали бы датчанам пушки? — спросил Вебли.

— Продали же они им паровую машину. Неужели вы думаете, что датчане то, что движет их корабль, купили у Боултона и Уатта? Это же явно фрегат, не меньше чем на полторы тысячи тонн. И делает он не меньше девяти узлов. Машины такой мощности умеют строить только в Индии.

Когда борт броненосца окутался черным дымом, Хониман вздохнул с облегчением. Пушки европейские, заряжены нормальным порохом, а не тем черт знает чем, что используют в своих длинноствольных монстрах индийцы.

Но когда одно из ядер, ударившись в борт «Центавра» взорвалось, он подумал, что что-то тут не так. Когда же пушки выплюнули второй залп не более чем через полминуты, он вообще отказался что-либо понимать.

Впрочем тут было не до понимания. Нужно было воевать.

На протяжении нескольких часов эскадра засыпала ядрами этот странный плавучий форт, уворачивалась от его

огня, и теряла, теряла, теряла корабли. К тому моменту когда, было выведено из боя не меньше десятка линкоров, то есть силы примерно сравнялись, зашевелился датский флот, собираясь внести свой вклад в битву.

В этот момент удачливый канонир с «Ориона» ухитрился сбить с датчанина трубу. Клубы дыма теперь валили прямо из крыши каземата. Хониман, который за последний год много времени потратил на общение с Фултоном, надеялся что теперь скорость броненосца упадет, он знал уже насколько для правильной работы парового котла важна хорошая тяга, но почему-то этого не произошло.

На бизань-мачте флагманского «Принца Уэлского» (грот-мачту флагман уже потерял, половина орудий была выведена из строя и на баке горел пожар) взлетел флажный сигнал.

— Как мы раньше не додумались, — пробурчал Вебли. И с угрюмым лицом приказал подавать из трюмов на палубу ракеты Конгрева.

На эскадре было около трех сотен ракет, распределенных по пяти кораблям. И вот теперь, понимая что от ядер и брандскугелей нет никакого толку, Гамбье приказал обстрелять броненосец ракетами.

Почему Вебли был так мрачен, Хониман понял уже через несколько минут, когда «Нассау», который, как и «Центавр» начал изготавляться к ракетной стрельбе, получил разрывное ядро на палубу и вспыхнул как свечка.

За ним последовали «Брюнсвик» и «Голиаф», но вот «Центавру» и «Спенсеру» удалось отстреляться.

Из более чем сотни выпущенных ракет в железный корабль попало от силы штук пять. Они раскололись от удара о броню и по стенам каземата потекло пылающее желе.

Это никак не сказалось ни на маневренности, ни на интенсивности огня. Через несколько минут смесь догорела и только пятна копоти свидетельствовали о том, что новейшее секретное английское оружие не смогло причинить никакого вреда новейшему секретному датскому.

Еще несколько попаданий в «Принца Уэлского» и тот окончательно вышел из боя, передав командование Сэму Худу. Тот сыграл отступление.

Преследовали отступающих англичан обычные, дере-

вянные корабли датского флота. Броненосец уполз обратно в гавань.

Глава 102

Дели-Лондон

Дели, 25 мая 1808

Я уже считал, что закончил дневные дела, как мне вдруг внезапно позвонила по воки-токи лично Ясмина и потребовала срочно явиться во дворец.

Добежать до Красного Форта пешком — быстрее, чем раскочегаривать паровой котел на моей полуторке, но для совсем срочных случаев у меня велосипед есть.

Так что в кабинете императрицы я появился буквально через десять минут.

Ясмина молча протянула мне телеграмму от нашего лондонского резидента.

— Французский флот переплыл пролив и занял цветущий Кент, — пропел я по-русски на мотив известной ролевой песни. Потому что в телеграмме было именно про это — французы начали десантную операцию через Ла-Манш.

— Странно, — сказал я на уже более понятном Ясмине языке. — А где был Royal Navy? Потери которые нанес ему Муиз-уд-Дин в Капштадте и датчане под Копенгагеном явно недостаточны для того, чтобы вот так мышей не ловить.

— Подождем более подробных сообщений. Пока только слухи.

И в этот момент воки-токи у меня в кармане пропищала морзянкой мой позывной. Я вытащил ключ и отбил ответ. О том, что у некоторых раций в Империи есть голосовой

канал, мы старались не слишком распространяться, и поэтому дежурному оператору телеграфа я ответил морзянкой. Он сообщал, что на мое имя пришла сверхсрочная телеграмма из Калькутты от Лейка и интересовался, куда её перенаправить. Я ответил, что на личный императорский телетайп. И через минуту мы с Ясиной уже читали текст.

«Рихард, я прошу вас как человека, которого был бы счастлив назвать своим другом. Вы всегда ко мне хорошо относились, и может быть вы сможете мне помочь. Враг ступил на землю моей Родины, и вы про это наверняка уже знаете. Мои знания и умения, отточенные здесь не без вашей помощи, сейчас необходимы в Англии. Прошу походатайствовать перед императрицей чтобы она переправила меня и двух моих помощников с помощью тех средств, которыми она уже много лет пользуется для быстрого перемещения».

— Забавно. — сказал я, дочитав. — Это все, что их разведка за десять лет сумела выяснить про твои мгновенные перемещения? А что если им и правда помочь?

— Ты хочешь чтобы я попросила кого-то из драконов продемонстрировать истинную форму?

— Нет, ты что, я вон про то, — я указал на окно, выходящее в сторону Джамны, где был виден причал у которого пришвартован личный разъездной самолет Ясины, реплика «Дорнье Валь», уже поставленная Васильичем на поток. Эта машина летала примерно втрое быстрее дракона, поэтому Ясина ей довольно часто пользовалась. — Если мы прокатим Лейка до Лондона на вимане, все будут знать, что это техника такая, и интерес к сверхъестественным способностям Императрицы значительно ослабевает. Но драконы понадобятся. В такой рейс нужно минимум два пилота, твои соотечественники возглавляют список лучших пилотов Империи. Туда бы Фуллу надо. Она от Васильича уже столько всего набрала, так что она не только лучший пилот, но и лучший авиамеханик, не считая самого Васильича. А его я в Англию не отпускаю, пожалуй.

— Но Фулла в Лахоре. Этак мы пока экипаж соберем, потеряем больше времени, чем на сам перелет.

— Ну давай быстро продумаем. Значит сейчас, я вместе с Гамалем лечу в Калькутту. Это пять часов. Там мы

грузим Лейка и летим в Лахор. Это уже подольше, придется за штурвалом меняться. В Лахоре заправляемся, я сдаю должность второго пилота Фулле, и они вдвоем летят в Шага-Дам. Там у нас авиаотряд, который занимается картографированием Каспийского моря, значит заправят их быстро.

Мы тем временем организуем по телеграфу заправку в Стамбуле. Озадачь сразу этим кого-нибудь. Туда вроде уже керосин в достаточных количествах купцы возят. На перелет от Стамбула до Лондона керосина должно хватить. Вот чем они будут заправляться в Лондоне на обратную дорогу — не знаю. Но, пожалуй, до Вены они дотянут и на ворвани или растительном масле. А в Вене опять уже есть купцы, закупающие у нас продукты перегонки нефти. Чем хороши паровые самолеты, пьют все, что горит.

* * *

Калькутта, тот же день

Лейк задумчиво крутил в руках бланк телеграммы:

«Встречайте летающую лодку завтра шесть набережная форт Уильям. Расчетное время прибытия Лондон послезавтра закат. Можем взять шесть человек по 50 фунтов багажа на каждого. Рихард»

Шесть человек, которых бы стоило взять в Англию у него не было. Только полковник Трейси, тот самый лейтенант, выживший десять лет назад под Бенаресом, единственный из английских офицеров. Ну и сын Джордж, неизменный ординарец и секретарь.

Он послал уже слугу к Трейси и договорился о встрече.

На следующее утро диковинная птица плюхнулась в воду Хугли напротив форта Уильям, подплыла к берегу как паровой катер, уже ставший здесь привычным и ткнулась в него носом.

Офицеры быстро заняли спустились в крытый салон и через несколько минут странная машина поднялась в воздух. Салон виманы напоминал кают-компанию небольшой яхты. Кресла, правда стояли лицом не к центру салона, а по направлению движения. Но так было даже удобнее любоваться в иллюминаторы на проплывающую внизу землю.

— У вас есть какие-нибудь новости? — спросил я, когда машина поднялась в воздух. А то последние пять часов я ее

вел сюда от Дели и мне было немножко не до того, чтобы следить за новостями.

— Тем более что в небо не проложены телеграфные провода, — улыбнулся Лейк.

Я усмехнулся в ответ. Лейк был неправ, телеграфные провода в небо у нас как раз проложены. Самолет был оборудован довольно продвинутой радиостанцией, а если еще и выпустить антенный тросик на километр, то, пожалуй, на длинных волнах можно без проблем связаться с Дели из неба над Англией.

— А вы сами водите виману? — поинтересовался Трейси.

— Да, это очень интересное занятие. Хотя до Гамалы, личного пилота Ясины, который сейчас на вахте, и Фуллы, которая присоединится к нам в Лахоре, мне далеко. Она вообще лучший пилот Индии, а значит и всего мира.

— Женщина-водитель виманы? — удивился Лейк.

— Да, а что? — сделал невинное лицо я. — Ясына мне неоднократно говорила, что управлять виманой гораздо проще, чем Империей.

— В последнем сообщении из Англии, полученном мной, — продолжал Джерард, — уже после того, как я сообщил о вашей великодушной помощи, сообщалось что французы настроили толпу паровых десантных судов, вроде вот этих, — он указал на видневшуюся внизу Хугли по которой пытели десятки самоходных барж, везущих в Империю уголь из Парадипа, — дождались штиля и рванули через Канал под прикрытием нескольких броненосцев.

«М-да, — подумал я. — Хэмптон-роуд номер три. В моем мире хватило одного, но там были американцы. А здесь — англичане. Мало им Капштадта, мало Копенгагена. Где, черт возьми, британские броненосцы? Где просьбы увеличить поставки стали, желательно уже в форме броневых плит? Мы б продали. Все равно радиус броненосцев флота Канала будет такой, что Индии они заведомо не угрожают. Муиз-уд-Дин мне до сих пор простить не может эпопеи по переброске «Ибн-Базиль-бахша» в Южную Африку и обратно».

— Остается надеяться, что весь изобретательский гений они потратили на обеспечение высадки, а на суше воевать будут уже привычными способами.

— Их привычные способы, увы, опережают наши на десятилетия. А в моем распоряжении, скорее всего, будет сплошная милиция. Как десять лет назад в Ирландии. И с этой милицией мне выходить против ветеранов Аустерлица и Фридланда, — Лейк тяжело вздохнул.

* * *

Лахор, тот же день.

Сажал самолет в Лахоре я, сменив Гамалю за штурвалом где-то над Агрой. На пирсе уже нетерпеливо подпрыгивала Фулла в летном обмундировании рядом с трехтонной автоцистерной керосина.

— Можете немножко размять ноги, — сказал я англичанам, нагнувшись в салон. — Только не курите вблизи от места, где переливается топливо.

Фулла, понимая свою двойную роль пилота и бортмеханика хотела лично проследить за заправкой топлива. Им предстоял довольно сложный беспосадочный перелет до Шага-Дама через афганские горы, где придется лететь на предельной высоте и пустыню Каракумы. По пустыне, правда лететь придется почти весь путь от Мерва до Шага-Дама практически над дорогой. Но вот горы.

Поэтому инструктировать ее как вести себя с англичанами пришлось около горловины топливного бака.

— Можешь плести им любую чушь, раскрывать информацию, демонстрировать всё, чего нахваталась от Васильича. Это не разведчики, это простые армейцы. Скорее всего ничего, кроме общего впечатления не запомнят.

После того как «Кит» под управлением Гамалю взлетел, я пошел к Васильичу и стал его уговаривать нанести визит в Дели. Благо и правда ему было что обсудить с Тревитиком.

И буквально через час шаврушка, личный разъездной самолет Васильича, поднялся в воздух и взял курс на Дели.

Васильич дооборудовал свой самолет закрывающимся фонарем, поэтому разговаривать в нем можно было спокойно.

— А что ты себе «Кит» не заведешь? — спросил я его, когда машина легла на курс и всего внимания пилота уже не требовала. — вдвое быстрее и радиус действия чуть ли не впятеро больше.

— Ну я ж не коронованная особа, дальний морской разведчик держать в качестве личного авто, — ответил инженер. — ты вот министр, а вообще никакого самолета не завел, одалживаешься то у императрицы, то у меня.

— Злые языки говорят, что ты самый богатый промышленник Старого Света.

— А что, в Новом уже есть богаче? — поинтересовался Васильич. — Вроде же до американского промышленного подъема еще не меньше полувека.

* * *

Тот же день, над Каркумами.

Фулла сменилась с вахты около восьми вечера, когда зелень оазиса Теджен осталась за кормой, а земля уже потихоньку скрывалась в ночной тени, хотя на крыльях самолета еще играли закатные лучи. Она спустилась в салон и начала готовить чай, что-то насвистывая про себя.

Через некоторое время она спросила у пассажиров:

— Вы не возражаете, если я включу музыку? А то скучно как-то.

Англичане не совсем поняли, о чем идет речь, но Лейк кивнул.

Фулла вытащила откуда-то пузатую серебристую шкапулку, открыла круглую крышку сверху, и вставила туда извлеченный из конверта блестящий диск.

Трейси подумал, что это, наверное, что-то вроде музыкальной шкапулки. И правда, заиграла невзыскательная мелодия. Но потом вдруг сквозь нее прорезался хрипловатый, абсолютно немusыкальный мужской голос.

Лейк-младший, который в бытность свою пажом Принца, нахватался по верхушкам основных европейских языков, с удивлением понял, что песня поётся по-русски:

,

.

Чайник закипел, Фулла оттащила одну кружку Гамалю, который приткнул ее рядом с пилотским креслом в, похоже, специально сделанный держатель, а еще четыре выставила на стол, и уселась рядом с ним.

Англичане уже понимали, что в этой вимане слуг нет. Все равные. Поэтому такое поведение девушки их не удивило.

,
...

Раздавалось из странной шкатулки.

— А что такое «турбина»? — спросил Джордж.

— А, ну это такой двигатель, который сейчас Сережа тестирует в Лахоре. На такие же виманы ставить будем. Но на этой еще обычные поршневые стоят. А откуда ты взял это слово?

— Ну вот в песне поется.

— Из песни, конечно, слова не выкинешь, — мечтательно протянула Фулла. Она-то знала про какие именно самолеты написана эта песня, какие там стояли турбины, и мечтала на чем-нибудь таком полетать. Ну не на лайнере, конечно, а на каком-нибудь пилотажном учебно-тренировочным турбореактивным. — А ты понимаешь по-русски?

— Ну, немножко. В молодости повезло некоторое время быть при дворе, а там легко нахвататься всех европейских языков.

После чаепития Фулла предложила англичанам устраиваться спать, показав как раскладываются спинки кресел. А сама уселась за небольшой столик в углу и начала что-то рассчитывать на логарифмической линейке, напевая: «Самолет летит в ночной Шага-Дам, как бабочка на огонь».

И действительно, до Шага-Дама долетели примерно к полуночи. Воды залива были подсвечены мощными прожекторами, и посадить самолет было несложно. Быстрая заправка, и снова в воздухе. Англичане даже не проснулись.

* * *

Через сутки и пять тысяч километров под крыльями оказался Английский канал. За штурвалом была Фулла, а Гамаль сидел в салоне и смотрел в иллюминатор.

Вдруг он дернул Фуллу за ногу:

— Видишь эскадру слева. Сделай круг.

Слева по курсу пыхтели несколько десятков самоходных барж пересекая пролив параллельными короткими ко-

лоннами. А рядом с ними ползли дымя высокими трубами огромные двухдечные линкоры, лишенные мачт, но закованные в металл.

Еще левее маячил паролод-фрегат под флагом Ройял Нэви, не приближаясь к этому конвою на расстояние выстрела. Закатное солнце отражалось в гладкой воде пролива. Видимо, там царил полный штиль, и основные силы английского флота, лишенные паровых машин, не могли выйти из гавани. А немногочисленные патрульные паролоды французы уже научили себя уважать.

Гамаль схватил цифровой фотоаппарат, притащенный на борт Фуллой, поставил его на автоматическую съемку серий и выставил в иллюминатор. Чем больше кадров этих монстров успеем сделать, тем лучше.

Описав круг над конвоем, Фулла вернулся на курс, ведущий в Лондон. Вот под крылом мелькнули белые обрывы Дувра. По дороге, ведущей от дуврской гавани вглубь страны двигалась колонна войск в синих французских мундирах, пылили пушки и обозные фургоны.

— Сколько ж они высадили, — выдохнул Лейк-старший.

Гамаль бросил в иллюминатор оценивающий взгляд:

— Не так уж много. Мы видели сколько у них десантных барж. Если они содрали наш проект времен гуждаратской кампании, это 200 тонн груза на каждой и пять узлов хода. плюс погрузка-разгрузка, значит рейс туда и обратно у них не меньше 8 часов. Если они настолько обнаглели, что выходят в море ночью, это три рейса в сутки. Но думаю, что не более двух. Они не успели бы подготовить достаточно механиков для двухсменной работы. Значит экипажам барж надо отсыпаться. Так что судя по всему, здесь пока не больше двух дивизий.

— А мы так можем осмотреть все французские позиции?

— Можем. Но на закате хороших снимков не сделаешь. И вообще мы летим из Стамбула на предельную дальность. У нас сейчас керосина впритык до Лондона. Так что я, пожалуй не буду просить Фуллу побарражировать над французскими позициями.

Примерно через полчаса самолет зашел на посадку на Темзу и вскоре уже ткнулся носом в берег непосредственно рядом с Вестминстерским дворцом. На берегу уже

собралась небольшая группка встречающих. Лейк сразу узнал Артура Уэлсли, а вот что это за артиллерийский майор рядом с ним, понял не сразу. Фулла, наоборот, сразу опознала Уильяма Конгрева младшего, главу службы технической разведки.

Конгрев вспомнил свое недавнее ремесло журналиста, и стал откровенно брать у Фуллы интервью:

— Как вы считаете, летающие лодки изменяют облик войны?

Фулла, конечно, знала что да, изменит. Но ей как-то не очень хотелось делиться этим с англичанами.

— Для этого нужны совершенно другие машины. Во-первых, у «Кита» совершенно недостаточная скорость. Ну что такое сотня узлов? Для доставки высших офицеров на театр военных действий или дальней разведки еще как-то годится, но не для воздушного боя. Потом эта машина не способна к резким маневрам. Если я попробую изобразить атакующего сокола, то при выходе из пике у нее просто оторвутся крылья. А попасть, скажем, в батарею или даже линкор с горизонтального полета — нереально.

Так что эти машины годятся только для данной морской разведки. Вот обнаружить эскадру в сутках пути от своих берегов — это можно.

А сейчас прошу меня простить. Я сидела за штурвалом от самого Мюнхена и очень устала. Вообще мы тут уже полтора суток в воздухе, а вимана это всё-таки не корабль, и к многомесячным рейсам не приспособлен.

Вы не подскажите, кстати, где нам тут запастись топливом на обратный путь?

Конгрев развел руками. Где купить в Лондоне три тонны керосина он представлял себе не лучше Фуллы.

Комитет по встрече удалился вместе с пассажирами. А Фулла и Гамаль уселись на крыше пассажирского салона и стали обсуждать дальнейшие действия:

— И правда, Гамаль, что делать? Заправлять баки лампадным маслом и скрестись до Вены, боясь чихнуть? В смысле, один будет лететь, а другой — непрерывно форсунки регулировать?

— О, у меня есть одна идея. Я знаю один мир, где уровень техники не настолько высок, чтобы полеты были пол-

ностью зарегулированы, как в мире Рихарда и Васильича, но достаточно высок, чтобы керосин продавался в любой лавке. Там моя мама керосин покупает.

— А это ты про мир, скала перехода в который в Дхангадхи? Ну, а расплачиваться там чем будешь?

— Золотые соверены из нашего мира там вполне принимают. И в тамошней Англии, и в тамошней Индии.

— И что, мы будем на себе керосин таскать? Ты учти, нам нужно 15 бочек до Стамбула.

— Не, у меня есть идея получше. Вдвоем, да по реке мы вполне можем перетащить туда двухтонную лодку. То есть наш самолет. Только крылья отсоединить надо, чтобы за габариты прохода не вылезли.

— У тебя есть таблицы расчета?

— Я уверен, они есть у тебя. Ты же у нас штурман. И ты зачем-то приволокла из рихардовского мира современный ноутбук с какими-то немереными объемами диска.

Фулла тут же нырнула в салон рассчитывать переход.

В районе полуночи если бы кто-нибудь собрался поразглядывать темноту на Темзе, он мог бы увидеть как два дракона разгоняют лодку примерно с дракона размером и исчезают вместе с ней.

Еще более забавное зрелище досталось обитателям параллельного мира. Там вдруг на реке Дейкия внезапно возникла странная лодка. Вокруг мелькнули две пары драконьих крыльев — золотые и бронзовые и исчезли. А на лодке оказались парень и девушка, вполне прилично одетые.

Потом эта лодка вдруг выехала на берег на каких-то колесах и подъехала к давно известной всем окрестным жителям Скале Перехода. Дождавшись, пока переход откроется, она уехала в другой мир.

— Кстати, а чего мы там керосина так и не купили? — спросил Гамаль, когда они прикручивали на место крылья.

— Просто не успевали. Ты же не хотел еще полсуток ждать следующего открытия Перехода. А здесь наша Империя, и керосина тоже везде хватает. Впрочем, до Дели каких-то 300 километров, остатка в баках хватит.

— А если не хватит? Страшновато мне лететь с почти пустыми баками.

— Не хватит — сядем в Рампуре. Там крупный город, центр джагира, там точно дешевле купим, чем здесь.

Но горючего хватило, хотя и впритык, и всего через шесть часов после высадки Лейка на набережную Вестминстера, самолет ошвартовался у причала Красного Фор-та Дели.

— Ой, Серж здесь, — удивилась Фулла, увидев пришвартованную к тому же пирсу шаврушку. Ох, он мне сейчас вставит за межмировые перелеты!

* * *

Портсмут, 29 мая 1808 года

Пока Артур Уэлсли метался по всем английским дорогам, собирая купленные разными извозопромышленниками паровые дилижансы, а в Вулвиче спешно собирали боекомплекты для трех имеющихся шестидюймовок, клонов тех пушек, которыми Ясмина девять лет назад разрушила храм Кали, Конгрев и Лейк отправились в Портсмут. Им надо было разобраться, можно ли надеяться хоть на какую помощь от Royal Navy.

В Портсмуте они выяснили что Фултон построил подводную лодку «Наутилус-3». По сравнению с предыдущей моделью, она выросла в длину почти вдвое, став длиной с хороший баркас, хотя и заметно уже. Количество гребцов увеличилось до шести, причем рычаги, которые они ворочали, требовали примерно тех же движений, каких требует гребля на обычной шлюпке. Конгрев сразу обратил внимание на это.

— А откуда идея такой системы рычагов?

— Это десять лет назад Рихард Беринг применял на первой «Черепаше». Потом он показал это дело Кольбруку, как пример военной хитрости, вот мол, смотрите, паровой машины у меня не было, но все думали что она есть. А Кольбрук дотошно описал и зарисовал. И это все было опубликовано. Я когда это увидел, и понял насколько был неправ, пытаюсь заставить матросов крутить рукоятки. Сейчас эта лодка может развивать до пяти узлов под водой, и семи на поверхности. Но, к сожалению, под водой уже за два часа становится дышать нечем. Я пробовал выпускать свежий воздух из баллона, но это не помогает. Видимо, мешает не отсутствие свежего воздуха, а наличие тех испарений, ко-

торые выделяет человеческое тело.

— Стойте, стойте! Пристли ведь доказал, что человек при дыхании выделяет фиксируемый воздух. А значит можно это дело зафиксировать и очистить воздух. Я немедленно телеграфирую мистеру Деви, это у нас сейчас в Королевском Обществе лучший специалист по пневматической химии, и может быть ему удастся что-то придумать.

Глава 103

Наш ответ Глуару

Дели, 29 мая 1808

После того как сделанные Гамалем снимки были просмотрены на большом экране, Ясмينا задумчиво почесала в затылке:

— Так, французы уже строят броненосцы на уровне конца 50-х годов? А у нас только броненосцы береговой обороны примерно того же возраста?

— Не только, — возразил я. — У нас есть еще миноносцы, по уровню соответствующие первому десятилетию XX века. И Эммет сделал для них вполне приличные торпеды. Опять же наши броненосцы несколько опережают исходный проект по машинам и артиллерии. Так что они «Глуар» обгонят, в отличие от прототипов.

— А главное, — добавил Васильич, — мы через месяц будем спускать на воду первый корабль новой серии. Океанский крейсер—восьмитысячник. Три двухорудийных башни с линейно-возвышенным расположением, двадцатиузловой ход. И дальность экономического хода — от Карачи до Типуабада без бункеровки.

— Главный калибр опять 150? — поинтересовалась императрица.

— Да, конечно. У прототипа стояли еще две восьмидюймовки, но наши 150 по дальности и бронепробиваемости им не уступают, а по скорострельности превосходят. Поэтому я потратил эти тонны водоизмещения на улучшение

возможности маневра огнем и защиты расчетов.

Глава 104

Битва при Дувре

Булонь, 1 июня 1808 года

Получив победную реляцию от Даву, что, мол, тот уже занял Кентербери, Наполеон Бонапарт решил немедленно вмешаться в эту авантюру, добро на которую он некоторое время назад дал с большим скрипом.

У него не было тогда надежды на успех, но вот теперь у Даву что-то получается. А слава победителя Англии должна быть у Императора Французов, а не у какого-то там маршала. Поэтому первое утро лета 1808 года застало Наполеона на борту паровой шаланды, набитой артиллерийскими припасами, выходящей из Булони среди пары десятков подобных себе под прикрытием трех закованных в железные панцири линкоров.

Штиль в Ла-Манше уже прекратился и к западу от французского конвоя дефилировали не только считанные английские пароходы-фрегаты, но и куда более многочисленные парусные корабли. Впрочем, прорваться мимо французских линкоров, превосходивших парусники по скорости и по маневренности им не удавалось.

И вот уже баржи с пополнением и припасами заходят в гавань Дувра. Но стоило им начать разгружаться, как откуда-то из-за холма вылетели сотни противно свистящих ракет и обрушились на порт, разбрызгивая какую-то мерзко пахнущую зажигательную смесь.

Император еле успел спрыгнуть на причал, как одна та-

кая разорвалась над баржой, на которой он переплыл Ла-Манш, и та мгновенно вспыхнула.

К счастью, ракетный налет продолжался недолго. Но не успел он прекратиться, как откуда-то из-за меловых холмов начали прилетать бомбы дальнобойных гаубиц и взрываться среди выгруженного на причал добра, создавая огромные воронки.

Линкоры рискованно подошли к самой кромке мелководья и, удерживаясь на месте работой машин, начали пытаться вступить в артиллерийскую дуэль с невидимыми орудиями. Правда почему-то наводчикам невидимых орудий было прекрасно известно, где находятся корабли. Не прошло и 15 минут, как «Глуар» лишился трубы.

Потом вдруг раздался страшный взрыв у борта «Императора» причем со стороны залива. Новейший корабль, по цене сопоставимый с тремя обычными линкорами, начал крениться, вскоре из труб его вместо дыма повалили столбы пара, потом он вздрогнул, выбросившись на мель. Через некоторое время по неподвижному кораблю пристрелялись эти загадочные пушки, снаряды которых с легкостью пробивали броневую палубу и взрывались внутри, вызывая пожары. Единственный оставшийся неповрежденным «Инвинсибл» вместе с Глуаром повернул в море.

И тут батарея гаубиц опять перенесла огонь на причалы. И осколок шестидюймового снаряда вошел императору французов в лоб, прервав его феерическую карьеру.

Это было немедленно замечено и в Дувре началась паника. Если еще несколько минут назад тут формировали колонну, которая должна была форсированным маршем дойти до позиций этой сумасшедшей батареи, то теперь уже никто об этом не думал.

* * *

Ла-Манш, тот же день

Капитан Кохрейн стоял в рубке «Наутилуса», мирно лежащего на спардеке парового фрегата «Юникорн» и старательно вспоминал все известные ему ругательства.

Да, он сам напросился. Залезть черту в зубы и порвать неуязвимый для обычных пушек французский линкор. А не торчать как ценный груз на палубе фрегата, который под огнем стремится подобраться ближе к французскому коно-

вою.

Ну наконец, прозвучала команда и тали потащили железный цилиндр вверх. Еще немного и подводная лодка закачается на воде. Наконец в иллюминаторы рубки стало что-то видно. Ага, понятно, линкоры прижались к мелям и обстреливают какую-то береговую цель, почти не двигаясь с места. Идеальная ситуация для подводной лодки, которая и четыре-то узла развивает по большим праздникам и недолго.

Кохрейн задраил люк и отдал Фредерику команду заполнить цистерны.

Гребцы налегли на рычаги и «Наутилус» медленно пополз к линии французских кораблей. Ага, вот теперь в иллюминаторы рубки виден обшитый медными листами киль француза. Можно спускать мину. Теперь разворот и навалились, Нужно успеть отойти на безопасное расстояние, пока работает химический замедлитель мистера Дэви.

Глава 105

Выборы Императора

Париж, 15 июня 1808 года.

Во дворце Тюильри собрался совет сподвижников покойного Бонапарта. Присутствовали оба его брата, Жозеф и Жером, чудом избежавший английского плена Даву и еще с десятков маршалов. К удивлению многих присутствующих, среди участников совета был и Гитон де Морво.

Старика многие из присутствующих хорошо знали. Это он обеспечил Францию, лишившуюся индийских колоний еще при Конвенте, порохом, это ему армия была обязана своевременными поставками пушек и ядер, да и будучи комиссаром Северной Армии он много чего интересного успел совершить. Хотя вот воздухоплавательные части созданные им были потом расформированы.

Но всё же это не тот уровень чтобы присутствовать в совете новых нобилей Империи.

— Мы собрались здесь для того, чтобы решить, кто станет преемником безвременно погибшего Императора, — открыл собрание Мюрат. — Мы знаем, что сына-наследника у Бонапарта не было. Есть два брата, и они здесь присутствуют. Но Жозеф считает, что он слишком стар, чтобы вваливать на себя этот груз, а Жером, наоборот, полагает что молод и недостаточно опытен. Хотя, на мой взгляд он с Неаполитанским королевством справлялся вполне успешно. Собственно перед нами выбор — либо мы смиренно просим Жерома принять корону, либо выдвигаем нового импе-

ратора из своей среды.

Как мы помним, в Римской Империи это было в порядке вещей, когда императора выдвигали легионы. Я думаю, что у той кандидатуры, которую поддержат здесь присутствующие, недостатка в поддержке армии не будет.

— У меня есть предложение, — поднялся со своего места Даву. — Когда мне удалось выбраться из Англии, я снесся по телеграфу с Бурьенном, который сейчас наш посол в Империи Моголов. По его просьбе де Пиль, который там служит на достаточно высоком посту, пообщался с Рихардом Берингом. И тот выдал рекомендацию поставить императором маршала Бернадота. Да, граф Понтекорво, вас!

— Интересно, почему — поинтересовался Массена.

— Де Пиль тоже задал этот вопрос. И получил нелестный для нас ответ — все остальные маршалы Наполеона — слишком амбициозны и будут думать первую очередь о своей воинской славе. А Жан-Батист — о благе вверенной ему страны. Со своей стороны я скажу что мы все склонны завидовать друг другу. И даже если вы согласитесь, скажем, на мою кандидатуры или на кандидатуру Андрэ, то втайне будете полагать, что на этом месте могли бы сидеть вы.

У нас у всех есть причины не любить друг друга. А вот Жан-Батист вроде никого из нас никогда не подсиживал и не обходил. Давайте голосовать что ли.

— А Гютон де Морво тоже имеют право голоса? — поинтересовался Мюрат. — Вроде здесь собрались маршалы и короли.

— Во-первых, Луи Бернар старше всех здесь присутствующих, — ответил ему Сульт. — Могли бы и проявить уважение к его сединам. Мы прекрасно знаем, что когда Гютон воюет, он воюет не хуже нас. Но главное — времена меняются. Для хорошей войны нужен порох, нужны пушки, нужны паровые машины и эти летающие баллоны. Увы, Наполеон все это недооценивал.

Поэтому Фултон сейчас в Англии и его подводные лодки топят французские линкоры, а не наоборот. И присутствие в нашем совете человека, который разбирается в организации промышленности совершенно необходимо.

Луи Бернар, как, кстати, вы оцените предложенные здесь кандидатуры.

— Знаете, Жан, я бы проголосовал за вас, — покровительственно улыбнулся пожилой химик. Вы меня цените, и цените мою работу даже больше чем Даву. Но ни ваша кандидатура, ни кандидатура Луи на голосование не выносятся. Поэтому я соглашусь с его предложением и подам голос за Жана Батиста. Кстати, обратите внимание что на нашем собрании не присутствует ни один адмирал. Уж Виларета Жуайеза могли бы позвать. Недооценка покойным Императором флота это хуже чем расформирование моих аэроостатьеров.

Глава 106

Визит в Стамбул

15 ноября 1808, Стамбул

15 ноября 1808 года султан Махмуд II стоял у окна дворца Топкапы и смотрел на бухту Золотой Рог, посреди которой дымил удивительный железный корабль, лишенный парусов.

Над кораблем развивался белый флаг с пятью красными точками, майсурский «конверт», который теперь, несмотря на то, что Майсур занят англичанами десять лет назад, майсурские моряки на службе у делийской императрицы пронесли по всем морям.

Вообще Ясмина исключительно удачно выбрала время для своего визита. Если бы не её три корабля и высаженные на берег пятьсот морских пехотинцев с огнемётами и картечницами, неизвестно как бы обернулся вчерашний янычарский мятеж. К дому визиря, хотинского паши Мустафы Байраткара, индийцы пробились в последний момент, когда дворец уже пылал.

Но успели. И вытащили Байраткара из огня. И брата Мустафу тоже вытащили. Этого вполне могли бы и оставить в горящем дворце. Меньше стало бы поводов бунтовать. А теперь даже не приказать придушить брата втихомолку в серале. По крайней мере до конца этого визита. Индийцы могут и обидеться — мы вам ваше имущество, рискуя жизнью, спасали, а вы его разбазариваете.

Султан увидел, как паровой катер отвалил от борта же-

лезного корабля и запыхтел в сторону берега. Можно, конечно, приказать подать подзорную трубу, но пока эти разгильдяи будут суетиться, искать, катер и так уже подойдет к причалу. Он и так знает, что Ясмина на борту. Пора уже идти переодеваться и готовиться к встрече с высокой гостью.

Султан знал, что Ясмина лет на пять его старше, но, пожалуй, выглядела она его ровесницей, если не моложе. Только жесткий взгляд был совершенно не по возрасту. Приласкает тяжелым взглядом, если что не так, и чувствуешь себя как будто на тебя слон наступил. Такой взгляд может быть у матроны лет сорока, матери шахов, но не у нерожавшей юной девушки.

Через полчаса в одной из комнат Эндерун состоялась первая официальная встреча султана и императрицы. Позавчера, когда корабли пришли в Золотой Рог, распорядители и церемонимейстеры согласовывали детали. Правда, Махмуду уже донесли, что Ясмина инкогнито с охраной всего из четырех человек, осмотрела город, посетила Базар Капала Чарши и даже помолилась в Айя София.

А вчера вместо торжественного приёма был этот идиотский мятеж.

— Вы понимаете, что завершение строительства Ас-Сувайсского канала полностью меняет и политические и торговые расклады в акватории Средиземного моря.

Да уж чего тут не понимать. Вот он, политический расклад, на рейде стоит. И это вам не какие-то деревянные линкоры Дукворта, которого можно было напугать усилением дарданельских батарей. А значит, слово мусульманской государыни Дели вдруг оказывается очень веским в делах восточного Средиземноморья. И вот оно, кстати, это слово:

— Я бы хотела, чтобы Блистательная Порта заключила мирный договор с Российской Империей. Пока у вас не мир, а шаткое перемирие, купцам невыгодно заключать долгосрочные договора о поставках русского леса, пеньки, зерна через контролируемые османами проливы. Вдруг война, и вы перестаете пускать через них российские грузы.

С другой стороны мне очень не нравится активизация

персов в Имеретии и Армении.

— Мы бы с радостью, вздохнул Мустафа-паша, но это русский император не соглашается с условиями перемирия и усиливает Дунайскую армию.

— Я б на его месте тоже не согласилась. — фыркнула Ясмينا. — Это перемирие фактически фиксирует довоенный статус кво. А между тем русские в прошлом году в основном побеждали. А еще вы тут султанов три раза меняли, что не способствует усилению армии.

Нужно им что-то предложить. Достаточно вкусное для них, но так, чтобы было не позорно для турков, которые войны все же не проиграли.

Той взаимовыгодной торговли, которую хочу предложить им я, явно недостаточно, чтобы они забыли про свою гордую позу защитников ваших христианских подданных.

У меня есть такая мысль — надо отдать им какие-нибудь земли с христианским населением. Нет, не Дунайские Княжества, те слишком много дохода приносят. Вот армянские земли. Дохода с них почти никакого, а защищать приходится то от русских, то от персов, то от восстаний.

Надо предложить русским забрать их за то, что в течение 20 лет они будут выплачивать в вашу казну сумму, вдвое превышающую нынешние налоги с этих земель. Вы это сумму вложите в развитие Анатолии и Фракии и получите прирост производства в землях с лояльным мусульманским населением. А русские пускай сами разбираются, как извлечь соответствующий доход из армянских земель. У них, скорее всего, получится - с лояльными единоверцами это проще.

Постепенно разговор скатился с серьезных политических тем на более простые темы и, Махмуд, набравшись смелости, спросил:

— А почему вы, мусульманка, назвали свой замечательный корабль именем языческого идола?

— Вы знаете, султан, нет ни одного европейского флота, в котором не было бы корабля под названием «Нептун». При том, что вы вряд ли найдете в Англии или Испании хотя бы одного человека, который на полном серьезе поклонялся Нептуну и Юпитеру. А у меня в Империи в Ганешу верят девять из десяти подданных. Почему бы мне и не называть

корабли его именем.

* * *

Вернувшись на борт крейсера «Ганеша Бахш» Ясмина задумчиво сказала мне:

— А может мне прямо сейчас слетать в Петербург и довести переговоры о мире до конца?

— Ты с ума сошла! — возмутился я. — Дракон — существо тропическое, а Петербург — на 60-м градусе северной широты. Ноябрь на дворе. Там уже морозы. А пролететь за день ты можешь не больше 800 километров. Соответственно, лететь будешь дней пять, а потом еще неделю в себя приходиться.

— Ну неужели я своими крыльями полечу, — капризным тоном возразила императрица. — Вы с Васильичем зря что ли виман настроили? В Шага-Дам сейчас дислоцирован авиаотряд, который ведет съемку Каспийского моря. Там гидросамолеты «Кит»¹, у них дальности как раз отсюда до Петербурга хватает.

Если отправить им туда радиограмму, за завтра самолет долетит сюда, а послезавтра на рассвете можно вылететь в Петербург. Взять полномочного посла султана, нескольких морпехов моей охраны...

— Вылетев на рассвете, вы засветло в Петербург не прилетите. И вообще непонятно что за погода по маршруту. Лететь на предельную дальность в таких условиях... Ну прилетите вы в Питер с пустыми баками, где вы там три тонны керосина возьмете на обратный путь?

— Ну керосин в столице России не проблема. Наши купцы, которые потихоньку прибирают к рукам Баку, там уже расторговались. В последнем внешнеэкономическом отчете, который ты поленился читать, поскольку по уши был в спуске этого корабля на воду, была даже фотография того танкера, на котором они через Мариинскую систему керосин возят.

— Какая Мариинская система? Разве её уже построили?² Мне что-то казалось, что она была построена пример-

¹Эту модель Васильич беспардонно слизал у Клода Дорнье. Только двигатель другой, впрочем на Dornier Wal каких только двигателей не ставили.

²В нашей реальности строительство Мариинской системы было завер-

но тогда же, когда и железная дорога Москва-Петербург.

— Ну значит, ты не настолько хорошо знаешь историю своей страны, — лукаво улыбнулась Ясмينا. — А вообще может быть тут и быстрее получилось. Поскольку с того самого момента, как мы пустили большегрузные паровики из Лахора в Шага-Дам, а это было уже лет пять назад, наши купцы поставляли на эту стройку землечерпалки, экскаваторы, паровые буксиры. В общем, в июле месяце император Александр торжественно открыл этот водный путь.

— Это все, конечно, замечательно, но пока на пути не будет по крайней мере пяти метеостанций и двух аварийных аэродромов, я категорически против таких полетов. Даже если лететь несколькими самолетами.

Кстати, надо озаботиться созданием метеостанций на пути между Шага-Дам и Стамбулом. Года через два-три нам, пожалуй, авиалинию в Европу и правда можно будет открыть. Летом, когда для посадки пригоден любой крупный водоём. Кстати, раз уж ты этот отчет читала. Они собираются как-то возить бакинскую нефть сюда и в Австрию? Или нам придется гуджаратскую через Суэцкий канал таскать?

— Железную дорогу Баку—Батум собираются открыть где-то через год. А там у них есть забавный концепт танкера «река-море», который сможет возить нефтепродукты от Батума до Вены без перевалки. Кстати, что-то такое они уже применяют на Каспии. Оно по Волге поднимается где-то до Самары.

Часть XI

Дойти до мыса Коморин

Глава 107

Над всей Империей безоблачное небо

Майсур, 12 июня 1810 г

Кришнараджа Водеяр проснулся от грохота выстрела. Потом раздались и другие, нетипичные для дворца майсурского раджи звуки — топот солдатских сапог, отрывистые команды на английском. На английском?!

16-летний раджа вскочил и быстро впрыгнул в штаны и рубашку, потом сунул за пазуху подарок Мухи-уд-Дина, пистолет с барабаном, стреляющий шесть раз подряд, и выскользнул из спальни.

На лестнице он неожиданно наткнулся на Артура Коула, английского резидента в сопровождении десятка мадрасских сипаев

— Ваше Величество, вернитесь в свои комнаты, — потребовал англичанин.

— Что происходит, сэр Артур? — стараясь придать голосу решительность, потребовал объяснений Водеяр. — И где Пурнайя?

— В столице беспокойно, — объяснил англичанин. — чернь протестует против того, чтобы платить налоги в полном объеме. Поэтому Мадрасская армия берет ваш дворец под охрану. Пурнайю я пять минут назад арестовал как саботажника. Он пытался оказать сопротивление и был немножко ранен. Поэтому я прошу Ваше величество уда-

литься в свои комнаты и подождать, пока мы наведем порядок.

Раджа понял, что это называется государственный переворот. Но и Пурнайя и сыновья Типу его много чему к 16 годам успели научить. Поэтому он сделал вид что поверил словам резидента и отправился в библиотеку.

Здесь он устроился в дальнем уголке, скрытом от входа рядами книжных шкафов, забаррикадировав проход тяжелым креслом и вытащил из-за рядов книг на полке два тяжелых металлических ящика, на одном из которых было написано почему-то по-гречески *αἴψα*.

Он аккуратно соединил ящики проводами, подключил провод, уходящий за окно, подсоединил телеграфный ключ и надел наушники, решительно включив аппарат на 6-й канал.

Он уже не один раз забирался сюда послушать на этом канале переговоры имперских военных кораблей. Кое-какие разговоры, вроде того кто как с кем расходится в устье Инда или Хугли, шли без шифрования и слушать было очень интересно. Но в эфир на этом канале он никогда не выходил. Для тренировок работы на ключе был 17-й канал, где он переговаривался иногда с Мухи-уд-Дином и Муизом-уд-Дином. Но сейчас там никто не слушает.

— Всем-всем-всем, Водяюру, сообщение чрезвычайной срочности.

В наушниках послышался писк мощной корабельной радиации

— Водяюр Ганеше, слышу вас, передавайте свое сообщение.

— Ганеша Водяюру, в Майсуре англичане устроили переворот. Пурнайя арестован, раджа изолирован во дворце. Предлог — волнения крестьян по поводу повышения налогов.

— Водяюр Ганеше, вас понял, передаю по инстанции. Побойтесь чтобы рация не попала в руки англичан. Будет возможность, слушайте 17-й канал первые пять минут каждого часа.

— Ганеша Водяюру, конец связи.

Кришнараджа аккуратно разобрал рацию и спрятал ее обратно за книги. Что мог он сделать. Его радиограмма при-

нята крейсером «Ганеша Бахш», который он как-то мельком видел в Карачи. Теперь информация точно дойдет до Ясины. Во-первых, дальность радиации океанского корабля не сравнима с его маленьким сундучком (Водеяр не знал, что его сундучок притащен из другого мира, а ламповая радиация «Ганеши» — местное изделие). Во-вторых, англичане при всем желании не смогут прервать передачу, ведущуюся со 500-футового бронированного корабля в открытом море.

* * *

Калькутта, 12 июня 1810

Вице-адмирал Друри решил с утра пораньше заглянуть к этому странному юнцу, Фарадей, кажется, его фамилия, которого прислали из Вулвича с аппаратурой, якобы позволяющей прослушивать имперский беспроводный телеграф.

Майкл встретил его радостным воплем:

— Получилось!

Из странной бумажной тарелки, установленной на столе раздавался писк, который явно складывался в буквы телеграфной азбуки, перемежающийся странными шорохами и щелчками.

Друри за годы пребывания в Индии, где телеграфную азбуку знает уже последний ласкар, и мигание фонарем является необходимым элементом расхождения с любым имперским паровым баркасом, уже наловчился переводить точки и тире в буквы урду.

«Водеяр Ганеше, слышу вас, передавайте свое сообщение.»

«Ганеша Водеяру, в Майсуре англичане устроили переворот. Пурнайя арестован, раджа изолирован во дворце. Предлог — волнения крестьян по поводу повышения налогов.»

«Водеяр Ганеше, вас понял, передаю по инстанции. Побойтесь чтобы радиация не попала в руки англичан. Будет возможность, слушайте 17-й канал первые пять минут каждого часа.»

«Ганеша Водеяру, конец связи»

«Падишах Ганеше, сообщение по коду четыре»

«Ганеша Падишаху, к приему сообщения готов»

«Падишах Ганеше, 98308 31181 06687 81270 00287 65444 72050...»

«Ганеша Падишаху, контрольный код 13467»

«Падишах Ганеше, принято верно»

Друри догадался, что позывной «Ганеша» это восьмитысячетонный броненосный корабль, гроза коммуникаций Индийского Океана. Но вот то, что срочная переписка корабля в море с Дели шифруется, было для него неприятным открытием. Видимо, имперцы не полагались на то, что секрет беспроволочного телеграфа известен только им.

Он подозвал своего ординарца и приказал срочно бежать к лорду Минто с сообщением что у Водейра был беспроволочный телеграф и информация о перевороте в Майсуре утекла в Дели со скоростью распространения эфирных волн.

Через полчаса в комнату ворвался сам лорд Гильберт. Из динамика тем временем раздавалось:

«Лахор-башня Кресту-3. РВП Лахор 9:30. Прошу разрешения на посадку»

«Крест-3 Лахор-башне. Посадку разрешаю, других бортов в зоне порта сейчас нет. Садитесь без круга.

«Крест-3 Падишаху, сообщение по коду четыре»

«Падишах Кресту-3, к приему готов»

«Крест-3 Падишаху, 51916 05128 91771 89565 ...»

Наверное, Крест-3 это вимана «Южный Крест», совершающая рейсы Лондон-Калькутта. Как раз сейчас по расписанию она должна прилететь из Стамбула в Лахор. И тут прямо на борт ей идет кодированное сообщение от кого-то с позывным «Падишах».

Адмирал подумал, что не завидует тем англичанам, которые оказались на борту этого рейса.

Он еле успел изложить генерал-губернатору то, что им с Фарадеем удалось подслушать этим утром, как в дверях появился взмыленный посыльный с телеграфа.

— Господин генерал-губернатор, срочная депеша из Дели.

Лорд Минто разорвал конверт и прочитал текст.

— Вы правы, адмирал, все очень плохо, — бросил он, протягивая телеграмму Друри.

«Предлагаю в течение 10 часов освободить Пурнайю и Водеяра и дать объяснение действиям вашего резидента в Майсуре. В противном случае считаю Империю в состоянии войны с Англией. Ясмина».

— Станный какой-то срок ультиматума. Почему десять часов, — пробормотал губернатор.

Друри взял со стола Фарадея линейку и подошел к висевшей на стене карте Индии. Скопил глаз в правый нижний угол, на выходные данные. Издано в Агре, значит точность выше всяческих похвал. И начал измерять расстояние от Майсура до Лахора.

— 1200 морских миль, — сказал он, произведя в уме необходимые расчеты. — Если «Южный Крест» с десантом вылетит из Лахора сейчас, то как раз через десять часов он будет над Майсуром.

Из динамика раздалось:

«Лахор-башня Кресту-3, Разрешите взлет»

Друри перевел генерал-губернатору это сообщение с телеграфного урду на обычный английский.

— Время пошло, — добавил он.

— И что вы можете сделать? На море, я имею в виду.

— Против одного «Ганеши»? Либо трусливо сдаться, либо героически бесполезно умереть. Поскольку от 20-узлового парохода на паруснике не убежишь. А у «Ганеши» есть систершипы «Шива» и «Кали». Ну и старых добрых «Рихарда», «Дженни» и «ибн-Базиля» не надо сбрасывать со счетов. Вы помните как четыре года назад «ибн-Базиль Бахш» в одиночку разделался с четырьмя линкорами Попхэма. А у меня сейчас есть только такие же деревяшки, как у него. Хорошо хоть с паровыми машинами. Но все что успевают Англия строить бронированного, попадает во Флот Канала.

— Интересно, — сказал губернатор, — а Шампань мне про сухопутные войска то же самое скажет?

Тем временем, из динамика раздалось:

«Халиф, Эмиру моря. Код 28. Повторяю, код 28»

«Эмир моря, Халифу. Код 28 принят. Начинаю процедуру».

«Халиф Бахш», — подумал Друри, — это имперский стационар в Бомбее. Короткий числовой код и все. Значит сейчас телеграфист бежит в каюту к капитану, тот открывает

сейф, достаёт пакет, помеченный цифрами 28, открывает и читает. Интересно, что в этом пакете. Надеюсь, не приказ немедленно открыть огонь по набережной.»

«Телугу, Эмиру Залива, сообщите ваше место.»

«Эмир Залива, Телугу, 21N, 88E»

«Телугу, Эмиру Залива, вы ближайший из радиофицированных кораблей к устью Хугли. Код 28. Постарайтесь вернуть столько кораблей, принадлежащих имперским подданным, сколько успеете.»

«Эмир Залива, Телугу. РВП остров Кеклика два часа»

Адмирал опять взял линейку и подошел к висящей на стене карте. Как мог точно, нашел точку 21 градус северной широты и 88 градусов восточной долготы, и измерил расстояние до острова Кеклика, расположенного у самого устья Хугли. Получилось больше 50 морских миль. И это расстояние капитан «Телугу» собирается покрыть за два часа?

Он вышел из лаборатории Фарадея и почти бегом бросился на телеграф. Запрос капитану бомбейского порта: «Что у вас происходит».

Ответ: «Имперский стационар на рейде внезапно испустил столб дыма, прямо как будто брахмана хоронят. На грот-мачте поднял сигнал по гражданскому своду — всем имперским судам до заката покинуть английские воды. Уже половина доу, не закончив погрузку/разгрузку подняли паруса и покинули гавань.»

* * *

12 июня 1810, Дели

Мы собрались в кабинете Ясины еще до рассвета. В отличие от Кришнараджи Водейяра, у которого тайных служб фактически не было, у Ясины разведка работала в Майсуре еще со времен её отца, и планы англичан не были секретом для Раджива Дасса.

Поэтому мы с утра сидели и думали, как мы будем объяснять англичанам, что нам известно об их действиях. То, что любые английские шифрованные телеграммы мы читаем как открытую книгу, мы афишировать не хотели.

В то, что юный раджа сумеет воспользоваться подаренной ему Мухи-уд-дином рацией, никто кроме, возможно, самого Мухи, который в совещании не участвовал, не ве-

рил.

И тут в зал совещаний вбежал вестовой, доложивший о том, что на радиоцентре идет прием сверхважной передачи из Майсура.

Радиоцентр в Красном Форте был, конечно, оборудован получше, чем кустарная лаборатория Фарадея, и даже чем радиорубка крейсера «Ганеша Бахш». Хотя Васильич уже наладил производство пишущих машинок с функцией подсчета CRC-16, которые позволяли сразу по мере приема шифрограммы контролировать ее правильность, по настоящему отдать все шифровальное дело в железные руки машин мы не могли. Но вот во дворце стоял притащенный из другого мира ноутбук и прекрасно писал морзянку прямо с эфира сразу по четырем основным каналам.

Поэтому на экране был виден и отчаянный призыв Кришнараджи, и ответ с крейсера, и шифрограмма с крейсера в Дели, в которой повторялись эти сведения.

— Что мы можем сделать? — спросила Ясмينا, выразительно посмотрев на Ранджита Сингха. Тот взглянул на наручные часы.

— Бригада Абул Халика, перебрасываемая из Ходжента, сейчас доехала примерно до Мултана. В Татте эшелоны будут буквально к вечеру. Значит, надо все самоходные баржи, работающие на Инде и на линии Сурат-Татта собирать в Татте. Панча, передай в Татту капитану порта королевский код 18, а в Бенарес и Парадип 28. Нечего нашим десантным судам через британскую территорию в Бенгалии шляться. Стационару в Бомбее тоже 28.

На экране мониторинга 6 канала появился запрос на посадку от «Южного Креста», идущего из Англии через Вену и Стамбул.

— У тебя в Лахоре спецподразделения есть? — спросил я у Ранджита. Нужна рота, которая удержит дворец до подхода морского десанта.

— Третий Пешаварский полк сейчас в Лахоре.

— Пиши им приказ, пусть одну роту отправляют на гидроаэродром, садятся на «Южный Крест», который высадит их в Майсуре, выдвигаются к дворцу Водеяра, убирают оттуда англичан, и держатся до подхода наших крупных сил. Кто там командир будет?

— Джай Сингх. А куда в Майсуре «Южный Крест» сажать? Там же моря нет. И ничего сравнимого с Гангом и Рави тоже нет.

— Там недавно на реке Кавери большое водохранилище построено. Назвали Кришнараджа Сагара.

Пока Ранджит диктовал приказ телеграфисту на проводной линии, я сел за клавиатуру ноутбука и отбил шифрограмму «Кресту-3»:

«После посадки в Лахоре высадить всех пассажиров и выгрузить багаж на берег, принять на борт роту сикхов под командованием Джая Сингха и следовать в Майсур, — тут я скосил взгляд на карту, которую уже развернула догадливая Дженнифер. — где приводнится водохранилище Кришнараджа Сагара, возможно ближе к плотине и высадить этот отряд. После чего взлететь, и уходить на запад. При пересечении береговой линии связаться с кр. «Ганеша Бахш» для дозаправки в море.»

— Лучше бы, конечно, «Ганешей» Бомбей блокировать. Англичане его боятся сильнее, чем ББО или миноносцев. — сказал я. — Но не бросать же «Южный Крест» в Майсуре. У нас таких всего пять. «Шива» нам понадобится для защиты конвоя с десантом, а «Кали» сейчас в Парадипе. Ей на в Аравийском море делать нечего, в Бенгальском заливе работа найдется. Тем более, что почти весь английский флот сейчас там.

— И всё-таки, — спросила Дженнифер, когда все приказы были отданы, ультиматум в Калькутту отправлен, и военная машина Империи пришла в движение. — Откуда в Майсуре эта плотина? По-моему в нашем мире ее в XX веке строили.

— В нашем мире в начале XIX века в Индии не было массового производства цемента и паровой строительной техники. А тут Пурнайя подсуетился. Проект, вместе с названием, признаюсь, я ему подкинул через людей Дасса. Плотина-то там нужна всегда. А теперь, возможно, эта плотина, которую он построил, чтобы собирать больше налогов, и которая уже во время прошлогодней засухи спасла от голодной смерти сколько-то там райатов, спасет от английской пули его. Если ребята успеют.

Тем временем Ясмينا что-то лично выстукивала клю-

чом по проводной линии.

— А ты кому передаешь?

— Фулле. Она в Лахоре. Сдается мне что в Майсуре сейчас понадобится наблюдатель от драконов.

* * *

12 мая 1810 года, Лахор

Вината, гостившая у Фуллы и Васильича в Лахоре, только проснулась и вертелась перед зеркалом, примеряя новое сари. Вдруг в ее комнату постучалась хозяйка.

— Смотри, как по-твоему, мне это идет?

— Идет. А сихкская полевая форма у тебя есть?

— Зачем?

— Да понимаешь, такое дело, Ясмина только что отстучала, что буквально через полчаса из Лахора вылетает вимана с десантом в Майсур. Там нужен кто-то из наших. А в Лахоре сейчас только мы с тобой. Но если полечу я, то это светить имперское вмешательство. С моим северным типом лица-то. Я бы скорее в Лондоне или Петербурге за свою сошла. А ты легко выдашь себя за тамилку.

— Скажешь тоже, прилететь на вимане, в камуфляжной форме, которую только в Империи носят, еще скажи с оружием сделанным твоим благоверным, и говорить что Империя тут ни при чем, — рассмеялась бронзовая драконочка. — Но вообще забавное приключение, я согласна.

Формы у Винаты, естественно, не было. Фулла отбила телеграмму в расположение полка, формирующего десантную роту и сослалась на прямой приказ императрицы. Потом они вместе с Винатой выскочили во двор. Фулла выкатила из сарая мотоцикл, сделанный Васильичем в свое время для себя на базе одного из первых удачных моторов Лебона, и завела его.

— Садись сзади меня и держись, — скомандовала она.

На мотоцикле они успели и в каптерку полка, где Вина-та быстро подобрала себе форму, и на причал, догнав по дороге колонну бегущих трусцой солдат.

* * *

Там же, тогда же

Далеко не каждый служащий английской Ост-Индской Компании мог позволить себе билет на «Южный Крест», летающий корабль, уже почти год совершавший регуляр-

ные рейсы между Лондоном и Калькуттой. Вернее, поскольку рейсы были через день, а полет продолжался несколько суток, на линии было не меньше пяти абсолютно одинаковых кораблей.

Вот и сейчас в комфортабельных каютах «Южного Креста-3» было не больше трех десятков англичан. Кроме них здесь были османские купцы, севшие в Стамбуле, несколько датчан, голландцев и португальцев.

В общей сложности человек шестьдесят.

Вдруг, после посадки в Лахоре в салоне появился стюард, пожилой шикарпурец в чалме и форме, похожей на европейский костюм и заявил:

— Прошу всех пассажиров покинуть виману. Рейс на Калькутту сегодня продолжен не будет. Ваш багаж будет также выгружен. На пристани уже ждут представители лучших караван-сараев Лахора.

— Что случилось? — взволновано спросила леди Эткинсон, чопорная дама лет 30, летевшая в гости к мужу, и отчаянно боявшаяся всю дорогу.

— Никаких технических проблем, мэм, — успокоил ее стюард. — у нас просто небольшое обострение с Англией, поэтому никакие имперские суда не будут заходить в английские порты, пока кризис не разрешится.

Когда пассажиры вышли на пристань, и их багаж был разгружен, они увидели как на причал бегом вбежала длинная цепь солдат-сикхов, въехало несколько паровых грузовиков со снаряжением. Солдаты споро разгрузили фургоны, затащив все их содержимое в самолет, и набились туда сами.

Две девушки, высокая и светловолосая и низенькая смуглая, наблюдали за этим со странной двухколесной повозки, на которой сидели верхом, как на лошади. Потом низенькая слезла, они поцеловались и смуглянка тоже забралась в самолет.

Три больших цистерны перелили в баки топливо и огромный летучий корабль, грузно разбежавшись по глади Рави, поднялся в воздух и взял курс на юг.

— Не нравится мне это, — сказал майор Уилкс, пожилой офицер, возвращавшийся из отпуска. — Еще бы понять, что именно происходит.

Но делать нечего. Пришлось пока направиться в караван-сарай. Пока англичане устраивались и завтракали, между столиками появился мальчишка-продавец газет:

— Экстренный выпуск «Лахорского глашатая». Майсурский кризис. Ультиматум Ясины Ост-Индской Компании.

* * *

Бхишма Панир был очень горд собой. Вообще конечно, повод для гордости у него имелся уже давно. В 17 лет получить под командование целый «Южный Крест», гидросамолет, поднимающий сотню пассажиров. Но раньше он возил пассажиров, причем в основном англичан, из Индии в Европу, то сейчас началось.

Бхишме было 6 лет, когда его семья бежала из Майсура и отцу пришлось вместо того, чтобы возделывать землю, пойти работать на завод. Потом восьмилетнего мальчишку, с неподдельным интересом наблюдавшего за тем, как учатся летать первые пилоты на первом, маленьком самолете, заметила сама Фулла. Так он стал учиться летать, и к 17 годам стал лучшим пилотом из людей. До Фуллы или Винаты ему, конечно было далеко, но ему под большим секретом рассказали, что эти девушки — драконы, как и сама императрица, и воздух для них родная стихия.

То что после нелегкого перелета из Маската в Лахор приходится срочно взлетать опять, не было удивительным. В конце концов, самолет большой, и есть кому сменить его на вахте. Тем более что на борту неожиданно оказалась Вината, одевшаяся в ту же форму, что и рейнджеры-сикхи, заполнившие пассажирскую палубу.

* * *

12 июня 1810 года, 2 часа пополудни, Майсур

Артур Коул недоуменно рассматривал только что полученную из Калькутты телеграмму.

«В связи с вашими действиями в Майсуре Империя выдвинула Компании ультиматум. На закате будьте готовы к появлению небольших сил имперских рейнджеров. И отберите у Водейяра беспроволочный телеграф, это детям не игрушка. Лорд Минто».

Откуда в Майсуре на закате могут появиться имперские рейнджеры? Тут триста миль до ближайшего побережья. И что такое беспроволочный телеграф? Как его искать в

огромном дворце?

Тащиться во дворец Коулу было лень, поэтому он приказал привести к себе Пурнайю, которого держали в здании английского представительства.

Арестованный первый министр на вопрос о беспроводном телеграфе сделал удивленные глаза:

— Официально Империя ничего такого не поставляла. Разве что кто-то из сыновей Типу в частном порядке подарил.

— У Кришнараджи такие отношения с сыновьями Типу, что они делают ему дорогостоящие подарки тайком от вас, его воспитателя?

— Да. Мальчикам очень полезно иметь старшего друга, с которым можно иметь какие-то общие секреты от воспитателей. А чтобы иметь общие секреты, надо как-то общаться. Поэтому после очередной поездки в гости в Татту Кришнараджа вернулся со знанием телеграфной азбуки. А привез ли он с собой какие-то аппараты я не знаю. Мне он их не показывал. Слуги тоже не в курсе.

— Очередной?! Так он там не один раз бывал? И Компания не в курсе?

— Ваш предшественник, майор Уилкс, не интересовался воспитанием раджи. Его больше интересовали приземленные вещи, вроде налогов и строительства ирригационных систем.

Коул задумался. Он был уверен, что сыновья Типу спят и видят как бы удавить Водейяра, занявшего трон, по праву принадлежащий им. Поэтому введение в Майсуре прямого английского правления никого в Империи не взволнует.

А тут оказывается, они тайком от англичан принимают его у себя в гостях в Татте, учат его телеграфной азбуке, а может и еще чему, дарят крайне ценные подарки.

Понятым становится ультиматум Ясины, поскольку все это явно с ее ведома.

* * *

12 июня, 1810 вечер, Калькутта

Друри вышел на берег Хугли. На реке было необычно пустынно. Последние годы было невозможно поглядеть на реку, и не увидеть там ни одной имперской самоходной баржи. Эти кораблики примерно в тысячу тонн водоизме-

щения постоянно тащили вверх по Хугли уголь из Паради-па, вниз — ткани, металл, машины, пшеницу и рис. Хотя сейчас торговлю с метрополией взяли в свои руки Сурат и Татта, откуда грузы возят огромные железные пятимачтовые парусники, покупателей на индийские товары хватало и в Бенгальском Заливе.

Друри вспомнил, как он днем телеграфировал в наблюдательный пункт на острове Сагар с приказом доложить обстановку. И узнал что в устье Хугли пасется мелкий имперский крейсер, из тех, что они называют именами всяких народов Индии, и поворачивает все баржи обратно в Парадип.

Из радиоперехвата адмирал знал, что этот конкретный крейсер называется «Телугу».

Видимо, сейчас баржи успевшие войти в устье Хугли до того, как этот кораблик появился на своем посту, уже успели уйти выше Калькутты.

Адмирал вспомнил как выглядели эти странные суда с трубой на корме и плоским носом, больше похожие на сани, чем на корабль. И тут его осенило. Этот плоский нос, аппаратель откидывающаяся на причал — вовсе не для удобства подачи подвод под разгрузку прямо на борт.

Эти баржи — десантные суда для высадки на необорудованный берег. Тяжелая паровая машина сзади, облегчить нос и можно по аппарели выкатывать пушки и прочую технику, выводить лошадей, не замочив подков.

И мимо столицы Ост-Индской компании на протяжении уже нескольких лет эти баржи ходят сотнями. Из Паради-па в Дели, из Дели в Парадип. А значит у Империи есть сотни шкиперов, которые знают каждую излучину Хугли. А сейчас, значит, поток иссяк. Где-то в Парадипе, и, вероятно, в Бенаресе эти баржи копятя, тыкаясь в берег борт о борт. Десятки, сотни барж, каждая из которых способна принять на борт до батальона пехоты и доставить куда угодно независимо от ветра.

* * *

Майсур, 12 июня 1810 года, вечер

Сажать огромный гидросамолет на незнакомый водоем на закате — занятие нервное. Особенно если кругом страна, занятая вражеской армией, а водоём представляет со-

бой водохранилище, заполнение которого водой кончилось только что, и под водой вполне могли остаться топляки.

Вината решительно заняла место второго пилота и отобрала у командира корабля управление. Молодой пилот уступил. Он, в отличие от сикхов, прекрасно знал, кто такие драконы, и что эта конкретная девушка, пожалуй, летает дольше, чем он живёт на свете.

Но все получилось, и «Южный Крест-3» подрулил к причалу неподалеку от плотины. Удалось даже подтянуть его к причалу бортом и рота сикхов начала выгрузку прямо на причал.

На причале внезапно появился отряд местных жителей в штатской одежде, но с пневматическими винтовками имперского армейского образца. Впрочем, за последнюю дюжину лет такие винтовки где только не делали.

Выяснилось что Кришнараджа Сагара это не только резервуар воды для орошения, но и источник энергии для довольно большого механического завода. И вот главный инженер этого завода, когда в городе появились англичане, поднял своих рабочих в ружье.

Когда выяснилось, что все в порядке, и вооруженные субъекты на пирсе — союзники, а не враги, «Южный крест» отошел от причала, разогнался и, грузно оторвавшись от воды, ушел на запад, вслед уходящему Солнцу.

А Джай Сингх начал разбираться в ситуации.

Шансов против регулярных войск мадрасской армии у заводского ополчения почти не было. Но в течение дня англичанам было просто не до завода. А теперь, когда есть возможность поставить командирами отделений кадровых имперских солдат ситуация меняется. Рота спецназа и батальон милиции это куда больше, чем любое из этих подразделений по отдельности.

Еще бы артиллерию по штату...

Но в городе в лучшем случае найдутся пушки времен англо-майсурской войны. И даже тех снарядов к ним, которыми была выиграна в свое время битва под Бенаресом, тут не найти. С другой стороны, если связаться с Империей... Но имевшаяся в роте полевая рация не достанет даже до «Ганеши», крейсирующего в нескольких десятках миль от Малабарского берега.

Но надо выполнять приказ. Взять под контроль дворец, убедиться что Кришнарадже Водеяру ничего не угрожает, по возможности освободить дивана Пурнайю и держаться до подхода механизированных частей из Мангалора. Которые туда еще должен флот доставить из Татты или Сурата. То есть неделю по меньшей мере.

Впрочем, сейчас, при наличии заводского ополчения можно пытаться удерживать весь город, а не только дворец. И разоружить расквартированные в городе английские части по аудскому сценарию.

От плотины до дворца раджи около двадцати километров. Но на заводском складе нашлась сотня велосипедов, в том числе десятков грузовых, поэтому сикхам понадобился всего час, чтобы преодолеть это расстояние.

Пока большая часть роты крутила педали, а три роты мастеровых бодрым шагом двигались вслед за ними, отделение капрала Джавахара Сингха с двумя ранцевыми огнеметами и картечью, при поддержке роты мастеровых, занимала оборону на плотине.

Когда солнце уже садилось, раздался стук копыт, и к плотине подъехал полуэскадрон английских драгун.

— Что они здесь делают? — спросил Джавахар у кого-то из мастеровых.

— Недоимку собирают с райатов, — сквозь зубы пробормотал тот. — Достали уже.

— Ну сейчас я им устрою, — улыбнулся сикх и, выскочив из уже открытого по всем правилам вдоль дороги окопа, протянул руку поперек дороги.

— Интересно кто это такой, — спросил лейтенант Джонсон у командира отряда, майора Купса.

— Думаю это ополчение мастеровых с завода. Мы их сейчас стэками разгоним, — самонадеянно отмахнулся майор.

— Капрал Джавахар Сигнх, третий Пешаварский полк рейнджеров, — представился неизвестно откуда всявший-ся пехотинец. — С кем имею честь.

— Майор Купс, 16 драгунский полк Мадрасской Армии. Откуда вы здесь взялись?

— Прилетели. Вы думаете «Южные Кресты» годятся только чиновников ОИК в Англию возить? Вы в курсе, что

сегодня утром Императрица Ясмина предъявила Компании ультиматум, на закате срок его истек, и теперь Империя находится в состоянии войны с Англией?

— Нет, — ошалело пробормотал Купс. — И что теперь?

— Предлагаю вашему полузэскадрону спешиться и сложить оружие. Вы знаете, я не люблю запах паленой конины, ну и вообще мне, сикху, будет неприятно смотреть на страдания ваших прекрасных лошадей. А на вас сейчас наведены два огнемета.

— Вы издеваетесь! — воскликнул Купс и двинул коня вперед.

Сикх одним перекастом ушёл обратно в окоп, и тут же по англичанам с двух сторон ударили огненные струи, а по арьергарду — пулеметная очередь.

Спустя буквально пару минут в живых остался только майор Купс, лошадь которого понесла и умчалась в сторону города.

Майор довольно быстро справился с лошадью и буквально через милю после плотины свернул на сельскую дорогу, ведущую к железнодорожному мосту через Кавери. Там, на островке Шрирангапатна была расположена железнодорожная станция с телеграфом. Конечно, до туда добрых пятнадцать миль, а лошадь уже утомлена дневным переходом. Но деваться некуда. Остается надеяться что на этой дороге сикхи не успели развернуть блок-пост.

Блок-поста не оказалось, и к двум часам ночи майор вломился в помещение станции, перепугав до полусмерти телеграфиста. Сообщение о десанте ушло в Мадрас.

* * *

После появления сикхов во дворце Раджи не прошло и получаса, как английская охрана дворца раджи была бесшумно взята в плен, и Джай Сингх пошел представляться Кришнарадже.

Хотя время уже близилось к полуночи, молодой раджа не спал. Он сразу обратил внимание на то, что вместе с сикхским командиром появилась невысокая девушка, больше похожая на тамилку или дравидку, чем на уроженку Пенджаба, одетая в такую же форму как и сикхи.

— Джай, у тебя связь есть? — совершенно фамильярно спросила она у командира. — надо сообщить в Лахор, что

тут на нашей стороне целый завод.

— Наша рация хорошо если до Малабарского берега добьет, — вздохнул тот.

— Там где-то недалеко «Ганеша Бахш», можно попробовать связаться с ним, — сказал молодой раджа. — Но по своей рации я сегодня очень неплохо слышал переговоры Лахора-башни, Падишаха и Эмира Залива.

— У тебя есть дальнобойная рация, — встрепенулась де-вушка. — Доставай. Джай, зови своего шифровальщика.

Сикх беспрекословно отправил ординарца за радистом.

— Кто вы, леди? — поинтересовался Кришнараджа Водейяр. — Я же вижу что вы не простой солдат.

— Довольно дальняя родственница Ясины, — ответила Вината. — присматриваю тут за происходящим.

Этот маленький кусочек правды вполне устроил раджу. И через некоторое время появившийся сикхский радист восхищенно рассматривал рацию «Ангара». До этого ему только один раз приходилось видеть радиотехнику из другого мира, в ходе обучения на обзорном занятии.

— Передаем сразу в Дели? — спросил он у командира.

— А у тебя есть шифр для Падишаха? — удивился Джай Сингх. Обычно в шифровальной книге роты были только шифры соседних подразделений и штаба полка.

— Да, при отлете из Лахора меня в последний момент нашел императорский курьер и вручил новую шифровальную книгу. Тут есть Падишах, все морские штабы, крупные корабли и даже «Южные Кресты». Кстати, если бы у Его Величества не нашлось такого передатчика, мы еще в течение получаса могли бы связаться с «Крестом-3», он еще далеко уйти не успел.

Джай Сингх примостился на краешке стола, на котором радист вместе с Кришнараджей приводил рацию в рабочее положение, и начал писать текст шифровки.

* * *

Татта, 12 июня 1810 года, вечер

Огромными усилиями Мухи-уд-Дину удалось к закату собрать в Татте 24 баржи, в том числе два танкера. Сейчас они спешно разгружались, а мастера судоремонтного завода ставили на заранее подготовленные места пушки, припасенные в Арсенале. Эшелоны механизированной

бригады Абдула-Халика пока были придержаны на железнодорожной станции. Их подадут на причалы тогда, когда будет закончена разгрузка. И к утру десантная флотилия выйдет в море. Рандеву с «Шива Бахш» и сопровождающими его эсминцами «Тамил» и «Сингал», которые сейчас готовятся к походу в Карачи должно состояться завтра около полудня напротив устья Инда.

Рядом с братом, стоявшим чуть в стороне от причалов и наблюдавшим за процессом, появился Абдул-Халик, в полевой форме.

— Кажется началось, — сказал он.

— Началось, — согласился Мухи-уд-дин.

— Жалко, что нам не удастся собраться перед началом всем втроем. Муиз сейчас в Карачи, я с ним встречу завтра, в открытом море, а ты останешься здесь.

— Забавно, что мы возвращаемся в Майсур, чтобы защитить от англичан Кришнараджу Водеяра, которого они же на трон нашего отца и посадили.

— Еще забавнее, что все мы трое с этим парнишкой подружились. Ясмина любит такие выподвыверты. И, возможно, нам удастся занять Майсур, пролив куда меньше крови, чем в Ауде. А Хайдарабад присоединится сам, как только почует неспособность англичан настоять на своем силой.

— Но вот что будет в Бенгалии...

— Думаешь, в Бенгалии что-то будет?

— Обязательно. Ясмину больше ничего не держит. Корнуоллис, которому она не хотела устраивать второй Йорктаун, умер. Наше техническое превосходство сейчас на пике. Если промедлить еще лет пять, то англичане начнут нас догонять. Вон Лейк уже продемонстрировал в Дувре, что кое-чему у нас научился. Поэтому сейчас будет большая война. И наш театр, Аравийское море, Майсур и Бомбей будет мелочью, по сравнению с тем, что будет происходить в Бенгальском заливе. Ты думаешь, почему сюда бросили мою бригаду, а не сикхские или мултанские дивизии, которые и ближе, и не нуждаются в отдыхе после бухарской кампании?

— Потому что ты принц Майсура. Любой другой имперский генерал, высадившись в Майсуре, будет захватчиком.

Ты — освободителем.

— Я буду сыном и внуком узурпатора и претендентом на престол. Думаю, что большая часть майсурцев не в курсе твоей и Муиза дружбы с Водеевром. Пожалуй, Яшвант Холкар или Ранджит Сингх смотрелся бы нейтральнее чем я.

Просто, все части, расквартированные в Пенджабе и Синде грузятся в эшелоны и едут в Бенарес и Парадип. Благо в Катакку уже построена железная дорога в обход Бенгалии.

* * *

12 июня 1810 года, ночь, Аравийское море 50 миль к западу от Мангалора

«Ганеша Кресту-3 дайте привод»

«Крест 3, даю привод»

И в эфир полились морзянкой первые страницы «Махабхараты».

«Ганеша Кресту-3, вижу ваши огни. Подсветите прожектором воду для посадки»

Еще через полчаса огромный гидросамолет был взят на бакштов и тащился за идущим малым ходом крейсером, а его экипаж выбрался на моторную палубу и перекрикивался с собравшимися на корме моряками.

— Ахмед, ты зачем в качестве привода языческую поэму передавал? Ты же мусульманин как и я, — спросил радист самолета у радиста корабля.

— Ну корабль-то у меня называется «Ганеша». Был бы «Тимур», передавал бы «Шах-намэ». А так у нас «Махабхарата» визитная карточка всей серии.

Через некоторое время командир самолета прекратил неорганизованный трёп своих подчиненных и спросил у механика крейсера:

— Ты мне сколько керосина нальешь?

— А сколько тебе надо?

— Полная заправка у меня 13 тонн, тонна где-то еще есть.

— 12 тонн не дам, у меня есть всего 15, а ты, я чувствую, не последний. Танкер из Татты хорошо если дней через пять подойдет. Сколько тебе до Сурата надо?

— Ну четыре тонны-то дашь?

— От сердца отрываю. Может тебя мазут устроит? Мазута у меня мно-о-го.

Мазута, действительно было много. Огромные котлы крейсера работали именно на мазуте, а его мощность превосходила мощность моторов гидроплана не меньше чем в 7 раз.

— Издеваешься. У меня не такие всеядные форсунки.

Протащить шланг и перекачать топливо было делом минут сорока и уже к полуночи «Южный Крест-3» был готов к взлету. Но его командир решил выждать пару часов, чтобы приводняться в Сурате уже после рассвета.

* * *

13 июня 1810 года, Бомбей

Губернатор Дункан стоял на набережной и скользил взглядом по бухте. Обычно кипящая деятельностью во всякое время суток бомбейская бухта была пустынной и тихой. К причалам жался пяток торговых кораблей Ост-Индской Компании и всё. Последнюю году львиную долю приходящих сюда кораблей составляли доу купцов из Татты, Баруча и Сурата. А вчера они все, повинувшись сигналам с имперского стационара исчезли. А потом ушёл и сам «Халиф бахш», не подняв ни единого клочка парусины и немилосердно дымя трубой.

На горизонте появились черные столбы дыма. Один, два, три, шесть.

Какие-то паровые корабли приближались ко входу в бухту.

Через полчаса они приблизились, и в бинокль, который одолжил губернатору, появившийся на набережной капитан порта, можно было уже разглядеть наклоненные назад мачты и огромные цилиндрические башни старых, пятого года постройки имперских броненосцев береговой обороны и хищные узкие корпуса легких 600-тонных быстроходных крейсеров.

Шесть двухорудийных 6-дюймовых башен, 18 трехдюймовок, шесть четырехдюймовок крейсеров.

Если это попытается помериться силами с береговыми батареями Бомбея, судьба этих батарей будет незавидной. Тут стоят еще гладкоствольные пушки времен англо-майсурской войны, которые просто не добьют на то рас-

стояние, с которого броненосцы могут вести прицельную стрельбу.

* * *

Мадрас, 13 июня 1810

Лорд Барлоу, генерал-губернатор Мадраса, с удивлением читал телеграмму.

— Как это прикажете понимать? — спросил он у полковника Джиллиспая.

— Буквально, наверное, — ответил тот.

— То есть вы хотите сказать, что Майсур и правда захвачен свалившимися с неба сихками, и только один офицер майор Купс ухитрился проскакать двадцать миль до следующей телеграфной станции и передать нам депешу?

— Я бы сказал, что нам еще повезло получить эту депешу. Эти черномазые с удовольствием бы саботировали передачу, если бы были уверены, что имперцы придут туда раньше, чем мы.

— И что вы предлагаете делать?

— Давайте погрузим мой 19-й драгунский на эшелоны и отправимся в Бангалор на всех парах. Возьмем с собой блиндированный поезд, чтобы если на железную дорогу что-то с неба свалится, нас защитил. Там получим новую информацию и двинемся в сторону Майсура. Я думаю что мы сможем доехать где-нибудь до Шрирангантама, если не до самого Майсура прежде чем придется разгружаться и разворачивать боевые порядки.

Лорд Барлоу согласился с мнением полковника, что блиндированный поезд, этакий сухопутный броненосец, окажется в этой ситуации полезным. Во всяком случае прикрыть разгрузку драгун из вагонов он сумеет.

Конечно, если вдруг начнется что-то в Мадрасе, его был лучше иметь здесь. Но что может произойти здесь, в одном из центров английского владычества?

Эшелон отправился в полдень. И до Майсура ему было минимум сутки пути.

* * *

Майсур, 13 июня

Джай Сингх и Вината встречали на водохранилище Кришнараджа Сагара самолет. Он вылетел из Лахора как через час после того как была получена радиограмма о

то, что на стороне имперцев выступает местный механический завод. Самолет доставил три 50-мм горных пушки с расчетами и кучу чертежей. Теперь снаряды для пушек и мины для минометов можно было производить на месте.

Разгрузка уже заканчивалась, как вдруг на пирсе появился радист самолета, и подбежал к Джаю Сингху:

— Вам срочная шифровка из Дели!

Джай Сингх развернул лист бумаги где торопливым почерком радиста была написана расшифровка:

«Получена информация из Мадраса, что 19-й драгунский полк при поддержке БПо отправлен в Майсур по жд. Вооружение БПо 4 нарезных 9 фунтовых пушки на черном порохе и двенадцать картечных. У полка десять легких 1.5 фунтовых пушек, способных следовать на марше за конницей. РВП Майсур завтра на рассвете».

— Неприятно, — вздохнул офицер. — Появление блиндированного поезда с пушками и целого полка драгун здесь до подхода морского десанта нам совершенно лишнее.

— У тебя карта-пятисотка есть? — спросила Вината. — Доставай.

Джай Сингх вытащил из планшетки пару листов карты, охватывающей территорию от Майсура до самого Бангалора.

— И что?

— Ну что? Если блиндированный поезд тебе здесь не нужен, значит его надо утопить в Шимше, а лучше в Аркавати. У тебя же в роте есть бойцы, умеющие минировать мосты. А нам сейчас привезли несколько тонн тола для производства снарядов.

— И как я перебросю к завтрашней ночи бойцов за 60 километров в Шимше или за 90 к Аркавати?

— По воздуху.

— Это же не огромное водохранилище, а узенькие речки. Я вчера вечером оценил, как ты сажала такой же «Южный Крест» сюда и была вся в поту.

— Пфэ, нужен мне тот «Южный Крест». Мне же не роту перебросить надо, а диверсионную группу. Одного всадника я б и до Мадраса донесла, а до Рамангары — двоих, а то и троих, если мелких подберешь, пожалуй, осилю.

Понимаю, что дракон, конечно, не вимана, и лететь 90

километров я буду часа полтора. В общем, давай сюда двоих саперов, постараемся сделать так, чтобы бронепоезд с пушками до сюда совсем не доехал, а драгуны своим ходом пошли. От Рамангары им потребуются два перехода, а значит они будут здесь не завтра, а через два дня. За это время ты организуешь такую оборону, что они со своими полуторафунтовками будут курить бамбук.

Джай Сингх наконец, осознал о чем речь. Его брат участвовал в битве за Джайпур, и рассказывал о том, как императрица превратилась в серебряного дракона, и перенесла шестерых храбрецов через стену, а потом весь день корректировала огонь артиллерии. Да и в роте у него несколько ветеранов Джайпура было.

Во дворец Кришнараджи, до которого от плотины около двадцати километров Вината отправилась на лошади. Она, конечно, подумала о том, чтобы долететь самой и довезти Джая Сингха, крылышки размять заодно, но решила что светить драконьими крыльями надо всем Майсуром среди бела дня.

Вылетела она на закате, взяв с собой двух сикхов саперов и полцентнера взрывчатки. И к полуночи мост через Аркавати в Рамангары был заминирован.

Витана залегла на левом берегу с ключом полевого телеграфа, приняв кошачью форму. Черную пантеру в небольшой рощице, располагавшейся между рекой и деревней к югу от железной дороги заметить темной ночью было решительно невозможно.

В три часа пополуночи чуткие уши пантеры слышали стук колес. По линии двигался поезд. Внимательно приглядевшись, Вината поняла, что это то, за чем они тут охотятся. Паровоз где-то в середине состава, угловатые бронированные вагоны с торчащими стволами в барбетной установке. Она, не меняя формы отстучала сигнал подрывникам и легкими прыжками рванула к речке. За бронепоездом на некотором расстоянии был виден дым второго поезда, это уже явно драгуны, которым лучше не попадаться.

Одним прыжком преодолев узенькую речку, запыхавшаяся пантера плюхнулась в окопчик рядом с подрывниками. Те уже крутили ручку подрывной машинки — поезд, который пантера чуть-чуть обогнала, как раз въехал на мост,

двигаясь с немаленькой для этой дороги скоростью, километров тридцать в час.

Яркая вспышка разорвала ночь. Передняя бронеплощадка с пушками взлетела в воздух вместе с мостом, остальные вместе с паровозом посыпались в речку.

Второй поезд с громким гудком тормозил. Вот он остановился на самом краю разрушенного моста и из вагонов посыпались драгуны. Подрывникам этого было не видно, а Вината видела отчетливо.

— Смываемся отсюда, — скомандовала она, принимая истинную форму.

Еще через полтора часа усталая драконочка высадила своих пассажиров во дворе дворца Водейяра.

— А я ведь не первый раз на драконе летаю, — сказал пожилой низенький сапер-сикх. — Я был среди тех шестерых, с кем Ясмина в свое время брала Джайпур.

* * *

Мадрас, 14 июня

Утро у лорда Барлоу опять началось с неутешительной телеграммы. Теперь он узнал что бронепоезд превратился в груды обломков на дне реки Аркавати, а 19-й драгунский застрял в 60 милях от Майсура.

Он успел только отдать приказ Джиллиспаю ни в коем случае не пытаться покрыть расстояние до Майсура за один переход. Джиллиспай в Индии всего четыре года, и эти четыре года были мирными, поэтому он не представляет себе что бывает, если кто-то пытается застать имперских рейнджеров врасплох и ворваться в их лагерь в конце изматывающего конного перехода.

А уж если их ждали на мосту в 60 милях от Майсура, то теперь точно будут ждать.

Обследование местности позволило найти окопчик, где маскировались подрывники, и брошенную линию полевого телеграфа явно имперского производства, ведущую на противоположный берег, где на дереве, видимо укрывался наблюдатель. Но куда исчез диверсионный отряд непонятно. Собаки фыркали как на тигра или пантеру, и отказывались брать след.

Лорд Барроу слал депеши во все полки Мадрасской Армии раскиданные от орисской границы на севере до мыса

Коморин на юге, собирая в Мадрасе ударный кулак. Впрочем нет, несколько самых северных полков нужно наоборот выдвинуть к имперской границе.

* * *

Мадрас, 16 июня 1810

Хотя бы двадцать тысяч сипаев к вечеру 15 июня удалось собрать на железнодорожном вокзале Мадраса. Их можно было выдвинуть по железной дороге в поддержку полку Джиллиспая, который форсированным маршем шел к Майсуру.

Но на рассвете утренняя заря оказалась рассечена черными дымами. На мадрасском рейде, открытом всем ветрам, появился огромный, серый четырехтрубный корабль. Он стоял почти в миле от берега, ближе не давали подойти мели, но ошибиться было трудно. В Бенгальском заливе был только один корабль этого типа, имперский крейсер «Кали Бахш». Его сопровождали более мелкие кораблики, рискнувшие подойти к берегу на три кабельтовых. «Парс», «Пуштун» и «Пенджаби». А еще два таких же маячили где-то мористее огромной «Кали».

К берегу подошел паровой катер и доставил ультиматум командующего эскадрой. Лорд Барроу разорвал пакет и прочитал:

«Предлагаю всем находящимся в Мадрасе военнослужащим ОИК в течение двух часов сложить оружие. Пленным гарантируется гуманное обращение и желающим — скорейшая отправка в Англию. В случае сопротивления Мадрас позавидует Содому и Гоморре».

«Интересно, — подумал Лорд Барроу. — Чем они собрались жечь город. Восемью шестидюймовками «Кали»? Дальнобойности ей, конечно хватит...». Он взял подозрительную трубу и взгляделся в маленькие кораблики, маневрировавшие в опасной близости от мелей. Между дымовыми трубами на узких палубах дестроеров вместо труб для запуска самодвижущихся мин торчали пачки направляющих боевых ракет. На глаз, примерно сотня ракет в залпе.

Этак и правда можно позавидовать если не Содому и Гоморре, то Копенгагену, выпустить по которому три сотни ракет три года назад не дал единственный датский броненосец. Но в Мадрасе у Англии броненосцев нет. А если

бы и были, их бы походя пустила ко дну «Кали». Помнится, тогда, в Дувре три шестидюймовки, которые нашлись в Вулвиче очень эффектно отработали против французских броненосцев. А тут их восемь. Да еще те два дестроера, которые прикрывают «Кали» с моря. У них-то наверняка не ракеты, а самодвижущиеся мины, смертельные для любого корабля. Единственное что тут можно сделать, это отступить подальше от берега, чтобы эти железные монстры не достали. Но у «Кали» дальноточность чуть ли не десять морских миль. Да и эти ракеты летят не меньше, чем на пять.

Сколько времени потребуется чтобы построить солдат в колонны и увести на 10 миль? И сколько снарядов и ракет по ним за эти часы успеют выпустить?

Похоже, Мадрас надо сдавать. Тем более что вот там еще дымы. Десятки дымов. Что это? Паровые самоходные баржи, которые возили уголь из Парадипа по Хугли и Гангу. Десант.

* * *

Шриранганатам, вечер 16 июня 1807

Джай Сингх стоял на стене форта Типу Султана, прикрывающего мост, с недавних пор носивший имя генерал-губернатора Уэлсли, и вглядывался в бинокль на дорогу, над которой понималось облако пыли. Драгунский полк Джиллисая наконец преодолел полсотни миль, отделявших место удачной железнодорожной диверсии от переправы через реку Кавери. Вот на этой переправе и придется принимать бой. Рота рейджеров против драгунского полка. Вообще-то у Джая Сингха было уже три роты. Те два дня, которые британские драгуны шли маршем, «Южные Кресты» не теряли времени.

Правда они еще возили дорожных инженеров, которые сейчас обустроивали 220 километровую дорогу от Касарагода до Майсура через западные Гаты.

Морской десант был уже на подходе и завтра на рассвете должен был начать высадку. То есть продержаться нужно было всего сутки. 220 километров мехбригада пройдет за световой день.

К сожалению, нельзя собрать все свои силы в кулак. Через Кавери, увы, не одна переправа. Двумя километрами

выше железнодорожный мост, десятью километрами ниже - Махадевпура, там еще один мост. Десятью выше — плотина Кришнараджа Сагара с механическим заводом, который прикрывает ополчение.

Джай Сингх оглядел свои рубежи обороны. Окопаться за два дня успели неплохо. И артиллерия какая-никакая есть. И проволоку колючую, оказывается на местном заводе уже освоили, так что можно было намотать заграждений от души. Из перелеска, отделяющего прибрежную деревушку от равнины вырвался передовой разъезд английских гусар.

Увидел свеженасыпанные брустверы предмостного укрепления и стал резко разворачиваться. Сихки пока не стреляли. Вот появился офицер с белым флагом. Джай Сингх спустился со стены форта, вскочил на лошадь, выделенную ему из конюшен Водейара и поскакал к мосту.

— Полковник Джеллиспай, — представился англичанин.

— Мансебдар Джай Сингх, третий Лахорский. — в ответ представился сикх. — Полковник, вы правда хотите продолжать игры в войну?

— Игры?

— Когда вы последний раз сносились с Мадрасом по телеграфу?

— Вчера утром. Когда рассвело и удалось оценить масштабы бедствия на железной дороге.

— Сегодня утром Мадрас капитулировал перед имперской флотилией. Ваша война кончилась. Возможно, англичане постреляют еще в Бенгалии, но мадрасского президентства больше нет. Есть субы Сиркары и Карнатика. Сложите оружие и мы гарантируем вам почетный плен и возвращение в Англию как только будет заключен мир.

— Вы знаете, я предпочту еще побарахтаться.

— Как хотите. Но через мост я вас не пушу.

Офицеры разъехались к своим войскам и полк Джиллспая начал занимать оборону в деревушке.

Над Кавери повисла тревожная тишина.

* * *

Шриранганатам, ночь с 17 на 18 июня

Джиллиспая, спавшего, положив голову на седло, рядом с открытыми окопами, разбудил странный металлический лязг. Открыв глаза он обнаружил что в глаза ему бьют мощные лучи света излучаемые какими-то темными массами.

— Что такое? — спросил он, прыгнув в окоп.

— Да вот, с тыла имперская панцирная кавалерия подошла.

— Дай-ка сюда белый флаг.

В ответ на поднятый белый флаг от темной массы отделился человек. Когда он подошел поближе, выяснилось, что это молодой парень типично европейского вида, рыжий и веснушчатый.

— Капитан О'Нил, — представился он. И тут же. — Полковник, я вам рекомендую немедленно сдать. Если вы сдадитесь до рассвета, вашу судьбу будет решать майсурский принц Абдул Халик. А ему англичане почти ничего плохого не сделали. Ну, отца убили, ну изгнали с родины на дюжину лет. А у меня здесь мотопехотный полк, укомплектованный ирландцами. Тысяча ирландцев, и каждому есть что предъявить англичанам. Вот на рассвете мы пойдем в атаку...